

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2001 году

Создатель серии и ответственный редактор Н.И.Сенченко

Неста Х. Вебстер

Всемирная революция. Заговор против цивилизации

Сегодня, когда сняты запреты, более семидесяти лет сковывавшие историческую мысль, стала возможной публикация книг, которые в корне меняют наши взгляды на многие исторические события. Представляемая книга талантливого английского историка, доктора Несты Вебстер заставляет по-новому переосмыслить события последних столетий, начиная с Французской революции 1789 г. и заканчивая сегодняшним днем; дает возможность понять, почему столь активно вмешиваются в нашу жизнь "западные учителя, борцы за права человека", почему опять славянские народы стали объектом экспериментов "тайных организаций", на протяжении столетий терроризирующих население многих стран.

Предлагаемая книга является идейной основой пересмотра официальной истории революций, представляющей и сегодня революционеров героями, борцами за права человека, которые на самом деле были и есть слепым орудием в руках масонов-иллюминатов и "финансового интернационала". Эти враги цивилизации, определив символами пятиконечную масонскую звезду и красное знамя, ввергли человечество в царство крови, лжи и порока. В книге раскрываются тайны депопуляции, массовых терроров и голодоморов против французского, русского и других народов мира.

Внимательный, вдумчивый читатель найдет в книге ответы и на многие вопросы современности.

ISBN 966-95159-1-2

9 789669 515919 >

Реванш истории: ложные ценности великих революций

НЕСТА Х. ВЕБСТЕР

World revolution

ВСЕМИРНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ

ЗАГОВОР ПРОТИВ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

Киев · 2001

**РЕВАНШ ИСТОРИИ:
ЛОЖНЫЕ ЦЕННОСТИ
Великих революций**

WORLD REVOLUTION

THE PLOT AGAINST CIVILIZATION

BY

NESTA H. WEBSTER

(MRS. ARTHUR WEBSTER)

AUTHOR OF "THE FRENCH REVOLUTION. A STUDY IN DEMOCRACY"
"THE CHEVALIER DE BOUFFERS", ETC.

LONDON
CONSTABLE AND COMPANY LTD.

1921

Серия: “Реванш истории: ложные ценности великих революций”
основана в 2001 году

Создатель серии и ответственный редактор Н.И.Сенченко

Неста Х. Вебстер

Всемирная революция

Заговор против цивилизации

Перевод с английского Н.И. Сенченко

УДК 94(100):061.236.6

ББК 63.3(0)

B26

Серия: "Реванш истории: ложные ценности великих революций"
основана в 2001 году

Создатель серии и ответственный редактор Н.И.Сенченко

Неста Х. Вебстер

B26 Всемирная революция. Заговор против цивилизации / Пер. с англ. Н.И.Сенченко — К.: Серж. 2001. — 290 с. — (Реванш истории: ложные ценности великих революций). ISBN 966-95159-1-2

Сегодня, когда сняты запреты, более семидесяти лет сковывавшие историческую мысль, стала возможной публикация книг, которые в корне меняют наши взгляды на многие исторические события. Представляемая книга талантливого английского историка, доктора Несты Вебстер заставляет по-новому переосмыслить события последних столетий, начиная с Французской революции 1789 г. и заканчивая сегодняшним днем: дает возможность понять, почему столь активно вмешиваются в нашу жизнь "западные учителя, борцы за права человека", почему опять славянские народы стали объектом экспериментов "тайных организаций", на протяжении столетий терроризирующих население многих стран.

Предлагаемая книга является идейной основой пересмотра официальной истории революций, представляющей и сегодня революционеров героями, борцами за права человека, которые на самом деле были и есть слепым орудием в руках масонов-иллюминатов и "финансового интернационала". Эти враги цивилизации, определив символами пятиконечную масонскую звезду и красное знамя, ввергли человечество в царство крови, лжи и порока. В книге раскрываются тайны депопуляции, массовых терроров и голодоморов французского, русского и других народов мира.

Внимательный, вдумчивый читатель найдет в книге ответы и на многие вопросы современности.

УДК 94(100):061.236.6

ББК 63.3(0)

© Н.И.Сенченко, создание серии,
введение, 2001

© Н.И.Сенченко, перевод, 2001

© О.С.Панин, оформление, 2001

ISBN 966-95159-1-2

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	VI
От автора.....	XIV
Предисловие.....	XV
Глава 1. ИЛЛЮМИНИЗМ.....	1
Глава 2. ПЕРВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.....	23
Глава 3. ЗАГОВОР БАБЕФА.....	46
Глава 4. РАЗВИТИЕ ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА.....	74
Глава 5. РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г.....	112
Глава 6. ИНТЕРНАЦИОНАЛ.....	141
Глава 7. РЕВОЛЮЦИЯ 1871 г.....	174
Глава 8. ЭРА АНАРХИЗМА.....	195
Глава 9. СИНДИКАЛИЗМ.....	220
Глава 10. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.....	245
Заключение.....	282

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня очень легко доказать, что более двух столетий определенные силы, называемые многими исследователями — **Заговором**, уничтожали сформированные на протяжении тысячелетий государственные и религиозные учреждения, творческую и политическую элиту наций, придумывали различные теории псевдоулучшения жизни человечества и внедряли их в практику. **Иллюминизм, синдикализм, социализм, коммунизм, мондиализм, иновый мировой порядок, либерализм, глобализм** и прочие теоретические измышления на самом деле ведут человечество к вырождению. создавали и создают условия к депопуляции во всех странах насильственным и “мирным” путем, к дальнейшему процветанию небольшой части населения, так называемого “золотого миллиарда” — счастливого будущего для избранного меньшинства.

“Усилиями глобалистов, — пишет А. Панарин, — вопреки их либеральной риторике, конструируется мир экономического и политического монополизма, в котором нормальная соревновательность и партнерство подменены делением на расу господ и расу неприкасаемых, на “золотой миллиард” и бесплатную периферию.” (Из книги “Искушение глобализмом”. М.: 2000. С.10).

Современные глобалисты все еще клянутся ценностями демократии, равенства, прогресса, но их тайный язык, предназначенный для своих, давно уже обозначает другое: новую глобальную сегрегацию народов, делимых на избранных и изгоев, на всемогущий центр и бесправную периферию.

“Итак, мы приближаемся к пониманию подлинной сути глобализма. — пишет А. Панарин, — Его носители на Западе, в сущности, те же этнические провинциалы, которые не хотят общечеловеческого будущего: их глобализм не идет дальше присвоения глобальных (планетарных) ресурсов алчным меньшинством “избранных”, считающих все остальное человечество не достойным этого богатства. Глобальные ресурсы для узко эгоистических интересов меньшинства — вот настоящее кредо “глобализма”, о котором здесь идет речь ” (Там же, с. 15).

Сегодня мы видим рост протеста против глобализации и наступления транснациональных компаний (ТНК) во всех странах мира. Демонстрации в США, Австралии, Великобритании, Германии и других странах показывают, что люди все больше и больше понимают опасность существования и действий **Заговора**.

Люди, стоящие за **Заговором**, спланировали Всемирную революцию и осуществили все ее активные фазы, начиная с Великой французской революции, последующих революций (1848 г., 1871 г.) XIX в., русской революции 1917 г. и всех революций XX века: обе мировые войны (а также и зарождающуюся третью). Они уничтожают будущее, деморализуя молодежь наркотиками. Они планируют и создают условия для экспансий и депрессий в экономике стран, используют их с выгодой для себя и с ущербом для населения, поскольку это основа их власти и казачного богатства. Люди **Заговора** хотели бы с одной стороны пользоваться уважением, в то время как с другой, являясь членами тайных обществ, они толкают нас к несчастью и развязывают войны.

Более двух столетий тому назад **Заговором** была создана оппозиция цивилизации, чтобы приводить в смятение народы и использовать работающих на них людей, ставя перед ними задачи находиться впереди и выполнять их грязную работу. А в случае неудачи, виноваты марионетки, а не настоящие преступники.

Большая часть людей действительно верит, что если сегодня вспыхивает война, то в этом повинны соответствующая нация и зачинщики. Люди, убежденно заявляющие, что существуют нации, предназначенные для того, чтобы вести войны, например, "злые русские", "желтая угроза", вечно фашистская Германия, или выдают себя за глупцов, или на самом деле таковыми являются.

Откуда берет деньги китайское, русское, арабское, немецкое, американское, сербское или какое-нибудь другое правительство, чтобы создавать военную промышленность? Вы действительно верите, что существует какая-то нация, которая могла бы создать военно-промышленный комплекс на свои собственные сбережения? Сегодня нет ни одной страны в мире, которая не имела бы долгов и могла существовать без кредитов международных банков. Вы думаете, что чеченцы имеют собственные деньги на оружие, чтобы вести настоящую войну? Или если бы немцы, французы или русские развязали когда-нибудь новую мировую войну, то как вы думаете, у кого бы они могли занять деньги? Конечно же у международных банкиров. Для них все равно — идет речь о России, Украине, Англии или США. В том месте, где можно "делать" деньги, там можно также найти и международных банкиров. А так как война — это один из лучших источников получения

сверхприбылей, они всегда заинтересованы в развязывании войн. Если какая-то страна хочет вести войну, она должна сначала спросить банкиров, одобряют они эту войну или нет? Только после этого с их финансовой поддержкой осуществляется вооружение. Если же они не одобряют, так как это может не совпадать с их собственными планами, тогда не будет кредитов, не будет оружия, не будет войны. Это так просто. В случае войны речь идет не о паре миллионов, а об огромных суммах, выраженных миллиардами.

Во время Первой мировой войны и русской революции деньги от одних и тех же кредиторов поступали и к революционерам и к немцам, также в период Второй мировой войны одновременно финансировались воюющие стороны. Поэтому и в мирной политике, и на театре военных действий ничего не происходит случайно. Если возникает активная фаза всемирной революции или идет война, значит они должны быть кем-то спланированы, в противном случае для этого не были бы предоставлены деньги. Следовательно, нынешние горячие точки, как и все будущие, создаются искусственно и тщательно планируются, чтобы достичь высокой цели — *управлять миром*.

Сегодня доказано, что революции 1917 г. в России финансировались иностранной финансовой мафией и Германией. На основе этого факта русский народ имеет полное право поставить вопрос перед ними о возмещении ущерба, причиненного имплементацией коммунизма в славянские страны.

Масон 33 степени Христиан Раковский на допросе в 1938 г. назвал следователю Гавриилу Кузьмину тех, кто стоит за спиной всех революций, “финансовым интернационалом”. Приведем выдержки из протокола допроса: *“...Раковский: Понимание того, как финансовый Интернационал постепенно, вплоть до теперешней эпохи сделался хозяином денег, этого магического талисмана, ставшего для людей тем же, чем был для них Бог и нация, есть нечто, что превышает в научном интересе даже искусство революционной стратегии, ибо это тоже искусство и тоже революция. Я вам это истолкую. Историкографы и массы, ослепленные воплями и помпой Французской революции, народ, опьяненный тем, что ему удалось отнять у короля — у привилегированного — всю его власть, не заметили, как горсточка таинственных осторожных и незначительных людей овладела настоящей королевской властью, властью магической, почти что божественной, которой она овладела, сама этого не зная. Не заметили массы, что эту власть присвоили себе другие и что они вскоре подвергли их рабству более жестокому, чем король, ибо тот в силу своих религиозных и моральных предрассудков был не способен*

воспользоваться подобной властью. Таким образом получилось, что высшей королевской властью овладели люди, моральные, интеллектуальные и космополитические качества которых позволили им ею воспользоваться. Ясно, что это были люди, которые от рождения не были христианами, но зато космополитами.

Кузьмин: Что же это за мифическая власть, которой они овладели?

Раковский: Они присвоили себе реальную привилегию чеканить деньги... Не улыбайтесь, иначе мне придется поверить в то, что вы не знаете, что такое деньги. Я сказал: деньги; ясно, что в нашем воображении моментально изобразились очертания реальных денег из металла и бумаги. Но это не так. Деньги — это теперь уже не то; реальная циркулирующая монета это настоящий анахронизм. Если она еще и существует и циркулирует, то только в силу атавизма, только потому, что удобно поддерживать иллюзию, чисто воображаемую фикцию на сегодняшний день.

Кузьмин: Это блестящий парадокс, рискованный и даже поэтический...

Раковский: ...Так оно есть, и так было еще до Маркса и Энгельса, что финансы были самой мощной машиной революции, а Коминтерн при них был не более чем игрушкой. Но ни Маркс, ни Энгельс не станут раскрывать или разъяснять этого. Наоборот, используя свой талант ученых, они должны были вторично закамуфлировать правду для пользы революции. Это они оба и проделали". (Из книги А. Виноградова "Тайные битвы XX столетия". М., 1999. С. 431 — 434).

Заговорщики темнят, когда говорят о том, что они должны добиться управления миром, чтобы наконец-то достигнуть мира во всем мире. Интересно, что они используют революции и войны в качестве средства для достижения мира во всем мире.

Вы верите, что эти люди изменятся и поведут себя по-иному, если когда-нибудь они получат возможность управлять миром?

Против мирового правления нечего было бы возражать, если бы планетой управляли люди, думающие о благе других и обеспечивающие духовное развитие человека, то есть если бы были созданы условия, чтобы не было никаких тайн от других людей, чтобы каждый человек имел право на благосостояние и свободу. Однако **Заговор** планирует иное мировое правление, о котором говорится в этой книге. Оно задумано **Заговором** для "золотого миллиарда", а бóльшая часть человечества будет считаться гоями, дураками и порабощаться.

Конечно, еще не поздно и можно еще многое сделать, если всем нациям избавиться от вопиющего невежества и действительно позабо-

тяться о своем будущем и будущем нашей планеты Земля. Однако из-за **игр Заговора** мы так неожиданно оказались в собственном маленьком мире проблем. что большинство так или иначе уже давно потеряли ориентацию и отошли от мировой политики.

Приведу пример для подтверждения сказанного выше. С помощью средств массовой информации (контролируются **Заговором**) внушается, что мы должны быть примерными украинцами, должны иметь крутой автомобиль, собственный дом, семью, карьеру по специальности, модную одежду и т. д. После того, как мы восприняли навязываемый нашему подсознанию уже десять лет телевидением и газетами этот образ преуспевающего "члена общества", мы уже почти уверены, что в этих вещах действительно нуждаемся (тоже самое касается и манер поведения или направлений моды). Однако, чтобы все это получить, надо много, много работать. Но так долго и много не можем работать, ведь хотим иметь эти вещи уже сейчас. Поэтому должны брать кредиты и покупать в рассрочку, и таким образом медленно, но верно попадаем в сети, которые так ловко для нас расставлены, и своими обязательствами и долгами мы уже связаны на последующие десятилетия.

И в конечном итоге попадаем в "созданный нами" заколдованный круг со многими проблемами, но у нас уже нет ни времени, ни желания, ни сил, чтобы проверить, что все ли то, что делаем, это то, чего действительно хотим.

И приходит время, когда осознаем, что совсем не счастливы всем тем, что сами создали вокруг себя. Сегодня поступили бы по-другому, но уже слишком поздно. Вот одна простая картина, спланирована **Заговором** и происходит десятилетиями во всех странах мира. Ко всему этому может добавиться чувство вины и обиды на себя за то, что не в состоянии решить эти проблемы и, как средство ухода от действительности и возможного спасения, начинаем употреблять алкоголь и наркотики. И если зайти достаточно далеко, тогда финиш жизни трагический.

Здесь не достаточно лечить симптомы болезни, то есть просто вырезать **Заговор** как больной орган, здесь необходимо установить и устранить причины заболевания.

Каждый из нас является инициатором всех жизненных проблем. Если бы тщательно изучали, кого выбираем в парламент и что ежедневно поддерживаем, то сегодня мир выглядел бы иначе, а **Заговор** не имел власти над нами.

Безразличие украинцев к своей судьбе, да и многих наций в мире стало, к сожалению, нормой. Наверное, историки будущего более всего

удут удивлены отсутствием сопротивления Заговору тех людей, кому действительно было что терять. Ведь известно, что плохие люди процветают тогда, когда хорошие ничего не предпринимают.

Но проблема не в безразличии украинцев, русских или немцев, а в том, что они убеждены, что им не под силу что-либо изменить, и они отказываются от борьбы за лучшее будущее, от борьбы с заговорщиками. А это именно и есть та мысль, которую Заговор хотел бы внушить всем народам. Наш страх порождает монстров, и только освободившись от страха, мы освободимся и от монстров.

И тем не менее, появление широкого движения по переоценке мира неизбежно. Американцы вынуждены были признать, что под лифом победы Запада скрывалась совершенно иная реальность: постоянный и жестокий геноцид американо-индейской цивилизации. И тогда произошел обмен ролями: ковбой был представлен жестоким завоевателем, а рядовые американцы сделали для себя открытие, что за штампам насаждаемой им пропаганды, индейцы на самом деле были хранителями древней цивилизации, основанной на гармонии между человеком и окружающим его миром.

Среди тех учреждений, которые обнаруживают процесс распада современных западных "демократических" государств особенно наглядно это демонстрирует парламент. Широко разрекламированный парламентаризм, столь соблазнительный в теории, тем не менее принадлежит к несомненным продуктам распада. Что прежде всего бросается в глаза, так это полное отсутствие личной ответственности депутатов и института парламентаризма. Парламент принимает какое-либо решение, последствия которого могут оказаться роковыми. И что же? Никто за это не отвечает, никого нельзя привлечь к ответственности. Разве на самом деле можно считать ответственностью то, что после какого-нибудь краха соответствующая коалиция партий распадается и создается новая коалиция? Или далее, --- распускается парламент? Парламентский принцип решения по большинству голосов уничтожает авторитет личности и ставит на ее место количество, заключенное в той или другой группе людей.

Знаменитый французский психолог Густав Лебон в конце XIX века писал: *"Парламентский режим впрочем представляет идеал всех современных цивилизованных народов, хотя в основу его положена психологически неверная идея, что много людей, собравшихся вместе, скорее способно прийти к независимому и мудрому решению, нежели небольшое их число. Когда парламентские собрания достигают известной степени возбуждения, они становятся похожими на обыкновенную разнородную толпу, и чувства их всегда бывают*

крайними. Они могут проявить величайший героизм и в то же время совершить самые худшие насилия...". (Из книги Густава Лебона "Психология народов и масс". С-Петербург: 1896. С. 318).

История Французской и Русской революций показывает, до какой степени собрания могут быть бессознательными, одобрять и предписывать не только глупости и безумия, но и преступления, убийства невинных, убийства даже своих же друзей.

Прошло 84 года после Октябрьской революции в Российской империи. Независимость Украины и "демократические" перемены открыли новые возможности в исследовании истории многих событий, происходящих в мире. Еще в 1991 году появилась возможность ознакомиться с подлинными документами, хранившимися в архивах масонских лож, захваченных нацистами во время оккупации Европы. Эти документы были доставлены в Москву после победы советских войск и долгое время хранились под строгим секретом. Когда в 1996 году появились книги доктора О. Платонова "Исторический словарь российских масонов XVIII-XX веков", "Терновый венец России. Тайная история масонства 1731-1996" и другие, многие гипотезы о силах, стоящих за спиной революционеров, нашли документальное подтверждение.

Доктор Платонов пишет: *"В 1945 году в одном из немецких замков Нижней Силезии Советская Армия захватила десятки вагонов архивов, содержащих самые секретные сведения Западной Европы, и прежде всего тайные архивы масонских организаций Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Польши, Чехословакии. Эти архивы свезены сюда по приказу Гитлера после его победоносного шествия по Европе. Собранные документы давали глубочайшие представления о механизме тайной власти и подрывной заговорщической деятельности "вольных каменщиков" во всем мире. Перетиска, личное досье, списки масонских функционеров и агентов, циркулярные письма, финансовые документы, протоколы собраний давали полную информацию о технологии "незаметной" работы мировой закулисы... Многие захваченные документы позволяли Сталину воздействовать на определенную часть правящих кругов Запада, не заинтересованных в оглашении, а значит укрепить свои позиции в мировой политике. Захваченные документы подтвердили ранее ему известные факты о связи масонства и сионизма и о господствующем положении последнего в рядах "вольных каменщиков".*

События в России и Украине последних лет показывают, что масонство продолжает свое существование и свое "черное дело". Иллюминаты говорят: *"Политическая свобода есть идея, а не факт. Эту идею надо уметь применять, когда является нужным идейной*

приманкой привлечь народные силы к своей партии, если таковая адумала сломить другую, у власти находящуюся. Задача эта облегчается, если противник сам заразился идеей свободы, так называемым либерализмом и, ради идеи, поступится своей мощью. Тут-то и проявится торжество нашей теории: растущие бразды правления тотчас же по закону бытия подхватываются и подбираются новой рукой, потому что слепая сила народа не может пробыть и дня без руководителя, и новая власть лишь заступает место старой, ослабевшей от либерализма... Было время, правила вера. Идея свободы неосуществима, потому что никто не умеет ею пользоваться в меру. Стоит только народу на некоторое время предоставить самоуправление, как оно превращается в растущее. С этого момента возникают междоусобицы, которые скоро переходят в социальные битвы, где государства горят и значение их превращается в пепел. Истоощается ли государство в собственных конвульсиях, или же внутренние распри отдают его во власть внешним врагам, во всяком случае, оно может считаться безвозвратно погибшим, оно в нашей власти”.

Сегодня временным заместителем либералов-правителей явилась власть денег. Физический террор заменен на информационный с теми же результатами.

Книги Несты Вебстер “Французская революция” и “Всемирная революция” всегда замалчивались и не были доступны широкому кругу читателей, потому что они дают ответы на многие вопросы, которые сегодня особенно актуальны. Надеюсь, что изучение материалов книги “Всемирная революция” даст читателю возможность разобраться в сути сегодняшних проблем и ответить на вопрос: “Почему мы так плохо живем?”.

Профессор Н.И. Сенченко

ОТ АВТОРА

В ответ на многочисленные вопросы о том, были ли утверждения, содержащиеся в моей книге “Французская революция”, опровергнуты, я, пользуясь благоприятной возможностью, заявляю: насколько я знаю, никто не пытался аргументированно доказать обратное. Социалистическая пресса обошла книгу полным молчанием, а в остальном рецензенты, не скрывая свою враждебность, ограничились замечаниями о “тенденциозности” данной работы, не подкрепляя их ссылками на соответствующую главу или строку. Моя книга не претендовала на то, чтобы вынести окончательный приговор Французской революции, а являлась первой в англоязычной литературе попыткой рассказать правду об этом событии: если меня убедят в ошибочности моей точки зрения, я готова пересмотреть ее в своих дальнейших публикациях. Однако открыто никто не бросил мне вызов: мои противники предпочитают иные, бесчестные, способы борьбы, приписывая мне воззрения, которых я никогда не придерживалась. Так, в момент передачи данной книги в печать мне указали, что в прессе говорится о моих нападках на английское масонство. Источником подобных утверждений является злокозненность их авторов, поскольку я всегда отличала английское масонство от континентального, считая его добропорядочной ассоциацией, не только противостоящей различным подрывным доктринам, но и служащей надежной опорой закона, порядка и религии (см. “Французская революция”, с. 20, 492). Более того, некоторые видные английские масоны весьма помогли мне в работе своими советами, за что я и приношу им мою искреннюю благодарность.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не может не удивлять, что среди всех нынешних книг, брошюр и газетных статей, посвященных всемирной революции, свидетелями которой мы сейчас являемся, практически отсутствуют работы, одержавшие научный анализ истоков данного движения. Согласно самому распространенному и, смею утверждать, абсолютно ошибочному мнению, сегодняшние беспорядки являются следствием тягот войны. Нам твердят, что человечество, доведенное до предела бесконечными ужасами только что отшумевшей Мировой войны, впало в состояние истерии, выразившейся в мятежах, охвативших весь земной шар. Подкрепляя эту теорию фактами, нам напоминают, что и в прежние времена войны сменялись социальными беспорядками; соответственно, по мере заживления ран, нанесенных войной, будут забывать и эти ее последствия, как и случалось до сих пор. Верно, что в прошлом государственные конфликты нередко сопровождались симптомами социального недовольства: наполеоновские войны — промышленными волнениями в Англии, Франко-прусская война — революционной активностью, жертвой которой стали не только обездоленные, но и победители; однако, считая эти социальные явления прямым следствием предшествующих войн, мы допускаем принципиальную ошибку. Революция не является продуктом войны, а представляет собой род болезни, к которой более всего склонны народы, только что пережившие войну — подобно тому, как изнуренный и уставший человек подвержен недугам куда больше, чем от, кто полон сил и энергии.

Правда, одной этой предрасположенности еще недостаточно для вспышки революционной горячки. Великой Французской революции не предшествовала хоть сколько-нибудь масштабная война, а стороннему наблюдателю Англия в 1914 г. казалась столь же близкой к революции, как и в 1919 г. Вспыхнувшая Мировая война не привела к революционному взрыву в нашей стране, а лишь отсрочила его, сплотив все слои общества идеей национальной обороны.

Бесспорным является то, что на протяжении последних 145 лет пожар революции тлел под поверхностью нашей древней цивилизации,

лишь моментами разгораясь в полную силу и грозя уничтожить до самого основания общество, которое создавалось 18 столетий. Так что нынешний кризис не является порождением новейшей истории, а представляет собой новый этап масштабного движения, зародившегося в середине XVIII ст. Одним словом, речь идет об одной-единственной революции — той, чья премьера состоялась во Франции в 1789 г. Как по своему характеру, так и по своим целям она принципиально отличается от всех прежних революций, вызванных некими локальными или временными причинами. Революция, которую мы ныне переживаем, является не локальной, а всемирной, не политической, а социальной, и ее причины следует искать не в недовольстве народа, а в масштабном заговоре, толкающем людей к их собственной гибели.

Чтобы выяснить механизм этого заговора, мы должны отразить в нашей работе его двойную природу, параллельно исследуя внешние революционные силы социализма, анархизма и т. д. и стоящую за ними скрытую силу. По мнению автора, данная книга не имеет аналогов; известны ценные работы, посвященные тайным обществам, и другие, исследующие внешнюю канву революционных событий, но ни в одной из них не предпринимались попытки проследить взаимосвязь первого и второго на каком-либо временном отрезке. Так что цель данной книги состоит не только в том, чтобы проследить развитие социалистических и анархических идей и их воздействие на ход мирового революционного процесса, а и в том, чтобы понять механизм действия той темной силы — пугающей, неизменной, безжалостной и всепокрушающей — которая представляет собой величайшую опасность, когда-либо угрожавшую человечеству.

ГЛАВА I

ИЛЛЮМИНИЗМ

Философы. — Руссо. — Тайные общества. — Массонство. — Адам Вейсгаупт. — Иллюминаты. — Вильгельмсбадский конгресс. — Гонения на иллюминатов.

Традиционно считается, что у истоков широкого революционного движения, начавшегося в конце XVIII в., стояли французские философы, в особенности Руссо. Но это только половина правды; идеи Руссо не так уж и оригинальны, и если искать причины революции в сфере философии, необходимо обратиться к предшественникам Руссо — к Мабли, “Утопии” Томаса Мора и даже к Пифагору и Платону.

В то же время не подлежит сомнению, что лишь благодаря Руссо воззрения этих философов завладели умами во Франции восемнадцатого столетия и что его сочинения “Общественный договор” и “Разсуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми” одержали зачатки современного социализма во всех его формах. Идеи Руссо, имеющие непосредственное отношение к теме нашей книги, можно свести к представлениям о том, что цивилизация сама по себе является злом и что спасение человечества — в возврате к природе. Согласно Руссо, цивилизация — это проклятие; в своем первичном состоянии человек был свободен и счастлив — до тех пор, пока не оказался под парализующим воздействием социальных условностей, а право собственности не превратило значительную часть людей в рабов. Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: “Это мое!” — нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, бедствий и ужасов уберег бы род человеческий от, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, то плоды земли — для всех, а сама она — ничья!”¹. Эти слова включают в себе основополагающий принцип коммунизма.

Discours sur l'inégalité des conditions.

В декларированном Руссо осуждении цивилизации, конечно, есть рациональное зерно — как, впрочем, и во всех опасных заблуждениях. Ведь если бы философские лжеучения не заключали в себе долю истины, у них бы попросту не было последователей и, соответственно, они никогда бы не представляли угрозу миру. Основная ошибка Руссо состояла в утверждении, что, поскольку в цивилизации есть негативные стороны, она изначально порочна. С таким же успехом, однако, можно указать на запущенный участок сада и сказать: “Полюбуйтесь на результаты агрокультуры!”. Для того, чтобы излечить недуги существующей общественной системы, необходимо дальнейшее развитие цивилизации, а не отказ от нее. Говоря о цивилизации в ее высоком, нравственном смысле и не сводя ее к бытовым удобствам или достижениям науки и культуры, нужно признать, что именно она делает человека человеком. Уничтожьте цивилизацию как таковую — и человечество окажется в джунглях, где господствует единственный закон — главенство сильного над слабым, где все помыслы сосредоточены на борьбе за материальные блага. Так что если порой и можно прислушаться к совету Руссо: “Возвращайтесь в леса и становитесь людьми!”, то призыв: “Возвращайтесь в леса навсегда!” приемлем лишь для человекообразных обезьян.

Впрочем, не стоит тратить время, опровергая теории Руссо и доказывая, что в мире природы нет коммунизма и что первым, кто утвердил свое право на собственность, был отнюдь не человек, огородивший участок земли, а, скажем, птица, занявшая ветку, чтобы свить на ней гнездо, или, например, кролик, выбравший место, чтобы вырыть себе нору, — и это право никогда не оспаривалось другими птицами или кроликами.

Что же касается распределения “плодов земли”, то достаточно посмотреть на двух дроздов на лужайке, пытающихся отнять друг у друга червяка, чтобы понять, как решается в первобытном обществе проблема питания. Трудно представить себе нечто более абсурдное, чем нарисованная Руссо идиллическая картина: дикари, живущие по принципу “Поступай так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой”; создать ее мог лишь фантазер, совершенно не знакомый с законами того мира, где господствует сильнейший и безжалостно истребляются слабые и беспомощные¹.

¹ На индийской границе, где даже сегодня никакие законы не существуют, жители обязаны таким образом строить укрепленные здания, куда можно добраться только при помощи лестниц, чтобы спокойно спать ночью. Забираясь в эти убежища и затачивая за собой лестницу, они способны спать сравнительно безопасно. Равенство богатства поддерживается теми же самыми примитивными методами. “Как Вы

Даже во Франции восемнадцатого столетия, при всей тогдашней тяге к новизне и мечтах о “возврате к природе”, у буколической утопии Руссо не нашлось почитателей, готовых воплотить ее в жизнь; предположение, что его “Рассуждение...” спровоцировало попытку уничтожения цивилизации в 1793 г. так же безосновательно, как мысль о том, что язвительные памфлеты Вольтера привели к праздникам Разума и осквернению церкви во времена Французской революции. Учение Руссо не пользовалось сколько-нибудь широкой популярностью, воздействуя преимущественно на аристократию и буржуазию; понятно, что ни предельно цивилизованные завсегда и салоны, ни преуспевающие провинциальные буржуа, ни, наконец, сам Руссо, живший на средства беспутных богачей и разделявший их пороки, не стремились к возврату первобытных условий существования.

В салонах забавлялись философией Руссо, как забавлялись всеми прочими новинками — месмеризмом, мартинизмом, магией — пока обозленные представители среднего класса, воспринимавшие Руссо всерьез, не использовали его теории как средство раздувания ненависти по отношению к классу, который, как они полагали, пренебрегал их интересами; при этом они не собирались соперничать с дикарями Карибов, которых им представляли как образчик первобытного равенства.

Огромная разрушительная сила Французской революции коренилась не в мощи идей тогдашних философов, а в том источнике, откуда они нередко черпали свое вдохновение. Руссо и Вольтер были масонами; их организация способствовала изданию “Энциклопедии”¹. Без этой мощной поддержки салонные доктринеры восемнадцатого столетия были бы так же не в состоянии спровоцировать грандиозный катаклизм 1789 г., как нынешнее “Фабианское общество” — вызвать всемирную революцию. Организация тайных обществ была необходима, чтобы превратить философские теории в особый и весьма грозный механизм разрушения цивилизации.

Чтобы выявить корни этих сект, нужно обратиться к событиям, происходившим почти за шесть столетий до первой Французской революции. Еще в 1185 г. возник орден, называвшийся “Братство мира”, главной целью которого было прекращение войн, а также обобществление земли. В своих выступлениях против знати и духовенства члены

предотвращаете, чтобы кто-нибудь слишком обогатился?”, — спросил жителя долины Суот английский генерал, где поддерживалась первобытная форма коммунизма. “Мы перерезаем ему горло”, — последовал ответ.

¹ *Martines de Pasqually*, Папю, Президент Высшего Совета Ордена Мартинистов (1849), с.146.

ордена так выразили свои представления о необходимости того, что мы называем национализацией: “По какому праву они захватили то, что должно принадлежать всем: луга, леса, дичь, обитающую в полях и дубровах, рыбу, живущую в реках и прудах, — блага, которыми природа в равной мере одаривает всех своих детей?”. Соответственно, члены братства намеревались разрушить все замки и монастыри, но зная, вооружившись для самообороны, положила конец существованию их организации¹.

Итак, очевидно, что Руссо, критикуя частную собственность, провозглашал идеи, которые не только проповедовались, но и, по сути, начинали претворяться в жизнь во Франции 600 годами ранее.

Тот факт, что “Братство мира” двенадцатого века было решительно уничтожено, никак не помешало, однако, формированию новых подобных сообществ; в начале следующего столетия появились альбигойцы, исповедовавшие аналогичные воззрения; в 1250 г. венгерский священник-расстрига по имени Якоби организовал выступление против духовенства и знати, и почти тогда же в Иерусалиме группой пикардийских дворян, участвовавших в крестовых походах, был создан орден тамплиеров (храмовников). Возвратившись во Францию, рыцари этого ордена создали нечто вроде государства, независимого от власти короля, и, вдохновляемые своим Великим Мастером, Жаком дю Моле, выказывали неподчинение законному государю — Филиппу Красивому. В 1312 г. некоторые из них были схвачены и обвинены в поругании креста и отрицании Христа. В ходе допросов они заявляли, что не полностью посвящались в тайна ордена и что, вероятно, “те были двоякого рода: одни — публичные, другие — тщательно засекреченные и не известные рядовым рыцарям”².

Жак дю Моле и его сподвижники были казнены, однако, согласно шевалье де Мале, “те, кому удалось уцелеть, впоследствии встретились втайне, чтобы воссоздать связующие их узы; дабы обезопасить себя в будущем, они широко использовали язык иносказаний, положенный в основу их организации и непонятный непосвященным; именно так зародилось масонство”³.

Последнее утверждение подкрепляют слова мартиниста Папю, который поясняет, что “Великое собрание” французских масонов, созданное в XVIII в., духовно тяготело к тамплиерам, “так как наиболее выдающиеся его члены руководствовались желанием мстить за гибель

¹ *Recherches politiques et historiques*, by the Chevalier de Malet (1817), p. 17.

² Там же, с. 37.

³ Там же, с. 39.

Кака Бургундуса Моле и его сподвижников, ставших жертвами двух видов тирании — королевской и папской”¹.

В Англии, однако, масонство развивалось совершенно иначе. Здесь не место обсуждать его цели или происхождение; достаточно сказать, что, хотя французское масонство Великой Национальной Ложы сходнит с английским один из источников — “Братство розенкрейцеров” — и его первые хартии были получены от Великой Лондонской Ложы основанной в 1717 г.), эти два ордена путать нельзя. Масонство в Британии, возникшее в результате развития ремесленной корпорации ремесленников, всегда сохраняло дух братского единства и благожелательности, свойственной его основателям, придерживаясь принципа, согласно которому “ни вопросы религии, ни правительство никогда не обсуждаются в ложе”².

Во Франции же, как и повсюду на континенте, ложи сразу же превратились в средоточие политических интриг. “Великий Восток”, основанный в 1772 г., с герцогом Шартрским (позднее — Филиппом Эгалите) во главе, был, несомненно, подрывной организацией, а в результате коалиции с “Великим собранием” в 1786 г. приобрел еще более опасный характер. Ведь если “дух “Великого Востока” был откровенно демократический (и при этом далекий от демагогии)”, то в “Великом собрании” думали о революции, считая, что ее необходимо осуществить, руководствуясь прежде всего интересами высшего класса³ и *используя народ как инструмент*. Наследовавшие традиции тамплиеров, члены “Великого собрания” были, таким образом, “истинными вдохновителями революций, а все прочие — лишь их исполнителями”⁴. По мнению Папю и большинства нынешних масонов, революция 1789 г. явилась следствием указанной коалиции⁵.

По существу, влияние масонства на Французскую революцию не может быть опровергнуто ни одним добросовестным исследователем, изучающим причины этого грандиозного переворота, и, как мы увидим ниже, французские масоны не раз гордо заявляли, что революция — дело их рук. Неудивительно, что Жорж Санд, будучи масоном (поскольку в “Великий Восток” с самого начала принимали женщин),

Martines de Pasqually, by Papus, p. 140. В вышеупомянутых абзацах я только очень кратко коснулась происхождения европейского масонства, поскольку эта тема недавно широко освещалась в наиболее интересных статьях, появившихся в “*Morning Post*” в июле 1920 года под названием “*The Cause of World Unrest*”, и перепечатанных в форме брошюры в Grant Richards.

Robison, *Proofs of a Conspiracy*, p. 10.

Papus, *op. cit.* p. 139.

Там же, с. 144.

Там же, с. 142, 144, 146.

как-то раз написала: “За полвека до тех исторических дней, отмеченных печатью судьбы ... Французская революция зарождалась во тьме и тайно готовилась. Она вызревала в умах посвященных, ставших фанатиками этой идеи, как мечта о всемирной революции...”¹.

Историк-социалист Луи Блан, также масон, пролил свет на вопрос о природе этих темных сил.

Кроме того, Жорж Санд, несомненно, была права, связывая с тайными обществами происхождение революционного лозунга “Свобода, Равенство, Братство”. Задолго до начала Французской революции словосочетание “Свобода и Равенство” получило распространение в ложах “Великого Востока”.

На первый взгляд, оно вполне нейтрально — и тем не менее несет с собой разлад. Очевидно противоречие: абсолютные свобода и равенство не только несовместимы, но и полностью исключают друг друга. Возможно создать мир, где утвердится полная свобода, где каждый будет волен вести себя так, как ему нравится, делать то, что заблагорассудится — грабить или убивать, т. е. жить по законам джунглей, где господствует право сильнейшего — однако, понятно, в этом мире не будет равенства. Можно также представить систему абсолютного равенства, где всех стригут под одну гребенку и где подавляются любые попытки возвыситься над себе подобными — но, ясно, тогда не будет и речи о свободе. Так что масоны “Великого Востока”, объединив заведомо несовместимые понятия, произвели на свет яблоко раздора, вокруг которого до сих пор не прекращаются споры и которое повсюду в мире разделило революционные силы на два противостоящих лагеря.

Что касается слова “Братство”, которым дополнили масонскую формулу, то оказалось, что это заслуга другого тайного общества — мартинистов, основанного в 1754 г. португальским евреем Мартинесом Пасхалисом (или Паскуали), объединившим в своих воззрениях иудаизированное христианство и философские учения Греции и Востока.

Этот орден раскололся на две части: одну возглавил Сен-Мартен, ярый христианин, ученик Мартинеса Паскуали, а также Якова Бёме; другую составила более или менее революционно настроенная группа, основавшая в Париже ложу филалетов. В книге Сен-Мартена “Des erreurs et de la verite” (“Ошибки правды”, *франц. — Перев.*), изданной в 1775 г., формула “Свобода, Равенство и Братство” упомянута как “святая троица”.

¹ *La Comtesse de Rudolstadt*, ii. 219.

Мартинисты, нередко называемые в современной французской литературе иллюминатами, были, по сути, фантазерами и фанатиками¹; их не следует путать с членами баварского ордена иллюминатов, появившегося 22 годами позднее. Именно этой “ужасной и грозной сектой” был разработан грандиозный план всемирной революции, инициированный человеком, которого Луи Блан верно описал как “самого талантливого конспиратора из всех когда-либо существовавших”.

Адам Вейсгаупт, основатель ордена, родился 6 февраля 1748 г. Обучение у отцов-иезуитов сформировало в нем глубокую неприязнь к этому ордену, и втайне он стал жадно изучать французскую философию и антихристианское учение манихейцев. Известно, что он познакомился и с египетским оккультизмом, в тайны которого его посвятил какой-то Кельмер — торговец неизвестного происхождения из Ютландии, путешествовавший по Европе в 1771 г. в поисках адептов². Вейсгаупт, сочетавший в себе практический немецкий ум с хитростью Макиавелли, потратил не менее пяти лет, обдумывая план, который объединил бы все эти идеи в систему, и в конце концов выступил со следующей теорией.

Цивилизация, считал Вейсгаупт вслед за Руссо, это ошибка: она развивалась в неверном направлении, и отсюда — все беды человечества. “Человек, — учил он, — был лишен свободы и равенства, присущих его естеству. Он находится в подчинении и несет на себе бремя гражданских обязанностей, производных от его пороков. В этом и заключается его падение и первородный грех”. Первый шаг на пути к обретению утраченной свободы состоял в том, чтоб научиться обходиться без привычных вещей.

Человек должен сбросить с себя все то, что дала ему цивилизация, и возвратиться к первоначальной простоте кочевого быта, не задумываясь об одежде, еде и постоянном жилище.

В обязательном порядке ликвидировались искусство и наука. “Разве существующие науки по-настоящему просвещают человека или делают его счастливым? Или же они скорее продукт необходимости, потребностей, далеких от естественных, плод тщеславия и недомыслия?”. Более того, “не являются ли многие из потребностей, диктуемых цивилизацией, средством укрепления позиций купеческого сословия, которое, если ему позволить, неизбежно обставит любое правительство, утверждая свою безграничную тиранию. Тогда торгаши

¹ “Мартинисты, чьи тенденции были вполне научны, часто напоминали сумасшедших и презирали политику” (*Papus*, op.cit. p. 55).

² *Les Sectes et sociétés secretes*, by the Comte Le Coustulx de Cantelcu (1863), p. 152.

начнут диктовать свою волю миру, освободить одни народы и поработать другие. Ибо тот главный, кто господствует над потребностями: может их пробуждать, предвидеть, подавлять, удовлетворять или сокращать. А кто может делать это лучше, чем купцы?”.

Освобожденный от бремени цивилизации, человек должен стать самовластцем. “Неужели, — спрашивал Вейсгаупт, — человечество не в состоянии себя усовершенствовать, развил способность к самоуправлению?”. Ради этого нужно не только свергнуть королей и знать, но и ликвидировать республиканское правление; людей нужно научить действовать без оглядки на власть, закон или гражданский кодекс. Чтобы обеспечить успех этому начинанию, необходимо лишь внушить человеку “верные и твердые моральные принципы”; а так как Вейсгаупт разделял теорию Руссо об изначальной добродетельности человеческой природы, это не казалось ему трудным; затем общество могло бы “мирно развиваться, достигнув полной свободы и равенства . Ну, а поскольку единственное реальное препятствие на пути совершенствования человечества заключалось в условностях, порожденных неправильными условиями человеческого существования, изменение последних неизбежно бы возродило в человеке свойственные ему добродетели. “Человек не плох — разве что его делает таковым существующая мораль. Он плох лишь потому, что религия, государство и недостойные примеры искажают его природу”. Необходимо поэтому устранить из его сознания страх перед будущим, несущим возмездие за совершенные проступки, и заменить все эти суеверия религией Разума. “Когда Разум станет религией людей, тогда проблема будет решена .

За избавлением от бремени религии должно было последовать устранение всех существующих социальных связей. Как отдельные семьи, так и государства прекращали свое существование, чтобы “превратить человечество в одну прекрасную семью”. В этом смысле весьма характерна и трактовка Вейсгауптом патриотизма и любви к близким, данная им в инструкциях по обучению новичков: “После того, как люди объединились в нации, они перестали называть себя одним общим именем. Национализм, или любовь к своей нации, занял место всеобщей любви. С распадом мира на отдельные государства границы последних стали границами взаимопонимания, которые невозможно перейти. Затем признали благом расширять их за счет тех стран, которые не признавали нашего верховенства. Затем, чтобы достичь этой цели, сочли допустимым презирать иностранцев, обманывать и оскорблять их. Эту добродетель окрестили патриотизмом. Патриотом называли того, кто, будучи справедлив по отношению к своему народу,

ыл несправедлив к другим, кто закрывал глаза на достоинства иностранцев, а пороки своих сограждан толковал как добродетели. В дальнейшем патриотизм породил регионализм, клановость и, наконец, гоизм. Таким образом, с появлением государств или правительств гражданского общества были посеяны семена раздора, и патриотизм был собой же и наказан... Стоит от него отрешиться, покончить с этой любовью к отдельной стране, и люди снова научатся уважать и любить друг друга по-человечески, не будет больше предвзятости, а узы, вязующие сердца, разовьются и окрепнут”¹.

В этих словах, выражающих самую суть того, что мы называем ныне интернационализмом, Вейсгаупт продемонстрировал толь же глубокое невежество относительно жизни первобытного общества, что и Руссо. Представление о том, что люди эпохи палеолита чьи скелеты обычно извлекают на свет с кремниевыми топорами или другим боевым оружием, зажатом в руке) жили в состоянии “всеобщей любви”, просто смехотворно. Впрочем, Вейсгаупт превзошел Руссо не так своими нападками на цивилизацию, как тем, что разработал план ее уничтожения. Руссо лишь проложил путь к революции; Вейсгаупт создал сам механизм революции.

1 мая 1776 г. пятилетние размышления Вейсгаупта увенчались замыслом создания тайного общества, которое он назвал, используя бытовавший некогда термин, орденом иллюминатов². Все его члены должны были сменить свои имена на классические. Так, Вейсгаупт взял имя Спартака, возглавившего восстание рабов в Древнем Риме; его ближайший соратник фон Цвак, тайный советник принца фон Зальма, стал Катонем, маркиз де Констанца — Диомедом, Массенгаузен — Аяксом, Гертель — Мариусем, барон фон Шрекенштайн — Магометом, барон Менгенхофен — Суллой и т. д. Аналогичным образом тогдашние географические названия были заменены античными. Мюнхен, штаб-квартира ордена, должен был именоваться Афинами; Ингольштадт, место появления на свет иллюминизма — Эфесом (а среди посвященных в таинства ордена — Элевсином); Гейдельберг стал Аттикой, Бавария — Ахайей, Швабия — Паннонией и т. д. В целях конспирации, переписываясь, слово “иллюминизм” заменяли знаком ©, а слово “ложь” — символом □. Календарь также должен был быть изменен; новые названия месяцев (январь — димех, февраль — бенмех и т. д.) наводили на мысль об их еврейском происхождении. Буквы

Nachtrag... Originalschriften (des Illuminaten Ordens), Zweite Abteilung, p. 65.

Немецкая секта с этим названием, выражающая идеи сатанизма, с которой орден Вейсгаупта, возможно, был связан, существовала в пятнадцатом столетии.

алфавита были закодированы цифрами (букве М соответствовала 1, а дальше отсчет шел в обе стороны).

Присущая ордену система чинов представляла собой комбинацию степеней масонов и иезуитов. Вейсгаупт, как уже упоминалось, недолго любил иезуитов, но, признавая их умение воздействовать на людские умы, использовал их систему званий в собственных интересах. “Он восхищался, — утверждает аббат Барруэль, — установлениями основателей этого ордена, а еще больше — теми законами иезуитов, тем созданным ими режимом, при котором под одним руководством находилось множество людей, рассеянных по всему свету и объединенных одной идеей; он чувствовал, что можно перенять их методы, придерживаясь диаметрально противоположных взглядов. Он сказал себе: “Разве то, что все эти люди сделали для алтарей и империй, я не смогу обратить против алтарей и империй? Используя тайны, легенды и преданных учеников, разве я не смогу во тьме разрушить то, что они возводят при свете дня?”.

Вейсгаупт поначалу надеялся убедить некоторых экс-иезуитов присоединиться к его обществу, но, сумев привлечь только двоих, сделался еще большим противником их ордена и запретил своим сторонникам принимать в ряды иллюминатов евреев и иезуитов без специального разрешения. “Бывших иезуитов, — подчеркивал он, — нужно избегать, как чумы .

В организации процесса обучения новообращенных в наибольшей мере проявилась изоциренность Вейсгаупта. Прозелитов не посвящали сразу в тайные цели иллюминизма, а делали это постепенно, шаг за шагом знакомя с таинствами ордена и всячески остерегаясь сообщать новичкам истины, которые могли бы оттолкнуть их от движения. Поэтому иллюминаты должны были выработать привычку “болтать о том, о сем”, не выдавая себя. “Нужно говорить, — объяснял старшинам ордена Вейсгаупт, — иногда одно, иногда другое, чтобы в итоге подлинная цель оставалась непонятной посторонним .

Так, одних новичков иллюминаты убеждали в том, что не одобряют революции, превознося при этом преимущества завоевания *мирового господства* мирным путем. Другим данный план вообще не раскрывался; напротив, при посвящении этой категории новичков (так называемых минервалов — учеников мудрости) им говорили следующее: “После двух лет, проведенных в размышлениях, разговорах и чтении, у вас непременно сложится мнение, что конечную цель нашего общества составляет не что иное, как захват власти и богатств, уничтожение светских и церковных властей и завоевание *мирового господства*”. Qui s'excuse s'accouse (на воре шапка горит (посл.),

франц.— Перев.) действительно! Далее туманно говорилось, что не в этом заключается суть и что орден требует от посвященных одного — выполнения своих обязанностей. Не допускались выпады против религии; наоборот, Христос должен был представляться как духовный отец иллюминизма, чья тайная миссия состояла в том, чтобы вернуть людям первоначальные свободу и равенство, утраченные человечеством с его падением. Новичку объясняли, что “никто так надежно не проложил путь к свободе, как наш Великий Мастер Иисус из Назарета, и если Христос призывал своих учеников презирать богатство, то делалось это только для того, чтобы “подготовить людей к той общности имущества, которая покончит с собственностью .

Подобные методы оправдывали себя при обращении не только с молодыми новичками, но и с людьми всех званий и возрастов. “Наиболее замечательным, — писал ликующий Спартак Катону, — является то, что протестантские и прочие теологи (лютеране и кальвинисты), принадлежащие к нашему ордену, действительно верят, что обрели в иллюминизме истинное и подлинное христианство. О, человек, поистине нет ничего, чему бы ты не смог поверить!”. Как замечал позднее Филон (барон фон Книгге), именно так ордену удавалось “удерживать тех, кто нуждался в религии .

Члены общества не посвящались в истинные намерения иллюминатов относительно религии вплоть до получения ими определенных званий. Достигнувшему ранга старшего или младшего иллюмината, шотландского рыцаря или священника сообщали все тайны ордена.

“Помнишь, как, встретив тебя, мы говорили, что в планах нашего ордена нет замыслов против религии. В этом же мы уверяли тебя, принимая в ряды новичков, и это же мы повторяли, когда ты поступал в нашу Академию минервалов... Ты помнишь, с каким умением и притворным уважением мы говорили тебе о Христе и Евангелии; но, став полноправным иллюминатом, шотландским рыцарем или священником, ты должен знать, что мы чтим не Евангелие Христа, а наш разум, и не его веру, а законы природы; мы говорим о религии, разуме, морали и природе, но наши религия и мораль — это права человека, равенство и свобода... Нам нужно было избавить тебя от множества предрассудков, чтобы суметь убедить тебя, что лживая религия Христа — не что иное, как выдумка священников, обманщиков и тиранов. А если такова наиболее известная и почитаемая религия, то что уже говорить обо всех остальных? Пойми, что все они повторяют одни и те же выдумки, все они в равной мере основаны на лжи, ошибках, нелспых идеях и откровенном мошенничестве. Храни нашу

тайну... Да, чтобы полностью уничтожить христианство и все прочие религии, мы притворялись, что исповедуем единственно верную из них — но помни, что цель оправдывает средства и что мудрый совершает добро с помощью тех же орудий, которыми люди порочные творят зло. То, к которому мы прибегли, чтобы освободить тебя, то, с помощью которого мы однажды освободим от религии человечество — это не что иное, как благочестивый обман, который мы когда-нибудь разоблачим устами мага или философа .

Но все это оставалось неизвестным новичку, чье доверие было завоевано показной религиозностью. Ему предписывалось беспрекословное подчинение. Среди вопросов, которые ему задавали, были следующие:

“Если бы ты обнаружил, что то, чего требует от тебя орден, недостойно или несправедливо, как бы ты поступил?”

Способен ли ты считать благо ордена своим собственным благом?

Уступишь ли ты нашему обществу право распоряжаться твоей жизнью и смертью?

Готов ли ты к абсолютному и безграничному повиновению? И знаешь ли ты цену этого обязательства?”.

Целям предупреждения о возможных последствиях предательства ордена служила включенная в церемонию посвящения красноречивая процедура. Взяв со стола обнаженный меч, посвящающий подносил его острие к груди новичка на уровне сердца, говоря:

“Если ты — предатель или клятвопреступник, знай, что все наши братья будут призваны поднять на тебя оружие. Не надейся скрыться или найти себе убежище. Где бы ты ни был, позор, раскаяние и гнев наших братьев будут преследовать тебя и терзать изнутри .

Итак, нетрудно убедиться, что свобода, всячески превозносимая вождями иллюминатов, в их собственной среде отсутствовала, а подлинным законом жизни ордена была железная дисциплина. Стоит также упомянуть один момент (на котором, ввиду его важности, мы еще остановимся ниже): члены ордена не должны были называть себя иллюминатами; это правило в первую очередь касалось так называемых “вербовщиков”, которых, в целях успешного привлечения прозелитов, вообще должна была отличать абсолютная безукоризненность. Старшины ордена считались наиболее совершенными и просвещенными из людей; не допускались даже сомнения в их непогрешимости. Поэтому вербовщикам говорили: “Стремитесь к внутреннему и внешнему совершенству” и в то же время “познавайте

искусство фальши, учитесь скрываться и маскироваться, наблюдая при этом за другими людьми, чтобы уметь проникать в их умы". Все эти предписания были выражены одной фразой: "Храните молчание, совершенствуйтесь, маскируйтесь". Насколько далек был от совершенства сам основатель ордена, выяснилось впоследствии, когда среди его бумаг обнаружили письмо Гертелю (1783 г.), в котором Вейсгаупт признавался, что соблазнил его невестку, и замечал: "Над мной нависла угроза бесчестья и потери репутации, которая дала мне такую власть над миром .

Долгое время эта репутация оставалась незапятнанной, что шло на пользу членам ордена, которых могли изгонять из него по соображениям морали; лишь немногим было известно, что членство в организации не исключает распущенность.

Женщины также вербовались иллюминатами, что можно расценить как "намек на эмансипацию"¹. "Используя женщин, — писал Вейсгаупт, — можно нередко добиться наилучших в мире результатов; способы, применяя которые, можно внушить им доверие и склонить на свою сторону, должны стать предметом самого серьезного изучения. Практически всех их можно использовать, воздействуя на женское тщеславие, любопытство, чувственность и сердечные склонности. Это сулит много пользы для дела. В руках этого пола немалая часть мира"². Женщины-иллюминатки должны были быть разделены на две категории, каждая со своим особым предназначением. Первую составляли добродетельные женщины, призванные придать ордену респектабельность, вторую — женщины легкого поведения, которые "помогут ублажать братьев, имеющих тягу к удовольствиям". Кроме того, женщин обоих типов можно было использовать для финансирования ордена. Глупцы с деньгами, как мужчины, так и женщины, пользовались особым вниманием. "Эти добрые люди, — писал Спартак Аяксу и Катону, — увеличивают наши ряды и пополняют нашу казну. Так что возьмитесь за работу. Эти господа должны клюнуть на приманку... Однако не стоит посвящать их в наши гайны; люди этого сорта *всегда должны быть уверены, что ранг, ими достигнутый — наивысший*"³.

Таким образом, секта должна была состоять из Вейсгаупта и его сподвижников, посвященных во все тайны, а также большого количества последователей из числа простых и доверчивых людей,

Heckethor's Secret Societies. ii. 34.

Neuesten Arbeiten des Spartacus und Philo, vi. 139.

Barruel, Memoires sur le Jacobinisme, iii. 28, цитируется из оригинала.

которых следовало держать в неведении относительно подлинных целей общества.

Естественно, что наименее образованные слои общества представляли собой широкое поле для деятельности Вейсгаупта. “Необходимо также, — говорится в уставе иллюминатов, — привлекать в орден простых людей. Для этой цели можно с успехом использовать школы. Можно также добиться успеха, проповедуя идеи свободы, воздействуя на воображение, а иной раз — прибегая к самоуничтожению, либо добиваясь популярности, либо терпимо относясь к предрассудкам, которые с течением времени будут постепенно искоренены”¹.

Шпионаж составлял значительную часть программы Вейсгаупта. Часть иллюминатов обязывалась выступать в роли “наблюдателей” и “информаторов”; “один должен шпионить за другим и за всеми вокруг”; “друзья, родственники, враги, сторонние люди — все без исключения должны стать объектом интересов “наблюдателя”; он должен стремиться выявить их сильные и слабые стороны, их страсти, их предрассудки, их связи, проследить их поступки — одним словом, собрать о них подробнейшую информацию”. Она заносилась в блокнот, который шпион носил при себе и в котором содержались все данные для отчетов, представляемых дважды в месяц старшинам, чтобы оповестить орден о том, каковы обитатели городов и деревень, на чью поддержку рассчитывали иллюминаты.

Нельзя не восхищаться совершенством системы, в рамках которой каждую социальную группу могли заставить уверовать, что иллюминизм принесет ей неисчислимые блага. В этом не сомневались принцы, которых ждала потеря их королевств; священники, чью религию готовились уничтожить; купцы, чьей торговле пришел бы конец; женщины, которых хотели свести до уровня индейских “скво”; крестьяне, долженствующие возвратиться в состояние дикости. Каждый слой общества, получая предназначенную только ему долю учения ордена, был убежден, что лишь иллюминизм принесет ему процветание или спасение.

Сделав секретность ведущим принципом своей системы, Вейсгаупт достаточно быстро осознал преимущества союза с масонами. В то время, когда он обдумывал свой план переустройства общества, настоящие цели масонства были ему неизвестны. “Он знал только то, — говорил аббат Барруэль, — что масоны проводили тайные собрания, видел, что они объединены таинственной связью и считают друг друга

¹ *Neuesten Arbeiten des Spartacus und Philo*, vii.

братьями, узнавая по определенным знакам и словам, к какой бы нации или религии они не принадлежали; поэтому он задумал принципиально новую комбинацию, результатом которой должно было стать сообщество, соединяющее в себе — в той мере, в какой это его устраивало — режим иезуитов с загадочной бессловесностью и скрытностью масонов... .

В 1777 г., спустя почти два года после того, как Вейсгаупт основал орден иллюминатов, он стал масоном, и к концу 1778 г. идея слияния этих двух обществ начала реализовываться. Катон, он же герр фон Цвак, ставший масоном 27 ноября 1778 г., обсуждал этот вопрос с другим масоном, аббатом Маротти, которому он доверил все тайны иллюминизма; двумя годами позже взаимопонимание между иллюминатами и масонами углубилось благодаря масону Фрайгеру фон Книгге, который в июле 1780 г. прибыл во Франкфурт, где встретился с иллюминатом Диомедом (маркизом де Констанца), посланным баварскими иллюминатами создавать отделения ордена в протестанских странах. Эти двое сравнили цели своих обществ, и Книгге выразил желание вступить в ряды иллюминатов. Вейсгаупт это одобрил, и Книгге, принявший имя Филон, был посвящен в таинства первого чина иллюминизма — минервалов. Рвение, с которым он вербовал новых членов организации, восхищало Спартака. “Филон, — писал он, — это мастер, у которого надо поучиться; дайте мне шесть человек такого типа, и с ними я изменю облик Вселенной .

Результатом переговоров между Вейсгауптом и Книгге стал своего рода союз между этими двумя сообществами. Спартак согласился на признание иллюминизмом первых трех чинов масонства. 20 декабря 1781 г. было окончательно решено, что объединенный орден будет состоять из трех классов: (а) минервалов, (б) масонов и (в) класса мистерий, который, как наивысший, делился на малые и великие мистерии (первые состояли из священников и регентов, вторые — из магов и королей).

Однако лишь на Вильгельмсбадском конгрессе между иллюминизмом и масонством был заключен формальный союз. Конгресс, чье воздействие на последующую мировую историю до сих пор игнорируется, открыл свою работу 16 июля 1782 г.; на нем присутствовали представители всех тайных обществ — мартинисты, масоны, иллюминаты — которых в мире в то время насчитывалось не менее трех миллионов человек. Среди участников конгресса только баварские иллюминаты имели определенный план действий, и именно они в дальнейшем взяли в свои руки инициативу. Что именно происходило на том роковом конгрессе, никогда не станет известно

непосвященным, поскольку даже те, кто были случайно втянуты в это движение и лишь в Вильгельмсбаде узнали о подлинных намерениях его лидеров, были связаны клятвой молчания. Один такой честный масон, граф де Вирье, член ложи мартинистов в Лионе, возвратившись с Вильгельмсбадского конгресса, не мог скрыть свою тревогу и на вопрос о том, какие “пугающие тайны” он привез оттуда, ответил: “Я не доверю их вам. Я могу только сказать вам, что все это гораздо серьезнее, чем вы думаете. Готовящийся заговор так хорошо продуман, что, говоря отвлеченно, ни монархии, ни церкви не будет от него спасения”. С этого времени, как утверждает его биограф Коста де Борегард, “граф де Вирье мог говорить о масонстве только с ужасом”.

1781—1782 г. были переломными и для еврейского вопроса, затронутого на Вильгельмсбадском конгрессе. В этот период Европа пережила всплеск просемитских настроений, спровоцированный книгой Дома “Об улучшении положения евреев”, написанной под влиянием Моисея Мендельсона и завершенной в августе 1781 г.¹ “Случилось так, — писал аббат Леманн, — что за восемь лет до Французской революции в Пруссии была издана программа поддержки иудаизма... Эта книга значительно повлияла на революционное движение; это — призыв к борьбе за интересы евреев, сигнал к выступлению”².

Еврейский историк Гретц признает огромное значение работы Дома, “изобразившего христиан как жестоких варваров, а евреев — как славных мучеников”³. “Все мыслящие люди, — добавляет он, — с тех пор начали интересоваться еврейским вопросом”. Мирабо спустя несколько лет после поездки в Берлин подружился с Домом и стал завсегдатаем салона молодой красавицы-еврейки, жены доктора Херца Генриетты де Лемо: именно там ученики Мендельсона, только-только умершего, убедили его в необходимости высказаться в защиту угнетенных евреев; в итоге Мирабо издал в Лондоне книгу, развивавшую мысли Дома⁴.

Тем временем в 1781 г. Анахарсис Клоотс, будущий автор “Всемирной республики”, написал просемитскую брошюру под названием “Послание о евреях”.

Далеким отзвуком этих событий стали изданные в 1791 г. по настоянию Мирабо и аббата Грегуара эдикты Национального собрания

¹ Graetz, History of the Jews, v. 438; A. de la Rive, Le Juif dans la franc-maconnerie, pp. 40-43.

² Abbe Lemann, L'Entree des Israelites dans la societe francaise, Paris, 1886.

³ Graetz, v. 373.

⁴ Sur Moses Mendelssohn, sur la reforme politique des Juifs: et en particulier sur la revolution tentee en leur faveur en 1753 dans la Grande-Bretagne. A.Londres, 1787.

о предоставлении гражданских прав евреям. Ну, а непосредственным их результатом было решение, принятое на масонском Вильгельмсбадском конгрессе (который, кстати, посетил Лессинг с группой евреев)¹, согласно которому евреи стали допускаться в ложи². Тогда же было решено переместить штаб-квартиру масонов-иллюминатов во Франкфурт, являвшийся, кстати, цитаделью евреев-финансистов, среди которых выделялись такие ведущие репрезентанты своей нации, как Ротшильд, Мейер Амшель (позднее также ставший Ротшильдом), Вертгеймер, Шустер, Шпейер, Штерн и другие³. Здесь, во Франкфурте, в главной ложе, и был разработан грандиозный план всемирной революции; а когда на большом масонском конгрессе в 1786 г. два французских масона вынесли смертные приговоры Людовику XVI и Густаву III, королю Швеции, именно здесь они были санкционированы⁴.

С заключением коалиции в Вильгельмсбаде иллюминаты, активно поддерживаемые Книгге, получили возможность распространить свое влияние на всю территорию Германии. Айхштадтская ложа, возглавляемая Магометом (бароном Шрекенштайном), “иллюминировала” Байройт и другие имперские города; Берлинская, руководимая Николаи и Лехтсенрингом, — Бранденбург и Померанию; Франкфуртская — Ганновер и т. д. Все эти отделения контролировались двенадцатью членами ордена, возглавляемыми Вейсгауптом, который, находясь в мюнхенской ложе, держал в своих руках все нити заговора.

Однако теперь начались разногласия между двумя лидерами движения — Вейсгауптом и Книгге. Оба были прирожденными интриганами, но Вейсгаупт предпочитал действовать скрытно, окутывая себя ореолом таинственности, а Книгге любил помпу, публичность и был вездесущ. Понятно, что два столь разных человека не могли плодотворно сотрудничать. Вейсгаупта раздражали бесконечные

1. A. Cowan, “The X-Rays in Freemasonry”, p. 122; Archives Israelites (1867 г.), p. 466.

2. A. de la Rive. Le Juif dans la franc-maçonnerie, p. 36. До настоящего времени евреи допускались только в Орден Мельшизедек, три основных ступени даются маркизом Люше — (1), *Freres Initiés d'Asie*; (2), *Maitres des Sages*; (3), *Pretres Royaux* или *Veritables Freres Rose-croix*, или ступень Мельшизедек.

Freres Initiés d'Asie были орденом, который заимствовал иероглифы из иврита. главенствующее направление называлось “Маленький, но поступательный Санхедрим Европы” (*Essai sur la secte des Illumines* (1789), p. 212). Ломбард де Лангре отметил, что это тайное общество примкнуло к иллюминизму, что его центр находится в Гамбурге и что только ранг Великого Мастера позволял знать все секреты *Des societees secretes en Allemagne*, pp. 81, 82).

3. Werner Sombart. The Jews and Modern Capitalism, p. 187.

4. Charles d'Hericault, La Revolution, p. 104.

попытки Книгге выведать его тайны и присвоить себе часть его славы. Кончилось это снятием Книгге с поста руководителя провинций и переводом его на положение подчиненного. В связи с этим Филон 20 января 1783 г. с негодованием написал Катону: “Только иезуитство Вейсгаупта служит причиной всех наших разногласий, только его деспотизм, который он проявляет по отношению к людям, куда менее, чем он сам, наделенным природой воображением, хитростью и коварством... Я заявляю, что уже ничто не способно вернуть тех отношений со Спартаксом, которые нас связывали с самого начала. Фактически Книгге ничуть не отставал от Вейсгаупта по части того, что он назвал “иезуитством”, но, возмущенный тиранией своего патрона, он в конце концов покинул ряды иллюминатов, преисполненный гнева и отвращения. “Я ненавижу предательство и распутство, — написал он Катону, — и я оставляю его, предоставляя возможность уничтожить самого себя и орден”.

Общественное мнение также было, наконец-то, разбужено, и курфюрст Баварии, проинформированный об опасности, которую представляли для государства иллюминаты, якобы заявлявшие, что “будут со временем управлять миром”, издал указ, запрещающий все тайные общества (1784 г.). В апреле следующего года четыре иллюмината, подобно Книгге, оставившие орден ввиду деспотизма Вейсгаупта, предстали перед следственной комиссией, чтобы дать показания о воззрениях и деятельности сектантов. Свидетельства этих людей — Утшнайдера, Коссандея, Грюнбергера и Реннера (все — профессора Марианской Академии) — не оставили места для сомнений относительно сатанинской природы иллюминизма. “Религия, — заявили они, — любовь к отечеству и преданность монарху — все это должно было быть уничтожено. Недаром любимый афоризм иллюминатов гласил: *Tous les rois et tous les pretres Sont des fripons et des traitres.* (Все короли и священники — лгуны и мошенники, *франц. — Перев.*). Все усилия членов организации должны были направляться на то, чтобы сеять раздор не только между князьями и их подданными, но и между министрами и их подчиненными — и даже между родителями и детьми; нужно было поощрять самоубийства, внедряя в людские умы идею, что этот акт доставляет некое чувственное удовольствие. Систему шпионажа следовало распространить даже на почты, где должны были работать иллюминаты, овладевшие искусством вскрывать письма и затем запечатывать их, не оставляя следов”. Робисон, детально изучивший показания этих четырех профессоров, так суммировал их данные относительно плана Вейсгаупта:

“Орден иллюминатов отрицал христианство и превозносил чувственные удовольствия. В ложах смерть называли вечным сном; патриотизм и верность государю — мещанскими предрассудками, несовместимыми с всеобщим благом”¹; далее, “они считали всех монархов узурпаторами и тиранами, а все привилегированные слои общества — их соучастниками... Они намеревались отменить законы, защищающие собственность, созданную трудолюбием и усердием, и предотвратить в будущем ее накопление. Они собирались установить всеобщую свободу и равенство, считая их неотъемлемыми правами человека... и в качестве первого шага в этом направлении хотели полностью искоренить религию и общепринятую мораль и даже разорвать семейные узы, уничтожив таинство брака и отстранив родителей от процесса воспитания детей”².

Схематично цели иллюминатов можно представить как уничтожение:

1. Монархии и всех форм правительства.
2. Частной собственности.
3. Права наследования.
4. Патриотизма.
5. Семьи (т. е. брака и традиционной морали с одновременным учреждением общественного воспитания детей).
6. Религии.

Очевидно, необходимо признать, что в комплексе все это составляет программу, не имевшую прецедентов в истории цивилизации. Коммунистические теории исповедовались мыслителями-одиночками или группами мыслителей со времен Платона, но никто, насколько нам известно, никогда всерьез не предлагал уничтожить все, что составляет суть цивилизации. Кроме того, если принять во вниманис, что, как мы убедимся ниже, программа иллюминизма, очерченная указанными шестью пунктами, в наши дни выступает в виде программы всемирной революции, то остается ли место для сомнений в том, что за ней стоит движение, берущее начало от иллюминатов либо сформированное под их тайным влиянием?

Здесь возникает любопытный вопрос. Был ли Вейсгаупт изобретателем предложенной им системы? Известно, что его познакомил с оккультизмом Кельмер — и больше ничего помимо этого. Если, действительно, сам Вейсгаупт придумал весь план всемирной революции — эту, по словам Луи Блана, “грандиозную концепцию”, —

¹ *Robison's Proofs of a Conspiracy*, pp. 106, 107.

² Там же, с. 375.

то как тогда объяснить, что такой небывалый гений остался абсолютно неизвестным потомкам? Как объяснить, что новые поколения революционеров, следуя по его стопам (и среди них даже те, кто, как известно наверняка, принадлежал к его ордену), никогда не упоминали об этом источнике своего вдохновения? Не является ли ответом на последний вопрос тот факт, что участвующие в движении члены ордена всегда твердо придерживались строгого правила, установленного Вейсгауптом: никогда не признаваться в своей принадлежности к иллюминатам. Настойчивые попытки скрыть сам факт существования иллюминизма или, если это никак не возможно, выдать его за незначительное филантропическое движение, не прекращаются вплоть до сегодняшнего дня.

Что касается филантропической природы иллюминизма, то достаточно познакомиться с оригинальными сочинениями Вейсгаупта, чтобы убедиться в безосновательности подобных представлений. Во всей переписке между Вейсгауптом и его сподвижниками, обнародованной баварским правительством, не найдется ни слова сочувствия к бедным и их страданиям, ни намёка на социальные реформы, ничего, кроме стремления к власти, к *мировому господству*, да еще нескрываемой любви к разрушению — причем над всем этим витает неистребимый дух интриганства. Для ордена все способы борьбы были равно хороши, так как его ведущим принципом был лозунг “Цель оправдывает средства”, на который Вейсгаупт ссылался в уставе, объявляя его элементом воззрений иезуитов (что аббат Барруэль с негодованием отвергает); из этого, как указывает Робисон, неизбежно следовал вывод, что “ничто не неизменно, если оно может пойти на пользу ордену, чьи великие цели должны быть выше любых соображений”.

Как и следовало ожидать, Вейсгаупт громко протестовал против обвинений в адрес его организации, выдвинутых четырьмя профессорами, заявляя, что они не были посвящены в таинства ордена, однако с последовавшим вслед за этим обнаружением его переписки с фон Цваком (цитаты откуда приводились выше), подлинные цели иллюминатов предстали в куда более зловещем свете. 11 октября 1786 г. баварские власти проникли в дом Цвака и захватили документы, которые раскрыли методы деятельности заговорщиков. Здесь были найдены описания сейфа для хранения документов с элементами “самозащиты” (при его вскрытии посторонним он взрывался при помощи адской машины); состава, который, будучи выплеснутым в лицо, ослеплял или убивал; способа подделки печатей. Были здесь и рецепты сильнодействующей разновидности яда “aqua toffana” (“сладкая

вода, лат. — *Перев.*), смертоносных духов, способных наполнить спальню ядовитыми парами, и чая, вызывающего выкидыш. Обнаружили также панегирик атеизму под названием “Лучше, чем Гор”, рукопись Цвака с описанием упоминавшегося выше плана вербовки женщин двух категорий: “Это сулит много пользы: в их лице мы получим источник информации и денег, а также возможность потакать вкусам многих из наших собратьев — любителям плотских утех. Они должны быть двух категорий — добродетельные и женщины легкого поведения... Они ничего не должны знать друг о друге и о мужчинах, под чьим контролем они будут находиться... [на добродетельных можно влиять] посредством хороших книг, а на всех прочих — тайно потворствуя их страстям”¹.

Иллюминаты, конечно, всячески пытались себя обслить: не отрицая подлинность этих документов, они заявляли, что те были неверно истолкованы и что подлинная цель их ордена состоит в том, чтобы превратить человечество в “одну прекрасную счастливую семью”. Но избличающих иллюминатов улик, содержащихся в документах, было достаточно, чтобы понять, что их планы заключались ни в чем ином, как в осуществлении “всемирной революции, которая нанесет обществу смертельный удар”. “Правители и государства, — писал Вейсгаупт, — исчезнут с лица земли; да, наступит время, когда люди не будут иметь никаких законов, кроме тех, что записаны в книге природы; эта революция станет плодом труда тайных обществ, и это — одна из наших величайших тайн .

Огромная опасность, которую представляли собой иллюминаты, наконец, стала очевидной, и баварское правительство, рассудив, что лучший способ предупредить о ней цивилизованный мир заключается в том, чтобы дать их бумагам возможность говорить самим за себя, приказало немедленно опубликовать указанные документы и распространить их в самых широких масштабах. Экземпляры этого сборника, озаглавленного “Подлинные сочинения ордена иллюминатов”, были направлены всем европейским правительствам, но, как ни странно, не вызвали особого интереса. Дело заключалось в том, что, как указывает аббат Барруэль, нелепость плана, изложенного в книге, заставила сомневаться в ее правдивости, и правители Европы, отказавшись воспринимать иллюминизм всерьез, отмахнулись от него, как от химеры.

Баварское правительство, однако, продолжило судебное расследование деятельности секты; некоторые из ее членов были

¹ *Nachtrag... Originalschriften*, i. 6.

арестованы; Цвак покинул страну, отправившись с миссией в Англию; Вейсгаупт, за чью голову была назначена награда, нашел убежище у одного из своих высокородных сообщников — герцога Сакс-Гота. Этот видимый крах ордена был на руку заговорщикам, которые теперь старательно распространяли слухи, что иллюминизм прекратил свое существование — обман, поддержанный историками, заинтересованными в замалчивании правды относительно их последующей деятельности. Правда состоит в том, что еще до кажущегося разгрома иллюминатов в Баварии их влияние ощущалось за ее рубежами; ну, а после того, как общество успокоилось, они незаметно опутали своими сетями весь цивилизованный мир.

ГЛАВА 2

ПЕРВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Иллюминизм во Франции — Калиостро — Мирабо — Происки Пруссии — Орлеанисты — Царство террора — Клоотс и интернационализм — Робеспьер и социализм — План сокращения населения — Последствия революции

За два года до запрещения иллюминизма в Баварии его адепты развернули свою деятельность во Франции. “Маг” Калиостро, которого принято считать сицилийским евреем¹, был завербован иллюминатами в Германии. Согласно его собственным показаниям, данным в ходе допроса перед Святым престолом в Риме в 1790 г., “его посвящение состоялось недалеко от Франкфурта в каком-то подземелье. Был отперт железный сундук, полный бумаг. Посвящающие вытащили из него рукописную книгу, на первой странице которой можно было прочесть: “Мы, Великие Мастера тамплиеров”. Затем следовал текст присяги, написанный кровью. В книге подчеркивалось, что иллюминизм является заговором, направленным против тронов и алтарей, и что первые его удары должны обрушиться на Францию; после падения

¹ Опровергалось, что Калиостро был евреем, однако при этом никаких доказательств не приводилось. Луи Дасте в своей книге (*Marie-Antoinette et le complot maçonnique*, p. 70) приводит цитаты различных современников, подтверждающие его еврейское происхождение. Фридрих Биюлау (*Geheime Geschichten und Räthselhafte Menschen* (1850), vol. i, p. 311) говорит, что его отцом был Питер Бальсамо, сын продавца книг в Палермо — Антонио Бальсамо — еврейской национальности. Но Джозеф (т.е. Калиостро) поступил в семнарию как христианин. Биюлау добавляет, что именно Калиостро способствовал допуску евреев в масонские ложи. Сам Калиостро притворялся, что ничего не знает о своем происхождении, заявляя, что воспитывался в Аравии, во дворце муфтия Медины. В ответ на утверждение мадам ля Мотт, что он еврей, он заявил: “Я воспитывался, как сын христианских родителей, и никогда не был евреем или магометанином”, но он никогда не утверждал, что не имеет еврейских корней. Биюлау продолжает, что Калиостро при посещении Англии сдружился с лордом, Джорджем Гордоном, который годом позже составил план сжечь дотла Лондон, и, кстати, он был евреем. (See *Chambers's Biographical Dictionary*, article on Lord George Gordon; *Memoire pour le Comte de Cagliostro*, p. 83 (1786 edition)).

французской монархии наступала очередь Рима. Калиостро услышал из уст посвящавших, что тайное общество, членом которого он отныне является, обладает значительными средствами, помещенными в банки Амстердама, Роттердама, Лондона, Генуи и Венеции. Сам он получил существенную сумму денег для целей пропаганды и инструкции секты, после чего выехал в Страсбург¹. Именно в Страсбурге Калиостро впоследствии познакомился с кардиналом де Роганом², который быстро подпал под гипнотическое влияние Калиостро (будучи частью его арсенала, оно и поныне используется пропагандистами иллюминизма). Вскоре после этого кардинал представил мага мадам Ла Мотт³, результатом чего стало громкое “дело об ожерелье”. Таким образом, первый удар по французской монархии был задуман на собраниях немецких иллюминатов.

Двумя годами спустя иллюминаты добились очередного успеха, завербовав Мирабо. Этот великий авантюрист был направлен французским правительством с миссией в Берлин и, находясь в Германии, познакомился с несколькими членами ордена, в частности, с Николаи и Лехценрингом. Затем в Брунсвике он подружился с Мовийоном, посвятившим его в высшие тайны ордена⁴. Со стороны Мирабо было неслыханной дерзостью опубликовать после этого памфлет под названием “Заметки о секте иллюминатов”, направленный против заблуждений иллюминатов, но в нем он фактически описал секту мартинистов, завуалировав тем самым происхождение подлинных баварских иллюминатов⁵. По возвращении во Францию Мирабо (именовавшийся среди иллюминатов Леонидом) при содействии Талейрана внедрил иллюминизм в свою ложу, которую он назвал “Филалеты”⁶, вновь напуская туман, поскольку, как известно, филалеты были ложей мартинистов; затем было решено, что все масонские ложи Франции следует “иллюминизировать”. Поняв, однако, что справиться с этой задачей ему не под силу, Мирабо пригласил из Германии двух иллюминатов — Боде, известного как Амелиус, и барона де Буше, звавшегося Баярдом. В ложе “Объединенные друзья”, где собирались члены масонских лож со всей Франции, двумя немецкими эмиссарами были раскрыты таинства иллюминизма, и устав Вейсгаупта формально

¹ *Louis Blanc, Histoire de la Revolution Francaise, ii 81.*

² *Memoire pour le Comte de Cagliostro, p. 34.*

³ Там же, с.44.

⁴ *Barruel, Memoires sur le Jacobinisme, iv. 258; Robinson, op.cit. 276.*

⁵ *Clifford, Application of Barruel's Memoires of Jacobinism, p. xvii*

⁶ *Barruel, op. cit. iv. 258, 373.*

приняли к руководству¹. В результате этого к марту 1789 г. 266 лож, подконтрольных “Великому Востоку”, были “иллюминизированы”, даже не подозревая об этом, поскольку масонам, как правило, не раскрывали название секты, давшей новые таинства, и только очень незначительное число людей было посвящено в эту тайну².

Спустя месяц началась революция. Никто не будет отрицать, что Франция в этот период вполне созрела для глубоких реформ. Правда, социалист Бабеф впоследствии заявлял, что народу Франции жилось не хуже, чем всем прочим³, а Артур Янг, чьи ранние суждения о революции, объясняемые влиянием орлеанистов, цитируются в литературе как обвинительный акт старому режиму, со временем, умудренный опытом, стал утверждать, что “старое правительство Франции, при всех его ошибках, было все-таки лучше, чем любое другое в Европе, за исключением только английского”⁴.

Однако анализ фактов свидетельствует, что во Франции были серьезные причины для недовольства — и не так у рабочих, как у крестьян. Охотничьи законы или *capitaineries*, (франц. — Перев.), позволявшие знати вытаптывать крестьянские посевы во время охоты и запрещавшие крестьянам истреблять дичь; налог на соль или *gabelle*, (франц. — Перев.); подневольный труд, известный как *corvée* (барщина, франц. — Перев.); подати, которые платили землевладельцам, и другие сельскохозяйственные поборы, но, прежде всего, несправедливая система налогообложения — вот что вызывало недовольство масс. Но не следует, однако, забывать, что сам король стремился ускорить отмену этих порядков и что аристократия в то время была не так уж неуступчива. Философия Руссо открыла глаза многим дворянам на необходимость реформ и, вероятно, в мировой истории не было более подходящего момента для того, чтобы осуществить масштабные преобразования с минимальным насилием.

Действия революционеров были, однако, направлены не на то, чтобы ускорить реформы, а на то, чтобы их приостановить: это усилило бы недовольство народа и привело их к власти. Способы, при помощи которых они осуществляли свои замыслы, подробно описаны в моем исследовании о Французской революции, и поэтому в данной работе история этого периода будет изложена максимально сжато — так, чтобы лишь очертить внешнюю канву событий.

¹ *Barruel*, op. cit. iv. 280

² Там же, iv. 281.

³ *Pieces saisies chez Babeuf*, 142.

⁴ *Arthur Young*, *The Example of France, a Warning to Britain*, p. 36

Нужно признать, что в течение первых трех лет великого переворота действия иллюминатов были незаметны на фоне происков других политических сил — заговора орлеанистов с целью смены правящей династии, а позднее — борьбы жирондистов за достижение политической власти. Беды, постигшие Францию, были связаны и с коварством Пруссии.

За много лет до революции Фридрих Великий вынашивал замысел разорвать франко-австрийский союз 1756 г., который преграждал ему путь к власти, и создать объединенное немецкое государство под главенством Пруссии. В 1778 г. императрица Мария-Терезия в письме к своей дочери Марии-Антуанетте написала такие пророческие слова:

“Всякий в Европе знает, в какой мере можно полагаться на короля Пруссии и насколько можно доверять его словам. Франция имела возможность почувствовать это при самых разнообразных обстоятельствах — и это когда речь шла о монархе, стремившемся играть роль защитника и руководителя Германии. Но что поражает еще больше, так это то, что европейские державы и не думают объединяться, чтобы предотвратить такое бедствие, от которого рано или поздно они все пострадают. То, о чем я говорю, касается всех государей Европы. Я не смотрю в будущее с улыбкой. Уже сейчас мы ощущаем влияние этой воинственной деспотической монархии, которая не признает никаких принципов и во всех своих действиях и начинаниях всегда преследует одну цель — свою исключительную выгоду и собственный интерес. Если этому прусскому принципу позволить и далее крепнуть, что ждет тех, кто однажды придет нам на смену?”¹.

В результате подобных предостережений Мария-Антуанетта заняла ту антипрусскую политику, за которую со временем так дорого заплатила. Фридрих, вымещая всю свою ненависть к Австрии на несчастном дофине Франции, распространял пасквилы через своего агента фон дер Гольца, совмещавшего роли посла и шпиона при версальском дворце. Деятельность Гогенцоллерна была настолько всеобъемлющей, что он дал себе труд установить связь с весьма темной личностью — французом по имени Карра, впоследствии ставшим известным революционером, который был настолько полезен Фридриху, что тот счел возможным наградить его за услуги золотой табакеркой. Политика Фридриха Великого нашла достойное продолжение в деятельности его преемника Фридриха-Вильгельма II:

¹ *Deschamps*, op cit. pp. 22—28, приводится из немецкой прессы.

пруссские агенты, которыми руководил еврей по имени Эфраим, посылались в Париж, чтобы, смешавшись с революционными массами, распалять их страсти.

Однако на начальный этап революции решающее воздействие оказал заговор орлеанистов: именно они создали искусственный дефицит зерна весной—летом 1789 г. и организовали осаду Бастилии (14 июля) и поход на Версаль (5 октября). Сейчас некоторые рецензенты упрекают меня в том, что в своей трактовке этих событий я переоценила значение заговора орлеанистов и что слабовольного герцога Орлеанского трудно представить в роли организатора заговора. Последнее совершенно верно, но следует заметить, что я не приписывала организацию заговора самому герцогу, а говорила о его сподвижниках, особенно о Шодерло де Лакло. Поскольку, однако, в такого рода исследовании нельзя продвинуться вперед без желания пересматривать свои взгляды в свете новых данных, я искренне признаю, что в моей “Французской революции” недооценила значение иллюминизма; так что весьма возможно, что некоторые из начинаний, которые я приписала гению Шодерло де Лакло, были в действительности делом рук иллюминизированных масонов. Это никоим образом не опровергает моих представлений о механизме, посредством которого были вызваны так называемые народные волнения, а лишь позволяет лучше понять причины его эффективности.

Однако поскольку герцог Орлеанский, вынашивая замысел захвата трона Франции, являлся в то же время Великим Мастером “Великого Востока”, а все революционные лидеры, орлеанисты и прочие, были членами лож, ныне совершенно невозможно распутать нити двух разных заговоров. Откуда нам знать, кто из сторонников герцога думал лишь о смене династии, а кто стремился к полному уничтожению монархии и любых форм правительства? Вейсгаупт всегда использовал сильных мира сего на взаимовыгодной основе; в этой связи было бы интересно узнать, не являлись ли те ссуды, которые герцог Орлеанский получил в Амстердаме и Англии, пополнив свою казну в разгар революции, частью средств, размещенных там иллюминатами.

Однако, независимо от того, кто стоял у ее истоков, Французская революция существенно отличалась от всех предыдущих. До нее все известные революции, имевшие место в мировой истории, возникали как спонтанные движения, вызванные к жизни теми или иными формами угнетения или политическими силами, пользовавшимися в определенной мере поддержкой народа, а, значит, пытавшимися удовлетворить его требования. В событиях Французской революции

впервые прослеживается тот план действий, который реализуется вплоть до сегодняшнего дня и состоит в систематическом наращивании негативных явлений с целью использования создающейся ситуации.

Наиболее ярким примером такого искусственного нагнетания ситуации на раннем этапе революции может служить экстраординарный инцидент, известный в истории как “Великий страх”, когда в один день, 22 июля 1789 г., почти в одно и то же время в городах и деревнях по всей Франции возникла паника, вызванная слухами о грядущем нападении разбойников и необходимости вооружаться всем добропорядочным гражданам. Посланцы, разносившие эту весть, пришпоривая коней, нередко демонстрировали фальшивки, озаглавленные “Указ короля”, где было сказано: “Король приказывает сжечь все замки; он желает сохранить только свой собственный!”. Люди, подчинившись этим приказам, схватили первое попавшееся оружие, чтобы сеять повсюду разрушение. Цель заговорщиков была, таким образом, достигнута — народные массы вооружились против закона и порядка, т. е. осуществилось то, что с тех пор значит первым пунктом в программах революционеров.

Считается, что идея этой акции принадлежала Адриану Дюпону и, соответственно, была связана с заговором орлеанистов; но Дюпон был не только близким другом герцога Орлеанского, но и адептом иллюминированного масонства — а, значит, “Великий страх” вполне мог быть делом рук масонов. Это предположение тем более обосновано, если вспомнить, что в планах лож еще до их иллюминизации было осуществление “революции для блага высшего класса с использованием народа в качестве инструмента”. Преследуя эту цель, заговорщики срывали поставки продовольствия, блокировали все реформы в Национальном собрании, организовывали демонстрации, прямо противоположные интересам народа. Стало правилом, что насилие (начиная с нападения на фабрику Ревейона в апреле 1789 г. и кончая убийством пекаря Франсуа в октябре того же года) направлялось против тех, кто кормил бедняков и оказывал им поддержку.

При доминирующей роли “третьего сословия”, почти полностью состоящего из буржуазии, озабоченной не столько страданиями народа, сколько своими претензиями к знати, законодательная деятельность Национального собрания приняла характер, который в лучшем случае можно назвать реакционным. Откровенно и безжалостно подавлялись все социалистические и даже демократические идеи. Новые законы не только защищали частную собственность, но и ограничивали избирательное право определенным имущественным цензом — в то время, как профсоюзы, мирно существовавшие под названием “рабочие

корпорации”, жестоко преследовались в соответствии со знаменитым законом Ле-Шапелье от 14 июня 1791 г.

Этим откровенно антидемократическим актом рабочим запрещалось избирать председателей, вести протоколы, принимать решения и постановления, создавать регламенты относительно своих так называемых общих интересов или договариваться об установлении определенного уровня заработной платы. Первая статья закона гласит: “Ввиду того, что уничтожение всякого рода корпораций граждан одного и того же состояния и профессии является одной из основ французской Конституции, запрещается восстанавливать таковые под любым предлогом и в какой бы то ни было форме .

Этот закон был принят, не вызвав протеста ни у Робеспьера, ни у так называемых демократов Народного собрания¹.

Что касается Конституции, которую представляли народу как высшее благо, которое дает революция, то нетрудно заметить, что каждый шаг на пути к ее провозглашению сопровождался очередной вспышкой революционных волнений. Не успели Мунье, Клермон, Тоннерр и другие честные демократы представить Национальному собранию ее основные принципы, как тут же последовала расплата со стороны революционеров из Пале-Рояль и была предпринята попытка марша на Версаль. Двумя годами позже король окончательно одобрил Конституцию, что представляло огромную уступку требованиям масс — так что, если бы революция вершилась народом, это бы, несомненно, означало ее завершение. На самом деле это послужило сигналом к новой вспышке революционного ожесточения, вылившегося в кровавую резню, известную как “*Glaciere d'Avignon*” (“Авиньонский ледник , *франц. — Перев.*). Можно ли после этого не усмотреть долю истины в утверждении Дешампа, что “Конституция была во всех странах свособразным паролем тайных обществ”, т. е. призывом к революции?² Мы найдем еще одно подтверждение этой теории ниже, при анализе истории революционного движения в России.

Таким образом, в течение первых двух лет революции иллюминизм таился под покровом народных волнений, и лишь с созданием клубов якобинцев по всей Франции его планы стали вырисовываться четче.

Эти клубы, как утверждает Робисон в своей книге “Доказательства заговора”, были организованы революционными комитетами под непосредственным влиянием баварских иллюминатов,

¹ *Buchez et Roux*,. Histoire parlementaire, x. 196.

² *Les Societe secretes et la societe*, by P. Deschamps and Claudio Jannet, p. 242.

которые обучили их своим “методам ведения дел, организации переписки, привлечения и обучения новичков”. В итоге по условному сигналу можно было одновременно поднять восстания во всех частях страны и по команде привести в готовность пригороды Парижа.

План Вейсгаупта по привлечению в движение женщин был с самого начала одобрен революционерами, и достаточно познакомиться с заявлениями Теруань де Мерикур¹ и воинствующей суфражистки Олимпии де Гуж, чтобы удостовериться, как умело реализовывалась идея представления женщинам “видимости равенства”. Мадам Ролан, также упивавшаяся политической властью, которую дала ей революция, едва ли предвидела, что очень скоро все изменится и с революционной сцены сойдут все женщины, за исключением фурий гильотины. Олимпия и мадам Ролан заплатились за свои иллюзии головами; Теруань, публично выпоротая в саду Тюильри сторонницами Робеспьера, потеряла рассудок и спустя несколько лет умерла в горячечном бреду в приюте Сальпетриер. Вообще, в революционных событиях могут играть заметную роль не так женщины, наделенные умом и энергией, как особы, чье болезненное воображение и извращенная чувственность толкают их на жестокости, превосходящие те, на которые способны мужчины.

Якобинцы, играя на этих страстях, кипевших среди женщин, трижды в неделю собиравшихся на встречи в их “Братских обществах”, распалили их ярость, создавая тех ужасающих гарпий, которые совершили зверства 10 августа.

Система якобинских клубов стала теперь настолько совершенной организацией, что в течение 1791—1792 гг. все масонские ложи Франции были закрыты, и Великий Мастер Филипп Эгалите оставил свой пост. Это сочли целесообразным по нескольким причинам: якобинцы, ставшие хозяевами Франции, не могли смириться с существованием какой-либо тайной ассоциации, которую можно было использовать как прикрытие для контрреволюционной деятельности; кроме того, поскольку великий замысел иллюминатов был уже близок к осуществлению, была ли им нужда таиться? Идеи, которые прежде обсуждали в ложах, затаив дыхание, теперь открыто провозглашались с трибун якобинских клубов. Осталось только воплотить их в жизнь.

¹ Théroigne таким образом выразила свои взгляды на революцию английским современникам: “В обществе происходят изменения, великая реорганизация и женщины вот-вот возобновят свои права. Мы больше не поддадимся лести, чтобы вновь попасть в кабалу; эти руки сместили тирана и завоевали свободу” (*France in 1802, Letters of Redheal Yorke*, p. 62).

Однако лишь после свержения монархии 10 августа началась деструктивная деятельность в масштабах, предлагавшихся Вейсгауптом. С этого момента роль иллюминизма ясно прослеживается на всех стадиях революции. С 10 августа трехцветное знамя узурпатора сменяется красным флагом социальной революции, а призыв “Да здравствует наш король Орлеанский!” уступает место масонскому лозунгу “Свобода, Равенство, Братство!”. Во время массовых убийств в тюрьмах, которые последовали в сентябре, было замечено, что палачи подавали своим жертвам масонские знаки, сохраняя жизнь тем, кто знал, как ответить. Среди тех, кого не пощадили, оказался аббат Лефранс, издавший памфлет, изобличавший козни масонов в начале революции.

Выпущенная Конвентом в декабре прокламация, где говорилось о необходимости поднять восстания против своих правителей всем европейским народам, стала первым призывом к всемирной революции; однако отсутствие откликов на этот призыв заставило якобинцев перейти на “государственные” позиции, о которых они раньше и не помышляли.

В ноябре 1793 г. антирелигиозная кампания, начавшаяся в сентябре убийствами священников, охватила всю Францию. На кладбищах по приказу Шометта, известного среди иллюминатов как Анаксагор, был вывешен излюбленный девиз сектантов: “Смерть — это вечный сон”. Праздники Разума, отмечавшиеся в парижских церквях, были естественным продолжением учения Вейсгаупта о том, что “разум должен стать единственным законом человека”; а что касается тогдашних церемоний, во время которых женщинам легкого поведения воздавались почести, словно богиням, то образцом для них, по наблюдению Робисона, послужили задуманные Вейсгауптом “эротсрионы” — праздники в честь бога Любви¹.

В полном соответствии с выступлениями Вейсгаупта против “племени торгашей” происходило разорение промышленных городов Франции, уничтожение торговцев; следующим шагом на пути разрушения цивилизации стала кампания против образования. Погромщики, сжигавшие библиотеки и гильотинировавшие Лавуазье на том основании, что “республике не нужны химики”, просто осуществляли на практике теорию Вейсгаупта о том, что науки — это

¹ Видимо, сама идея имеет глубокне корни в Германии. “В 1751 такая сомнительная пьеса была посвящена Фридриху II (Великому), где главной сценой стала сцена обожания проститутки, пьеса была показана 20 брюмера 1793 года у Собора парижской богородицы” (Deschamps, *Les Societes secretes*, ii. 98, quoting *Der Goetze der Humanität oder das Positive der Freimaurerei*, Freiburg Herder, 1875, pp. 75—80).

продукт необходимости и потребностей, далеких от естественных, плотищеславия и недомыслия. По свидетельству современника, проводилась “систематическая травля талантливых людей”, организаторами которой как и всей системы террора, были иллюминаты, реализовывавшие ведущий принцип секты. Любимый девиз Вейсгаупта — “цели оправдывают средства” — перефразированный якобинцами, звучал так “Разрешено все, что идет на пользу революции”. Царство террора стало логическим следствием из этой посылки.

Впрочем, сказанное отнюдь не означает, что все террористы были иллюминатами, т.е. сознательными последователями Вейсгаупта. Верно то, что, как мы убедились, в самом начале революции все они были масонами, но некоторые, очевидно, могли быть посвящены в высшие таинства ордена. Мастерство иллюминатов заключалось в умении вербовать людей самого разного рода, которые, независимо от своих устремлений, служили тайным целям ордена; сектанты добивались этого, поощряя мечты романтиков и замыслы фанатиков, льстя тщеславию амбициозных эгоистов, опираясь на незрелые умы, играя на таких страстях, как жажда золота или власти. По существу, из всех руководителей революционного движения только одного можно определенно назвать иллюминатом — прусского барона Клоотса принявшего имя Анахарсис.

В высказываниях Клоотса доктрина Вейсгаупта нашла предельно точное выражение. Так, в его работе “Всемирная республика” намерение Вейсгаупта превратить человечество “в одну прекрасную и счастливую семью” сформулировано в виде восклицаний: “Один общий интерес! Один образ мышления! Одно государство!” “Желаете ли вы, — спрашивал он, — истребить всех тиранов одним ударом? Заявите тогда открыто, что суверенным может быть лишь государство, основанное на поддержке и солидарности всех людей, слившихся в одну нацию... Мир превратится в одно государство, государство объединенных индивидуумов, империю великой *Германии* — Всемирную республику. Или: “Когда, подобно башне Парижа, падет лондонский Тауэр, с тиранами будет покончено. Все люди объединятся в одно государство, сольются воедино все занятия, все интересы” и т. д. Характерно, что именно Клоотс сыграл наиболее деятельную роль в кампании против религии, открыто объявив себя “личным врагом Иисуса Христа”. Не он ли изобрел слово “сентябризация”, сожалея, что в тюрьмах этой процедуры было подвергнуто слишком мало священников? Тот факт, что он никогда не называл себя иллюминатом и никогда не ссылаясь на Вейсгаупта, полностью соответствует предписаниям ордена, которыми придерживались все посвященные. “Иллюминаты, — свидетельствовал

перед баварской следственной комиссией профессор Реннер, — ничего так не боятся, как быть узванными под этим именем”; раскрытие тайны влечет за собой ужасное наказание. Однако историки, не догадываясь об источнике, откуда Клоотс черпал свои теории, либо стремясь утаить роль иллюминизма в революционном движении, называют его добродушным эксцентриком, не имевшим большого влияния. В действительности, если смотреть с современных позиций, Клоотс был одной из наиболее важных фигур революции, потому что в нем воплотился дух антипатриотизма и интернационализма, который, потерпев поражение во Франции в 1793 г., восторжествовал на руинах Российской империи в 1917 г.

Конец интернационализму Клоотса положило резкое противодействие Робеспьера. Когда в якобинском клубе прусский барон заявил, что “в душе он француз и санкюлот” и тут же предложил, чтобы “французские солдаты, попав в поле зрения австрийских и прусских, вместо того, чтоб нападать на врага, бросили свое оружие и двинулись ему навстречу, выказывая свое дружественное расположение танцами”¹, Робеспьер, “которому в минуты гнева не изменяла пронизательность, едко задел его, говоря, что никогда не доверял всем тем иностранцам, которые объявляют себя бóльшими патриотами, чем сами французы, и что ему подозрительны так называемые санкюлоты с годовым доходом в 100 тыс. ливров”²; кончилось тем, что Клоотса и его сотоварищей-атеистов Эбера, Шометта, Ронсена и Винсента отправили на эшафот.

Значит ли это, что Робеспьер не был иллюминатом? Он, несомненно, был масоном: князь Кропоткин определенно заявляет, что он принадлежал к одной из лож иллюминатов, основанной Вейсгауптом. Но современники утверждают, что он не был посвящен во все таинства и действовал как орудие заговора, а не как его организатор. Кроме того, Робеспьер был учеником не только Вейсгаупта, но и Руссо, и под влиянием “Общественного договора” выработал собственные воззрения, в которых не было места бессмысленной разрушительности иллюминизма. Так, Робеспьер полностью признавал необходимость масштабной социальной революции, о которой говорил Вейсгаупт; однако если Вейсгаупт видел в ней общественный взрыв и “улыбался при мысли о всемирном пожарище”, Робеспьер расценивал анархию лишь как средство достижения необходимого результата — переустройства общества в соответствии с планом, который он

¹ *France in 1802, Letters of Henry Redhead Yorke*, p. 72

² *Biographie Michaud*, article “Cloutz”.

разработал вместе с Сен-Жюстом; тот представлял собой зачатки системы, позднее названной *государственным социализмом*.

Это утверждение, конечно, будет опровергаться социалистами, ведь они — по причинам, которые я изложу ниже — всегда отрицали, что их доктрина восходит к Робеспьеру. Разумеется, не подлежит сомнению, что само слово “социализм” было придумано лет сорок спустя, но довольно абсурдно путем такой казуистики отделять социализм от его ранних представителей. Олар, без сомнения, прав, утверждая, что робеспьеровская “Декларация прав человека” содержит “все элементы французского социализма, основанного на принципах 1789 г. — наподобие того, который в 1848 г. пропагандировал Луи Блан. Именно благодаря тому, что он предложил эти социалистические идеи, этот характер социализма, а отнюдь не потому, что он вяло осуждал богатых и возносил хвалы посредственности, Робеспьер после смерти стал пророком — и не только для современников Бабёфа, но и для тех из нас, кто мечтал о социальном переустройстве; он оставался таковым вплоть до того времени, когда, поддавшись влиянию немцев, французские социалисты на время забыли о французском происхождении своих воззрений”¹. Действительно, Робеспьера, говоря языком социалистов, можно охарактеризовать как более передового деятеля, чем его французские последователи начала XIX в., поскольку он предвосхитил марксистскую теорию классовой борьбы, которая не находила поддержки во Франции, пока, наконец, ее не приняли последователи Гада и синдикалисты в самом конце столетия. Излюбленный афоризм Робеспьера “богач — враг санкюлота”² пропитан духом классовой борьбы. Фактически нужно только перефразировать на современный манер высказывания, прозвучавшие в 1793 г., чтобы убедиться в их тождестве с нынешними социалистическими лозунгами. Так, магическая фраза “диктатура пролетариата” (чье точное значение вряд ли кому-нибудь известно) в то время передавалась словосочетанием *верховная власть народа*, составлявшим политическое кредо Робеспьера. “Народ, — писал он, — должен быть элементом всех политических институций”³. Всем прочим классам общества отказывалось в праве на представительство и, возможно, в праве на существование.

¹ Aulard. *Histoire politique de la Revolution Francaise*, iv. 47; see also Aulard. *Etudes et lecons sur la Revolution Francaise*, ii. 51.

² *Papiers trouves chez Robespierre*, i. 15.

³ *Discours et rapports de Robespierre*, edited by Charles Vellay, p. 8; see also p. 327.

Даже теория “наемного рабства”, позднее провозглашенная Марксом, была в ходу в годы террора, о чем сохранилось свидетельство современника.

“План якобинцев, — писал демократ Фантин Десодоар, — состоял в том, чтобы натравливать богатых на бедных, а бедных — на богатых. Последним они говорили: “Вы принесли жертвы на алтарь революции, но руководствовались страхом, а не патриотизмом. Бедным же говорилось: “Богатый безжалостен; под предлогом заботы о голодающих бедняках он дает им работу и утверждает тем самым свое верховенство над ними, противное законам природы и республиканским принципам. Свобода всегда будет относительной, пока одна часть населения работает за жалованье на другую. Дабы утвердить независимость, необходимо, чтобы все были либо богаты, либо бедны”¹.

Как мы еще убедимся, и теория классовой борьбы в целом, и отдельные ее формулировки, и даже замыслы изменить отношения между трудом и капиталом, которые у нас обычно ассоциируются с Марксом, на самом деле существовали за двадцать пять лет до его рождения. Нет сомнений, что их следует приписать главным образом, Робеспьеру и Сен-Жюсту. Робеспьер, как мы знаем, решительно ратовал за отмену права наследования. “Собственность человека, — говорил он, — должна с его смертью вновь становиться общественным достоянием”; и хотя он, как известно, заявлял, что “равенство в богатстве — это химера”, объяснялось это, несомненно, его убежденностью в том, что богатство нельзя разделить поровну, и, значит, единственный путь к достижению равенства — это процедура, известная сегодня как национализация всего богатства и собственности. “В этом, — говорит издатель его трудов Шарль Вэлло, — для него заключалась суть революции — она вела к своего рода коммунизму. В этом пункте он разошелся со своими соратниками, отделился от них, вызвав ответное сопротивление”. В 1840 г. социалист Кабе, судивший о Робеспьере по рассказам его современника Буонарроти, высказал аналогичное мнение:

“Все предложения Комитета общественного спасения в течение последних пяти месяцев, как и высказывания Бодсона и Буонарроти (оба были посвящены в замыслы Робеспьера, оба — его почитатели, оба — коммунисты), убеждают нас в том, что Робеспьер и Сен-Жюст осуждали только поспешность, с какой действовали атеисты (Клоотс,

¹ *Fantin Desodoards, Histoire philosophique de la Revolution Francaise. iv. 344.*

Эбер и др.), и что сами они двигались к коммунизму путями, казавшимися им более надежными”¹.

Но еще более веское свидетельство о подлинных целях Робеспьера оставил коммунист Бабеф, написавший в 1795 г.:

“Он (Робеспьер) полагал, что равенство прав будет оставаться пустым звуком до тех пор, пока владельцам собственности будет позволено угнетать народные массы, и что для того, чтобы уничтожить их власть и освободить массы граждан от этой зависимости, *нет другого способа, как сосредоточить всю собственность в руках правительства*”².

В свете этого утверждения можно ли отрицать, что Робеспьер был сторонником государственного социализма именно в том смысле, какой мы вкладываем в это понятие сегодня? Наверное, нет необходимости уточнять, что для Робеспьера государство отождествлялось с ним самим и некоторыми его сторонниками, — но кто из коммунистов не видит себя во главе социалистического государства, которое хочет построить? “Государство — это мы” — вот девиз всех таких теоретиков.

Лишь одно отличало Робеспьера от большинства носителей подобных идей, пришедших ему на смену, — что он проявил себя как *последовательный* социалист, т. е., обладая достаточной целеустремленностью и не будучи щепетилен в вопросах морали, довел свои теории до их логического завершения. Один лейбористский экстремист недавно назвал нынешних большевиков “социалистами, которым хватает отваги на собственные воззрения”. Это определение вполне применимо к Робеспьеру и Сен-Жюсту. Не случайно Робеспьер не произносил лицемерных тирад о “мирной революции”: он знал, что революция не может быть мирной, что по самой своей сути она предполагает натиск и ответное сопротивление — сопротивление, которое можно преодолеть, лишь полностью пренебрегая человеческой жизнью. “Я буду прогуливаться по колени в крови и слезах”, — говорил его соратник Сен-Жюст, и это, хотим мы этого или нет, должно стать лозунгом каждого истинного социалиста, верящего, что для достижения его цели оправданы любые методы.

Так что террор стал не только воплощением идей иллюминизма, но и логическим следствием социалистических доктрин. Так, например, проявления вандализма, имевшие место летом 1793 г. (сожжение библиотек, уничтожение бесценных сокровищ искусства и литературы), будучи частью плана Вейсгаупта, полностью соответствовали

¹ *Histoire populaire de la Revolution Francaise*, by Cabet (1840).

² *Sur le systeme de la depopulation*, p. 28.

социалистической теории “верховенства народа”. Ведь если считать, что в наименее образованной части общества сосредоточены все добродетели и вся мудрость мира, то, подчиняясь логике, останется только сжечь библиотеки и закрыть школы. Зачем развивать интеллект ребенка, если в почете только физический труд? Зачем его цивилизовать, если цивилизация — это проклятие человечества? Нелепо говорить о достоинствах образования и тут же отстаивать “диктатуру пролетариата”, третируя всех образованных людей как буржуа.

Именно якобинцы явили миру это странное противоречие, заметное ныне в действиях русских большевиков. На рассмотрение Конвента выдвигались величественные проекты создания “обычных школ”, “центральных школ” и т. д.; целые полчища профессоров должны были заняться обучением молодежи; но все эти планы были сведены на нет: как оказалось, к концу 1794 г. система общественного образования прекратила свое существование¹. Это вполне объяснимо: ведь эмиссары Комитета общественного спасения не сидели без дела, уничтожая книги, картины и преследуя всех культурных людей.

Эта кампания против так называемой буржуазии пользовалась полной поддержкой со стороны Робеспьера. Именно от него исходил призыв к оружию, который со временем стал боевым кличем революционеров. “Носителем внутренней угрозы является буржуазия; чтобы ее победить, мы должны поднять народ, мы должны снабдить его оружием и вызвать его ярость”². Естественным следствием этой политики, направленной против торгово-промышленной буржуазии, стали погромы фабричных центров Франции и вызванная этим массовая безработица. Уничтожение аристократии также выбросило на улицу бесчисленное множество рабочих; таким образом, к 1791 г. практически все, кто удовлетворял потребности и прихоти зажиточных людей, остались без дела. Тысячи парикмахеров, ювелиров, перешлетчиков, портных, золотошвеек и слуг блуждали по Парижу, собираясь в группы, “чтобы поговорить о своем бедственном положении”.

Положение такого рода людей всегда ухудшается с исчезновением непродуляющих слоев населения вследствие их физического уничтожения либо решительной экспроприации принадлежащего им капитала. Социалисты любят называть этих людей паразитами; понятно, что убивая животное, на котором живут паразиты,

¹ Joseph de Maistre, *Mélanges inédits*, pp. 122, 124, 125, цитируется из современных документов.

² *Papiers trouvés chez Robespierre*, ii. 15.

мы тем самым убьем и его паразитов. Возможно, что при достаточно медленном и постепенном перераспределении собственности представители перечисленных выше профессий могли бы найти себе иное применение, но даже это очень сомнительно. В любом случае уничтожение сферы обслуживания богачей должно неизбежно привести к массовой безработице, поскольку не у дел останутся не только те, кто в ней занят, но, в силу межсословных связей, и многие торгово-промышленные рабочие, от них зависящие. Ну, а любой внезапный сбой в производственной сфере способен привести к национальному банкротству.

Именно так и случилось во Франции — и это признают даже социалисты.

Малон в своей книге “История социализма” иллюстрирует с помощью рисунка, запечатлевшего сценку из жизни парижской улицы, ситуацию, описанную Мишле:

“Революция дала шанс крестьянину, но отняла его у рабочего. Первый наострил уши, узнав о декретах, которыми распродалась собственность духовенства; второй, подавленный и угрюмый, утратив работу, блуждал целые дни напролет со скрещенными на груди руками”¹.

Положение промышленных рабочих усугублялось законодательством эпохи террора. Дело не только в реакционном законе Ле-Шанелье, одобренном и неуклонно претворявшемся в жизнь робеспьеровским Комитетом общественного спасения, а в том, что рабочие были вынуждены трудиться гораздо больше, чем прежде. Этот факт, как правило, игнорируемый историками, составляет один из основных парадоксов данной эпохи и дает представление о бесхитростном методе, посредством которого так называемые защитники верховенства народа умудрялись обманывать этот самый народ.

Дело в том, что под предлогом отмены устаревших обычаев и предрассудков, унаследованных от старого режима, рабочих лишили всех церковных праздников. До свержения короля не только эти праздничные дни, но и дни, следующие за ними, были выходными, и ни в воскресенье, ни в понедельник никто не работал.

Заменив воскресенье “днем декады” (т. е. каждым десятым днем) и сделав его лишь наполовину выходным, новые хозяева Франции добавили 3,5 рабочих дня к каждому двум неделям. Годовой итог был подведен в занятой статье, опубликованной в газете “*Moniteur*”

¹ *Malon, Histoire du socialisme, i. 267, 297.*

(“Монитор”, франц. — Перев.) 9 сентября 1794 г. под названием “Национальное безделье”, отрывок из которой приводим:

“Пасха, Рождество, День Всех Святых, дни Девы Марии, Трех Королей, Святого Мартина, покровителей пятидесяти тысяч приходов и монастырей... Все эти праздники и выходные, следовавшие за ними, были отменены; изгнав святых из их святилищ и всех священников из их исповедален, мы получили тридцать шесть полувоскресений (т.е. тридцать шесть “дней декады” на год, которые были лишь наполовину выходными). Революция посвятила работе те сто двадцать дней, в течение которых папа римский и его Старший Сын (титул, данный королю Франции) позволяли французам предаваться безделью. Это национальное безделье было налогом на нищету, налогом, сокращавшим доходы государственной казны и увеличивавшим расходы на богадельни, приюты и больницы. Разрешение работать — это милость, которая ничего не стоит государственной казне, но несет ей солидные поступления. Все во Франции обновилось: погода, люди, земля и море... *В республиканском году нужно работать на четыре месяца больше, чем в папско-королевском*”¹.

Нетрудно понять, что подобные мероприятия сокращали потребность в рабочих руках и расширяли рынок труда, что позволяло предпринимателям диктовать рабочим свои условия. В целом, нетрудно удостовериться, что такой способ действий, который сторонники государственного социализма осуждают как чисто капиталистический, находил широчайшее применение в условиях политического режима, созданного первым глашатаем государственного социализма — Максимилианом Робеспьером.

Но к концу 1793 г. стало очевидно, что нет никакой возможности трудоустройства выброшенных на улицу людей, поскольку погромы в промышленных городах Франции нанесли сокрушительный удар по ее экономике. Республика лицом к лицу столкнулась с сотнями тысяч безработных. Тогда Комитет общественного спасения, предвосхищая мальтузианскую теорию, приступил к реализации своего страшного проекта, известного как *система уничтожения населения*.

В том, что подобный план действительно существовал, убеждают ошеломляющие свидетельства современников. В своей “Французской революции” я цитировала в этой связи показание не менее чем 22 свидетелей — причем все они были участниками революции²; впоследствии я обнаружила новые доказательства этого факта в

Moniteur, xxi. 699.

The French Revolution. pp. 426—428.

Таков был период, на протяжении которого, как убеждал Карлейль, “двадцать пять миллионов французов страдали меньше, чем когда бы то ни было .

Однако кровавые расправы были лишь одной из уродливых черт эпохи террора. От разрухи, нищеты и голода страдали все, кроме кучки тиранов, взявших в свои руки бразды правления; такое положение дел сохранялось еще долго после того, как владычество Робеспьера закончилось. Популярный в литературе образ Франции, восстающей, как Феникс, из кровавого кошмара революции, столь же мифичен, как и сама птица Феникс, и мог возникнуть лишь в фантазии потомков. Для каждого человека, пережившего эпоху революции, она была ничем иным, как чудовищным крахом. Лишь прихоть истории создала миф.

Правда, во Франции истина, наконец, начинает выходить наружу. Так, Маделин, наиболее объективный и компетентный из современных историков, описал состояние Франции после террора в таких сильных выражениях:

“Франция деморализована. Она полностью истощена — разрушенная, она застыла у последней черты. Нет больше никакого общественного мнения, или, точнее, оно сводится к ненависти. Ненавидят директоров (т. е. членов Директории) и депутатов; ненавидят террористов и шуанов (т. е. роялистов Вандеи); ненавидят богачей и анархистов; ненавидят революцию и контрреволюцию... Но где ненависть достигает своего пика, так это в отношении нуворишей. Какой прок в том, что уничтожены короли, знать и аристократы, если их место заняли депутаты, фермеры и торговцы? Что за буря негодования! ...Из всех разрушений, унаследованных и приумноженных Директорией, — крушений партий, власти, национального представительства, церкви, финансов, жилищ, совести, разума — одно вызывает наибольшее сожаление: *крушение национального характера*”¹.

Спустя восемь лет после окончания террора Франция все еще не оправилась от его разрушительных последствий. Свидетельства Йорка убеждают, что общепринятые представления о подъеме сельского хозяйства не соответствуют истине.

“Хуже орудий, применяемых для возделывания земли, выглядят только люди, пользующиеся ими. Женщины, идущие за плугом, и девочки, правящие лошадьми, — все говорит о полном безразличии к агрокультуре в годы республики. Здесь не увидишь сельских домиков, разбросанных по полям. Крестьяне живут в отдаленных деревнях, что, как известно, ведет к застою в земледелии. В хижинах грязно, дворы в

¹ Madelin, *La Revolution*, pp. 443, 444.

полном беспорядке, а жалкое состояние скота красноречиво говорит о бедности владельцев”¹.

Повсюду к Йорку приставали нищие, выпрашивая подаяние; несмотря на сокращение населения, в стране не уменьшалась безработица, образование находилось в застое, а система благотворительности, вследствие уничтожения знати и духовенства и того факта, что нувориши, захватившие их имения, бывали в них только наездом, фактически прекратила свое существование. Йорк в конечном итоге был вынужден заявить:

“Революция, которую совершали якобы во благо низших слоев общества, довела их до такого уровня деградации и нищеты, до какого они никогда не опускались прежде, при короле. Они были раздеты, лишены имущества и всех источников существования, за исключением возможности грабить во время военных кампаний побежденные народы .

Чуть ниже Йорк задает неизбежный вопрос, возникавший в умах всех мыслящих современников:

“Франция до сих пор кровоточит всеми своими ранами — она подобна большой семье, одетой в рубище и погруженной в траур. Если поразмыслить, сейчас во Франции нет ни единого повода для веселья. На каждом шагу жестокие и кровавые следы, оставленные варварами-фанатиками, оскорбляют взгляд и чувства; повсюду бросаются в глаза руины, заставляя задуматься над вопросом — для чего и для кого весь этот хаос и это опустошение?”².

Следует, конечно, упомянуть, что Редхед Йорк был так называемым “реакционером”. Являясь по своим убеждениям конституционалистом, он в 1795—1799 г. отбыл срок заключения в дорчестерской тюрьме лишь потому, что провозгласил себя “человеком, сопричастным к трем революциям: послужившим идеалам республики в Америке и Голландии и оказавшим материальную помощь Французской республике; кроме того, готовым и далее способствовать революциям во всем мире”. Но посещение Франции в 1802 г. рассеяло его иллюзии, и он нашел в себе смелость это признать. Написанные им письма были опубликованы уже после его смерти.

Сторонники социальной революции, обескураженные обнародованными в последнее время фактами, относящимися к эпохе террора, смогли найти себе удобную линию защиты, называя Французскую революцию “буржуазным движением”. Верно, что она

¹ France in 1802, p. 28

² Там же. с. 33.

письмах англичанина по имени Редхед Йорк, путешествовавшего по Франции в 1802 г. и общавшегося со сподвижником Робеспьера — художником Давидом:

“Я спросил его, правда ли, что изучался проект сокращения населения Франции до одной трети от его нынешней численности. Он ответил, что это было предметом серьезного обсуждения и что автором проекта являлся Дюбуа-Крансе .

В другом месте Йорк замечает:

“Мсье де ла Метери уверил меня, что во времена революционных трибуналов существовал замысел уменьшить население Франции до 14 миллионов человек. Наиболее ярким и заметным приверженцем этой гуманной и философской политики был Дюбуа-Крансе”¹.

Нетрудно заметить несоответствие в цифрах. Население Франции в тот период составляло 25 млн человек; предложение уменьшить его до одной трети от общего числа дало бы цифру в восемь с лишним миллионов. Очевидно, существовали проекты депопуляции Франции на одну треть или до трети ее населения — что Йорк и упустил из виду; но именно в этом вопросе мнения организаторов террора разошлись. Так, говорят, член революционного трибунала д'Антонелль был сторонником первого проекта и более умеренной политики, но сокращение населения до восьми миллионов, т. е. до одной трети, стало тем вариантом, с которым в целом согласились лидеры.

Необходимость в таких крайних мерах диктовалась не только нехваткой хлеба, денег, имущества, но и тем, что после уничтожения аристократии и буржуазии в стране не доставало работы.

“Максимилиан и его совет рассчитали, — говорит Бабеф, — что в любом случае необходимо произвести сокращение населения, потому что, по производственным подсчетам, французское население по численности превосходило ресурсы почвы и потребности производительной деятельности; иными словами, людей у нас слишком много, чтобы каждый мог жить в достатке, рабочих рук больше, чем нужно для выполнения наиболее полезных работ... Наконец (в этом и заключается страшный вывод), что, так как излишнее население может сойти за столько-то (у нас нет подсчетов пресловутых законодателей), то надлежало бы принести в жертву часть санкюлотов, что можно было бы вымести этот мусор... в таком-то размере, и что надлежит найти способ, как это сделать .

¹ *France in 1802, Letters of Redhead Yorke*, edited by J. A. C. Sykes (Heinemann), 1906, pp. 102, 127.

Таким образом, система террора стала ответом на проблему безработицы — безработицы, спровоцированной уничтожением элитных слоев населения.

Если массовые убийства, совершавшиеся по всей Франции, никогда не достигли тех огромных масштабов, в каких они задумывались, то случилось это не из-за нехватки того, что тогда называли “энергией в искусстве революции”. Дни и ночи напролет члены Комитета общественного спасения заседали в Тюильри за покрытым зеленым сукном столом, разложив перед собой карту Франции, отмечая города и деревни и прикидывая, сколько людей должно быть в каждом департаменте. Дни и ночи напролет революционный трибунал перемалывал без суда и следствия нескончаемый поток жертв, в то время как рядом неустомимый Фукус составлял все новые и новые списки обреченных, а в провинциях над той же геркулесовой задачей бились проконсулы Каррье, Фрерон, Колло д’Эрбуа, Лебон.

В сравнении с результатами, которых они надеялись достичь, сокращение населения было мизерным; однако оно огромно на фоне данных, к которым мы приучены. Распространенные представления об эпохе террора, как об идущей на гильотину веренице людей в париках, начинают казаться бесконечно наивными, когда обращаешься к подлинным документам того времени. Так, в период террора в Париже погибло около 2800 человек, из которых порядка 500 принадлежали к аристократии, 1000 — к буржуазии и еще 1000 — к рабочему классу. Эти данные довольно типичны, так как они подтверждаются документами революционного трибунала, опубликованными Кампартеном и Валлоном, а также современником событий Прюдомом¹; их признает достоверными историк — робеспьерист Луи Блан².

Согласно данным Прюдома, общее количество лиц, утопленных, гильотинированных или расстрелянных в годы революции во Франции, составляет около 300 тыс. человек; при этом на долю знати приходится сравнительно незначительное число жертв — порядка 3 тыс. человек³.

В Нанте одновременно убили 500 сирот — “детей народа”; а по свидетельству одного англичанина-очевидца, 144 женщины из бедноты, шившие одежду для армии, были сброшены в реку⁴.

¹ Prudhomme, *Crimes de la Revolution*, vol. vi. Table VI.

² Louis Blanc, *Histoire de la Revolution*, xi. 155.

³ Prudhomme, *Crimes de la Revolution*, vol. vi. Table VI.

⁴ Playfair's *History of Jacobinism*, p. 789.

была делом буржуазии, а в самом начале — и части аристократов, и что от нее больше всего пострадали народные массы; но то же самое можно сказать о любой другой вспышке всемирной революции. Все революционные лидеры и теоретики, от Вейсгаупта до Ленина, принадлежали к буржуазии: Маркс был буржуа, Сорель также был буржуа. Ни один человек из народа никогда не играл ведущую роль в революционном движении. Но во Франции в эпоху террора, как и в сегодняшней России, буржуа были также и жертвами.

“Франция погрузилась в ту форму безумия, — писал Прудом, — когда не только революционно настроенная знать ополчилась против знати, священники против священников, торговцы против торговцев, богатые против богатых, но даже санкюлоты, став судьями, заметно сократили число санкюлотов среди своих сограждан. Кто мог предвидеть, что возникнет система всеобщего взаимоуничтожения? До сих пор никто ни о чем подобном не слышал. Но этот грандиозный механизм не был иллюзией, он существовал, он был очевиден, а его создатели хотели одного — царствовать над пустыней”¹.

Какая же сила могла породить такую ужасную систему? При традиционном подходе к истории мы не найдем ключ к разгадке. Только признав, что на ее ход воздействуют закулисные силы, мы сможем понять, как случилось, что французский народ пал жертвой уродливого режима террора. Недаром в свое время многие осведомленные современники считали, что иллюминизм способен объяснить эту тайну. Еще в 1793 г. “*Journal de Vienne*” (“Венский журнал”, франц. — Перев.) указал на истинный источник вдохновения якобинцев:

“Отнюдь не французы придумали, как изменить облик мира: эта честь принадлежит немцам. Французы лишь начали воплощать этот замысел, дойдя до таких крайностей как гильотины, интриги, убийства, поджоги и людослество, которые, как доказывает история, соответствовали духу этого народа... Откуда взялся этот вечный якобинский призыв ко всеобщей свободе и равенству, к свержению принцев и королей, тиранивших народ, эти постоянные разговоры о паразитизме духовенства и о необходимости уничтожить христианство, заменив его философской религией? Разве все это не напоминает антихристианские выпады иллюмината Мовийона, высказывания Книгге и Кампе относительно государственной религии? Откуда эта духовная связь с “Подлинными сочинениями ордена иллюминатов”, если нет связи между этим орденом и якобинцами? Как объяснить, что

¹ *Prudhomme, Crimes de la Revolution, t. p. xxiii.*

якобинство имеет приверженцев повсюду, даже в самых далеких странах, и что эти приверженцы, насколько позволяют судить имеющиеся данные, имели контакты с иллюминатами?”.

Алонс Хоффман, издатель этого журнала, писал: “Я никогда не перестану повторять, что революция пошла от масонства и что ее совершили писатели и иллюминаты .

О том, что цели заговора были точно те же, что и сегодня, свидетельствуют знаменательные слова из письма Квентина Кроуфорда лорду Окленду (23 мая 1793 г.):

“Из всех известных до сих пор кризисов нынешний, безусловно, наиболее необычен по сути и, вероятно, наиболее важен по своим последствиям. Он может решить судьбу религии и правительства в большинстве стран Европы, или, точнее, может решить, будут ли религия и правительство далее существовать или Европа опять погрузится в состояние варварства. До сих пор основу государственности составляла религия, везде почиталось Высшее Существо и соблюдались основные моральные заповеди; но стоило гражданскому обществу достичь доселе невиданной степени совершенства, как почти повсеместно развернулось движение, направленное на его уничтожение. Атеизм поднимается против религии, анархия — против правительства, бездельники — против тружеников, люди, которым нечего терять — против тех, кто довольствуется тем, что получил от своих предков или заработал собственным трудом, и этот конфликт перешел, наконец, в ту стадию, когда все решает оружие. С одной стороны, мы видим основные державы Европы, вставшие на защиту религии и законной власти, с другой — орды варваров, пытающихся их уничтожить. Такова, милорд, пусть не учитывающая некоторые политические нюансы, но довольно точная картина того, что принесла с собой Французская революция”.

Можно ли лучше описать ситуацию, сложившуюся в Европе в нынешнем 1921 году?

Но, несмотря на обширные опустошения, произведенные эпохой террора, ни ученики Вейсгаунта, ни направляемые ими революционеры-социалисты не достигли поставленной цели. Требовались дополнительные усилия, чтобы осуществить “всемирную революцию, которая нанесет сокрушительный удар обществу”. Очередную попытку сделать это спустя два года после окончания террора предпринял коммунист Гракх Бабеф.

ГЛАВА 3

ЗАГОВОР БАБЕФА

Граф Бабеф — Пантеонисты — “Манифест равных” — Система Бабефа — План заговорщиков — Великий день народа — Раскрытие заговора — Казнь бабувистов — Иллюминизм в Англии — Ирландия — “Объединенные ирландцы” — Залив Бантри — Иллюминизм в Америке

Франсуа Ноэль Бабеф родился в 1760 г. В начале эпохи террор он работал в продовольственной администрации парижского муниципалитета и сумел вызвать негодование Комитета общественного спасения, опубликовав плакат, где говорилось о намерении Комитета создать искусственный голод, поднять людей на восстание и, подавив его, всех их истребить¹. За это Бабефа и его сослуживцев заключили в тюрьму. Но вскоре (очевидно, признанный психически неуравновешенным) Бабеф был освобожден и продолжил нападки на партию власти, фактически состоявшую из Робеспьера, Кутона и СС Жюста. Это тем более примечательно, если принять во внимание, что политические взгляды Бабефа полностью согласовывались с воззрениями этого триумvirата (например, робеспьеровскую “Декларацию прав человека” Бабеф принял с искренним восхищением). Однако на этом этапе своей карьеры Бабеф разошелся с Робеспьером в вопросе о способах претворения в жизнь идеальной общественной системы; план сокращения населения Франции на пятнадцать миллионов человек во имя обеспечения хлебом и работой оставшихся позднее названный Бабефом “огромной тайной” эпохи террора, казался ему слишком жестоким, и в своем памфлете “О системе уничтожения населения” он осудил “гильотинады, массовые расстрелы, потопления”, опустошавшие провинции; эти методы он считал неприемлемыми до тех пор, пока не исчерпаны все возможности мирного насаждения республиканских идей среди крестьян.

¹ *Babeuf et le socialisme en 1796*, by Edouard Fleury, p. 20.

Однако режим, установившийся после падения Робеспьера, заставил Бабефа пересмотреть свои взгляды, поскольку термидорианцы, с которыми его свела судьба, оказались оппортунистами наихудшего толка; так что уже через несколько месяцев после прихода к власти Директории Бабеф нанес оскорбление Тальену и Фрерону¹, назвав 9 термидора подлинным бедствием и заявив, что теперь единственной надеждой для народа остается осуществление нереализованного Робеспьером плана “всеобщего счастья”. Он считал, что Робеспьер был единственным “истинным” революционером-современником²; все остальные — жирондисты, желавшие только свергнуть короля и захватить власть и богатства; орлеанисты, руководимые Филиппом Эгалите и Дантоном и “состоящие из людей таких же чудовищных, как и их лидер... алчных и расточительных... наглцов, лжецов и интриганов”³ — манипулировали народом ради собственных выгод; лишь “Робеспьер и его сотоварищи-мученики” стремились к “равному распределению труда и благ”⁴, составлявшему идеал Бабефа. Соответственно, теперь он призывал народ восстать против Директории и поддержать Конституцию 1793 г., основанную на “Декларации прав человека” Робеспьера.

Публикация Бабефом этого воззвания привела к его аресту. Бабеф вновь оказался в тюрьме, сначала в Плесси, затем в Аррасе; но там он встретил немало родственных душ; опираясь на эту поддержку, он сумел разработать собственный план революции — социальной революции “во имя общего счастья и истинного равенства”⁵.

Луи Блан, несомненно прав, утверждая, что Бабеф был иллюминатом и учеником Вейсгаупта; соблюдая традиции секты, он взял себе псевдоним: отказался от христианского имени Франсуа Ноэль в пользу древнеримского Гракха⁶; именно так и Вейсгаупт стал Спартаксом, иллюминат Жан Баптист Клооте — Анахарсисом, а Пьер Гаспар Шометт — Анаксагором. Соответственно, и план кампании, предложенный Бабефом, явно копировал замысел Вейсгаупта. После освобождения из тюрьмы (по амнистии 13-го вандемьера) Бабеф собрал своих друзей-заговорщиков и создал тайное общество на масонских принципах, в соответствии с которыми в общественных местах велась бы пропаганда, а члены сообщества узнавали друг друга по особым

¹ Fleury, op. cit. p. 37

² *Pieces saisies chez Babeuf*, i. 147.

³ Там же. i. 98, 106

⁴ *Conspiration pour l'egalite dite de Babeuf*, by Ph. Buonarroti, i. 88.

⁵ Fleury, op. cit. p. 45.

⁶ Там же, с. 38.

знакам и паролям¹. На первом собрании бабунистов — среди которых были Дарте, Жермен, Бодсон и Буонарроти — все поклялись “оставаться сплоченными и обеспечить триумф равенства”; затем обсуждался проект создания более широкого общества для воплощения идей Бабефа. Чтобы укрыться от бдительного ока полиции, было решено собираться в небольшом помещении, расположенном в парке бывшего аббатства св. Женевьевы, предоставленном одним из членов организации, арендовавшим здесь часть зданий; позднее общество переместилось в бывшую трапезную монастыря, но в те ночи, когда этот зал отводился для других целей, собрания проходили в подвале того же дома, где, сидя на полу, при свете свечей, заговорщики обсуждали грандиозный план общественного переворота. Ввиду близости этого здания к Пантеону члены общества стали называть себя пантеонистами².

К сожалению, разноречием мнений, царивших среди борцов за “равенство”, был так велик, что собрания общества, вскоре объединившего более двух тысяч человек, стали напоминать строительство Вавилонской башни³. Никто не знал точно, чего он, собственно, хочет, и невозможно было достигнуть согласия; тогда решили дополнить эти огромные собрания небольшими тайными комитетами; первый из них проводил свои заседания в доме Амара (одного из самых жестоких членов Комитета общественной безопасности в период террора), где и была выработана программа социальной революции. Исходя из посылки, что в основе любой собственности лежит воровство, собравшиеся приняли решение о необходимости того, что на языке революционеров зовется “экспроприацией”⁴; иначе говоря, вся собственность должна была быть отобрадена у ее нынешних владельцев силой, т. е. вооруженными массами. Однако Бабеф, признавая насилие и мятеж в качестве методов осуществления революции, ни в какой мере не стремился к анархии как постоянному состоянию общества; государство, по его замыслу, сохранялось и даже становилось абсолютным, сосредоточив в своих руках распределение жизненных благ⁵. “Я хочу, чтобы в моей системе всеобщего счастья, — писал он, — перестала существовать личная собственность. Земля принадлежит Богу, а ее плоды — всем людям в

¹ Fleury, p. 69.

² Там же, с. 69, 70.

³ Там же, с. 71.

⁴ Это слово впервые придумано Туре, членом Национального собрания в ходе дебатов об имуществе духовенства в 1790 году.

⁵ Fleury, op.cit. p. 111

целом”¹. Бабувист маркиз д’Антонелль, в прошлом член революционного трибунала, выразил суть вопроса почти теми же словами: “Состояние коммунизма — единственно справедливое, единственно правильное; без него не может существовать никакое мирное и действительно счастливое общество”².

Но деятельность Бабефа вновь привлекла внимание Директории, и зимой 1795-96 гг. апологет равенства был вынужден скрываться. Однако, даже находясь в подполье, Бабеф умудрялся с помощью двенадцатилетнего сына Эмиля издавать свои газеты “Трибуна народа” и “Просветитель народа” и направлять движение. Но на одном из собраний пантеонистов Дарте необдуманно организовал чтение последнего номера “Трибуна народа”, после чего не кто иной, как сам генерал Бонапарт спустился в “разбойничье логово”³ (такой кличкой “Пантеон” окрестила полиция) и, приказав закрыть его, ушел с ключом от зала заседаний в кармане.

Тогда Бабеф решил, что надо создать “Тайную директорию”⁴; своим характером та удивительно напоминала орден иллюминатов. Так, Вейсгаупт осуществлял оперативное руководство организацией в пределах Германии через 12 доверенных лиц и строго запрещал своим последователям признаваться в принадлежности к ордену иллюминатов; так же Бабеф руководил парижской организацией “равных” через 12 тайных агентов, которые даже не знали имен членов “Тайной директории”, поддерживая с ними связь посредством особого агента, частично посвященного в планы заговорщиков. Подобно Вейсгаупту, Бабеф утвердил высокомерный и властный тон по отношению к своим подчиненным; как и принято в тайных обществах, каждого заподозренного предупреждали о неотвратимости мести. “Горе тем, кто вызовет наше недовольство, — писал Бабеф сотоварищу, в чьей преданности он усомнился, — ведь истинные заговорщики никогда не забывают тех, кто однажды согласился им служить”⁵.

К апрелю 1796 г. план восстания был завершен, и к публикации был подготовлен знаменитый “Манифест равных”.

“Народ Франции, — говорилось в этой прокламации, — в течение пятнадцати веков ты жил рабом и, следовательно, был несчастен. Вот уже шесть лет (т. е. годы революции), как ты, затаив дыхание, ждешь независимости, счастья и равенства. Равенство! Первое требова-

¹ Fleury, p. 173.

² *Antonelle in the Orateur Plebeien*, No. 9. See *Pieces saisies chez Babeuf*, ii. ii.

³ *Buonarroti*, op. cit. i. 107.

⁴ Там же. i. 114. 115.

⁵ *Pieces saisies chez Babeuf*, ii. 163.

ние природы, главная потребность человека, главный узловой пункт всякой законной ассоциации!..

Так вот! Отныне мы претендуем на то, чтобы жить и умереть равными, подобно тому, как мы родились ими. Мы хотим действительного равенства или смерти — вот чего нам надо.

И мы будем его иметь, это действительное равенство, чего бы оно нам ни стоило. Горе тем, кто станет между нами и им!..

Французская революция лишь предвестник другой, более великой, более торжественной революции, которая будет последней...

Чего нам еще надо, кроме равенства в правах?

Нам надо, чтобы это равенство было не только записано в декларации прав человека и гражданина; мы хотим иметь его среди нас, под нашей кровлей. Ради него мы согласны на все; согласны смести все, чтобы держаться его одного. Пусть погибнут, если надо, все искусства, только бы нам осталось подлинное равенство!..

Аграрный закон, или раздел обрабатываемых земель, был кратковременным требованием некоторых беспринципных солдат, некоторых племен, движимых скорее инстинктом, нежели разумом. Мы же стремимся к чему-то более возвышенному и более справедливому, к общественной собственности или к общности имуществ! Нет более частной собственности на землю, земля не составляет ничьей собственности. Мы требуем, мы хотим общего пользования плодами земли: плоды принадлежат всем.

Мы заявляем, что не потерпим более, чтобы подавляющее большинство людей в поте лица трудилось в подчинении, ради наслаждений ничтожного меньшинства.

Менее миллиона человек слишком долго обладает тем, что принадлежит более чем двадцати миллионам их ближних, равноправных с ними людей.

Пусть будет положен конец этому великому позору, который нашим потомкам покажется невероятным. Пусть исчезнет, наконец, возмутительное деление на богатых и бедных, больших и малых, господ и слуг, правящих и управляемых.

Пусть не существует более между людьми иного различия кроме различий возраста и пола. Поскольку все обладают одними и теми же потребностями, как и одними и теми же способностями, то пусть получают одинаковое воспитание, одинаковую пищу. Все они довольствуются одним солнцем и одним воздухом; отчего же им не обходиться одинаковым количеством и одинаковым качеством продуктов?..

Народ Франции!

Мы скажем тебе: святое начинание, организуемое нами, имеет единственной целью положить конец гражданским распрям и нищете народа.

Никогда еще не был задуман и осуществлен более широкий план. Время от времени отдельные гениальные люди, отдельные мудрецы заговаривали об этом едва слышным, неуверенным голосом. Ни у кого из них не нашлось мужества высказать всю правду целиком.

Наступило время великих мероприятий. Зло достигло апогея — оно покрыло лицо земли. В течение многих столетий на ней господствует хаос под именем политики...

Настал момент для основания Республики равных, этого великого убежища, открытого для всех людей. Настали дни всеобщего возврата к нормальному состоянию. Страждущие семьи, садитесь за общий стол, накрытый природой для всех ее детей...

Народ Франции!

Открой глаза свои и сердце свое — открой навстречу полноте счастья. Признай и провозгласи вместе с нами Республику равных”¹.

Этот документ, однако, так и не был обнародован, поскольку “Тайная директория” в конце концов сочла нецелесообразным посвящать массы в план заговора; особенно нежелательной для публикации признали фразу, словно заимствованную из высказываний Вейсгаупта: “Пусть погибнут, если надо, все искусства, только бы нам осталось подлинное равенство!”. Народу Франции не следовало знать, что заговорщиками планируется возврат к варварству. Соответственно, следующая прокламация под названием “Анализ доктрины Бабефа” стала куда менее вдохновенной, чем “Манифест”, и в общем маловразумительной для рабочих, являясь при этом, как отмечает Флери, “подлинной Библией или Кораном той деспотической системы, которую именуют коммунизмом”². В этом, собственно, и состоит суть дела. Знакомясь с обоими документами бабувистов, нельзя не согласиться с целым рядом содержащихся в них критических выпадов против общества, породившего вопиющее противоречие между богатством и нищетой, неравное распределение труда и жизненных благ, несправедливую систему производства, в условиях которой, главным образом, вследствие подавления профсоюзов тогдашними революционными лидерами работодатели могли жить припеваючи, применяя изнурительный труд; однако главный вопрос заключается в том, как Бабеф предлагал побороть это зло. Говоря кратко, его план,

¹ Buonarroti, op. cit. ii. 130 — 134.

² Babeuf et le socialisme en 1796, by Edouard Fleury.

основанный на идее “общности имущества и труда”¹, сводится к следующему.

Каждый должен работать пропорционально получаемому вознаграждению; человек, более умелый или прилежный, чем прочие, поощряется лишь “общественным признанием”². Этот обязательный для всех труд оплачивается не деньгами, а готовыми продуктами; поскольку в частной собственности заключено все зло существующего общества, различие между “моим” и “твоим” должно быть уничтожено, и впредь никому не будет позволено обладать каким-либо личным имуществом. Оплата может производиться только продуктами труда, которые должны сосредотачиваться на больших коммунальных складах и делиться равными частями между рабочими³. Торговля неизбежно прекратится, а деньги перестанут печататься и иметь хождение в стране; внешняя торговля будет осуществляться за счет имеющихся денег, а когда их запас исчерпается, утвердится система бартера⁴.

Допускалось лишь производство безусловно необходимых предметов; с целью обеспечения рабочей силой всех его отраслей, вводился запрет на свободный выбор подростками их будущих профессий: мальчиков следовало обучать тому, что в данный момент требовалось обществу. Затем рабочих делили на группы для выполнения работ “в соответствии с нуждами народа и высшим принципом равенства”.

Поскольку Франция являлась аграрной страной, подавляющая часть населения, как юноши, так и девушки, была вынуждена заняться возделыванием земли⁵; предполагалось, что постепенно Париж и все крупные города Франции исчезнут — ведь именно здесь процветало наемное рабство, а “крупные капиталисты” окружали себя вызывающей роскошью⁶. Толпы паразитов, удовлетворявших их потребности, — лавочники, слуги, поэты, художники, артисты, танцоры — теперь будут вынуждены искать пропитание в полях, и деревни, состоящие из “благоприятных для здоровья” домов, “расположенных в изящной симметрии”, густой сетью покроют всю Францию⁷.

¹ *Buonarroti*, op. cit. i 87.

² *Analyse de la doctrine de Babeuf*, *Buonarroti*, op. cit. ii. 146.

³ Там же, i. 145, 213.

⁴ *Buonarroti*, op. cit. i 238. 271. ii. 318.

⁵ Там же, i. 208—211.

⁶ Там же, i. 221. Упомянутая здесь теория “наемного труда” вновь сформулирована: “От бесконечного обмена услугами и оплатой возникает с одной стороны привычка к власти и командования, а с другой — подчинения и рабства” (с. 222).

⁷ *Buonarroti*, op. cit. i. 221—224.

В целях успешного формирования новых поколений самоотверженных тружеников дети после рождения передавались бы государству и содержались в воспитательных домах.

“В общественном строе, задуманном Комитетом, — писал Буонарроти — отечество завладевает индивидом со дня его рождения и не покидает его до самой смерти. Оно заботливо следит за первыми моментами его жизни, обеспечивает его молоком и заботами той, которая дала ему жизнь, устраняет от него все, что может вредно отразиться на его здоровье и ослабить его организм, охраняет его от опасностей ложной нежности и рукою его матери отводит его в национальный дом, где он приобретает добродетели и знания, необходимые истинному гражданину”¹.

Вместо привязанности к семье в ребенке воспитывали гражданские чувства; с этой целью, в частности, предлагалось запретить детям носить фамилии отцов (если дело не касалось людей, имевших большие заслуги перед обществом)².

Понятно, что образование должно было быть самым поверхностным. Оно включало чтение, письмо, основы арифметики (дающие возможность работать в государственном учреждении), историю (“чтобы знать о бедствиях, которым республика положила конец, и о благах, источником которых она является”), а также изучение географии и естественной истории (дабы получить представление о “мудрости учреждений”, созданных республикой). Для участия в праздниках, организуемых правительством, детей обучали бы также музыке и танцам³.

Все прочие пути к знаниям должны были быть закрыты, так как существовали опасения, “как бы для людей, которые посвятят себя науке ... познания не послужили основанием для отличий, превосходства и освобождения от общественного труда”⁴. А разве Вейсгаупт не объявлял науки “продуктом потребностей, далских от естественных, плодом тщеславия и недомыслия? .

Таков был предложенный Бабефом⁵ план освобождения французского народа; трудно понять, чем его коммунизм отличался от крепостничества, под бременем которого французы изнывали в средние

¹ *Buonarroti*, op. cit. i. 282. “Plus d’éducation domestique, plus de puissance paternelle” (Там же, i. 288).

² Там же, с. 219

³ Там же, i. 286—287.

⁴ Там же, i. 293.

⁵ См. оценку системы самим Бабефом (там же, ii. 220) в которой он описывает ее как “plan enchanteur .

века. Фактически в коммунизме нет ничего такого, чего не было бы в крепостничестве; в обоих случаях средства к существованию обеспечены, безработица отсутствует, надсмотрщик добр или жесток, а рабочий не вправе распоряжаться ни своим телом, ни душой. Так не было ли лекарство, предложенное Бабефом, хуже самой болезни? Разве уродливые различия между богатыми и бедными не предпочтительнее, чем однообразие рабства, в котором не остается места даже для вечного двигателя человеческой жизни — надежды?

В любом случае, невозможно представить себе систему, более чуждую французскому национальному характеру, чем трудовая колония, предложенная Бабефом. Вообразите: французы, срывающие стяжателями и скопидомами (вследствие присущих им брезгливости и трудолюбия), добровольно откажутся от права собственности; жуирующие парижане, которые, несмотря ни на что, не мыслят себе жизни без театров и волнующей круговерти городских улиц, переберутся в провинцию, чтобы покорно трудиться на безлюдных равнинах и развлекаться только на праздниках, устраиваемых правительством — которые, кстати, им разрешат посещать не в праздничных нарядах, а все в той же рабочей одежде¹ (из опасений нарушить принцип абсолютного равенства); нация, знаменитая своими поэтами и художниками, учеными и мыслителями, поголовно займется тяжелым рабским трудом и, наконец, люди, целых шесть лет трепетавшие при слове “Свобода!”, безропотно подставят свои шеи ярму, куда более тяжкому, чем то, от которого их освободили. Над этим можно было бы посмеяться — если бы все это не было так трагично.

Однако стоит представить себе тогдашние страдания народа и пережитые им разочарования — и не чувствуешь ничего, кроме негодования по отношению к шарлатанам, которые так умудрялись использовать эти страдания. Если бы “равные” были честны, излагая народу разработанный ими план облегчения его участи, массам осталось бы только пенять на себя в случае успешной реализации бабувистами этого замысла.

Но народ не посвящали в цели движения. Как и в годы революции, парижский люд слепо следовал ложным призывам, исходившим от агитаторов, в очередной раз становясь на путь самоуничтожения. “Тайная директория” хорошо знала, что призыв к коммунизму никогда не привлечет к себе народ; поэтому ее члены соблюдали осторожность, не посвящая своих простодушных сторонников из числа рабочего класса в свои замыслы; понимая, что они завоюют приверженцев, лишь

¹ Buonarroti, op. cit. i. 225.

апеллируя к людской алчности и эгоизму¹, заговорщики умело играли на человеческих страстях, суля богатую добычу, которой на самом деле не собирались делиться. Так, в “Акте о восстании”, составленном повстанческим комитетом, говорилось, что “имущество эмигрантов, заговорщиков (т. е. роялистов) и других врагов народа подлежит немедленной раздаче защитникам отечества и неимущим”²; от народа скрывали, что в действительности все это не будет принадлежать никому, а станет собственностью государства, руководимого бабувистами. Буонарроти в своем наивном рассказе об этих событиях оправдывает обман, замечая, что “задуманное должно было свершиться”, и “Тайная директория” сочла целесообразным “завоевать внимание рабочих и вселить в них надежду”, обещая поделить все между ними³. Так что народу не дано было знать правду о деле, за которое его просили проливать кровь (а в том, что ее прольется немало, не мог сомневаться ни один здравомыслящий человек).

Возможно, именно в этот период наиболее остро проявилась психическая неуравновешенность Бабефа. То он заявлял, что революцию можно осуществить исключительно мирным путем, то подстрекал массы к самому жестокому насилию. Так, когда д’Антонелль указал, что, несмотря на желательность установления абсолютного равенства, этого идеального состояния общества можно достичь только “разбоем и ужасами гражданской войны, т. е. с помощью чудовищных методов”⁴, Бабеф возмущенно ответил: “Что ты имеешь в виду, говоря, что к завоеванию подлинного равенства можно было бы идти только через РАЗБОЙ? Неужто Антонелль определяет разбой так же, как это делает патрициат?.. Любое движение, любая операция, которые бы отняли хоть часть у тех, кто имеет слишком много, в пользу тех, кто не имеет достаточно, отнюдь не были бы, мне кажется, разбоем: это было бы началом возвращения к справедливости и подлинно хорошему порядку вещей”⁵. Что же касается утверждения д’Антонелля, что в хаосе, вызванном тотальным грабежом, будет невозможно осуществить какой-либо план перераспределения, то, отвечая ему, Бабеф был не менее скептичен. “А что они будут делать после этого разрушения? — скажешь ты. — Будут ли они тогда способны возвести величественный храм равенства?”. Бабеф не усматривал здесь никаких трудностей;

¹ *Buonarroti*, op. cit. i. 97: “Невозможно было зарядить народ энергией, не говоря с ним о его интересах и его правах .

² Там же. ii. 252.

³ Там же. i. 155, 156.

⁴ *Pieces saisies chez Babeuf*, ii. 16.

⁵ Там же.

нужно было только почитать Дидро, чтобы понять, как легко удовлетворить потребности миллионов сограждан: “все это сводится простому проведению переписи вещей и лиц, к простой операции подсчета и расчетов и, следовательно, вполне может быть осуществлено, причем в полном порядке”¹.

Но когда настал час организации задуманного восстания, Бабеф заговорил совсем другим языком. Тот, кто ранее осуждал робеспьеровскую “систему уничтожения населения”, теперь заявил, что не только цели Робеспьера, но и его методы достойны одобрения.

“Ныне я чистосердечно признаю, что упрекаю себя в том, что некогда чернил и революционное правительство, и Робеспьера, и Се Жюста, и других. Я полагаю, что эти люди сами по себе стоили больше чем все остальные революционеры, вместе взятые, и что их диктаторское правление было дьявольски хорошо задумано... Я отнюдь не согласен.., что они совершили большие преступления и погубили немало республиканцев. Не так много, мне кажется...². Спасению 25 миллионов человек нельзя противопоставить заботу о нескольких сомнительных личностях. Возродитель нации должен видеть вещи в широкой перспективе. Он должен косить на своем пути все, что ему мешает, что угрожает этому пути, все, что может затруднить скорейшее достижение цели, которую он себе поставил. Будь то плуты, или дураки, или самонадеянные, алчущие славы люди, все равно, тем хуже для них. Зачем они стоят поперек дороги? Робеспьер понимал все это, и отчасти это вызывает мое восхищение”³.

Но в чем Бабеф заметно уступал Робеспьеру, так это предложенных им способах преодоления сопротивления его плану создания социалистического государства. Он знал, что Робеспьер целых четырнадцать месяцев “выкашивал тех, кто преграждал ему путь, заставляя без передышки работать гильотину в Париже и провинциях” и даже так ему не удалось заставить замолчать своих противников. Бабеф надеялся осуществить задуманное за один день — “великий день народа”⁴, в течение которого все враги будут мгновенно подавлены, весь существующий общественный порядок уничтожен, а его руинах возникает Республика равенства. Если, однако, революция виделась такой быстрой, она должна была бы быть гораздо более жестокой. Не удивительно, что Бабеф, обдумывавший свои планы

¹ *Pieces saisies chez Babeuf*, ii. 23.

² Следует заметить, что в своем памфлете *Le Systeme de la depopulation* Бабеф отметил, что количество жертв террора составляет не менее миллиона.

³ *Pieces saisies chez Babeuf*, ii. 52.

⁴ Там же, ii. 21.

ничем не напоминал Робеспьера, спокойно и методично намечавшего жертвы.

Разрабатывая замысел восстания, Бабсф, по свидетельским показаниям его секретаря Пийе, метался взад и вперед по комнате с горящими глазами, кривляясь и гримасничая, натываясь на мебель, колотя по стульям с криком: “К оружию, к оружию! Восстание! Восстание начинается!”, — восстание против стульев — как язвительно замечал Пийе. Затем Бабсф хватался за перо, макал его в чернила и писал с ужасающей скоростью — а тем временем его билась дрожь, и на лбу выступала испарина. “Это было уже не сумасшествие, — комментировал Пийе, — это было бешенство!”¹. Это бешенство, как объяснял Бабсф, было ему необходимо, чтобы достичь должного уровня красноречия; нетрудно заметить, что его планы восстания включали в себя разбой и насилие, которые он осуждал в полемике с д’Антонеллем.

“Зачем, — писал он в “Трибунс народа”, — говорить о законах и собственности? Собственность — это добыча захватчиков, а законы — дело рук сильнейших. Солнце светит для всех, а земля не принадлежит никому. Тогда идемте, друзья, потревожим, перевернем и разворошим это общество, которое вас не устраивает. Берите отовсюду все, что вам нравится. Излишества по праву принадлежат тем, кто ничего не имеет. Но это еще не все, друзья и братья. Если конституционные барьеры препятствуют вашим благородным усилиям, сметайте без сожаления барьеры и конституции. Безжалостно убивайте тиранов, патрициев, “золотой миллион”, всех тех безнравственных существ, которые будут препятствовать вашему общему счастью. Вы — Народ, настоящий Народ, единственный Народ, достойный наслаждаться всеми благами этого мира! Справедливость Народа велика и величественна, как сам Народ: все, что им делается, законно, все, что он приказывает — священо!”².

Понятно, что у Бабсфа нашлись сторонники в среде рабочего класса: призыв к насилию всегда находит отклик в сердцах отчаявшихся, а у парижан в тот период было немало причин для отчаяния. Продукты питания, вследствие четырех лет войны и семи лет революции, продавалась по головокружительным ценам; уничтожение торговли в промышленных городах Франции эмиссарами Комитета общественного спасения сделало недоступными товары первой необходимости и создало массовую безработицу; тем временем нувориши — те, кто нажились на войне и военных поставках,

¹ Fleury, op.cit. p. 244.

² Там же, p. 77.

авантюристы, сколотившие себе состояния в годы революции — купались в роскоши, а их жены и любовницы, увешанные жемчугами и бриллиантами, кичились своим богатством на глазах у голодных бедняков. Так что вполне естественно, что солдаты называли своих правителей “негодьями, убийцами народа, готовыми его уничтожить”, а обнищавшие жители окраин заявляли, что все их беды “следует приписать революции и что они были более счастливы при старом режиме”¹.

Людей с подобными мыслями не составляло труда убедить, что простейшим решением всех проблем будет уничтожение существующего порядка вещей, поэтому агенты Бабефа, обученные распространенным в тайных обществах методам возбуждения народного гнева, весьма преуспели в привлечении на свою сторону части рабочих. Один из таких методов заключался в расклеивании броских революционных плакатов, вокруг которых под видом случайных прохожих собирались сообщники, известные как *groupes* (что-то вроде “собиратели толпы”); они должны были читать их вслух, тыча в наиболее важные места пальцами². Популяризованный таким образом “Анализ доктрины Бабефа” был встречен аплодисментами рабочих, которые едва ли понимали его истинный смысл. В то же время на парижских окраинах распространялись язвительные памфлеты, высмеивающие жадность торгашей и бесчестность правительства; женщины из народа читали их вслух мужчинам, занятым работой. Созданный таким образом ажиотаж был настолько велик, что бабувисты уверовали, что способны привлечь к движению весь пролетариат; по их расчетам, к началу мая под их знаменами должны были собраться не менее 17 тыс. человек, готовых к восстанию³. Эти силы включали 4,5 тыс. солдат и 6 тыс. полицейских, вовлеченных в заговор щедрыми посулами.

“Тайная директория”, наконец, разработала план “Великого дня”. В определенный момент революционная армия должна была двинуться к исполнительной Директории, Законодательному собранию, генеральному штабу армии и министерским особнякам. Наиболее подготовленные войска должны были направиться к арсеналам и оружейным заводам, а также к Венсенскому и Гренелльскому лагерям. “где имелось не более 8 тыс. человек, которых считали готовыми присоединиться к народу”. Тем временем перед солдатами должны

¹ *Pieces saisies*, ii. 164.

² *Fleury*, op.cit. pp. 74, 131. *Pieces saisies*, ii. 106.

³ *Buonarroti*, op.cit. i. 189.

были выступить ораторы, а женщины — преподнести им венки и прохладительные напитки. На тот случай, если это не поколеблет позиций армии, были приняты меры к ограждению улиц и заготовлены камни, кирпичи, кипятки и купорос, чтобы сбросить все это на головы солдат¹. Все продовольственные запасы столицы захватывались и затем находились под контролем лидеров движения; одновременно представители имущих классов должны были выдворяться из своих домов, которые немедленно передавались беднякам². Члены Директории должны были быть казнены, как и граждане, оказавшие сопротивление восставшим³. После, говоря словами Бабефа, “удачно законченного” таким образом восстания⁴, всех людей должны были собрать на площади Революции⁵ и призвать их к сотрудничеству путем выбора своих представителей. “Комитет, — писал Буонарроти, — намеревался говорить с народом без недомолвок и уверток и воздать его суверенитету дань глубочайшего уважения”⁶. На случай, если бы часть народа, не осознавшая своих истинных интересов, не признала бы в лице заговорщиков своих спасителей, бабувисты предлагали реализовать свое уважение к суверенитету народа, потребовав, чтобы “им была вверена вся исполнительная власть”, поскольку, как заметил Буонарроти, “в начале революции необходимо, даже из уважения к суверенитету народа, думать не так о желаниях людей, как о том, чтобы передать высшую власть в крепкие революционные руки”⁷. Оказавшись раз в таких руках, она, конечно, там бы и осталась, и бабувисты, опираясь на подчиненные им военные и гражданские силы, смогли бы навязать покорному народу систему государственного крепостничества.

Страшно представить, сколько крови могло бы снова пролиться на улицах Парижа, если бы на пути заговорщиков не возникло одно непредвиденное препятствие: предатель в их лагере. Этот человек по имени Гризель был солдатом 33-й бригады, втянутым в заговор против его воли. Прогуливаясь одним апрельским вечером в Тюильри, Гризель случайно встретился со своим старым другом, портным Мюнье, который был рьяным бабувистом. Мюнье, убежденный, что в лице Гризеля он найдет своего сторонника, начал жаловаться тому на правительство, а в завершение представил его друзьям из числа

¹ Буонарроти, *op. cit.* i. 194.

² Там же, i. 196.

³ Там же.

⁴ Там же, i. 197.

⁵ Там же, i. 156.

⁶ Там же, i. 200.

⁷ Там же, i. 134.

заговорщиков. Несколько дней спустя один из этих людей встретил Гризеля в кафе и, разговорившись под воздействием винных паров, частично посвятил его в план заговора. Гризель, боясь вызвать гнев такого опасного человека, не осмелился ему перечить, и его новые друзья, воодушевленные мнимым сочувствием Гризеля их взглядам, пригласили его на одно из своих собраний в кафе “Бэн Шинуа” (Китайские бани), куда они переместились после закрытия так называемого “Пантеона”. Здесь Гризель очутился в самом центре заговора; мужчинами и женщинами произносились зажигательные речи, пелись революционные песни (и, среди прочих, погребальная на смерть Робеспьера). Тем временем вино и сидр лились рекой, и Гризеля, приглашенного участвовать в “оргии” (как он впоследствии окрестил это сборище), сочли ценным приобретением для общего дела. Один из заговорщиков поручил ему распространить среди солдат несколько памфлетов Бабефа и предложил сочинить нечто подобное ему самому. Гризель понял, что отступать слишком поздно, поскольку заговорщики, посвятив его в свои тайны, наверняка избавились бы от него одним ударом кинжала, откажись он теперь им помогать. Соответственно, он собирался выполнить порученное ему задание, но сначала посоветовался с командиром своего батальона, порекомендовавшим ему продолжать играть роль бабувиста. Гризель, воодушевившись работой, написал пламенное послание, озаглавленное “Свободный Франк — своему другу Террору”, подстрекающее войска к восстанию, в котором он достаточно точно копировал пышную и пустую риторику заговорщиков. Этот труд снискал ему громкое одобрение в “Бэн Шинуа”, и Гризель, до тех пор только частично посвященный в детали восстания, теперь был допущен на совещания лидеров движения — Бабефа, Жермена, Буонарроти, Дидье и Дартэ. На первом из этих собраний Гризель впервые увидел руководителя заговора и, разглядывая его, с удивлением отметил, что Бабеф, о гениальности которого он был так наслышан, внешне казался “абсолютной посредственностью”, тогда как его поведение было скорее эксцентричным, чем оригинальным. В целом, вся эта компания смахивала на кружок маньяков, и первым чувством Гризеля было сожаление о необходимости передать в руки правосудия людей, страдающих умственным расстройством. А когда Бабеф изложил план восстания, ведущего к массовым избиениям членов правительства, богачей и всех представителей власти, Гризель переполненный ужасом, осмелился возразить, указывая на последствия свержения

правительства: “Что вы поставите взамен?.. Это будет полная анархия; законы утратят свою силу. Молю вас подумать об этом...¹”.

Эти увещевания едва не стали причиной гибели Гризеля; однако, увидев обращенные на него злобные взгляды, он поспешил исправить допущенную ошибку, разразившись страстной речью, в которой предложил сжечь дотла все замки вокруг Парижа, прежде чем обрушить свой гнев на членов Директории. Это предложение, однако, не нашло поддержки у заговорщиков, видевших в разрушении замков конец их надеждам на богатую добычу; тем не менее Гризель восстановил свои позиции и получил разрешение на дальнейшее посещение собраний. На одном из них Дартэ вслух прочитал готовый план восстания, к которому собравшиеся добавили ряд ужасных деталей: карались смертью любые проявления власти; оружейники были обязаны сдать все имеющееся у них оружие, пекари — все запасы хлеба; оказывающих сопротивление ждала смерть на ближайшем фонарном столбе; та же судьба была уготована для тех торговцев спиртными напитками, которые могли отказаться поставлять алкоголь, с помощью которого бабувисты собирались воодушевлять народ, толкая его на преступления². “Следует избегать любых порицаний в адрес народа, — говорилось в письменных указаниях руководителям, — люди должны совершать то, что отрежет им дорогу назад”³.

На общем фоне наиболее кровожадным показал себя Россиньоль, бывший генерал революционных армий в Вандее. “Мне незачем связываться с вашим восстанием, — восклицал он, — если головы не будут падать подобно граду... если оно не внушит такой ужас, что весь мир содрогнется”. Эти слова были встречены единодушными аплодисментами.

Предполагалось, что 11 мая станет великим днем социального взрыва, когда не только в Париже, но и во всех крупных городах Франции, где потрудились агенты Бабефа, вспыхнет восстание, призванное сокрушить основы цивилизации. Однако Гризель добился встречи с Карно, и правительство, предупрежденное о готовящемся выступлении, должным образом к нему подготовилось. Утром назначенного дня на всех стенах Парижа появился плакат со словами:

“Исполнительная Директория — горожанам Парижа.

Граждане, ужасный мятеж должен вспыхнуть этой ночью или завтра на рассвете. Банда воров и убийц составила план убийства

¹ Fleury, op. cit. pp. 175, 176.

² Там же, с. 193—195.

³ Там же, с. 196.

членов Законодательного собрания, правительства, штаба армии и всех представителей законной власти в Париже. Будет провозглашена Конституция 93-го года. Это провозглашение станет сигналом к общему разграблению Парижа — как домов, так и складов и магазинов — с одновременным уничтожением большого числа горожан. Но будьте уверены, добропорядочные граждане: правительство начеку, оно знает зачинщиков мятежа и их замыслы..; так что будьте спокойны и продолжайте заниматься своими обычными делами; правительство приняло все необходимые меры, чтобы обезвредить заговорщиков и обрушить на них всю силу закона”¹.

Затем без всяких предупреждений полиция ворвалась в дом, где Бабеф и Буонарроти сочиняли плакат, призывающий народ к восстанию. В тот момент, когда их цель была, казалось, так близка, они, к своему удивлению, оказались в руках закона. На следующее утро 45 других организаторов заговора были арестованы и брошены в тюрьму. Напрасно надеялись бабувисты на поддержку народа. Революционная армия, на которую они рассчитывали, увидев жестокость, с какой действуют власти, поддержала полицию в борьбе за закон и порядок. С устранением агитаторов население опомнилось и осознало весь ужас заговора, в который его втянули.

“Рабочий, — писал правительственный репортер, — больше не считает заговор дикой выдумкой; вспоминая о грабеже, ему обещанном, он лишь пожимает плечами, чувствуя, что бандиты, неведь откуда взявшись, ограбили бы его самого. Рабочие говорят: “Лучше никуда не вступать и послать всех этих негодяев на эшафот!”. Когда, знакомясь с планом заговорщиков, доходят до слов: “следует избегать любых порицаний в адрес народа; люди должны совершать то, что отрежет им дорогу назад”, — читателей переполняет гнев. Они видят, что негодяи собирались сделать их жертвами. “Пусть Директория всех их перевешает, и их поглотит ад!”, — так они говорят. Солдаты, читавшие эти ужасные документы, громко заявляют: “Солдаты свободы никогда не будут друзьями воров, бандитов и убийц!”².

Соответственно, парижане были глухи к призывам спасти заключенных. Напрасно шумные ватаги женщин, подстрекаемых заговорщиками, наводняли парижские пригороды, убеждая рабочих из Сен Антуана, что их товарищи в Сен Марсо берутся за оружие, и рассказывая в Сен Марсо о восстании в Сен Антуане. Рабочие обоих

¹ Fleury, op. cit. 216.

² Schmidt, Tableaux de Paris, iii. 197.

районов с негодованием оттолкнули всех этих фурий, которые в конце концов в слезах признались, что им заплатили за призывы к восстанию.

27 августа 1796 г. все организаторы заговора в количестве 47 человек были переведены в Вандом в ожидании суда, который, однако, состоялся только 20 февраля следующего года и длился до конца мая. На суде Бабеф был то вызывающе наглым, то жалким и слабым. Уже на перекрестном допросе в Париже он объявил себя простым орудием заговора:

“Я присягаю, что мне оказывают слишком много чести, называя меня руководителем этого дела. Я заявляю, что играл в нем только второстепенную и ограниченную роль... Подлинным руководителям и организаторам нужно было влиять на общественное мнение, а я мог им в этом помочь...”¹

Кто же были те таинственные руководители, о которых вспоминал Бабеф? Иллюминаты? Их орден, как мы знаем, по-прежнему действовал, сотрудничая с Филадельфийским обществом, которое, согласно Ломбару де Лангре, тайно руководило заговором бабувистов. Бабеф, даже сняв с себя ответственность за организацию заговора, сохранял твердую веру в коммунизм, хоть и признавал его недостижимость. Своим отказом от революционной программы он, однако, не спас себе жизнь: 27 мая 1797 г. Бабефу и Дартэ был вынесен смертный приговор. Семеро их товарищей-заговорщиков были отправлены в ссылку, остальные оправданы. Двое смертников безуспешно пытались заколоться стилетами, которые им удалось спрятать под одеждой, но были вновь водворены в свои камеры. 28 мая “Вождь равных” и его товарищ взошли на эшафот.

Исчез Бабеф, но не бабувизм. Буонарроти выжил в ссылке и передал эстафету революционным группам начала девятнадцатого века.

Сегодня, однако, под воздействием немецкого социализма о Бабефе даже во Франции или практически забыли, или помнят лишь как о безумце. Но разве Бабеф был безумнее своих преемников, гораздо больше преуспевших в ремесле революции? Напротив, тщательное изучение заговора бабувистов свидетельствует о том, что его инициатор намного опередил свое время; живи он сейчас, его несомненно, назвали бы провозвестником новой жизни.

Правда заключается в том, что как учат нас уроки русской революции, *бабувизм и большевизм идентичны*; между ними нет существенной разницы. Третий Интернационал в Москве в своем

¹ Fleury, op. cit. p. 230.

первом “Манифесте” прямо прослеживает свою связь с Бабефом. Мы вернемся к этому вопросу ниже, рассматривая программу большевиков.

Можно возразить, что в восстании бабувистов отсутствовал интернациональный дух большевизма. Да, разрабатывая план революции, Бабеф ограничил ее пределами Франции; но то, что он мечтал о движении, которое со временем разовьется в гораздо больших масштабах, явствует из таких слов его коммунистического манифеста: “Французская революция — лишь предвестник другой, гораздо более великой, более торжественной революции, которая будет последней!”.

* * *

Заговор Бабефа был, таким образом, последним отзвуком Французской революции в усилиях осуществить великий замысел Вейсгаупта. Универсальный характер этого первого переворота до сих пор в должной мере не оценен. Иллюминизм везде нашел своих adeptов; в Голландии, Бельгии, Испании, Швейцарии, Швеции, России, и даже в далекой Африке разрушительное учение Вейсгаупта тайно прокладывало себе путь¹. Сотрясались не только европейские троны — сотрясались основы самой цивилизации. Англии также отводилось место в планах заговорщиков. Не кто иной, как сам Катон-Цвак, как мы знаем, посетил эту страну после его выдворения из Баварии и провел год в Оксфордском университете, где не имел особенного успеха (тогдашние англичане были куда менее восприимчивы к доктринам иллюминизма, чем сегодняшние)². Позднее, однако, усилия его земляков — Рентгена, Ибикена, Регенгардта³ — увенчались определенным успехом, и Робисон, сам масон, был вынужден признать, что некоторые английские масоны поддались их влиянию. Среди них был знаменитый Томас Пейн, который позднее выказал свою связь с иллюминизмом работой “Век разума”, написанной во Франции в то время, когда в парижских церквях проходили праздники Разума. Во многом благодаря содействию Пейна в Англии возникли несколько “иллюминизированных” лож, о которых Робисон в 1797 г. писал как о все еще существующих⁴. Так что на банкетах благородные лорды провозглашали тосты в честь народа-суверена, “пока в своих логовах их братья размышляли, как сделать так, чтобы отдать в распоряжение

¹ *Barruel*, op. cit. iv. 357—378.

² Там же. iv. с. 400.

³ *Выдержки* of Barruel's *Memoirs of Jacobinism to the Secret Societies of Ireland and Great Britain*, в переводе (the Hon. R. C. Clifford), London, 1798, p. xxii.

⁴ *Robison*, op. cit. pp. 478, 479.

народа-суверена все, чем владеют братья-лорды, сокровища банков и лавки богатых торговцев”¹. Барруэль, вне сомнения, прав, называя принадлежавших к ордену великосветских вольнодумцев братьями-простофилями. Понятно, что такие люди как Фокс, Шеридан и даже “ренегат лорд Стенхоп” и не думали делиться богатствами, которыми они обладали; но план иллюминатов в том и состоял, чтобы заставить действовать все социальные слои себе во вред. Настоящей целью иллюминатов была не политическая революция, задуманная рвавшимися к власти вигами, а революция социальная, мысль о которой вынашивали представители среднего класса Пейн, Прайс и Пристли и их союзники из числа недовольных рабочих. Именно их усилиями после начала Великой Французской революции были созданы революционные общества в Англии, среди которых ведущую роль играло Лондонское корреспондентское общество, основанное в 1792 г. сапожником Гарди и имевшее отделения по всему королевству. Хотя члены общества проповедовали реформаторский курс, в этом движении невозможно найти связь с теми проблемами рабочего класса, которые 30 годами позднее легли в основу промышленной революции; идеи, фразеология этих обществ далеки от ментальности рабочего класса, будучи, без сомнения, иностранного происхождения, тогда как их организационные принципы напрямую восходят к иллюминатам. “Эти общества, — отмечал современник, — возникли как результат переписки с Вейсгауптом”, с “Великим советом” в качестве руководящего органа². Достаточно познакомиться с их перепиской, чтобы удостовериться в том, что все их идеи и даже обороты речи были рабским наследованием французских образцов”³, т. е. были заимствованы у французских последователей иллюминизма. Ясно, что уж никак не английские башмачники или мастеровые придумали такие фразы, как “граждане мира”, “неотъемлемые права человека”, или решили начать письмо в парижский Конвент словами: “Славные сенаторы, просвещенные законодатели и дорогие друзья!”. Здесь явно прослеживается фразеология якобинства. “Предательская переписка”, имевшая место осенью 1792 г., когда непосредственно после ужасной сентябрьской резни “английские якобинцы” слали пылкие приветствия своим французским братьям и даже выражали надежду на организацию Национального Конвента в Англии, является делом рук не так кровожадных британских рабочих, как иллюминатов. Будучи

¹ Barruel, op. cit. iv. 414.

² Clifford, Application of Barruel's Memoirs, etc., p. 33.

³ Clifford, op. cit p. 34.

одураченными учениками Вейсгаупта, распространявшими идеи интернационализма, простаки, подписавшиеся под этими вдохновенными посланиями, даже не подозревали, что те, к кому они обращались, на самом деле были их злейшими врагами¹. Интернационализм всегда способствовал дискредитации Англии.

Выражая свое уважение французским якобинцам, английские революционные общества, помимо прочего, собирали крупные суммы денег, отправляемых в Париж, а также закупали оружие, производимое в Бирмингеме и Шеффилде². Два года спустя воодушевленное этим примером ведущее революционное общество Шотландии под названием “Шотландцы” вооружилось пиками, готовясь к открытому выступлению. Заговор, однако, раскрыли, обнаружив при этом не менее 4 тыс. пик, предназначенных для Перта (не говоря уже о тех, которых ждали в Эдинбурге)³.

К 1794 г. победы республиканских армий превратили французов в мощных союзников, и вскоре агенты иллюминатов начали обсуждать планы вторжения в Великобританию. Тогда, как и сейчас, Ирландия считалась наиболее уязвимым для нападений участком; кроме того, там в течение трех лет существовало свое тайное общество. Эта ассоциация, известная вначале как “Ирландское братство”, а затем как “Объединенные ирландцы”, была создана в июне 1791 г. на принципах иллюминатов. “Предложения по этому поводу, — пишет Клиффорд, — сформулированы в стиле и выражениях, свойственных адептам иллюминизма”. Рекомендовалось создать ассоциацию, (или, как было

¹ Следует запомнить, что в период с сентября по декабрь 1792 года влияние жирондистов, проявивших дружественное отношение к Англии, ослабло, свои позиции укрепил Робеспьер. Мнение Робеспьера относительно англичан было четко выражено в его речи перед Конвентом 30 января 1794 года: “Как француз и представитель народа я заявляю, что я ненавижу англичан — я заявляю, что ненависть к ним будет возрастать от имени всех моих товарищей-соотечественников. Какое имеет значение, что они обо мне думают? Я надеюсь только на наших солдат и на ту глубокую ненависть, какую французы имеют против этих людей.” Такими были “дорогие друзья”, к чьим стопам английские якобинцы считали незачем склониться.

² Обращение Освальда к якобинцам от 30 сентября 1792 года (Aulard's, *Seances des Jacobins*, iv. 346). По всей вероятности именно английский якобинец Освальд подал идею Конвента относительно ужасного “Loi des Suspects” и даже отстаивал чрезвычайную меру, а именно приговорить к смерти каждого подозреваемого во Франции. Это предложение, исходящее от вегетарианца (поскольку Освальд проповедовал диету Браминов в результате, проведенных в Индии нескольких лет), дало повод Томасу Пену сделать ироническое замечание: “Освальд, вы жили столь долго не пробуя плоти, что теперь у Вас появился наиболее жадный аппетит к крови” (*Letters of Redhead Yorke*, 1906 edition, p.71).

³ Clifford, *op. cit.* p. 35.

этому времени, т. е. к июлю 1797 г., исчез даже призрак свободы называвшийся якобинством, и ирландских солдат призывали к союзу войсками деспотичной Директории.

Вся эта агитационная кампания абсолютно не коснула ирландского крестьянства. Так что едва французы попытались высадиться, народ оказал им самое отчаянное сопротивление. Рассказ современника об этом инциденте настолько любопытен, что его следует привести дословно:

“24 декабря (1796 г.) французы действительно появились Бантри и, как ни странно, не были поддержаны народом — напротив южане, как один, поднялись на борьбу с захватчиком; но еще более поражает то, как это объясняется. Местные власти получили сообщение что французы отложили свою экспедицию до весны; в силу этого они “утратили бдительность” и не предприняли никаких мер, чтоб подготовить народ ко встрече французской армии. *Люди были предоставлены сами себе*”. “Я надеюсь, — добавляет Клиффорд, — что это признание, сделанное одним из предполагавшихся правителей Ирландии, может послужить хорошим уроком ее народу: оно побудит его прислушиваться к честным и искренним порывам своего сердца”¹.

Действительно, ирландский народ был так мало посвящен подлинные цели “благотворного заговора”, действовавшего в стране что даже комитеты графств ничего не знали о характере договоренностей с французами.

“Какими несчастными и обманутыми людьми были рядовые члены сообщества, которых ни о чем не информировали и которых судилось стать слепым орудием заговоров и убийств; их ввергали пучину ужаса несколько политических вольнодумцев, рвущихся власти и стремящихся встать у кормила правления государством, залитого его кровью своих граждан”².

Эти слова точно характеризуют действия заговорщиков, которые начиная с 1791 г., постоянно использовали проблемы Ирландии в целях уничтожения Англии и всей христианской цивилизации.

* * *

Пока в Европе происходили все эти события, иллюминации проникли в Новый Свет. В 1786 г. их ложа возникла в Вирджинии, а

¹ Clifford, op. cit. pp. 9,10.

² Там же, с. 12. Этот весьма любопытный памфлет следует прочитать всем, кто интересуется нынешним положением дел в Ирландии, в котором предлагается довольно красноречивая картинка.

ней — еще четырнадцать в разных городах Америки. Однако ужасы Французской революции, а им вослед — книги Барруэля и Робисона (1797 г.), давшие ключ к пониманию событий, прежде казавшихся необъяснимыми, открыли глаза американской общественности на существование заговора в ее среде. Тревога, овладевшая жителями Соединенных Штатов, не была, как порой безосновательно утверждают, паникой, а являлась осознанием той опасности, о которой духовенство бесстрашно предупреждало своих прихожан с кафедр по всей стране.

В Чарльстоне 9 мая 1798 г. преподобный Джедидия Морс произнес свою знаменитую проповедь об иллюминизме, избрав для нее библейскую фразу: “Это день тревоги и упреков, и богохульства: “Практически все гражданские и духовные учреждения Европы уже потрясны до основания этой ужасной организацией; сама Французская революция, без сомнения, является делом ее рук; тем же объясняются и успехи французских войск. Якобинство является не чем иным, как открытым проявлением тайного заговора иллюминатов. Орден имеет свои отделения и эмиссаров в Америке. Филиалы якобинских обществ в Америке несомненно, создавались с целью пропаганды идей иллюминизированного центрального клуба во Франции .

В июле того же года ректор Йеля Тимоти Дуайт так говорил о последствиях Французской революции в своей проповеди, обращенной к жителям Нью-Хейвена:

“Ни личные, ни национальные интересы людей не были обойдены вниманием; дали волю всем нечестивым мыслям и чувствам в отношении Бога; в полной мере проявилась воинствующая враждебность к Христу и его учению. Справедливость, правда, доброта, набожность и моральные принципы были не просто попорчены, а презрительно отвергнуты и подвергнуты осмеянию и оскорблениям как нелепые выдумки для слабоумных... Для чего нам связываться с людьми подобного нрава и поведения? Чтобы наследовать их нрав и поведение? Чтобы наши церкви стали храмами Разума, наши воскресенья сменились декадами, а наши псалмы — “Марсельезой”?.. Чтобы увидеть, как горит Библия, брошенная в костер, как, сопровождаемый толпой, идет осел, груженный священными сосудами, а наши дети, обманутые или запуганные, сливаются с толпой, смеются над Богом и приветствуют звукам “*Ga i ga*” (восклицание, не имеющее смыслового значения, *франц. — Перев.*) уничтожение их веры и гибель их душ?.. Станут ли наши сыновья учениками Вольтера и драгунами Марата, а наши дочери — наложницами иллюминатов?”.

Затем Дуайт описывает невзгоды, принесенные на штыках революционных отрядов в Бельгию, Баварию, Италию и Швейцарию

— “счастье последней, созданное трудом и мудростью трех столетий, и надежды на будущее были сокрушены одним ударом... Что они принесли, кроме преступлений и бедствий; где они прошли, не оскверняя, опустошая и разрушая?”.

Само собой разумеется, что эти предостережения вызвали бурю протеста в кругах сочувствующих принципам иллюминизма. “Независимая хроника” писала о “неискоренимом бесстыдстве духовенства, уклоняющегося от своих прямых обязанностей, чтобы сеять панику, пугая прихожан иллюминизмом”. Джефферсон, которого Морс называл иллюминатом, упрямо отрицал все обвинения против ордена, характеризуя Вейсгаупта как “восторженного филантропа”, а выпады Барруэля как “бред сумасшедшего”. Сам тон подобных выступлений красноречиво говорит о том, как глубоко был уязвлен неприятель. Избранная им линия защиты была выработана Вейсгауптом десятью годами ранее. “Главной задачей иллюминатов после публикации их сочинений, — говорит Барруэль, — было убедить всю Германию, что их орден более не существует, что все его члены отказались не только от своих таинств и замыслов, но и от всяких контактов на этой почве”. Эти слова, написанные более чем 120 лет тому назад, весьма любопытны, поскольку точно описывают тактику, повсеместно применяемую иллюминатами. Даже в наши дни любое упоминание о влиянии иллюминизма на Французскую революцию или последующие события встречаются заверениями, что это лишь досужие домыслы и что в действительности иллюминизм был незначительным и эфемерным движением, прекратившим существование после его подавления в Баварии в 1786 г.

Что касается разоблачений Барруэля и Робисона, то нас убеждают, что они не имели успеха — хотя на самом деле они стали такой сенсацией, что все первое издание перевода “Мемуаров” Барруэля разошлось еще до того, как их четвертый том был сдан в печать, тогда как книга Робисона издавалась, по крайней мере, четырежды. После того, как эти работы увидели свет, прилагалось немало усилий, чтобы их “обезвредить” — вплоть до изъятия книг из оборота. “Братья на берегах Темзы, усердствуя, попросили помощи у своих немецких братьев”, чтобы уничтожить часть тиража столь неприятного для них издания¹. Вслед за этим “брат Беттигер” разразился статьей в “Ежемесячном журнале” за январь 1798 г., в котором он убеждал британскую публику, что “каждый, кто ныне занимается разоблачением иллюминизма, по сути, преследует химеру, посвящая себя предмету,

¹ *Barruel*, iv. 218.

давио преданному забвению: после 1790 г. никто не уделял иллюминатам ни малейшего внимания и о них даже не вспоминали в масонских ложах Германии; доказательства тому можно найти в бумагах Боде, ставшего главой ордена”. Как замечает Барруэль, тем самым Беттигер признал, что таинства иллюминизма были переняты масонскими ложами и что орден, вопреки утверждениям сектантов, не был уничтожен в 1786 г., когда правда о нем вышла наружу, а просуществовал, по крайней мере, до 1790 г.

Другое апологетическое сочинение, посвященное иллюминатам, ныне нередко цитируемое, увидело свет несколькими годами позднее под названием “О влиянии на Французскую революцию, приписываемом философам, масонам и иллюминатам”. Его автором был не кто иной, как Жан Жозеф Мунье, предложивший дать знаменитую “клятву в зале для игры в мяч” 20 июня 1789 г. Согласно мнению этого бесспорно надежного свидетеля, ни масонство, ни иллюминизм не имели ни малейшего влияния на революцию — как, впрочем, и философия! Так что, если верить Мунье, то следует отмахнуться, как от нелепого вымысла, от той хрестоматийной истины, что Французская революция идейно восходит к теориям Руссо, Дидро, Вольтера и др.

Впрочем, стоит лишь приглядеться к работе Мунье, как вскрываются обстоятельства, которые, даже при беглом их рассмотрении, несколько обесценивают его выводы. Наиболее важным из них является тот факт, что Мунье писал свою книгу в Германии, где жил под покровительством герцога Веймара, поставившего его во главе школы в том же городе, где Беттигер был директором училища¹; кроме того, если верить издателю книги Мунье, тот получал информацию от Боде, также жившего в Веймаре и бывшего, по словам Беттигера, главой иллюминатов²! Вот какова природа свидетельств, всерьез противопоставляемых бесчисленным указаниям других современников, абсолютно уверенных в факте влияния иллюминизма на Французскую революцию!

К сожалению, объем книги не позволяет привести высказывания этих авторитетных авторов (Ломбара де Лангре, шевалье де Мале, Жозефа де Местра, графа де Водреля, Циммерманна, Геххаузена и многих других), но нельзя не подчеркнуть, что они не принадлежали к одной партии, религии, философской школе или национальности и при этом, порой существенно расходясь в своих политических и

¹ *Moutier, De l'influence attribuée, etc., p. lviii (1822 edition).*
² Там же, с. 130, 212.

религиозных взглядах, были единого мнения об иллюминизме. Так что утвердившееся мнение о том, что, дескать, Барруэль просто отстаивает интересы католической церкви, покажется абсурдным, если вспомнить, что Робисон, будучи протестантом, вполне самостоятельно пришел к точно таким же выводам; да и упомянутых выше американских проповедников, нельзя, конечно, заподозрить в том, что они выполняли волю Рима.

Можно, однако, возразить, что все тогдашние авторы, как и те, кто пришел им на смену, были “реакционерами”, стремящимися дискредитировать революцию любыми доступными средствами. Но были ли “реакционером” социалист Луи Блан? И кто, как не он, определенно указал на деятельность тайных сил, скрывающихся за фасадом революционного движения¹? Была ли “реакционеркой” Жорж Санд, известная своей принадлежностью к революционерам и масонам? А ведь именно Жорж Санд, говоря о “всеевропейском заговоре иллюминизма” и “грандиозной концепции Вейсгаупта”, заявила, что иллюминизм, “благодаря изобретательности его лидеров и опыту тайных обществ Германии, ужаснул мир наиболее обширным и наиболее продуманным из всех политических и религиозных заговоров”, когда-либо “сотрясавших троны династий”². Мадам Санд добавляет: “Были ли эти общества более действенны во Франции, чем в породившей их Германии? Французская революция дает на это утвердительный ответ”³.

Но тогда как, имея все эти свидетельства (которые, как мы еще увидим, подтверждены другими масонами), можно отрицать влияние иллюминизированного масонства на Французскую революцию? Как можно сомневаться в истинности тех страшных слов Барруэля, которые, несомненно, подтвердила последующая мировая история — и, в первую очередь, нынешняя ситуация:

“Вы думали, что революция во Франции закончилась, а революция во Франции была только первой пробой якобинцев. Для ужасной и огромной секты это был только первый этап задуманной ею всеобщей революции, которая должна свергнуть все троны, все алтари, полностью уничтожить собственность, перечеркнуть все законы и завершиться гибелью общества .

Разве Вейсгаупт не заявлял: “Эта революция станет плодом труда тайных обществ, и это — одна из наших величайших тайн”?

¹ См. целую главу, посвященную этому вопросу во втором томе Louis Blanc's *Histoire de la Revolution Francaise*.

² *La Comtesse de Rudolstadt*. ii. 219.

³ Там же, с. 260.

Впрочем, после гибели Бабефа деятельность заговорщиков была ненадолго приостановлена. 18-е брюмера нанесло сокрушительный удар по иллюминизму: рука, запершая дверь “Пантеона”, закрыла все тайные общества. Таким образом, пятнадцатилетнее правление Наполеона знаменательно тем, что за последние 140 лет, лишь в эти годы, Европу не пожирал губительный огонь иллюминизма, зажженный Вейсгауптом.

ГЛАВА 4

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА

Возрождение иллюминизма — Тугендбунд — “Альта Вендита” — Промышленная революция — Роль евреев — Философы — Роберт Оуэн — “Новая гармония” — Сен-Симон — Пьер Леру — Фурье — Бюше — Луи Блан — Кабе — Видаль — Пеккер — Прудон — Профсоюзный терроризм

После крушения Наполеона едва тлеющий огонь иллюминизма с новой силой вспыхнул по всей Европе. “Немецкий союз”, возникший непосредственно после подавления иллюминатов в Баварии, на самом деле был орденом Вейсгаупта, воссозданным под другим названием; в самом начале следующего столетия почти на тех же принципах были основаны другие общества, такие как Тугендбунд и Буршеншафт (Немецкий студенческий союз. — *Перев.*)¹. Тугендбунд, созданный около 1812 г. и состоявший из наиболее агрессивных иллюминатов, исповедовавших идеи Клоотса и Марата, в дальнейшем превратился в орден, известный как “немецкая ассоциация”, чьей целью было объединение Германии.

Именно здесь впервые ясно прослеживается связь между пруссачеством и тайными силами всемирной революции, хотя, без сомнения, ее можно выявить и на гораздо более ранних этапах. Как мы уже видели, Фридрих Великий через своего посла фон дер Гольца предпринимал бесконечные попытки разорвать франко-австрийский союз, но в то же время он действовал и другими, тайными методами: Фридрих был масоном, как и его друзья — французские философы. Так что во многом благодаря его влиянию разрушительные идеи Вольтера

¹ *Lombard de Langres, Les Societes secretes, pp. 81, 102, 110–113. Metternich также считал эти немецкие общества порождением Иллюминизма. В 1832 году он написал: “Германия долго страдала от зла, которое сегодня охватывает Европу... Секта Иллюминати... никогда не была уничтожена, хотя (Баварское) правительство пыталось ее подавить и было обязано решительно выступить против нее, она последовательно, согласно обстоятельствам и потребностям времени, переименовывалась в Тугендбунд, Буршеншафт и т.д.,” *Memoires de Metternich, v. 368.**

распространились в Германии, проложив путь антихристианской доктрине Вейсгаупта. В 1807 г. Жозеф де Местр, с удивительной проницательностью оценивший угрозу, которую составляла для мира и стабильности в Европе политика Фридриха, написал эти замечательные слова:

“Я всегда испытывал особую антипатию к Фридриху II, которого безумный век поспешил объявить великим человеком и который на самом деле был лишь великим пруссаком. История еще признает в этом правителе одного из величайших врагов человечества, когда-либо существовавших”¹.

Увы, де Местр не мог предвидеть, что заговор вокруг истории, направляемый преимущественно немцами, благодаря мастерству таких его агентов как Карлейль, приведет к укреплению престижа Фридриха, призванному облегчить путь его преемникам.

После смерти Фридриха Великого его политика была продолжена не только его племянником Фридрихом-Вильгельмом II, но и учениками Вейсгаупта. Так, иллиуминат Диомед (маркиз де Констанца) писал:

“В Германии должны быть максимум один-два правителя, которых следует иллиуминизировать и окружить нашими сторонниками — так, чтобы никто из непосвященных не имел к ним никакого доступа”².

А разве двусмысленное высказывание прусского барона Клоотса об “империи великой Германии — Всемирной республике”³ не восходит к тому же источнику вдохновения? Вполне возможно, что Клоотс мог быть не только последователем Вейсгаупта, но и, как подозревали Робеспьер и Бриссо, агентом прусского короля. Некоторые современники решительно утверждали, что и сам Фридрих-Вильгельм II был иллиуминатом.

Так, граф де Водрель в письме, отправленном графу Д’Артуа из Венеции в октябре 1790 г., заметил:

“Что поражает меня более всего, так это то, что секта иллиуминатов служит причиной и первоосновой всех наших бедствий; этих сектантов находишь повсюду, даже король Пруссии пропитан их пагубными идеями, а человек, пользующийся его абсолютным доверием, т. е. Бишофсвердер — один из главных лидеров секты”⁴.

Робисон, в свою очередь, заявляет, что первоначально его интерес к иллиуминатам вызвало предложение вступить в их ряды, полученное от одного “очень уважаемого и достойного джентльмена ,

¹ *Lettres inedites de Joseph de Maistre* (1851 г.), p. 97.

² *Deschamps*, op. cit. ii. 397, показанные данные на суде Иллиуминати.

³ *Cloutz's speech to the Convention*, September 9, 1792.

⁴ *Correspondance du Comte de Vaudreuil et du Comte d'Artois*, i. 342.

сообщившего ему, что “сам король Пруссии является патроном ордена и что цели его членов благородны и достойны похвалы”. Робисон, однако, отклонил это предложение, поскольку “в характере и поведении короля Пруссии было нечто, вызывавшее неприязнь ко всему, чему он покровительствовал”, и он не был удивлен, когда позже тот самый “уважаемый и достойный джентльмен” подтвердил его подозрения о характере ордена, сказав, “весьма выразительно качая головой: “Ничего не поделаешь, нас обманули, это очень опасно”¹.

Связь между пруссачеством и иллюминизмом прослеживается, таким образом, с момента зарождения последнего, но лишь с появлением Тугендбунда она стала вполне очевидной. Согласно Эккурту, конечные цели указанных двух движений не совпадали, но они использовали друг друга в борьбе за мировое господство.

“Национальные чувства, которыми полны все (немецкие) сердца, стремление к объединению разрозненных немецких государств — все это масоны пытались направить против всех тронов и всех народов... *Единство Германии* стало излюбленной темой для прессы; Тугендбунд породил, с благословения масонов, “немецкую ассоциацию, впоследствии полностью его поглотившую.

Цель этой ассоциации (согласно “подлинному отчету тайных союзов Германии”, составленному Маннсдорфом, принадлежавшим к высшим ложам) состояла в том, чтобы *свергнуть всех немецких правителей за исключением короля Пруссии*, возложить на его голову имперскую корону Германии и дать его государству демократическую конституцию. Главной целью масонов в то время было создание “подлинной всемирной республики и уничтожение всех государств”².

Нетрудно заметить, что Гогенцоллерны могли легко воспользоваться их услугами, чтобы осуществить первую часть своей программы — добиться гегемонии Пруссии.

Но поле деятельности иллюминатов не ограничивалось Германией, и еще до крушения Наполеона было организовано очередное тайное общество — союз карбонариев, вскоре попавшее под влияние иллюминатов. Связанное своим происхождением с масонами, это общество создавалось, однако, отнюдь не как революционное. Его основателями являлись роялисты и католики, которые, пребывая в неведении относительно подлинных целей иллюминизма, исходили из предложенной Вейсгауптом трактовки Христа как своего Великого Мастера. Но вскоре представители революционного масонства

¹ Robison. *Proofs of a Conspiracy*, p. 583.

² Deschamps, *op. cit.* ii. 227, 228.

проникли в их ряды и, возглавив организацию, подчинили ее своим целям. “Итальянский гений, — говорит монсеньор Диллон, — вскоре превзошел своей хитростью немецкий, и как только или еще до того, как был забыт Вейсгаупт, руководство всеми тайными обществами мира перешло к “Альта Вендита” — высшей ложе итальянских карбонариев”¹. Именно эта грозная организация, “Высшая римская вента”, в 1814—1848 гг. направляла деятельность всех тайных обществ. Гораздо более коварные и, значит, куда более опасные, чем карбонарии, руководители “Высшей венты” точно придерживались принципов иллюминатов, чьим прямым продолжением они практически являлись². Так, согласно традициям ордена иллюминатов, которым следовали Анахарсис Клоотс и Гракх Бабеф, все члены “Высшей венты” взяли себе классические псевдонимы; в частности, их лидер — развращенный итальянский дворянин — стал Нубием. Этот молодой человек, богатый, красивый, красноречивый и абсолютно безрассудный, был “мечтателем, одержимым стремлением возвести пьедестал для своего тщеславия”³.

Но, собирая вокруг себя распутных молодых итальянцев, своей опорой Нубий сделал не их, а еврейских союзников организации. В начале XIX в. евреи все более проникали как в масонские ложи, так и в некоторые тайные общества. Перед Французской революцией евреем-иллюминатом Калиостро был создан египетский обряд Мемфиса, а “в 1815 г. евреями в Париже был введен обряд Мизраима, включавший 90 еврейских степеней. Видный французский масон Рагон называл это еврейским масонством”⁴.

Жозеф де Местр утверждал, что евреи должны играть активную роль в иллюминизме — системе, которую он глубоко изучил и которую он считал “корнем всех зол современной Европы”⁵. По всем имеющимся признакам, писал он в 1816 г., “эти общества, безусловно, организованы для уничтожения всех корпораций знати, всех благородных заведений, всех тронов и всех алтарей Европы. Ныне секта, не брезгующая ничем, кажется, решила использовать в своих интересах евреев, и нам следует этого очень остерегаться”⁶. В “Высшей венте” евреи впервые пришли к руководству организацией. Богатые евреи—ашкенази поддерживали общество своими средствами, менее

¹ *Monsignor George F. Dillon, The War of Anti-Christ with the Church and Christian Civilization, p. 63 (1884).*

² Там же, с. 63.

³ *J. Cretineau-Joly, L'Eglise Romaine en face de la Revolution, ii. 383.*

⁴ *A. Cowan, The X-rays in Freemasonry, p. 160.*

⁵ *Lettres inedites de Joseph de Maistre, p. 368.*

⁶ *Joseph de Maistre, Quatre chapitres inedites sur la Russie, chap. iv.*

обеспеченные выступали как очень талантливые агенты¹. Среди последних особой энергией отличался один, взявший себе псевдоним Пикколо Тигр (т. е. маленький тигр, тигренок. — *Перев.*). Выдающий себя за странствующего ювелира и ростовщика Тигренок путешествовал по Европе, передавая инструкции “Высшей венты” карбонариям и возвращаясь нагруженным золотом для Нубия. Совершая такие поездки, Тигренок заручился поддержкой всех масонских лож Европы, хотя подавляющее большинство их членов было откровенно презираемо “Высшей вентой”. “Вне масонских организаций, — писал монсиньор Диллон, — и им неизвестный, хотя и составленный главным образом из масонов, существовал смертоносный тайный орган, который, тем не менее, использовал и направлял их на уничтожение мира и самих себя .

Авторитет Тигренка столь возрос, что в 1822 г. он написал инструктивное письмо “Высшей венте Пьемонта”, выдержка из которого красноречиво говорит о применявшихся им методах и обнаруживает их сходство с методами иллюминатов:

“В условиях, когда наши братья и друзья не могут, не таясь, явить свои идеи миру, было сочтено хорошим и полезным нести свет повсюду и приводить в движение все то, что стремится двигаться. По этой причине мы неустанно советуем вам втягивать людей всех сословий в организации любого рода, отвечающие одному неременному условию: *таинственность и секретность должны быть их главной особенностью*. В Италии множество религиозных братств и кающихся всех мастей. Не бойтесь проникать в самую гущу этих скопищ, где господствует тупая набожность. Пусть наши люди тщательно изучают состав этих братств, и они убедятся, что мало-помалу они и здесь соберут урожай. Под самым невинным предлогом (ни в коем случае политическим или религиозным) создавайте или, еще лучше, подстегивайте создавать других ассоциации для занятий торговлей, промышленностью, музыкой, искусствами и т. д. Собирайте в любом укромном месте — хоть в ризницах или часовнях — эти группы еще ни о чем не ведающих людей; поручите их попечению какого-нибудь добродетельного священника, достаточно известного, но легковверного, которого нетрудно будет обмануть. Затем начинайте пропитывать ядом отобранные вами души; делайте это понемногу и как бы случайно. Впоследствии, поразмыслив, вы сами поразитесь собственным успехам.

¹ *Monsignor Dillon, op.cit. p. 72. Cretineau-Joly, op. cit. ii. 131.*

Очень важно отделить человека от его семьи, заставить его забыть о морали. Мужчина по своей природе достаточно предрасположен к тому, чтобы избегать домашних забот и стремиться к легким удовольствиям и запретным наслаждениям. Он любит долгие беседы в кафе и праздный досуг. Ведите его за собой, поддерживайте его, давайте ему почувствовать собственную значимость, осторожно приучайте его отвыкать от повседневных трудов, и в итоге, отделив его от жены и детей и показав ему, насколько обременительны все его обязанности, вы разбудите в нем желание изменить свою жизнь. Мужчина — прирожденный бунтарь. Раздувайте в нем эту бунтарскую искру, пока в душе не вспыхнет пожар, но так, чтобы пламя не прорывалось наружу. Это — подготовка к той большой работе, которую вам предстоит начать.

Когда вы внушите нескольким людям отвращение к семье и к религии (одно почти неизменно следует за другим), оброните несколько слов, способных вызвать стремление быть принятым в ближайшую ложу. Это тщеславное желание мещанина или буржуа присоединиться к масонству является столь банальным и столь всеобщим, что я не перестаю восхищаться человеческой глупостью. Порой мне кажется, что целый мир стучится в двери посвященных, прося этих господ о чести быть избранным для участия в воссоздании Храма Соломона. Стать членом ложи, мысленно отделиться от жены и детей, быть призванным охранять тайну, о которой никогда ничего не узнаешь — все это способно сделать людей определенного сорта совершенно счастливыми.

“Альта Вендита” желает, чтобы под любыми предлогами как можно больше высокородных и богатых людей втягивались в масонские ложи. Принцы крови и те, у кого нет надежды стать законными королями милостью Божьей — все они желают быть королями милостью революции. Герцог Орлеанский — масон... Принц без королевства служит для нас хорошим приобретением. В таком положении пребывает немало из них. Делайте из них масонов: эти несчастные принцы будут служить нашим целям, думая лишь о достижении собственной. Они создают нам величественный фасад.

Именно благодаря ложам мы рассчитываем удвоить наши ряды. Они готовят, сами о том не ведая, наших будущих послушников. Они ведут бесконечные разговоры об опасности фанатизма, о счастье социального равенства и о великих принципах религиозной свободы. Пируя, они (т. е. масоны. — *Перев.*) проклинаяют нетерпимость и политические преследования. Это, несомненно, даже больше, чем нам требуется для вербовки новичков. Человек, напичканный всеми этими

прекрасными идеями, от нас уже не далек. Остается только привлечь его на нашу сторону .

Путем такой последовательной деморализации руководители “Высшей венты”, подобно иллюминатам, хотели утвердить свое господство над народами Европы. Но чтобы понять, как именно они собирались достичь этой цели, мы должны рассмотреть те условия, в которых им приходилось работать.

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Крайне важно понять, что жизнь народа в этот период была действительно очень тяжелой. Впрочем, трудно жилось не так сельскохозяйственным, как промышленным рабочим, порой влачившим самое жалкое существование. Этот факт никто не пытается отрицать, и нам не надо обращаться к работам социалистов, чтобы представить себе рабское положение мужчин, женщин и детей на рудниках и фабриках Европы в годы, последовавшие за наполеоновскими войнами: все это гораздо точнее и ярче описано в письмах лорда Шефтсбери, посвятившего всю свою жизнь помощи бедным и угнетенным.

Почему же вдруг ухудшилось положение рабочих? Причиной тому был и ускоренный рост промышленности, обусловленный применением машин, и, если говорить об Англии, быстрый рост населения; однако во Франции подобная ситуация была вызвана, главным образом, революцией. Мы уже видели, как уничтожение профсоюзов и увеличение количества рабочих дней путем отмены праздников усугубили положение рабочих; но основным результатом великого переворота стал переход власти от аристократии к буржуазии, имевший для народа ужасные последствия. Можно сказать, что уничтожение феодализма ознаменовало воцарение прагматизма. Это признано даже таким авторитетом, как Маркс.

“Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль. Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его “естественным повелителям”, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана”. В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли.

Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой”¹.

Итак, по мнению патриарха современного социализма, именно уничтожение феодализма привело к порабощению пролетариата. Констатируя этот факт (пусть и в утрированной форме), Маркс, несомненно прав. Класс, живущий за счет унаследованных богатств, всегда служит препятствием на пути эксплуатации рабочих. Ни дворянин, плативший 500 луидоров за свою карету, ни герцогиня, никогда не задумывавшаяся о цене ее парчового платья, не видели смысла в том, чтобы обирать своего мастера или портниху. “Потогонную систему” создал класс, стремящийся сколотить состояние, не компенсируя рабочим их трудовых затрат. После революции, когда аристократия, с ее беззаботным транжирством и врожденной склонностью к благотворительности, нашла свое последнее убежище в мансардах, на смену ей пришли промышленники, и именно эти “новые богачи” вызывали горькие нарекания народа.

Однако вместе с буржуазией поднялась новая сила, о которой умалчивает Маркс, но ясно говорит социалист Малон:

“Феодализм означает привилегии, полученные взамен некоторых оговоренных обязательств; иудаизированная плутократия не признает никаких обязательств, руководствуясь единственной целью — присвоить как можно большую долю чужого труда и общественного богатства в целях личного потребления и злоупотребления. В этом состоит ее грехопадение и это предвещает ее крах во имя общественного блага и интересов человечества

Такое же мнение высказывал позднее анархист Бакунин.

Понятно, что не только евреи эксплуатировали рабочих; но, захватив в свои руки торговлю во всех ведущих странах — Франции, Германии и особенно в Америке — они, несомненно, способствовали угнетению рабочих, против которого яростно восставал Маркс. В условиях монархии евреев держали в узде законов, ограничивавших их деятельность; эдикты, изданные в начале Французской революции, провозглашая их полное равноправие, устранили все препятствия с их пути.

Так что для евреев 1789 г. стал годом их освобождения. Не заходя так далеко, как господин Дрюмон, заявивший, что революция освободила народ от аристократии лишь для того, чтобы подчинить его евреям, необходимо, тем не менее, признать, что власть евреев над

¹ *Manifesto of the Communist Party*, by Karl Marx and Friedrich Engels, p. 9.

народом значительно возросла с ниспровержением монархии и аристократии. Трудно сказать, было ли это результатом их сознательных усилий, но современники задавались подобным вопросом — в чем убеждает одно из высказываний Прюдома, страстного демократа, которого никоим образом нельзя заподозрить в антисемитизме:

“Французская революция сделала евреям немало добра; она полностью покончила с тем старомодным воззрением, согласно которому остатки этого древнего народа расценивались как вырожденцы, стоящие ниже всех других людей. Во Франции с евреев долгое время, как при св. Луи, взимали на таможах те же пошлины, что и со скота. При этом ежегодно каждая еврейская семья платила 40 ливров за право жительства, или за “покровительство” и за “терпимость”. Этот налог был отменен 20 июля 1790 г. Евреи были, если можно так выразиться, признаны французами и получили статус граждан. Что они делали, чтобы выразить свою благодарность? То же, что и прежде; они не изменились, они не исправились, они никак не воспрепятствовали падению курса ассигнаций.

Беспорядок в наших финансах был для них перуанскими приисками; они не прекратили свою бесчестную торговлю; напротив, гражданская свобода помогла им расширить спекуляции на бирже. Нищета народа стала для них богатой вотчиной... Евреи активизировались. Правительство нуждалось в них, и одному Богу известно, как дорого заплатила Республика за помощь, которую они оказали. Какие безобразные тайны были бы явлены миру, если бы евреи, подобно кротам, не действовали в непроницаемой тьме! Одним словом, евреи никогда еще не были в большей степени евреями, чем тогда, когда мы пытались сделать из них людей и граждан”¹.

Но больше всего от засилья евреев пострадали крестьяне. При прежнем режиме феодальные подати были, бесспорно, тяжелы, но во многих случаях сеньоры являлись благодетелями и защитниками своих вассалов. Еврей-ростовщики, к которым обращались крестьяне-собственники, чтобы выжить в случае неурожая или неблагоприятных погодных условий, не проявляли никакой снисходительности.

“Как только он (крестьянин), — пишет Даниель Стерн, — вступил в коммерческие отношения с этой хитрой нацией, как только он

¹ *Crimes de la Revolution*, iii. 44. Бурк отмечает, что евреи получали большие доходы от ограбления церквей; ему говорили, что “настоящие сыны из числа евреев-маклеров становились священниками, особами, которых, нельзя было заподозрить в каких-либо религиозных предрассудках (*Reflections on the French Revolution*, p. 254). Это может объяснить отступничество некоторых прелатов 8-го ноября 1793 года.

поставил свою подпись в конце документа, который он читал и перечитывал, не понимая его скрытого смысла, он, несмотря на всю свою проницательность, навсегда утратил свободу. Отныне его труды, его смекалка, дары судьбы, посылающей ему богатые урожаи, будут обогащать не его, а его нового хозяина. Непомерно высокий процент на очень маленький капитал поглотит все его время и его труды. Ежедневно он будет убеждаться, что благосостояние его семьи падает, а трудности возрастают. Затем, когда настает роковой день уплаты долгов, угрюмое лицо его кредитора дает ясно понять, что отсрочки не будет. Он должен принять решение, он должен идти далее по этому гибельному пути, вновь брать займы, вечно одалживать, пока не наступит крах: поля, луга, лес, дом, сбережения, — все перейдет из его трудолюбивых рук в жадные лапы ростовщика”¹.

Одним словом, все, что крестьянин унаследовал от аристократа, наследует ростовщик. В этом суть бедствий крестьян — и не только во Франции, но и в России², Австрии, Польше; всюду, где человек живет, возделывая свою землю, уничтожение феодализма привело к всевластию ростовщиков, а ими в большинстве случаев были евреи. И если, измученные этой тиранией, крестьяне время от времени прибегали к насилию, обрушиваясь на своих угнетателей, разве это удивительно? Когда в XIV в. крестьяне поднялись против дворянства, виной тому, как нам объясняют, были только дворяне. Так почему же крестьянский гнев, облеченный в форму Жакерии, оправдывается, а выступая в форме погрома — безусловно осуждается? Ведь очевидно, что в обоих случаях речь шла о неконтролируемой ярости масс.

Промышленный рабочий, как и крестьянин, нашел в лице евреев придирчивых надсмотрщиков. Ускорение темпов промышленного производства в начале XIX в. было вызвано не только внедрением машин, но и торжеством коммерческого духа, пришедшего на смену безмятежной атмосфере прежнего режима. Как выразился господин Дрюмон, теперь, если рабочие останавливались, чтобы перевести дух,

¹ *La Revolution de 1848*, by Daniel Stern, ii. 89 (La Comtesse d'Agoult).

² См. отчет, сделанный великим князем Николаем после его поездки по Белоруссии в 1816 году, который, отметив поддержку, оказанную императорской особе евреями, заметил: “Общий упадок крестьянства в этих провинциях можно отнести на счет евреев, которые способствуют только землевладельцам; своими методами, они нещадно эксплуатируют несчастное население. Они все здесь — торговцы, контрактники, трактирщики, мельники, весовщики, мастеровые и т. д. Они очень умно обводят вокруг пальца простолюдина — дают деньги под еще невыращенный урожай и таким образом владеют полем до того, как поле засеяно. Это вечные пиявки, высасывающие все и полностью обескровившие провинцию” (F. A. Brayley Hodgett's *The Court of Russia in the Nineteenth Century*, i. 161).

их оглушал крик учетчиков: “К чему мы придем? В прошлом году Англия произвела 375 миллионов брючных пуговиц, а мы только 374 миллиона!”.

Эта неумолимость, этот безумный темп и дух смертельной схватки пришли в промышленность во многом благодаря влиянию евреев.

В любом случае, независимо от того, чем считать “капиталистическую систему” — злом или благом, нельзя отрицать, что ее создание в немалой степени есть делом рук евреев.

Для того, чтобы в полной мере оценить неискренность Маркса в этом вопросе, необходимо лишь просмотреть его книгу “Капитал”, а затем работу Вернера Зомбарта “Евреи и современный капитализм”. “Еврей, — замечает Зомбарт, — есть воплощение современного капитализма”¹; он описывает, шаг за шагом, процесс создания евреями системы, которая вытеснила патриархальные торговлю и промышленность; он говорит нам о евреях как о создателях рекламы², людях, стремящихся использовать дешевый труд³, и как об основных участниках биржевых спекуляций, достигших небывалого размаха в конце первой Французской революции⁴. И все же главный путь к вершинам власти был связан с ростовщичеством. “Современный капитализм, — говорит Зомбарт, — это дитя ростовщичества”⁵, а в роли ростовщиков, как мы видели, преимущественно выступали евреи. Огромное состояние Ротшильдов было создано на этой основе. Главные заимодавцы мира⁶, они со временем превратились в железнодорожных королей⁷. 1820-е годы стали, по выражению Зомбарта, “эрой Ротшильдов”, а к середине столетия их могущество вошло в поговорку: “В Европе есть только одна держава — Ротшильд”⁸.

Так мыслимо ли, что человек, вознамерившийся всерьез обличать капитализм, воздержался от малейших упоминаний о его подлинных создателях? Даже в разделе “Капитала”, посвященном происхождению промышленного капитализма, где говорится о видных финансистах, биржевой игре и спекуляциях акциями как о “современной власти финансов”, Маркс ни разу не указал на евреев как на всдуших

¹ *Werner Sombart, The Jews and Modern Capitalist, p. 50.*

² Там же, с. 139.

³ Там же, с. 150.

⁴ Там же, с. 101.

⁵ Там же, с. 189.

⁶ Там же, с. 101, 103.

⁷ Там же, с. 105.

⁸ Там же, с. 99.

финансистов или на Ротшильдов как суперкапиталистов мира. С таким же успехом можно рассказать историю беспроводного телеграфа, ни разу не упомянув о синьоре Маркони! Чем объяснить это поразительное упущение? Только тем, что Маркс не был искренним в своих выступлениях против капиталистической системы и что он преследовал несколько другие цели. Я возвращусь к этому вопросу позже, рассматривая карьеру Маркса.

Итак, вот каково было положение дел в начале периода, известного как промышленная революция. Беды рабочих были весьма ощутимы, потребность в социальных реформах — насущной, пропасть между бедностью и богатством — глубокой, как никогда прежде. Однако правительство Франции не могло предложить каких-либо здоровых социальных проектов. О, если бы тогда явился лидер, способный вернуть народ на путь здравого смысла и прогресса, смог убедить людей, что в тот фатальный 1789-й год новосозданная демократия свернула на неверную дорогу, уводящую в непроходимые джунгли, откуда нужно выйти и начать все сначала, вторя голосу разума, а не желаниям горстки иллюминированных масонов!

К несчастью, в этот нелегкий период истории пролетариата не нашлось никого, кто бы мог указать верный путь, никого, у кого бы хватило ума и отваги подняться и заявить: “Великий эксперимент 1789—1794 гг. потерпел неудачу, его основополагающие идеи, при детальном их рассмотрении, оказались абсурдными, поставленные им цели — миражом, к которому мы шли бесконечно долго, стирая ноги в кровь; наши методы были жестоки и никогда не должны повториться; наши вожди были врагами народа, и людям, подобным им, нас больше не обмануть. Страдающим людям остается одно — предать забвению революцию и все, что с ней связано, и вступить на иной путь с новыми надеждами и новыми целями, основанными не на фантазиях мечтателей или идеях демагогов, а на подлинных стремлениях людей .

Но вместо того, чтобы сплотить людей таким призывом, новые властители дум не смогли найти для них ничего лучше затасканных революционных идей своих предшественников. Доктрины, оказавшиеся ошибочными, проекты, обманувшие надежды, призывы, приведшие народ к катастрофе, переживали второе рождение, как будто в прошлом они блистательно доказали свою правоту.

ФИЛОСОФЫ

В Англии первым представителем движения, позднее названного социалистическим, был владелец хлопкопрядильной фабрики Роберт Оуэн. В самом начале казалось, что в его лице народ обрел того человека, в котором нуждался — просвещенного реформатора, который, отбросив ложные идеи Французской революции, перестроит систему промышленного производства. Деятельность Оуэна в Нью-Ленарке вызывала всеобщее восхищение; просторные жилища для рабочих, хорошие школы для детей, пропаганда здорового образа жизни полностью преобразили жизнь города. Все эти начинания Оуэна не встречали противодействия. Социалисты любят заявлять, что верхи общества совершенно безразличны к положению рабочих и что только революционная агитация способна пробудить их интерес. История с Робертом Оуэном блестяще демонстрирует обратное, поскольку основную поддержку он получал от так называемых “высших классов” — герцогов, епископов, государственных деятелей; даже от коронованных особ (например, его лично посетил царь Николай I). Нью-Ленарк быстро стал местом паломничества тех, кого интересовали социальные реформы, и Оуэн чувствовал, что от высоких похвал у него вот-вот закружится голова.

Следует понимать, однако, что эксперимент Оуэна основывался не на социалистических принципах. Живя в прекрасном доме и разъезжая повсюду в своем экипаже, Оуэн, напомиравший “короля среди своих подданных”, по сути, выступал в роли владыки-благодетеля. Его рабочие, получая жалованье, трудились 8—10 часов в день и награждались унижительными значками за проявленную леность или неумелость. Доходы производства не распределялись между рабочими, а поступали прямо к Оуэну и расходовались по его усмотрению. Верно, что от образцового магазина, открытого им в городе, он не получал никакой прибыли, поскольку товары продавались покупателям по себестоимости — но, имея большие доходы, Оуэн вполне мог позволить себе поиграть в благотворительность. Это не значит, что он заслуживает меньшего уважения, однако следует признать то, что филантропические затеи Оуэна в Нью-Ленарке

¹ *Life of Robert Owen*, p. 30.

² *Cf. Holyoake. The Co-operative Movement*, p. 13. “Оуэн... был одним из малого клана великодушных тори, которые требуют власти вместе с обязательством использовать ее в интересах народа”.

³ *Sargant*, op. cit. 217.

основывались на системе, которую социалисты осуждают как “капиталистическую”.

В любом случае эксперимент увенчался блестящим успехом, но, к несчастью, Оуэн позволил увлечь себя с пути здравых и нужных реформ в глухие дебри философии. Чем объяснить такой поворот дела? Только тем, что Оуэн подпал под влияние темных сил, действовавших на континенте, поскольку, если мы рассмотрим его сочинения в свете доктрин, изложенных в первой главе нашей книги, то сразу почувствуем, что им владели идеи иллюминизма. Так, основное положение учения Оуэна гласит, что человек — это продукт своей среды: его характер целиком определяется окружением. Следовательно, отделив человека от неблагоприятной среды, можно “превратить его в разумное создание”¹. Далее, бедственные условия, в которых существуют люди, являются прямым результатом развития цивилизации, которую, подобно Вейсгаупту, Оуэн считал проклятием человечества. “Все народы земли, кичащиеся своими успехами в том, что они называют цивилизацией, ныне управляются силой, ложью, обманом и страхом, которые порождает невежество правителей и подданных”². Соответственно, Оуэн заявляет: “Следует думать обо мне как о человеке, не принадлежащем к нынешнему обществу, а, напротив, ликующем при мысли о его полном уничтожении, когда от него не останется камня на камне”³.

Все это — лишь перефразировка мыслей Вейсгаупта: “Человек не плох — разве что его делает таковым существующая мораль. Он плох лишь потому, что религия, государство и недостойные примеры искажают его природу”; поэтому необходимо осуществить “полное уничтожение нынешнего гражданского общества”.

Действительно, отдельные высказывания Оуэна почти слово в слово совпадают с теми, которые встречаются в работах Вейсгаупта. Например, последний утверждал, что целью иллюминатов является “превращение всех людей, независимо от их национальности, состояния или профессии, в одну прекрасную счастливую семью”. Оуэн говорил о “новом способе существования на земле, который, осмысленный и реализованный на практике, радушно объединит всех, как одну прекрасную и просвещенную семью”⁴.

Наивным было бы приписать эти поразительные совпадения (число которых, при желании, можно значительно увеличить) простому

¹ Life of Robert Owen by himself, p. 60.

² Там же, с. 77.

³ Там же, с. xxii.

⁴ Там же, с. 154.

сходству, предположив что йоркширскому фабриканту пришли в голову те же мысли и даже те же слова, что и баварскому профессору. Действительно, как указывает биограф Оуэна, тот “весьма туманно говорил о философии, способной возродить общество, когда человеческое сознание будет готово ее воспринять. С пифагорейской скрытностью он утаивал от непосвященных эзотерическое учение, которого мир был недостоин”¹. Что это было за учение, если не иллюминизм, традиции которого требовали от Оуэна предельной осторожности? Но наиболее явно источник вдохновения Оуэна проявляется в его отношении к религии. Иначе не поддается объяснению его кампания воинствующего атеизма. Для человека типа Вейсгаупта ненависть к христианству не удивительна, но то, что Оуэн, жаждавший делать людям добро, искренний и неутомимый филантроп, не отдавал должное великому учителю любви и сострадания, столь непостижимо, что до сих пор ни один из его биографов не смог этого объяснить. Однако стоит присмотреться к теориям Оуэна, и становится ясно, откуда он их заимствовал: ведь чем, по сути, являются его мечты о “разумном обществе” и бесконечное апеллирование к разуму, как не отзвуком воззрений Вейсгаупта, считавшего, что “разум должен стать единственным законом человека”. Воплощением этой идеи стала книга Томаса Пейна “Век разума”, а также праздники Разума, отмечавшиеся в парижских церквях. Лишь в результате этого пагубного влияния в Оуэне возобладали чувства, совершенно чуждые его натуре. Чего, например, стоит его заявление, что “религии мира — это ужасные монстры и подлинные демоны человечества, поглощающие весь его рационализм и счастье”². Разве оно не напоминает высказывания иллюмината Клоотса о “ничтожности всех религий”? Временами Оуэн даже соперничает с Клоотсом в силе выражений. “Религия, — писал тот, — является социальной болезнью, которую нельзя излечить слишком быстро. Религиозный человек — это испорченное животное”³. Оуэн вторит ему, говоря что “основные понятия всех религий... сделали человека наиболее противоречивым и наиболее жалким созданием из всех существующих. Вследствие религиозных заблуждений он стал слабым, глупым животным” и т. д.⁴

Эти слова были произнесены Оуэном перед участниками большого собрания, на котором он решил “осудить все религии мира”⁵.

¹ *Sargant*, op. cit. p. 76.

² *Life of Robert Owen by himself*, p. 207.

³ *La Republique universelle*, p. 27.

⁴ *Sargant*, op. cit. p. 129.

⁵ *Life of Robert Owen by himself*, p. 161.

Этот день он впоследствии называл самым памятным в своей жизни — хотя фактическим его результатом было то, что он оттолкнул общественное мнение и навсегда подорвал свой авторитет. Влекомый далее по пути иллюминизма и, согласно свидетельствам его биографа, “движимый сумасбродным стремлением к сомнительной славе”, Оуэн через семь лет оставил свое процветающее предприятие в Нью-Ленарке, чтобы основать колонию на коммунистических принципах в Америке.

В течение нескольких лет он вынашивал план переустройства мира, “разделенного на деревни по 300—2000 душ в каждой”, где “жилища для 200—300 семейств будут размещаться в форме параллелограмма”, где “не останется места индивидуализму” и “каждый будет работать на общее благо”¹. Попытки создания колонии на этих принципах в Ирландии потерпели фиаско, и тогда в 1824 г. Оуэн отплыл в Новый Свет, где купил у немецких колонистов, учеников пастора Раипа, большой участок земли, носивший имя “Гармония”. Здесь в следующем году он основал свою “Общину равенства”. Так было положено начало коммунистическому эксперименту; основанные на тех же принципах поселения стали возникать в Америке и Шотландии.

Но Оуэн делал свои расчеты, не принимая во внимание человеческую природу; он не смог преодолеть в колонистах собственнические инстинкты и утвердить в их сознании благородное желание работать во имя общего блага, не задумываясь о личной выгоде². Подлинные человеческие страсти то и дело напоминали о себе (порой весьма неожиданно) даже в среде восторженных коммунистов, составлявших ближайшее окружение Оуэна; так, печатный орган общины, “Кооперативный журнал”, писал о том, что однажды вечером во время происходившего на природе собрания колонистов один из них, пламенно проповедовавший замену всех форм наказания лаской, увидев, что какой-то мальчишка собирает сливы в его саду, мгновенно прервал свое выступление, бросился к юному правонарушителю и основательно его поколотил³.

Предпринимались разнообразные попытки организации общины на базе различных социалистических принципов. Какое-то время система, известная ныне как гильдейский социализм, практиковалась в городской части “Новой Гармонии”, тогда как коммунистический уклад был достоянием ее сельской части⁴. Но успешному ходу всех этих

¹ *Sargant*, op. cit. p. 171.

² Там же, с. 254.

³ Там же, с. 240.

⁴ Там же, с. 252, 253.

экспериментов все так же мешала человеческая природа, и в 1827 г. Оуэн в отчаянии отказался от своей затеи. Причину его неудачи убежденные коммунисты усматривали в его неспособности к эффективному управлению. Оуэн же приписывал ее характеру людей, составлявших общину. Он утверждал, что его опыт “убедил его в одном: необходимости быть крайне осторожным при отборе членов общины. Сообщества, основанные на принципах коллективной собственности и равенства, обречены на неудачу, если они состоят из людей, непригодных для этой специфической миссии. Для достижения успеха необходимо исключать из общин лиц невоздержанных, ленивых, легкомысленных, склочных, жадных, эгоистичных...”. Иными словами, обитателями коммунистических поселений должны быть лишь совершенные человеческие существа. Но, как замечает биограф Оуэна, “может возникнуть вопрос: нужна ли для столь рафинированного общества какая-либо особая организация? Именно эгоизм и стихийность человеческой натуры составляют главное препятствие на пути всех подобных начинаний”¹.

Колония, созданная в Орбистоне, около Глазго, учеником Оуэна Абрамом Комбом, и коммунистические поселения, основанные в Ралахайи (графство Клар, 1831 г.) и Титерли (Гемшир, 1839 г.), потерпели крах по той же причине, что и “Новая Гармония”², и Оуэн был вынужден признать, что взлелеянная им система нежизнеспособна. Интересно, что когда на обратном пути в Англию (1827 г.) ему представился случай посетить плантации рабов на Ямайке, он пришел к выводу, что рабство, в конечном итоге, не такая уж плохая вещь. Ведь разве оно не гарантирует все блага, обещанные коммунизмом — наличие пищи и жилья, освобождение от “мучительных тревог и забот” за счет полного отказа от личной свободы, но с тем существенным преимуществом, что является вполне действенной социальной системой?³

Так бесславно завершились начинания человека, которого социалисты гордо называют “отцом английского социализма”. Учитывая мизерное количество как филантропов-практиков, так и сколько-нибудь реальных достижений в истории социализма, вполне естественно, что его представители из всех сил стремятся объявить своим знаменитого основателя Нью-Ленарка. Однако эти притязания социалистов (как, впрочем, и многие другие) абсолютно беспочвенны, поскольку крах

Sargant, op. cit. pp. 256.

Там же, с. 278—289. В Орбистоне начали с кооперации, но перешли к коммунизму. В таком образе, отмечает Саргант, “проект был обречен”.

Там же, с. 266.

Оуэна связан как раз с его отказом от капитализма в пользу социализма. Так что своим социалисты могут объявить не Оуэна из Нью-Ленарка, а Оуэна из “Новой Гармонии”. Вместо того, чтобы признать эту горькую правду, социалисты, описывая жизнь Роберта Оуэна, обычно льстят себе подробными описаниями блестящих успехов Нью-Ленарка, всячески избегая упоминаний о “Новой Гармонии”. В этой связи любопытно, что до сих пор никто из социалистов не посвятил ни одной своей книги правдивому анализу социалистических экспериментов прошлого; все их провалы полностью замалчиваются, а идеи, на которых они основывались, превозносятся так, как будто бы никогда не предпринимались попытки осуществить их на практике.

Другой общепринятой в среде социалистов истиной является то, что Роберт Оуэни был основателем кооперативной системы. Это опять же противоречит фактам. Образцовый магазин Оуэна в Нью-Ленарке являлся, как мы видели, не чем иным, как благотворительной забавой богатого человека, которая была вполне по средствам живущему на доходы от предприятия, где рабочим платили крайне низкую заработную плату. Оуэн не верил в кооперативную систему, у истоков которой стояли ткачи города Рочдэл с их маленьким магазином на Тоуд-стрит, открытом в 1844 г. Это действительно было началом большого движения, продолженного кооперативным обществом в Олдхеме, а со временем — и другими кооперативными обществами, которые в 1874 г. насчитывали 340 930 членов¹.

Все это, однако, происходило без участия Роберта Оуэна и социалистов. Верно, что некоторые из основателей кооперативного движения находились под впечатлением деятельности Оуэна в Нью-Ленарке, но они не разделяли его коммунистические идеалы, и поэтому Оуэни “холодно относился” к кооперативным магазинам, основанным его так называемыми учениками². По утверждению Холиоука, кооперация — это форма участия в прибылях³; как таковая, она совершенно чужда социалистам, которые и в самом деле энергично против нее выступают. Мы возвратимся к этому вопросу позже, анализируя взгляды Маркса.

¹ Article on “Communism,” by Mrs. Fawcett, in the *Encyclopaedia Britannica* for 1877.

² *Beatrice Webb, The Co-operative Movement*, pp. 47, 56. См. также Holyoake, *The Co-operative Movement*, p. 18, and *Co-operative in Rochdale*, p. 19. “Кооперацию,” — отмечает Холиоук, — нельзя приравнять к той, что есть у Оуэна, но поскольку его магазин в Нью-Ленарке положил начало будущей кооперации, Оуэна можно назвать

³ “родоначальником, хотим мы этого, или не хотим.”
 Holyoake, *The Co-operative Movement*, p. 24.

Существенное различие между кооперацией и коммунизмом заключается в их отношении к частной собственности. В условиях кооперации каждый задействованный человек имеет полное право на свою долю прибыли; при коммунизме вся прибыль поступает обществу. Кооперация нередко приводила к блестящим результатам; коммунистические эксперименты неизменно заканчивались полным провалом. Как объяснила госпожа Фоссет в своей замечательной статье “Коммунизм”, помещенной в “Британской энциклопедии”, успеху кооперативных обществ прошлого столетия способствовали подлинные реформаторы, “доказавшие своими многочисленными неудачами иллюзорность коммунизма как способа социального возрождения”; по ее же словам, “нет другого движения, столь явно некоммунистического, как кооперация. Она укрепляет позиции капитала и частной собственности, делая каждого кооператора капиталистом и, таким образом, формируя личную его заинтересованность в сохранении существующего порядка вещей”¹.

Иными словами, если целью коммунизма является концентрация капитала в руках государства или коммунистов, цель кооперации составляет расширение капитала путем его распределения среди большего числа индивидуумов. И накопленный опыт убеждает нас, что именно через кооперацию, а не через коммунизм, пролегает путь к социальному миру в промышленности.

Пока это действительно прогрессивное движение развивалось в Англии, последователи французских философов разрабатывали очередные проекты реорганизации производственных отношений, позднее объединенные общим термином “социализм”.

Первым в списке социалистов значится граф де Сен-Симон, внук знаменитого автора “Мемуаров”, описывающих двор Людовика XIV. Родившийся в 1760 г. и унаследовавший от слабоумной матери психическую неуравновешенность, Сен-Симон рано окунулся в пучину наслаждений и вел жизнь “авантюриста, стремящегося к богатству и славе”², но через некоторое время, пресытившись оргиями, он сосредоточился мыслями на переустройстве мира, в котором, как он полагал, ему суждено сыграть ведущую роль. Поскольку данная книга не нацелена на последовательное изложение истории социализма, а лишь прослеживает взаимосвязь между социалистическими теориями и ходом всемирной революции, нет смысла детально описать философию Сен-Симона. Достаточно отметить, что, согласно его теории

¹ *Encyclopaedia Britannica for 1877.*

² *Thureau-Dangin, La Monarchie de Juillet, i. 221.*

социальных преобразований, единственный способ уничтожения эксплуатации человека человеком заключается в том, чтобы передать не только всю собственность, но и всех человеческих существ под контроль государства, создав таким образом “не абсолютное равенство, а новый тип иерархии”, в соответствии с которой “каждый будет оцениваться по его способностям и вознаграждаться по его труду” — формула, представляющая собой парафраз бабувистского принципа: “От каждого по его силе, каждому по его потребностям”¹.

Словом, сен-симонизм был всего лишь разновидностью уже знакомого нам бабувизма, традиции которого пронес через все испытания соратник Бабефа Буонарроти. Однако духовным отцом Сен-Симона был, по-видимому, даже не “вождь равных”, а сам Вейсгаупт, чьи идеи вдохновляли не только бабувистов, но и, как мы уже знаем, “Высшую римскую венгу”.

Сен-Симон, будучи, как известно, связанным с этим огромным тайным обществом, поддерживал грандиозный замысел Вейсгаупта, провозгласив отмену частной собственности и права наследования, ликвидацию института брака и семьи — одним словом, уничтожение цивилизации. Подобно Роберту Оуэну, Сен-Симон искренне заявлял, что существующая общественная система обречена и с ней нужно полностью покончить. Впрочем, иллюминат-француз не повторял ошибок своего английского современника, оттолкнувшего от себя общественное мнение отречением от христианства; напротив, точно следуя указаниям Вейсгаупта, Сен-Симон в своей книге “Новое христианство” вознамерился доказать, что в предложенных им преобразованиях реализуется учение Христа о человеческом братстве, которое было извращено убежденностью в необходимости умерщвления плоти; “поэтому, чтобы восстановить христианство на его подлинной основе, требовалось воссоздать его чувственную сторону, отсутствие которой делало бесплодными все попытки воздействовать на общество”². Нетрудно понять, что эта теория вполне соответствовала вынашиваемым “Высшей венгой” планам тотальной деморализации.

Понятно, что, как и предвидел Вейсгаупт, метод отождествления христианства с социализмом оказался очень эффективным. Революционер с горящими глазами, размахивающий красным флагом, никогда не получит поддержки, равной той, которой добьется кроткий философ, проповедующий мирную революцию, осуществляемую во имя христианской любви и братства. Именно этот старый фокус с

¹ *Thureau-Dangin*, op. cit. vi. 82.

² *Malou*, Histoire du socialisme, ii. 15.

превращением Христа в социалиста составлял сильную сторону сен-симонизма; впоследствии к нему прибегали и наши соотечественники — христианские социалисты, которые сумели не только вовлечь в социалистическое движение бесчисленное множество доверчивых мечтателей, но и одновременно заставить немало зрелых умов отречься от христианства и искать опору в ницшеанстве.

На самом деле нет двух философских систем, более непохожих одна на другую, чем учение Христа, проповедовавшего, что в жизни человека есть нечто более важное, чем земные сокровища, и откровенно материалистическая доктрина, толкающая человечество на борьбу за достижение одной-единственной цели — материального благополучия и вместе с тем потворствующая самым низменным страстям. Что же касается представлений о возможности улучшения человеческой природы и о последующей “солидарности” между рабочими, заимствованных Сен-Симоном у Вейсгаунта и Клоотса, то никто никогда не демонстрировал их ошибочность более убедительно, чем Христос в своей притче о слуге, который, после того, как хозяин простил ему долг, схватил за горло своего товарища-слугу с требованием: “Отдай то, что ты мне должен!”.

Сен-симонизм нес в себе элементы саморазрушения. В 1823 г. его основатель безуспешно пытался вышибить себе мозги, но лишь повредил один глаз, после чего прожил еще два года, полуслепый и нищий. После смерти Сен-Симона “Семейство” (как привыкли называть себя его ученики), возглавляемое “отцом Энфантином”, раскололось на враждующие группировки. Затем выяснилось, что в их среде происходили весьма странные вещи, вызывающие в памяти быт анабаптистов — “экстаз, бред, ужасы”; в конце концов, преследуемое полицией “Семейство” исчезло, растворившись в толпе¹.

Одним из первых его членов, отколовшихся от Энфантина, был Пьер Леру, продолживший разработку теории сен-симонизма. Из триединой масонской формулы Леру выделил “Равенство”, признав его наивысшим и самым желанным благом; достичь его можно было системой триад, основанных на сочетании трех человеческих способностей — ощущения, чувства и мысли. В индустриальном мире их представляли бы тройки, состоящие из рабочего, художника и ученого, которым полагалось вместе трудиться, составляя единое целое; несколько подобных триад образовывали мастерскую, несколько мастерских — общину; государство выступало как совокупность всех этих общин. Но поскольку государство должно было быть единственным собственни-

¹ Daniel Stern, La Revolution de 1848, i. 36.

ком материальных благ и единственным распорядителем общественных работ, система триад, предложенная Леру, в конце концов трансформировалась в один из вариантов коммунистического государства, задуманного Робеспьером, Бабефом и Сен-Симоном.

Тем временем Шарль Фурье, родившийся в 1772 г., предложил иной план реорганизации общества. Не являясь последователем Сен-Симона, Фурье, подобно ему, считал, что “цивилизация избрала неверный путь”¹; чтобы вернуться к природе, необходимо дать волю всем человеческим страстям. Исходя из того, что все, что является естественным (т. е. относится к чисто животной стороне людской натуры), правильно и благотворно, Фурье защищал беспорядочные половые связи; по его мнению, не заслуживал осуждения даже знаменитый Олений парк Людовика XV². Жадность также следовало поощрять, поскольку она является “матерью всех ремесел”, побуждая человека возделывать землю и готовить себе пищу³.

Объем нашей книги не позволяет подробнее остановиться на всех фантастических измышлениях Фурье о будущем планеты; в частности, он утверждал, что луна ждет гибель от сыпного тифа, что когда-нибудь море, очищенное от соленой воды, наполнится “приятным напитком наподобие лимонада”, а люди, семи футов каждый, будут жить до 144 лет, а до 120 — заниматься “свободной любовью”⁴.

Впрочем, нас интересует предложенный Фурье проект переустройства общества. С одной стороны, заслуживает одобрения то, что он всячески предостерегал от повторения первой Французской революции; Фурье был единственным из социалистов, кто заявил, что этот грандиозный социальный эксперимент обернулся катастрофой; он без устали осуждал совершенные в те годы преступления и бесчинства. Правда, при этом он руководствовался не так логикой, как эмоциями, будучи в прошлом одной из жертв террора: бакалейная лавка, открытая Фурье в Лионе в 1793 г., была разграблена войсками Конвента, и сам он едва не попал на гильотину.

Поэтому неудивительно, что он предлагал уничтожить существующую капиталистическую систему мирными методами, заменив ее ассоциациями рабочих, названными им фаланстерами; состоя из 1800

¹ *Thureau-Dangin*, op. cit. vi. 96.

² Там же. vi. 99.

³ Там же. vi. 98.

⁴ Там же. с. 100, 101.

человек, они делились на “серии”, “фаланги” и “группы”¹. В них должно было воцариться полное равенство: никто не имел права приказывать, никого не принуждали к труду, поскольку в обществе, где все бы были вольны следовать своим страстям, не возникал бы соблазн предаваться безделью. Фурье даже смог дать ответ на вопрос, составлявший камень преткновения всех социалистических теорий: кто будет делать “грязную работу”? Фурье решил его с удивительной легкостью: нужно поощрять свойственное людям в детстве отвращение к чистоте, и тогда никакая работа, сколь бы грязной она не была, не покажется им неприятной.

Составив подробнейший план построения идеального общества, Фурье нуждался лишь в средствах, необходимых для его осуществления; соответственно, он объявил, что ежедневно будет находиться дома в полдень, готовый принять любого богача, согласного дать ему для этой цели 100 тыс. франков. В течении десяти лет в назначенный час Фурье терпеливо дожидался своего благодетеля-миллионера, но тот так и не объявился; лишь в 1832 г. он наконец-то получил необходимую сумму от некоего Бодэ Дюлари, и в том же году в Конде-сюр-Вэсгр был создан первый фаланстер; однако не прошло и года, как вся эта затея потерпела полный крах.

Немного позже сен-симонист Бюше, ставший в 1836 г. одним из руководителей секты, задумал соединить социализм не просто с псевдохристианством Сен-Симона, а с ортодоксальным католицизмом. Проповедовавший идеи Иисуса Христа и Робеспьера², Бюше был соавтором Ру-Лаверня при написании знаменитой “Парламентарной истории Французской революции”, в которой он оправдывал преступления Комитета общественного спасения на том же основании, на каком в своей книге “Полный курс философии” оправдывал инквизицию и Варфоломеевскую ночь: “общественные нужды оправдывают все”³. Это утверждение представляет собой парафраз лозунга якобинцев “все оправдано во имя революции”, восходящего, в свою очередь, к воззрениям Вейсгаупта, считавшего, что “цель оправдывает средства”. Примеры такой преемственности в теории социализма нередки.

Первыми последователями Бюше были преимущественно молодые буржуа — художники, студенты, врачи; но постепенно к нему

¹ См. ужасную картину одного из этих фаланстеров (тип здания Фурье) — очень напоминающих параллелограммы Оуэна в книге Malon's Histoire du socialisme, ii. 297. План Фурье “etat harmonien”, вероятно, заимствован из “New Harmony” Owen's (Stern, i. 36).

² Daniel Stern, La Revolution de 1848, i. 42.

³ Thureau-Dangin, op. cit. vi. 88.

стали присоединяться рабочие, на которых он делал особую ставку. Теперь Бюше мог перейти от теории к практике, начав с “рабочих ассоциаций”, долгое время бывших его заветной мечтой. Они не должны были стать коммунистическим, т. е. контролируемым государством, институтом — скорее, они выступали в качестве элемента системы, очень напоминающей ту, которую ныне принято называть гильдейским социализмом.

Поскольку руководящими принципами этих ассоциаций были “Равенство” и “Братство” (Бюше, подобно Леру, последовательно исключал “Свободу” из масонской формулы), рабочих, которые их составляли, призывали объединить орудия труда и деньги, а заработанную прибыль делить поровну за исключением ее шестой части, вкладываемой в развитие производства. В соответствии с христианскими заповедями в трактовке Бюше старшина ассоциации, избранный самими рабочими, должен был быть их слугой, а не хозяином; считалось, что теперь никогда не будет “никаких несчастий, никакого неравенства, никаких конфликтов между трудом и капиталом”¹.

Сначала все шло хорошо, и воодушевление членов ассоциаций было столь велико, что они создали “рабочую газету” под названием “Ателье” (т.е. “Мастерская”), которую издавали и готовили сами рабочие — эксперимент, не имеющий аналогов в истории социализма, которому могут лишь позавидовать нынешние его представители: ведь даже при самом смелом полете фантазии трудно вообразить, что так называемая “рабочая пресса”, выдержанная в лучших традициях современной журналистики, может иметь своим автором рабочего человека. Эпизод с “Ателье” является данью принципам истинной демократии в том смысле, что высказываемые в ней взгляды отличались гораздо большей степенью здравомыслия, чем те, которых придерживались социалисты из среднего класса: авторы “Ателье” превознося Французскую революцию, которую их приучили считать источником социального возрождения, выступали против повторения насилия и предостерегали рабочих от связей с тайными обществами.

Важным следствием этого компромисса между социализмом и иллюминизмом стал отказ от воинствующего атеизма, присущего прежним революционным движениям; читателей “Ателье” призывали отказаться от настороженности по отношению к духовенству и считать его потенциальным союзником. “Революция только должна провозгласить себя христианской, нацеленной лишь на то, что велит христианство”, и духовенство будет обязано к ней присоединиться.

¹ Thureau-Dangin, op. cit. vi. 89.

К сожалению, несмотря на эти высокие идеалы и несомненную искренность людей, их проповедовавших, “рабочие ассоциации” были обречены на неудачу по той простой причине, что их основатель не принимал в расчет человеческие слабости. После того, как волна энтузиазма спала, старшинам надоело играть роль слуг. В условиях равной оплаты у рабочих не было стимулов к труду, и все они высказывались против выделения шестой части прибыли на нужды производства¹. Союз христианских и революционных идей оказался крайне непрочным, и рабочие, поставленные перед необходимостью выбора, в конце концов оказались в противостоящих друг другу лагерях, положив конец своим ассоциациям.

Тем временем другой восторженный поклонник Робеспьера, Луи Блан, разрабатывал собственный план рабочих ассоциаций, основанный почти на тех же принципах, но с тем существенным отличием, что они переходили под контроль государства². Христианство было также отброшено, поскольку Луи Блан отвергал религию в любой форме и высмеивал сентиментальность Бюше.

Луи Блану обычно приписывают идею “права на труд”, которая сыграла столь заметную роль в революции 1848 г. На самом деле эта идея принадлежит Робеспьеру: она достаточно четко сформулирована в 10-й статье его Декларации прав человека”, положенной в основу Конституции 1793 г. Впрочем, и Робеспьер был лишь автором этой идеи в ее нынешней формулировке (когда право на труд понимается как обязанность государства обеспечить каждого своего гражданина работой или средствами существования в случае безработицы), а сам этот принцип был известен задолго до Французской революции. Разве правительство Людовика XVI не шло на значительные расходы, создавая кирпичные заводы, мастерские и т. д., где могли бы трудиться парижские безработные. Стоит, кстати, прислушаться к Карлу Марксу, клеймившему “путаную” идею права на труд, который верно заметил: “Какое современное государство не кормит своих бедняков в той или иной форме?”³.

Луи Блан в своей книге “Организация труда” не предложил ничего нового; его идеи — это мысли Руссо, Робеспьера и Бабефа, разбавленные мудрствованиями Сен-Симона, Фурье, Кабе и Буонарроти; общественная система, которую он отстаивал, со временем была названа государственным социализмом. По его мнению, государство

¹ *Thureau-Dangin*, op. cit. vi. 93.

² *Malon*, *Histoire socialiste*, ii. 267.

Marx, *La Lutte des classes en France*, p. 57

должно было твердой рукой регулировать условия труда. “Нам нужно сильное правительство, потому что при том неравенстве, в условиях которого мы все прозябаем, есть слабые, нуждающиеся в социальной силе, способной их защитить”. Но со временем государство должно было претерпеть то, что Ленин позднее назвал “усыханием”. “Однажды, если сбудутся самые сокровенные наши желания, наступит день, когда не будет больше нужды в сильном и деятельном правительстве, потому что больше не будет социальных низов. До тех пор необходимо существование власти, которая их опекает”¹.

Все планы Луи Блана основывались на таких утопических воззрениях. Но если будущее виделось ему исключительно в розовых тонах, то настоящее казалось безысходно мрачным. Несомненно, это в немалой степени объяснялось его личными бедами. Природа была к нему весьма неблагоприятна, поместив его пылкую душу в столь хилое тело, что в тридцать лет он казался тринадцатилетним, и взрослые мужчины, введенные в заблуждение его маленьким ростом и высоким пискливым голосом, принимали его за школьника и, дружески похлопывая по плечу, обращались к нему “мой мальчик”². Такое унижение настраивало его против общества; в то же время было бы несправедливо не отдать ему должное за неподдельный и бескорыстный интерес к судьбе рабочих. Его “Организация труда” дышит искренностью, которая разительно контрастирует с циничностью большинства современных писателей-социалистов, чьи причитания над бедами рабочего класса, подобно душераздирающим описаниям телесных недугов в рекламе шарлатанских снадобий, продиктованы, кажется, лишь желанием сбыть предлагаемую панацею. Луи Блан, для которого страдания рабочих стали навязчивой идеей, к несчастью, стал жертвой собственного чувства жалости, граничащего с неврастенией.

В этом он был не одинок — подобное случалось со многими чувствительными натурами, которым пришлось столкнуться с темной стороной жизни. Лорд Шефтсбери, которым время от времени овладевали мысли о бесплодности всех его усилий, хорошо знал эти черные минуты отчаяния, но боролся с ними, как с временной слабостью, которой нельзя давать волю. Ошибка Луи Блана, как и пришедших ему на смену русских революционеров-фанатиков, состояла в том, что он не мог обуздать свое болезненное воображение. В его одномерном восприятии мира бедняк был обязательно несчастен, а условия его жизни — невыносимы; он не имел представления о простых

¹ *Louis Blanc, L'Organisation du travail, p. 20.*

² *Thureau-Dangin, op. cit. vi. 116; Daniel Stern, La Revolution de 1848, ii. 43.*

радостях рабочего человека — не замечал каменщика, насвистывающего по пути на работу, поющего рыбака, выходящего в море, крестьянина, играющего со своим розовощеким малышом в саду. Человек не может не быть несчастен, если кто-то имеет больше, чем он. Именно это искаженное представление о социальных болезнях и способах их лечения, в сочетании с неадекватной оценкой своих личных возможностей, стало причиной последующих неудач Луи Блана и его горького разочарования.

Совершенно иной тип социалиста являл собой добродушный “Папаша Кабе”, названный Туро-Данженом “притворщиком”, поскольку Кабе был прирожденным диктатором. Сын бондаря, Этьенн Кабе появился на свет в Дижоне в 1788 г.; в 1834 г. он отправился в Англию, где приобщился к идеям Роберта Оуэна.

Возвратившись во Францию в 1839 г., Кабе в своей книге “Путешествие в Икарию” (1840 г.) описал коммунистическое поселение, подобное тому, которое представлено в “Утопии” сэра Томаса Мора; в том же году он издал свою знаменитую работу о Французской революции, где проследил влияние коммунистических идей на ход тогдашних событий¹. Эти идеи, обнаруженные Кабе у Платона, Протагора, секты эссенов из Иудеи, Мора, Кампанеллы, Локка, а в новейшее время — у Монтескье, Мабли, Руссо и других философов XVIII ст., составляли, как свидетельствует приведенная выше цитата из работы Кабе, основу политики Робеспьера и, хоть и в меньшей степени, Кондорсе, Клоотса, Эбера и Шометта. Но основным идеологом коммунизма Кабе справедливо считал Бабефа; в этой связи он предложил интересное объяснение контрверзы, используемой почти всеми историками социализма.

Ныне общеизвестно, что слово “социализм” не было в ходу в начале XIX ст., и социалистические теории существовали под именем “бабувизма”, “сен-симонизма”, “фурьеризма” и т.д. Только около 1848 г. “социализм” получил применение как универсальный термин, охватывающий все эти вариации на одну тему². Тем не менее мыслителями, давшими начало социализму, обычно называют Роберта Оуэна, Сен-Симона и Фурье. Почему? Ведь ни один из них не считал себя социалистом, а Сен-Симон умер за двадцать лет до того, как было

¹ *Histoire populaire de la Revolution Francaise, in four vois.*

² *Malon (Histoire du socialisme, i. 31)* говорит, что это слово впервые было использовано в этом смысле Пьером Леру в 1848 г. по аналогии со словом индивидуализм, но, Даниель Шгерн, *La Revolution de 1848, i. 33*, утверждает, что оно не было в ходу после этого. Глагол “обобществлять” был, однако, как мы увидим через несколько страниц, изобретен двенадцатью годами раньше.

придуманно это слово; значит, объединять их учения термином “социализм” столь же оправдано, как и называть социалистами философов XVIII ст., у которых они позаимствовали свои теории. Вдумчивому исследователю социальных процессов представляется очевидным, что историки социализма, выявив его элементы в трудах античных мыслителей и в работах французских философов, должны начинать свое изложение с событий Французской революции. Почему же так решительно отделяют социализм (а, значит, и коммунизм) от Робеспьера и Бабефа? Кабе задаст встречный вопрос: “Зачем нам связывать учение, считающееся наилучшим и наиболее совершенным из всех существующих, с именем человека (Бабефа), который был, возможно, не столь уж совершенен, и чья жизнь, критикуемая самими патриотами (т. е. революционерами), может, как минимум, служить предметом для нападок со стороны противников коммунизма? Зачем вспоминать одиозную личность, из которой враги народа давно уже сделали пугало? Превратив коммунизм в бабувизм, не попадем ли мы в западню, своими руками приумножив трудности, и без того уже немалые? По той же причине... мы сочли неразумным использовать имя Робеспьера — точно так же, как Бодсон осудил Бабефа за обращение к имени этого мученика...”¹.

И, действительно, для сохранения репутации коммунистов им лучше держаться подальше от Робеспьера и Бабефа, возводя свои корни к таким самобытным мечтателям как Оуэн, Сен-Симон и Фурье (пусть эта хитрость и выглядит крайне наивной).

Сам Кабе был идеологом такого же миролюбивого толка; будучи твердо уверенным в осуществимости коммунизма, несмотря на его неоднократные поражения в прошлом, он, тем не менее, заявлял:

“Но в то же время мы глубоко убеждены, что меньшинство не может утвердить его прямым насилием, что это может быть достигнуто лишь силой общественного мнения и что насилие не ускорит, а, наоборот, отдалит реализацию задуманного. Мы думаем, что нужно учиться на уроках истории и что, как и предвидел Бабеф и его соратники (так ли?), их заговор стал смертельным ударом по демократии. Нетрудно убедиться, что она была мертва в период Директории, Консулата, Империи и Реставрации”².

Способны ли ныне так называемые “прогрессивные мыслители” постигнуть мудрость этих слов?

¹ Cabet, *Histoire populaire*, iv. 331.

² Cabet, *op. cit.* i. 334.

Придерживаясь задекларированного мирного курса, Кабе собрал вокруг себя кружок энтузиастов, называвших себя икарийцами; считая себя продолжателями традиций бабувизма, они жаждали под руководством его новейшего глашатая воплотить свои идеи в жизнь. Понимая, что материализм может сослужить плохую службу его движению, Кабе наследовал пример Вейсгаупта, заявляя: “Нынешние коммунисты — это ученики, последователи и продолжатели Иисуса Христа. Поэтому уважайте учение, проповедовавшееся Иисусом Христом. Исследуйте его. Изучайте его”¹.

Вновь возродился старый лозунг бабувистов: “От каждого по его силе, каждому по его потребностям”².

В 1847 г. Кабе решил, что пришло время осуществить его грандиозный замысел, и 3 февраля следующего года группа из 69 энтузиастов-икарийцев отправились в Техас, где они дружно взялись за работу по расчистке участка для поселения: К несчастью, они выбрали регион, где свирепствовала малярия — многие колонисты слегли в горячке, единственный врач, участвовавший в экспедиции, сошел с ума, и некоторые из заболевших умерли из-за отсутствия медицинской помощи³. Естественно, что община решила бросить несколько жалких домишек, построенных колонистами, и переселиться в другую часть страны.

Полные скорби икарийцы тремя колоннами двинулись из Техаса в Новый Орлеан, где к ним присоединился сам Кабе с почти 200 икарийцами; под его руководством они направились к старому мормонскому городу Новоо в штате Иллинойс, где, наконец, обосновались в марте 1849 г. Вскоре после этого Кабе возвратился во Францию, чтобы защищать себя на судебном процессе, затеянном несколькими оставшимися икарийцами, обвинившими его в присвоении принадлежавших им 200 тыс. франков⁴. Суд оправдал Кабе, и он получил возможность возвратиться в Новоо, где икарийцам улыбнулась удача: найдя здесь ожидающие их готовые жилища, они смогли сразу заняться налаживанием жизни общины. Появились фермы и мастерские, винокуренный завод, театр, школа для детей. В течение 5 лет все шло хорошо, и к 1855 г. число колонистов возросло до 500 с лишним человек. Казалось, коммунизм наконец-то восторжествовал. Но вновь случилось то неизбежное, что делает историю коммунистических поселений весьма предсказуемой: в Новоо, как ранее в “Новой Гармо-

¹ Malou, Histoire du socialisme, ii. 172.

² Там же, ii. 165.

³ Там же, ii. 174—175.

⁴ La Grande Encyclopedie, article on “Cabet”.

нии”, а позднее в Новой Австралии, возобладал деспотизм руководителя секты. У Кабе, как отмечает социалист Малон, действительно была “такая ненависть к любым проявлениям свободы”, что он запретил рабочим иметь табак или бренди и даже разговаривать в рабочее время¹.

Новоо фактически стал настоящей монархией, поскольку только Кабе имел решающий голос при рассмотрении насущных проблем. Вполне естественно, что члены общины восстали и в 1856 г. организовали баллотировку, в ходе которой большинством голосов отстранили Кабе от руководства. Сверженный монарх покинул Новоо, сопровождаемый группой из 200 преданных ему человек, и в том же году умер (согласно словарю “лярусс”, от горя²) в Сент-Луисе. Оставшиеся без вождя икарийцы мигрировали из Новоо в Айову, где, несмотря на продолжающиеся раздоры, они благополучно просуществовали до 1879 г., когда в их общине, насчитывающей всего 52 человека, вспыхнул очередной конфликт. Правда, к тому времени высокие идеалы, которыми они некогда руководствовались, были почти забыты — только в душе нескольких стариков тлели угольки их бывшего коммунистического пыла, которые время от времени раздували восторженные визитеры; тем временем молодежь возмущала царящая среди икарийцев враждебность ко всему новому; дело кончилось созданием группы прогрессистов, противостоящей приверженцам старого порядка³. Это привело к окончательному разрыву в 1879 г., когда 28 членов общины покинули колонию; оставшиеся 24 человека владели жалкое существование вплоть до своего ухода из жизни (1888 г.).

Так завершилась еще одна попытка реализовать коммунизм на практике. Фактически к середине прошлого столетия все формы социализма, превозносимые ныне как последнее достижение общественной мысли, уже предлагались миру, а то и воплощались в жизнь.

Объем нашей книги не позволяет рассмотреть взгляды бесчисленных теоретиков — Дезами, Распайля, Таландые, Огюста Конта и многих других, наделавших в те годы немало шума своими призывами к переустройству общества. Желаящим погрузиться в это море слов (вспомнив шекспировское: “Слова, слова, слова...”), с помощью которых перефразировались затертые лозунги и фразы, рекомендуем обратиться к обширному труду Малона “История социализма”, где можно найти все мыслимые вариации на тему социализма, снабженные поразительным богатством деталей. Отсюда же можно узнать, что французские

¹ Malon, ii. 176.

² Dictionnaire Larousse, article on “Cabet”.

³ Malon, op. cit. ii. pp. 179 - 182.

социалисты 1825—1848 гг. предвосхитили все теории современного социализма, обычно приписываемые социал-демократам Германии. Так, уже в 1836 г. некто Пеккер ввел в оборот слово “обобществлять”, столь дорогое сердцу современного большевика, а в 1838 г. издал трактат под названием “Интересы торговли, промышленности, сельского хозяйства и цивилизации в целом”, в котором он предложил, чтобы все банки, шахты, железные дороги и, постепенно, все крупные промышленные предприятия были обобществлены: “Для экономики подлинным благом будет прогрессивное обобществление всех источников богатства, орудий производства и предпосылок общего благосостояния”¹. Далее: “Капитал должен быть полностью обобществлен, а каждый человек обязательно должен получать часть произведенной продукции в соответствии с временем, затраченным им на работу”².

Некоторое время спустя к этой же теме обратился Видаль, сосредоточившись на теории, позднее ставшей известной благодаря Марксу под именем “теории наемного рабства”. В своей книге “*Vivre travaillant*” (“Зарабатывать на жизнь”, *франц. — Перев.*), изданной в 1848 г., Видаль, идя по стопам Пеккера, высказался за “обобществление земли” и “обобществление капиталов”, результатом чего должно стать создание “коллективного капитала”³ — другими словами, это была все та же коммунистическая теория, разукрашенная новыми фразами.

Но как объяснить то, что вопреки цепи поражений, идея коммунизма в этот период так и не утратила свою привлекательность? Туро-Данжен справедливо связывает это с влиянием бабувизма, ощутимым вплоть до конца XIX ст. (и, можем смело добавить, до настоящего времени):

“Изучая фурьеризм, сен-симонизм и производные от них “мирные” идейные течения, мы обнаруживаем один из источников революционного социализма. Этот источник — не единственный. Есть еще другой — пусть менее очевидный, но вполне узнаваемый: мы должны вспомнить о Гракхе Бабефе, который в период Директории громко проповедовал отмену собственности и передел всей земли и всех богатств. Эта преемственность ускользнула от внимания большинства современников, но сегодня мы вполне способны проследить непрерывную традицию, связывающую “равных” 1796 года с социалистами конца Июльской монархии (т. е. монархии Луи Филиппа). Нашелся один человек, принявший эту традицию из рук Бабефа, с каким-то

¹ *Malon, Histoire du socialisme, ii. p. 205.*

² Там же, с. 206.

³ Там же, с. 197.

кровожадным благоговением ее сохранивший и передавший новым поколениям: это был Буонарроти”¹.

Именно Буонарроти в 1828 г. издал “Историю заговора равных”, (цитирувавшемуся в предыдущей главе этой книги), которая стала на целое десятилетие “Евангелием французского пролетариата”, изучавшимся во всех мастерских и заражавшим рабочих идеями бабувизма².

Однако, акцентировав внимание на этой пропагандистской кампании и приписав ее всецело бабувистскому духу Буонарроти, Туроданжен сказал лишь половину правды. Исчерпывающее объяснение устойчивости коммунистических традиций дал Малон. Бабеф, как мы помним, был иллюминатом, действовавшим, по его собственному призыванию, по указанию таинственных руководителей; именно эти силы продолжили дело, начатое Бабефом. “Идея общности (т. е. коммунизм), — говорит Малон, — распространялась в условиях полной секретности при содействии общества”³; в другом месте он добавляет, что Буонарроти “вдохновил почти все тайные общества первой трети столетия”⁴.

Так что Буонарроти следует считать не только помощником Бабефа, но и адептом иллюминизма.

Но пока коммунизм в различных обликах, описанных выше, прокладывал себе путь в среде революционных социалистических обществ, иллюминизм шел в ином направлении, более соответствующем его первоначальной цели — в сторону *анархизма*. Основным представителем этого течения стал Прудон. До него анархические идеи свободно проповедовались Маратом, Клоотсом и Эбером, однако, никто из них не претендовал на звание “анархиста”, считавшееся позорным даже среди “бешеных” 1793-го года. Именно Прудон присвоил имя анархизма (от греч. “анархия” — безначалие, безвластие) политическому течению, противоположному коммунизму⁵.

Различие между ними нужно как следует уяснить, если мы хотим с легкостью ориентироваться в конфликтах, сопровождавших с этого времени революционное движение.

Говоря кратко, в то время, как коммунисты провозглашают, что вся земля, богатства и собственность должны быть отобраны у частных лиц и переданы под контроль государства, анархисты проповедуют прямо противоположное: полное уничтожение государства и захват богатства народом. Мы опять возвращаемся к старым масонским идеям

¹ Thureau-Dangin, op. cit. vi. 106-108.

² Malon, op. cit. ii. 147.

³ Там же. с. 163.

⁴ Там же. с. 147.

⁵ Thureau-Dangin, op. cit. vi. 132.

— “Свободе” и “Равенству”. Коммунизм, воплощающий принцип абсолютного равенства, рассматривает человечество как однородную массу и стремится стричь всех людей под одну гребенку; анархизм, провозглашающий полную свободу, позволяет человеку жить так, как ему заблагорассудится, делать то, что ему хочется — даже грабить или убивать. Первый означает бюрократизм, второй — безумие индивидуализма.

Вполне очевидно, что между коммунистами и анархистами не может быть и речи о взаимопонимании, что, фактически, они более оппозиционны по отношению друг к другу, чем каждый лагерь в отдельности — к существующей социальной системе. Ведь во всех нынешних цивилизованных государствах конституционные правительства обеспечивают своим гражданам свободу и равенство в разумных пределах, и подобный режим (во всяком случае, в Англии) можно считать золотой серединой между двумя принципами, которые, будучи возведены в абсолют, окажутся совершенно несовместимыми.

Так что уже известный нам масонский лозунг, затянувший человечество в трясину революции, в середине XIX ст. разделил революционные силы на два враждебных лагеря. Этот раскол, впервые обозначившийся в 1794 г., когда Робеспьер оттолкнул от себя анархистов, проложивших ему путь к власти, с приходом Прудона проявился в полной мере и стал неизменным спутником человечества. Вся дальнейшая история всемирной революции вплоть до сегодняшнего дня в значительной степени сводится к войне между сторонниками государственного социализма и анархистами, чья жгучая ненависть друг к другу превосходит их обоюдную ненависть к “капиталистической системе”, которую и те, и другие жаждут уничтожить.

У Прудона, прозванного Кропоткиным “отцом анархизма”¹, эта ненависть была направлена, прежде всего, против Робеспьера, отца государственного социализма, и выражена достаточно жестко:

“Все, кто гоняется за популярностью, все эти революционеры-шарлатаны сделали своим оракулом Робеспьера, неутомимого доносчика, пустоголового и брызжущего ядом... Ах! Я слишком хорошо знаком с ним, с этим пресмыкающимся, я слишком ясно видел, как извивается его хвост, чтобы не различить в нем тайный порок демократов, гнилостную бактерию любой республики — *зависть*”².

¹ “Они попрекали меня за то, что я был Отцом анархии. Они желали оказать мне слишком много чести. Отцом анархии является бессмертный Прудон, который провозгласил ее впервые в 1848 году.” — Кропоткин перед апелляционным судом в Лионе, *Proces des anarchistes* (1883), p. 100.

² P. J. Proudhon, *Idee generale de la revolution au XIXieme siecle* (1851), pp. 188, 189.

К приверженцам Робеспьера, жившим в XIX в., Прудон относился с презрением и отвращением, в силу чего накануне революции 1848 г. он держался особняком. “Я не являюсь ни сенсимонистом, ни фурьеристом, ни бабувистом”, — писал он в 1840 г.; он же признавался: “У меня нет желания увеличивать число этих безумцев”. Систему Фурье он назвал “последней мечтой полоумного дебошира”; Луи Блана — самым невежественным, самым тщеславным, самым пустым, самым нахальным и тошнотворным из горлопанов. “Держитесь от меня подальше, коммунисты! — восклицал он. — От вас смердит, а ваш вид внушает мне отвращение”¹.

Единственно, в чем Прудон выступал солидарно с социалистами, так это в критике частной собственности — хоть и здесь он считал себя абсолютно оригинальным. “Собственность, — заявлял он, — это кража! Об этом сказано уже не раз. У меня нет иных сокровищ на земле, кроме этого определения собственности, но для меня оно более драгоценно, чем все миллионы Ротшильда!”.

Увы, сокровище Прудона ему не принадлежало — ведь он заимствовал его почти дословно у Бриссо, который в 1780 г. написал: “Собственность — это, по сути, воровство. Вор в своем естественном состоянии — это богач”². Впрочем, эта идея не принадлежала и Бриссо, поскольку ее можно найти в сочинениях как Вейсгаупта, так и Руссо. Вот как много претендентов на единственное сокровище Прудона!

В своих выпадах против религии Прудон также был далеко не оригинален: кажется, мы уже слышали от “личного врага Иисуса Христа” Анахарсиса Клоотса фразы, подобные этим: “Бог — это глупость и трусость; Бог — это тирания и нищета; Бог — это Зло”³. Идя еще дальше, он восклицает: “Ко мне, Люцифер, Сатана! Кем бы ты ни был, демон, которого вера моих отцов противопоставила Богу и Церкви”⁴. В этих словах — весь Прудон, терзаемый демонами ненависти, горечи и мести; человек, несший в себе всепожирающий огонь всемирной революции; человек, одержимый дьяволом, гнавшим его из компании добрых друзей в дебри одиночества.

Единственным человеком, заинтересовавшимся суровым отшельником и его разыскавшим, был Михаил Бакунин — первый из того поколения русских революционеров, которое вошло в историю под именем, данным Прудоном — “анархисты”; накануне бурных событий 1848 г. эти двое порой проводили целые ночи в спорах о всемирной

Thureau-Dangin, *La Monarchie de Juillet* vi. 128.

Recherches philosophiques sur le droit de propriété et le vol.

⁴ *Thureau-Dangin*, *op. cit.* vi. 139.

Proudhon, *La Revolution au XIXième siècle*, p. 290.

революции, которая уничтожит существующий порядок. Заявление Прудона: “Я вооружусь до зубов, чтобы выступить против цивилизации; я начну войну, конец которой положит только моя смерть!”¹ — можно расценить, как боевой клич партии, со временем возглавленной Бакуниным, которого называли “гением разрушения”.

* * *

Но ни анархисты, ни социалисты не могли в одиночку вызвать те мятежи, которыми ознаменовалась первая половина XIX ст.; теория, какой бы жестокой она не была, не в состоянии запустить механизмы, способные опрокинуть закон и порядок; как и в годы первой Французской революции, именно тайные общества стали подлинной движущей силой революционного движения.

Вполне возможно, что некоторые из властителей дум той эпохи, которая ныне известна как “заря социализма”, даже не подозревали о тайных силах, действовавших у них за спиной; другие, напротив, сознательно с ними сотрудничали. Буонарроти, как мы видим, был одним из ведущих руководителей тайных обществ; Сен-Симон и Базар “советовались с Нубием, как с Дельфийским оракулом”. Мадзини, выдавая себя за христианина и патриота, примкнул к карбонариям, что вызвало только насмешки со стороны “Высшей венты”, чьи методы отличались от методов карбонариев: члены “Высшей венты” считали, что нужно разить не тело, а душу человека.

“Убийства, совершенные нашими людьми во Франции, Швейцарии, а также в Италии, — писал Виндекс Нубию, — являются для нас источником позора и горьких сожалений... мы слишком прогрессивны, чтобы одобрять такие методы... Наши предшественники, карбонарии, не понимали, что служит источником силы. Ничего не добиться убийством отдельного человека, пусть даже предателя; источник силы — в массах... Давайте... без усталости идти путем развращения. Тертуллиан был прав, говоря что кровь мучеников — это семя христианства... давайте не будем создавать мучеников, а будем повсюду сеять пороки. Пусть они проникают в людей посредством всех органов, пусть люди упиваются и насыщаются пороками... Пусть порок вселится в их сердца — и у вас не будет католиков. Отдаляйте священника от его трудов, от алтаря, от добродетели... Сделайте из него бездельника и гурмана... Таким образом вы выполните свою задачу в

¹ *Thureau-Dangin*, op. cit. vi. 127.

тысячу раз лучше, чем если бы вы воткнули ваш стилет в тела нескольких бедняг....

То, чем мы занимаемся — это массовое развращение: развращение людей духовенством и развращение духовенства нашими людьми, развращение, которое в один прекрасный день сведет церковь в могилу. Лучшим оружием, которым можно поразить церковь, является развращение. Так что за работу — за работу до победного конца!”¹.

Именно поэтому члены “Высшей венты” смотрели на Мадзини свысока; “Бенпо” от 7 апреля 1836 г. отметил: “Ты знаешь, что Мадзини считает себя достойным участвовать в нашей великой работе. “Высшая вента” думает иначе. Мадзини слишком похож на заговорщика из мелодрамы, чтобы соответствовать той роли, от которой мы сами отказываемся вплоть до момента нашего триумфа. Мадзини любит поговорить обо всем на свете — а, главное, о самом себе. Он не устает повторять, что он — сокрушитель престолов и алтарей, надежда народов, пророк гуманизма и т. д. и т. п., но на деле все это сводится к нескольким жалким поражениям или убийствам, которые настолько вульгарны, что я бы выгнал своего лакея, если бы он позволил себе избавиться от одного из моих недругов таким позорным образом. Мадзини — это полубог для дураков, в чьей среде он хочет слыть провозвестником братства, которое принесет ему лавры итальянского бога... В роли, которую он играет, бедняга Джузеппе просто смешон: он хочет быть дикой бестией, не имея когтей. Он — “мещанин во дворянстве” тайных обществ...”².

Мадзини, в свою очередь, подозревал, что руководители “Высшей венты” бдительно оберегают от него свои тайны; Малегари весьма любопытно высказался на этот счет в письме, отправленном из Лондона доктору Брайденштейну (1835 г.):

“Наш союз объединяет братьев во всех концах земного шара, у нас общие желания и интересы, мы стремимся к освобождению человечества, мы желаем покончить со всеми формами угнетения — однако есть нечто невидимое и почти неосязаемое, что нас тяготит. Что это? Откуда это? Никто не знает, или, по крайней мере, никто не говорит. В союзе есть тайны — даже для нас, связавших всю свою жизнь с тайными обществами .

Однако некая таинственная сила объявилась не только среди революционных лидеров, но и в индустриальных центрах; здесь это была тирания тред-юнионов (профсоюзов). На протяжении 1834—1860 гг. в

¹ *Cretineau-Joly*, ii. 147.

² *Cretineau-Joly*, op. cit. ii. 145.

Шотландии и в промышленных городах на севере Англии непрерывно вспыхивали забастовки, которые трудно объяснить тогдашними социальными проблемами; они сопровождались зверствами, которых дотоле не знала история пролетариата: рабочих, не желавших присоединиться к забастовке, не только бойкотировали, но и нередко убивали, их дома сжигали дотла, а их полуголых жен и детей среди ночи выгоняли на улицу¹. Эти зверства достигли своего апогея в 1859 г.; в Шеффилде они продолжались в течение 15 лет. В Манчестере у рабочих, формовавших кирпичи, руки были исколоты и покалечены иглами, замешанными в глину, которую они обрабатывали².

Абсурдно приписывать такой способ действий честным руководителям тред-юнионов, движимым только страстным, порой доходящим до фанатизма стремлением облегчить участь рабочих. Некоторые из них открыто отрицали свое соучастие, порой предлагая вознаграждение за помощь в поимке злоумышленников³.

Нетрудно понять, что иллюминизм, верный своей манере внедряться во все организации, созданные для блага человечества, и заставлял их служить диаметрально противоположным целям, использовали тред-юнионы, служащие освобождению рабочих, для их полного порабощения.

Современники нисколько не сомневались в факте существования тайного общества человеконенавистников. Элисон, писавший в 1847 г. о “безжалостных тред-юнионах”, обрекающих тысячи людей “на вынужденное безделье и полную нищету”, заметил:

“Почти все потери, связанные с этими забастовками, легли на плечи безвинных рабочих, умеющих и желающих трудиться, которым препятствуют угрозы тред-юнионов и злоещие предупреждения неизвестного комитета. Способ, прибегая к которому, эти комитеты приобретают такую безграничную власть, ничем не отличается от того, с помощью которого утвердился диктат Комитета общественного спасения. Террор—террор—террор”⁴.

Джастин Маккарти в своем описании того же периода подтверждает это наблюдение:

“Стало общепризнанной истиной, что среди профсоюзных организаций имеются такие, которые занимаются систематическим запугиванием людей, и что их суд, более таинственный и беспощадный,

¹ *Heckethorn's Secret Societies*, ii. 224.

² *Justin M'Carthy. A History of Our Own Times*, iv. 152.

³ Там же. См. суд Комиссии над лидерами, проходивший в Шеффилде в июне 1867 г., сообщение Ежегодного сборника за этот год.

⁴ *Alison's History of Europe*, i. 255

чем любой из известных средневековых судов, выносит свои приговоры во многих крупных промышленных центрах”¹.

Так что социалистические вожди и рабочие были не более чем послушными марионетками, чьими действиями руководили злобные кукловоды.

Теперь мы детально остановимся на вопросе о взаимосвязи дальнейшего хода всемирной революции с деятельностью все тех же тайных обществ.

¹ *Justin M'Carthy, A History of Our Own Times, iv. 152.*

ГЛАВА 5

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г.

Тайные общества в России — Восстание декабристов — Французская революция 1830 г. — Буржуазия в канун 1848 г. — Тайные общества — Апатия правительства — Февральское восстание — Падение монархии — Социал-демократическая республика — Национальные мастерские — Рабочие объединения — 17 марта — 16 апреля — 15 мая — Июньские дни — Реакция — Смятение в Европе

В XIX в. деятельность тайных обществ принесла свои первые плоды в России, куда идеи иллюминированного масонства были “завезены” армией Наполеона и русскими офицерами, ездившими в Германию¹. Результатом интриг этих обществ стал роспуск кружка истинных реформаторов, называвших себя “Союзом благоденствия”; вместо него были созданы две новые партии: “Северное общество”, выступавшее за конституционную монархию, и “Южное общество” во главе с полковником Пестелем, непосредственно связанным с Нубием; целью Пестеля была не только республика, но и истребление всей царской семьи². При содействии тайных обществ³ было совершено немало покушений на жизнь Александра I, а после его смерти, в 1825 г., вспыхнуло открытое восстание, руководимое “Обществом соединенных славян”, связанным с “Южным обществом” и польскими тайными организациями в Варшаве⁴. Поводом к этому восстанию, происшедшему в декабре и потому названному декабристским, было вступление на престол Николая I по решению его старшего брата Константина. Толпу мятежных солдат убедили двинуться к Зимнему дворцу с протестом против коронации Николая, которая, как им внушили, станет актом

¹ *La Russie en 1839*, by Astolphe de Custine, ii. 42; *The Court of Russia in the Nineteenth Century*, by E. A. Brayley Hodgetts, i. 116.

² *The Revolutionary Movement in Russia*, by Konni Zilliacus, p. 8; Brayley Hodgetts, op. cit. i. 122.

³ *Deschamps*, op. cit. ii 242; *Frost's Secret Societies*, ii 213.

⁴ *Zilliacus*, op. cit.; Brayley Hodgetts, op. cit. i 123.

узурпации власти. Хитроумный способ организации мятежа был описан маркизом де Кустином, который побывал в России 14 лет спустя.

“Сведущие люди приписывали этот мятеж влиянию тайных обществ, которые стали развиваться в России со времени похода союзников во Францию и частых поездок русских офицеров в Германию... Заговорщики прибегли для возмущения армии к смехотворной лжи: они распространили слух, будто Николай насильно захватил корону у своего брата Константина, уже направлявшегося в Петербург для защиты своих прав с оружием в руках. К такому средству пришлось прибегнуть, чтобы заставить возмущившихся солдат кричать под окнами дворца: “Да здравствует конституция!” — вожаки убедили их, что жена Константина, их императрица, называется Конституцией. В глубине солдатских сердец жила, как видно, идея долга, потому что только путем подобного обмана можно было их побудить к восстанию”¹.

Этот удивительный случай, кажется, подтверждает замечание Дешампа о том, что слово “конституция” служит для тайных обществ сигналом, оповещающем о начале революции. Так было во Франции в 1791 г., и, как мы убедимся ниже, таким же образом это слово время от времени применялось в российском революционном движении в позднейшее время.

Для подавления декабристского восстания хватило трех залпов картечи; пятеро его зачинщиков были повешены. Это восстание ни в коей мере не было народным; напротив, народ отнесся к нему крайне неодобительно, как к вопиющему святотатству; насколько мало оно способствовало делу свободы, можно судить по словам генерала Левашова, обращенным к князю Трубецкому: “Мятеж отбросил Россию на пятьдесят лет назад”². Дополнительные свидетельства взаимосвязи между Французской революцией и подготовкой революции в России также содержатся в сочинении де Кустина, посетившего эту страну в 1839 г. В тот период, предшествовавший отмене крепостничества, помещичьи крестьяне покупались и продавались вместе с землей и, поскольку крестьяне, являвшиеся собственностью императорской семьи, находились в куда лучшем положении, чем все прочие, обитатели земель, приобретаемых Николаем I, становились объектом зависти их крепостных собратьев. Так что в 1839 г. крестьяне, прослышав о недавней покупке императором ряда новых владений, послали в Петербург депутацию, состоявшую из представителей всех земель России, которая ходатайствовала об их включении в состав царского домсна.

¹ *De Custine, op. cit. ii 42; Brayley Hodgetts, op. cit. i. 192.*

² *Brayley Hodgetts, op. cit. i. 201, 205.*

Николай I любезно их принял, поскольку любил свой народ, хотя и применял репрессии по отношению к мятежникам. Мы не должны забывать, что именно он посещал Роберта Оуэна в Нью-Ленарке, изучая его проекты социальных реформ. Так что, когда крестьяне обратились к нему с просьбой их выкупить, он очень мягко ответил, что, к сожалению, не может скупить все русские земли, а затем добавил: “Я надеюсь, что придет время, когда все крестьяне моей империи будут свободны; если бы это зависело лишь от моей воли, русский народ уже сегодня освободился бы от крепостничества, чего я ему всячески желаю и чего я, неустанно трудясь, добьюсь для него в будущем .

Эти слова, по-своему истолкованные крепостными “темными и завистливыми людьми”, привели к неслыханным по своей жестокости мятежам во всем Поволжье. “Царь-батюшка желает нашего освобождения, — кричали обманутые делегаты по возвращении домой, — он желает нам только счастья, он сам сказал нам об этом; помещики и их прислужники — вот кто наши враги! Они чинят козни против нашего доброго батюшки! Так отомстим за себя! Отомстим за императора!”.

Вследствие этих призывов крестьяне, считая себя орудием воли императора, стали нападать на помещиков и управляющих — зажаривали их живьем, варили в котлах, вспарывали им животы, предавали огню и мечу их поместья; так было опустошено все Поволжье¹.

Сравнивая этот инцидент с “Великим страхом”, охватившим Францию 50 годами ранее (в июле 1789 г.); можно ли сомневаться в существовании связи между этими двумя событиями? В обоих случаях одинаковы как повод, так и способ действий. По-своему толкуя добрые намерения Людовика XVI, эmissары, посланные в провинцию, заявляли: “Король желает, чтобы вы сожгли дотла все замки, кроме его собственного”; повсюду распространялись фальшивки, озаглавленные “Указ короля”, с приказом жечь и разрушать все вокруг, за чем последовали массовые убийства и пожары. Разве все это не повторилось в России спустя 50 лет — очевидно, вследствие действий той же организации, которая инспирировала первую вспышку насилия. Иначе как объяснить эти факты?

Через пять лет после декабристского восстания, в 1830 г., произошла вторая Французская революция, которая, правда, практически не имеет отношения к теме данной книги. Революция 1830 г. была не так социальной, как политической, представляя собой очередную попытку орлеанистов сместить правящую династию; в этом смысле она являлась естественным продолжением восстаний июля и октября 1789 г. Вполне

¹ *La Russie en 1839*, ii. 219—220.

очевидно, что волнения 1830 г., как и осада Бастилии и марш на Версаль, были инспирированы иллюминатами, и что “в славные июльские дни”, как и в эпоху террора, о себе вновь заявила ненависть к христианству, вылившаяся в погром резиденции архиепископа, разграбление и осквернение церквей, а также нападения на священников в провинции. Но движущей силой революции, которая свергла с престола Карла X, были не социалисты, а орлеанисты; это было движение под трехцветным флагом 13 июля 1789 г., а не под красным флагом 10 августа 1792 г., символизирующим социальную революцию; его основной силой были не рабочие, а буржуазия, и именно она одержала победу.

Созданный ею режим вполне оправданно называют “буржуазной монархией”. Луи Филипп, некогда бывший ярым приверженцем революции, широко прибегал к демагогии, но, едва лишь бразды правления перешли в его руки, стал глух к требованиям народа. В результате в 1848 г. произошел второй взрыв всемирной революции, подготовленный тайными обществами, руководимый социалистами, осуществленный рабочими и обостренный неуступчивостью короля и его министров.

Тогда, как и в канун первой Французской революции, широкие массы имели немало причин для недовольства; требовалось осуществить избирательную реформу, регламентировать размеры заработной платы и продолжительность рабочего дня и, самое главное, решить проблему безработицы. Так что в 1848 г. ситуация была даже более острой, чем в 1789 г.

Но к чести буржуазии следует отметить, что ее представители в своем большинстве сочувственно относились к требованиям рабочих. “Сознание буржуазии, — признает даже социалист Малон, — было.... открытым для новаторских идей. До 1848 г. французская буржуазия еще не испытывала страха перед социальными волнениями; она легко поддавалась обаянию безобидных на вид социалистических теорий. Так, например, фурьеризм, нацеленный на получение максимально возможной порции счастья, пользовался поддержкой среди провинциальной буржуазии”¹.

Подобно аристократии, в 1788 г. добровольно предложившей отказаться от своих налоговых привилегий, а в знаменательный день 4 августа 1789 г. собственноручно нанесшей смертельный удар феодальной системе путем отказа от всех прочих прав и привилегий, буржуазия в 1848 г. продемонстрировала свою готовность не только к

¹ Malon, Histoire du socialisme, ii. 295

реформам, но и к кардинальному переустройству существующей социальной системы, что прямо противорсчило ее собственным интересам.

“В первые недели 1848 г., — продолжает Малон, — не только пролетарии говорили о необходимости глубоких социальных реформ; буржуазия, которую фурьеристская пропаганда (но еще более — романы Эжена Сю и Жорж Санд) почти примирила с социализмом, решила, что дождалась заветного часа и пустилась в рассуждения об улучшении жизни народа, осуществлении социальной демократии, ликвидации нищеты. Крупные собственники считали, что Временное правительство состоит из коммунистов, и однажды двадцать из них предложили Гарнье-Пажесу расстаться со своим имуществом во имя коммунистической идеи”¹.

Но политика революционеров всегда состояла в том, чтобы препятствовать реформам, воздействуя на стремления власть предержащих; они не могли допустить, чтобы народ достиг своих целей мирным путем, выбрав себе кого-то иного на роль вождя и спасителя.

Как и всегда накануне масштабных социальных волнений, в 1847 г. состоялся большой масонский конгресс². Среди представленных на нем французов были люди, позднее сыгравшие ведущую роль в революции — Луи Блан, Коссидьер, Кремье, Ледрю-Роллен и др.; на конгрессе было решено включить в движение швейцарские кантоны, препятствовавшие его распространению в центре Европы.

Именно тайными обществами был составлен план всей кампании и запущен механизм революции. Коссидьер, видный член этих обществ и одновременно префект парижской полиции в период волнений 1848 г., сам снабдил нас однозначными указаниями на этот счет.

“Тайные общества, — пишет он, — никогда не прекращали своей деятельности — даже после событий 12 мая 1838 г. Структура масонства оставалась неизменной вплоть до 1846 г. Прокламации, печатавшиеся в Брюсселе или, изредка и в строжайшей тайне, в Париже, поддерживали боевой дух масонов. Но выпуск этих прокламаций, рано или поздно попадавших в руки полиции, были делом небезопасным. Так что контакты между рядовыми масонами и их руководителями становились все более ограниченными, пока, наконец, в 1846 г. тайные общества не были реорганизованы и не вновь взяли инициативу в свои руки. Париж был центром организации, связанным системой филиалов с провинциальными городами. Единое чувство наполняло в Париже и в провинции эти готовые к бою фаланги: их занимали не так социальные

¹ *Malon, Histoire du socialisme, ii. 520.*

² *Deschamps, op. cit. ii.281, quoting Gyr, La Franc-Maconnerie, p. 368, and also Eckert.*

теории, как само революционное действие. Говорили не столько о коммунизме, сколько об оружии, а единственным символом веры была признана робеспьеровская “Декларация прав человека”. Тайные общества обрели источник живительной силы в поддержке рабочего класса, превратившись в его авангард, всегда готовый к действию; их сотрудничество никогда не приносилось в жертву политическим эмоциям, и они были вместе на переднем краю революции в феврале”¹.

Но рабочих не приглашали на закрытые совещания руководителей тайных обществ; их место было на баррикадах, когда начинались бои, а не на тех встречах, где разрабатывался план кампании.

Понятно, что среди этих тайных обществ ведущую роль играла “Высшая вента”; еще за два года до начала революции Тигренок мог поздравить себя с полным успехом, которым увенчались его усилия по организации грандиозного переворота.

5 января 1846 г. этот лучший агент Нубия обращался к нему с такими вдохновенными строками:

“Поездка по Европе, которую я только что совершил, была настолько успешна и плодотворна, насколько мы и надеялись. Теперь нам достаточно протянуть руку, чтобы подтолкнуть комедию к развязке... Урожай, который я собрал, весьма обилен... и, если верить новостям, которые застали меня в Ливорно, мы приближаемся к эпохе, о которой столько грезили. Отныне, познакомившись с деятельностью наших обществ во Франции, Швейцарии, Германии, а также в России, я более не сомневаюсь в грядущем крушении престолов. Мятеж против всех правительств земли, который вспыхнет через несколько лет или даже, возможно, через несколько месяцев, погребет их под обломками их бессильных армий и ветхих тронов. В наших рядах повсюду чувствуется воодушевление, а в рядах неприятеля царят апатия и безразличие. Это — явный и безошибочный знак успеха... Что мы хотели за наши труды и наши жертвы? Не революции в той или иной стране. При желании ее всегда можно устроить. Чтобы полностью уничтожить старый мир, нужно, как мы поняли, убить гидру католицизма и христианства; тогда ты, со свойственной гениям отвагой, выступишь вперед, как новый Давид, готовый поразить камнем из своей пращи голову понтифика — Голиафа”².

Тигренок был совершенно прав, когда писал об “апатии и безразличии” правящих классов и о том, что это сулит успех начинаниям заговорщиков. Никакое правительство в цивилизованном

¹ *Memoires de Caussidier*, i. 38, 39.

² *Cretineau-Joly, L'Eglise Romaine en face de la Revolution*, ii. 387.

мире не может быть свергнуто силой, если оно осознает грозящую ему опасность и твердо намерено защищаться. Не сопротивление и сила, а слабость приводит к революции, потому что слабость раззадоривает смелых, а смелость составляет сущность революционного духа. “Отвага! В этом слове — вся суть революции!” — говорил Сен-Жюст.

Так что в то время, когда революционные силы трубили общий сбор, правительство Франции взирало на надвигающуюся опасность с высокомерным безучастием. Народное недовольство практически не прорывалось наружу. Подстрекательские призывы агитаторов, казалось, не имели заметного успеха среди народных масс. И, действительно, для крестьян с их страстной привязанностью к собственности, не было ничего привлекательного в идее общественной собственности на землю — они продолжали возделывать ее с прежним усердием. Лишь в городах медленно разгорался огонь революционного социализма, который не замечали или просто игнорировали те, кто находился у кормила власти. Правительство, убаюканное лояльностью армии и покоем, царившим на улицах, не предпринимало никаких шагов к защите. Было известно, что количество распространяемых прокламаций невелико; считалось, что теории Бюше и Луи Блана не имеют влияния на массы — узнав о числе их сторонников, можно было лишь пожалеть плечами. Что касается Прудона, то в 1846 г. полиция рапортовала о том, что “его работы очень опасны, поскольку в них слышатся залпы орудий; к счастью, их никто не читает”. Однако наибольшей беспечностью отличался, по-видимому, сам король. “Никакая человеческая сила, — писал Кувильер Флери, — не может заставить его прочесть хотя бы страницу трудов Луи Блана, Пьера Леру, Бюше или Прудона”¹.

С такой величественной безмятежностью Июльская монархия встречала революционный взрыв.

Здесь не место для подробного анализа политических событий, приведших к 4-х-месячной революции 1848 г. Продажность министров (подлинное проклятие Франции со времен первой революции), сопротивление проведению избирательной реформы, безразличие к интересам народа создали весьма благоприятную почву для восстания. Напрасно де Токевиль предупреждал палату депутатов о последствиях, которыми чревато такое состояние общества: “Я глубоко убежден в том, что мы спим на вулкане”. Затем, приведя несколько вопиющих примеров коррупции, он заявил:

“Именно такие случаи, как эти, ведут к большим катастрофам. Давайте поищем в истории подлинные причины утраты власти

¹ *Imbert de Saint-Amand, Marie Amelie et la societe francaise en 1847. pp. 102—110.*

правлящими классами; они теряли ее, когда вследствие своего эгоизма делались ее недостойными. ...Пороки, на которые я указываю, способны привести к самым серьезным последствиям; разве вы не ощущаете, что земля Европы вновь сотрясается? Разве в воздухе не разлито дыхание революции? ...Знаете ли вы, что может случиться через два года, через год, или, может быть, завтра? Если хотите, оставьте в неприкосновенности законы, но, ради Бога, измените дух правительства. В его нынешнем виде он ведет в бездну”¹.

Трудно найти более мудрые слова. Коррупцированные и эгоистичные политики всегда будут самыми надежными союзниками для анархистов. Нет сомнений, что Прудон и Бланки настолько же радовались разложению правительства, насколько оно возмущало де Токвиля. Став причиной широкого недовольства, оно должно было привести к росту влияния учений, нацеленных не на что иное, как на подрыв всех основ современного общества.

Запрещение правительством министерских банкетов, запланированных руководителями масонских лож² на 22 февраля, стало поводом для восстания. Утром назначенного дня в ответ на обращение революционных газет “Националь” и “Реформа” была собрана послушная армия пролетариата; выкрик “Долой Гизо!”, раздавшийся из ее рядов, был не столько протестом против политики Гизо, сколько призывом к революции ради самой революции. Людей, обманутых обещаниями социалистов-утопистов и воодушевленных идеями анархистов, уже нельзя было удовлетворить избирательной реформой или даже всеобщим избирательным правом; теперь они требовали не просто установления республики или замены кабинета министров — они желали полного уничтожения существующей системы и установления золотого века, обещанного им теоретиками; во имя этой цели агитаторы призывали их взяться за оружие.

Так что смещение Гизо королем 23 февраля ничуть не уменьшило социальную напряженность — в соответствии с традиционной революционной тактикой восставшие продолжали сооружать баррикады и грабить оружейные магазины.

Но даже в этих условиях было достаточно трудно спровоцировать конфликт, поскольку симпатии буржуазии все еще были на стороне народа, а Национальная гвардия, считая рабочих своими братьями, не желала применять против них оружие³. Этому чувству товарищества,

¹ *Emile de Bonnechose, Histoire de France, ii. 647.*

² *Deschamps, op. cit. ii. 282.*

³ *Cambridge Modern History, vol. xi. 97.*

презрительно названному Марксом “пародией на всеобщее братство”¹, положила конец внушенная рабочим враждебность; соответственно, последовавшие за этим вооруженные демонстрации под красными флагами привели к столкновениям с войсками. В перестрелке солдаты убили нескольких повстанцев. Эта стычка, названная “бойней на бульваре Капуцинок”, стала сигналом к началу революции.

Тайные общества трудились всю ночь с 23 на 24 февраля, издавая свои распоряжения; тем временем Прудон составлял план выступления². К рассвету город погрузился в состояние хаоса; деревья на бульварах были вырублены, булыжные мостовые разобраны, возбужденные толпы повстанцев — рабочий люд из пригородов, студенты, школьники, солдаты, оставившие ряды Национальной гвардии — устремились в Тюильри, где открыли огонь по окнам королевского дворца. Луи Блан и его товарищи сочли этот момент подходящим для того, чтобы печатно заявить протест против использования войск в гражданских конфликтах; этот документ, обойдя баррикады, заметно прибавил храбрости революционерам, которые, захватив боеприпасы, стали нападать на муниципальных гвардейцев и даже убили нескольких из них. Выжидательная политика правительства и призывы агитаторов заметно сказались на настроениях в армии, и уже утром войска прекратили дальнейшее сопротивление и покинули поле боя. Тем временем Прудон и Флокон отпечатали плакат с требованием детронизации короля, а среди лидеров движения — Коссидьера, Араго, Собрие и других — все чаще слышалось слово “республика”. Напрасно Луи Филипп, учитывая ошибки, совершенные при таких же обстоятельствах его предшественником Людовиком XVI, взгромоздился на своего разукрашенного коня, чтобы произвести смотр войск, собравшихся в садах Тюильри, и посулить реформы разгоряченному народу; час орлеанистской династии пробил, и королевское семейство сочло разумным бежать из страны.

Таким образом, в течение нескольких часов монархия была сметена, уступив место “социал-демократической республике”³.

Однако теперь люди, вызвавшие к жизни этот кризис, должны были выступить в совершенно иной роли — роли созидателей. Одно дело — мирно сидеть за своим столом, расписывая прелести революции, и совсем другое — неожиданно оказаться в бурлящем городе, где царят беззаконие и беспорядок; одно дело — мечтательно рассуждать о

¹ Marx, *La Lutte des classe en France*, p. 40.

² *Cambridge Modern History*, vol. xi. p. 99.

³ *Louis Blanc, La Revolution de 1848*, p. 23; *Memoires de Caussidiere*, p. 62.

“суверенитете народа”, теща свое тщеславие, и совершенно другое — столкнуться с рабочими из плоти и крови, дерзко требующими выполнения данных им обещаний. Именно эти испытания выпали на долю людей, образовавших временное правительство через день после отречения короля. Страстные проповедники революции впервые столкнулись с ней лицом к лицу — и оказалось, что в жизни она куда менее привлекательна, чем на бумаге.

Появление среди народа красного флага (названного Ламартином “символом угроз и беспорядков”) вселило ужас в сердца всех, за исключением Луи Блана; только когда Ламартин своей страстной речью убедил большинство в необходимости возвратиться к трехцветному флагу, от красного отказались окончательно — что дало возможность депутатам удалиться в “Отель де Вилль” и заняться обсуждением планов нового правительства.

Во всей истории рабочего движения не было более драматической сцены, чем та, которая разыгралась в это время. За одним столом собрались люди, на протяжении всего последнего десятилетия внедрявшие в сознание масс идеи первой Французской революции — панегирист Жиронды Ламартин, поклонник Робеспьера Луи Блан, Ледрю-Роллен, больше всего гордившийся своим мнимым сходством с Дантоном.

Внезапно дверь кабинета, где проходило совещание, распахнулась, и на пороге появился вооруженный рабочий с искаженным от гнева лицом в сопровождении нескольких своих товарищей. Подойдя к столу, за которым сидели испуганные демагоги, Марш, как звали этого представителя рабочих, ударил об пол прикладом своего ружья и громко сказал: “Граждане, уже сутки как свершилась революция; народ ждет результатов. Меня послали сказать вам, что нельзя больше откладывать. Люди хотят получить право на труд — и получить его немедленно .

Уже сутки, как свершилась революция — и все еще не созданы новые небеса и новая земля! Теоретики строили свои планы, не принимая в расчет истерпеливость народа — они забыли, что слово “дать” для простого практического ума означает дать быстро и без проволочек; не удивительно, что, если масштабные социальные реформы были представлены Луи Бланом в его “Организации труда” как нечто весьма элементарное, то именно так они и воспринимались рабочими; Марш и его товарищи не понимали, что перестройка производственных отношений сопряжена с огромными трудностями и что нужно время, чтобы реформировать существующую социальную систему. Им обещали “право на труд” — и та гигантская работа, которая требовалась для осуществления этого краткого лозунга, должна

была быть выполнена за один день, чтобы немедленно реализовать указанное право.

Луи Блан признает, что первым чувством, овладевшим им после тирады Марша, был гнев¹; было бы лучше, если бы им оказался стыд. Именно он чаще, чем кто-либо другой, обещал рабочим землю обетованную, и теперь, когда она оказалась пустым миражом, его следовало винить больше, чем кого бы то ни было. Прежде, чем обещать, нужно знать, как исполнить обещанное — и сделать это без проволочек.

По-видимому, рабочие сочли главным противником реализации их “права на труд” Ламартина, поскольку во время своей речи Марш не отрывал своих пылающих глаз от певца Жиронды. Ламартин, оскорбленный таким отношением, ответил полным высокомерия гоном, что, даже если бы ему грозила тысяча смертей или Марш и его товарищи поставили его перед заряженными орудиями, находящимися прямо под окнами, то и тогда он не подписал бы декрет, смысла которого он не понимает. Позднее, однако, совладав со своим раздражением, Ламартин перешел на более примирительный тон: взяв за руку рассерженного рабочего, он воззвал к его терпеливости и подчеркнул, что, как бы законны ни были его требования, решение такой масштабной задачи, как изменение организации труда, потребует времени, что при наличии массы первостепенных проблем и самому правительству необходимо определенное время, чтобы конкретизировать свои планы, что нужно посоветоваться со всеми компетентными людьми....

Красноречие поэта взяло верх — негодование Марша постепенно улеглось; рабочие, эти честные люди, тронутые искренностью выступавшего, переглянулись между собой, явно смягчившись; Марш, выражая их мнение, воскликнул: “Ладно, тогда хорошо, мы будем ждать. Мы доверяем нашему правительству. Народ будет ждать; он готов сносить нищету еще три месяца во имя интересов республики!”².

Наверное, во всей истории социальной революции нет слов, более волнующих, чем эти. Как и их предки в 1792 г., эти люди были готовы страдать, принося себя в жертву новосозданной республике, которая, как их убеждали, одна даст Франции шанс на спасение; полные благородного энтузиазма, они готовы были верить политическим шарлатанам, которые щедрыми обещаниями затянули их в эту авантюру. Однако, пока Ламартин призывал рабочих к терпению, Луи Блан, все еще дороживший своими абстрактными теориями, устроился

¹ *Louis Blanc, La Revolution de 1848, p. 31.*

² *Daniel Stern, op. cit. i. 379.*

на подоконнике и вместе с Флоконом и Ледрю-Ролленом сочинил декрет, основанный на 10-м пункте робеспьеровской “Декларации прав человека”, которым временное правительство обязывалось “обеспечить работу для всех граждан”. Луи Блан был, вероятно, единственным из присутствовавших, кто верил в возможность выполнения этого обещания; однако декрет был подписан и в тот же день широко обнародован.

Двумя днями позднее увидели свет *национальные мастерские*, руководимые Эмилем Тома и Мари; они были призваны обеспечить реализацию права на труд. Результат был, понятно, плачевным: имеющихся вакансий явно не доставало, рабочих гоняли по всему городу от одного предпринимателя к другому, придумывали для них бессмысленные занятия, вызывавшие только разочарование и раздражение, тогда как наиболее квалифицированные из них, не имея шансов на трудоустройство, должны были существовать на “пособие по безработице”. Последняя мера, будучи жестом отчаяния, лишь усугубила ситуацию, так как привлекла в столицу тысячи рабочих со всей страны и даже из-за границы¹.

Противники социализма нередко приписывают как организацию национальных мастерских, так и плачевный исход этого начинания всецело Луи Блану. Это неточно. Формы работы этих мастерских были иными, чем те, которые предлагал Луи Блан в своей “Организации труда”, и их создателями нужно признать исключительно Мари и Тома. Но принцип, на котором они основывались — обязанность государства обеспечить работой или пособием каждого гражданина — проповедовал Луи Блан, позаимствовав его у Робеспьера. Приняв этот исходный принцип, создатели национальных мастерских обрекли их на все связанные с ним проблемы. Тот факт, что человеку больше не нужно прилагать собственных усилий к поиску работы, лишь поощряет леность в тех, кто не хочет трудиться; кроме того, если средства существования гарантированы независимо от того, работает человек или нет, бездельнику, очевидно, не будет никакого дела до своего трудоустройства.

Само собой разумеется, что в цивилизованном государстве человеку, который не может найти себе работу, не дадут умереть голодной смертью, однако то, что безработица должна быть сопряжена с некоторыми лишениями, абсолютно необходимо для самого существования промышленности.

Следует признать, что, как отмечал Мермейкс, временное правительство 1848 г. обещало нечто заведомо невозможное: “никакое

¹ *Daniel Stern*, op. cit. i. 484. См. также сообщение от 29 мая, приведенное в “*The Economist*” 3 июня 1848 г. (vi. 617).

правительство не может гарантировать работу, поскольку не оно определяет потребность в той или иной продукции”¹. Более того, средства, необходимые для выплаты пособий по безработице, можно получить лишь в результате дополнительного налогообложения, которое автоматически уменьшает потребительские возможности общества и тем самым способствует дальнейшему росту безработицы.

Так что каким бы прекрасным “право на труд” не казалось в теории, ни одно правительство не в состоянии воплотить его в жизнь, не усугубляя болезнь, которую решило излечить.

Итак, пусть Луи Блан не несет ответственности за методы работы национальных мастерских — однако, опрометчиво признав правительственным декретом “право на труд”, он в значительной мере стал виновником последовавшего хаоса. Кроме того, мы имеем возможность удостовериться, что, когда он, наконец, смог осуществить свои теории на практике, его опыт оказался не намного удачнее, чем опыт Тома и Мари.

10 марта в Люксембургском дворце начала свои заседания комиссия под председательством Луи Блана, заместителем которого стал рабочий Альбер. На заседания Люксембургской комиссии для разрешения всех форм трудовых конфликтов приглашались трудящиеся и их работодатели; строительные подрядчики и их рабочие, пекари и их помощники, владельцы омнибусов и водители — все они сходились сюда толпами, чтобы обсудить вопросы организации и оплаты труда. Как правило, работодатели проявляли уступчивость и готовность к сотрудничеству в любых разумных формах², но это, как отмечает мадам Д’Агу, не удовлетворяло Луи Блана, “который мечтал изменить мир”³. Любой разумный и практичный человек, действительно ратующий за интересы народа, получив такие широкие возможности, мог бы кардинально улучшить систему производственных отношений, но Луи Блан, восседавший в историческом кресле канцлера Паскье, фактически бездействовал — или, точнее, как и те, кто делал революцию в 1789 г., подменял реальную деятельность потоками красноречия, то и дело разражаясь тирадами о величии революции и всячески превознося достижения народа⁴.

Согласитесь, что для социалистов, кичащихся своей прогрессивностью, довольно странны эти постоянные возвраты в прошлое!

¹ *Mermeix (G. Terrail), Le Syndicalisme contre le socialisme, p. 51.*

² “Работодатели заняли наиболее примирительную позицию” (*Daniel Stern, op. cit. ii. 49.*)

³ Там же, с. 48.

⁴ *Daniel Stern, op. cit. p. 41.*

Рабочие, со своей стороны, демонстрировали благоразумие и рассудительность, требуя защиты от произвола посредников и сокращения рабочего времени до 10—11 часов в день, приводя в качестве довода аргумент, вполне приемлемый в условиях, когда рабочий день длился 14—15 часов: “чем длиннее рабочий день, тем меньше рабочих нужно предпринимателю; соответственно, те, кто трудится, получают жалованье, которое могло бы быть распределено среди большего числа рабочих”. Они также “критиковали чрезмерно длинный рабочий день как препятствие на пути их образования и интеллектуального развития”¹.

В любом случае, независимо от того, насколько верна была подобная политэкономия, парижане в эту критическую минуту не проявили никакой склонности к насилию; люди не желали кровопролития и баррикад, пожаров и разрушений. Несколько упрощая, можно сказать, что они требовали только хлеба и работы — а что может быть справедливее этих требований? Рабочие были готовы, как сказал Марш, ждать, страдать, жертвовать собой не только во имя собственного благополучия, но и во славу Франции. Обманутые своими вождями, твердившими им о благах первой Французской революции, рабочие не хотели повторения ее ужасов, стремясь к одному — трудиться в мире и братстве.

“Граждане, — писали работники ситценабивной фабрики временному правительству в конце марта 1848 г., — мы, рабочие-набойщики, предлагаем Вам нашу скромную помощь — передаем 2 тыс. франков, чтобы способствовать успеху ваших благородных начинаний... Пусть они успокоят тех, кто ждет повторения кровавых событий, имевших место в нашей истории! Пусть они успокоятся! Ни гражданская война, ни война с иностранцами не потревожат нашу прекрасную Францию! Пусть они будут спокойны относительно нашего Национального собрания, поскольку там больше не будет ни монтаньяров, ни жирондистов! Да, пусть они будут спокойны; пусть наши подношения откроют глаза Европе; пусть они покажут всему миру, что во Франции не было кровопролитной революции, а произошла только смена одного строя другим, что честность сменила коррупцию, торжество народа и справедливости — одиозный деспотизм, сила и порядок — слабость, единение — касты, а на смену тирании пришли высокие принципы: “Свобода, равенство, братство, прогресс, цивилизация, счастье для всех и все для счастья!”².

¹ *Memoires de Caussidiere*, i. 286.

² *Daniel Stern*, op. cit. i. 514.

Чего бы могли достичь эти люди и их собратья, преисполненные радостного воодушевления и благородного патриотизма, если бы только у них были достойные их вожди? Но вместо этого, с одной стороны, находился Луи Блан, беспомощный и напуганный встречей с реальностью, отказывающийся от разумных реформ в пользу недостижимых идеалов, а с другой, Бланки и Прудон, эти дикие бестии, изготавившиеся к прыжку, чтобы растоптать и разрушить ту самую цивилизацию, ради которой народ был готов жертвовать всем, что у него есть!

Но Луи Блан, одержимый идеей “рабочих объединений”, вместо того, чтобы идти верным путем социального реформирования, все больше углублялся в непроходимые дебри. Впоследствии он заявил, что затея с национальными мастерскими потерпела крах лишь потому, что в ее основу не были заложены социалистические принципы, которые он отстаивал, и в то же время правительство отказалось выделить ему средства на реализацию его собственных теорий. Но, как поясняет мадам Д’Агу, на самом деле Блан не получил лишь “финансирование и штат”, достаточные для удовлетворения его амбиций. Правительство обеспечило Блана средствами для создания “рабочих объединений” на основе проповедуемых им принципов и предоставило ему полную свободу действий. Местом проведения первого из его экспериментов стал “Отель де Клиши”, который Блан превратил из долговой тюрьмы в огромное государственное предприятие по пошиву одежды; он получил беспроцентную ссуду, аванс для рабочих и правительственный заказ на пошив 25 тыс. мундиров для Национальной гвардии. Обычно подрядчики требовали за один мундир 11 франков — “этих денег хватало на то, чтобы обеспечить прибыль хозяину мастерской, компенсировать его амортизационные расходы, оплатить полученный кредит и выдать заработную плату рабочим”¹. Теперь же, когда о прибылях хищника-капиталиста можно было не беспокоиться, предполагалось, что после оплаты стоимости материалов останется солидное сальдо, которое поровну разделят между рабочими. Увы, когда первый заказ был выполнен, оказалось, что себестоимость продукции стала гораздо выше, чем при прежней капиталистической системе: мундиры шли уже не по 11, а по 16 франков каждый. Более того, хотя “преданность идеалам красоты, любви и братства была настолько сильна, что портные трудились по 12—13 часов в сутки, даже по воскресеньям”, оборванные новобранцы теряли терпение в ожидании своих мундиров и, возмущенные, несколько раз приезжали в “Клиши”, всячески понося

¹ *Problems and Perils of Socialism*, by J. St. Loe Strachey, приводится из современного отчета об этом эксперименте в *The Economist* for May 20, 1848 (vol. vi. p. 562).

портных за задержку. “Это, — говорит мадам Д’Агу, — стало причиной разрыва между “народом в блузах и народом в мундирах, увенчанного впоследствии их смертельной схваткой”¹.

Другие эксперименты Луи Блана имели не намного больший успех. Количество членов его “объединения изготовителей кресел” в течение года уменьшилось с 400 до 20, а из 180 созданных им объединений только 10 уцелели к 1867 г.².

Наметившийся разрыв между солдатами и промышленными рабочими заметно углубила попытка правительства установить в армии “равенство”. 14 марта был издан декрет, которым отборным частям Национальной гвардии предписывалось отказаться от мундиров особого образца и всех знаков отличия. Хуже того — впредь выборы офицеров должны были осуществляться путем всеобщего голосования³.

Не удивительно, что солдаты встретили этот декрет взрывом негодования — 16 марта процессия из 4—5 тыс. национальных гвардейцев выступила в направлении “Отель де Вилль”, чтобы выразить временному правительству свой законный протест. Здесь они столкнулись с толпой рабочих и подростков; после взаимного обмена оскорблениями и тумаками разрыв между *буржуазией* и народом стал свершившимся фактом.

Этот раскол был на руку социалистическим лидерам, стремившимся сохранить свое господство и не желавшим, чтобы революция завершилась простым улучшением участи рабочих. Соответственно, они использовали народное возмущение в своих особых целях, организовав на следующий день демонстрацию, в ходе которой, как в период первой Французской революции, вожди манипулировали массами народа. Огромная толпа должна была собраться на площади Согласия и двинуться в сторону “Отель де Вилль”, чтобы приветствовать членов временного правительства и потребовать отсрочки выборов, результатом которых вполне могло стать отстранение социалистов от власти. Эта программа, с обезоруживающим простодушием составленная самими социалистами — Луи Бланом, Коссидьером и Ледрю-Ролленом — вечером 16 марта была разослана во все районы Парижа.

Но организаторов процессии опередили организации, действовавшие по указке тайных обществ: в то время, как члены временного правительства призывали народ на демонстрацию в свою поддержку,

¹ Daniel Stern, op. cit. ii. 165.

² Heckethorn, Secret Societies, ii. 222, 223.

³ Daniel Stern, op. cit. ii. 55; Caussidiere, op. cit. i. 176.

Бланки организовывал антиправительственную кампанию. Так что когда 17 марта огромная толпа окружила “Отель де Вилль”, Луи Блан и его сотоварищи оказались лицом к лицу не с дружелюбными и восторженными рабочими, а с неприятельской армией, возглавленной их врагами и соперниками в борьбе за власть — Барбесом, Бланки, Кабе, Собрие и другими — в чьих взглядах, по словам Луи Блана, “читалось что-то зловещее”.

Тщетно Луи Блан искал спасение в своей обычной революционной демагогии, заявляя, что единственным желанием временного правительства является “идти в ногу с народом, жить для него, а если нужно — и умереть за него”; толпа, уставшая от пустых деклараций, стала роптать. “Народу, — выкрикнул кто-то, — не достаточно одних слов!”¹.

И все же слова взяли верх — потоки красноречия, исторгнутые Ледрю-Ролленом и Ламартином в конце концов успокоили разгневанную толпу; к пяти часам пополудни люди один за другим разошлись, скандируя: “Да здравствует Луи Блан! Да здравствует Ледрю-Роллен!”.

Кассидьер впоследствии оценил этот “день 17 марта” как “мирную победу спокойного и рассудительного народа”; на самом деле это была победа социалистов из временного правительства. Для народа этот день оказался столь же бесплоден, как и большинство “великих дней” времен первой Французской революции: и тогда, и теперь он был просто марионеткой в руках политических авантюристов. “Большинство рабочих, — говорит мадам Д’Агу, — спонтанно примкнувших к манифестации в искреннем и наивном стремлении к народному единству, были убеждены, что они выказали правительству свое уважение и защитили его от козней роялистов”. Их единственным завоеванием стала лишь враждебность со стороны буржуазии, с возрастающим беспокойством следившей за развитием событий.

“День 17 марта” нанес невосполнимый ущерб делу парижских рабочих. До сих пор им сопутствовал успех, засвидетельствованный созданием “социал-демократической республики”, обещанием всеобщего избирательного права на предстоящих выборах, признанием временным правительством “права на труд” и реализацией этого принципа в работе национальных мастерских, приведших, пусть в весьма скромных масштабах, к сокращению безработицы. Если бы революция завершилась в начале марта, до появления непродуманного декрета о Национальной гвардии, она увенчалась бы полным триумфом рабочих. Но социалисты, вбив клин между народом и буржуазией, тем самым способствовали торжеству реакционных тенденций. Не только в

¹ *Caussidiere, op. cit. i. 182.*

Париже, но и во всей стране демонстрация силы в ходе манифестации 17 марта вызвала широкую обеспокоенность. Французская провинция не хотела опять, как и в 1793 г. оказаться под диктатом парижан; все более утверждался дух консерватизма, не суливший ничего хорошего кандидатам-социалистам на грядущих выборах. “С этого времени, — пишет графиня Д’Агу, — пролетариат вступил в полосу неудач, в результате которых он за считанные часы растерял все свои завоевания, пользуясь которыми, он проявлял величие и щедрость, но, увы, не дальновидность или осторожность”¹.

В этом и заключается суть краха, постигшего рабочих в 1848 г. Вместо того, чтобы действовать по собственной инициативе и всемерно использовать завоеванные позиции, они позволили кучке политических шарлатанов втянуть себя в их беспрестанные междуусобия.

Так, пока Луи Блан продолжал с присущим ему красноречием выдавать себя за единственного защитника интересов народа, приверженцы Ледрю-Роллена (среди которых была писательница Жорж Санд) вынашивали замыслы создания революционного правительства под его диктатом, а Бланки призывал рабочих бойкотировать созыв Национального собрания. Тем временем Ламартин, видя, что его авторитет стремительно падает, стремился запугать Ледрю-Роллена тем, что “Бланки втайне точит на него нож” — и в то же время продолжал конфиденциально сноситься с Бланки в надежде привлечь его на свою сторону. В этом запутанном клубке интриг не было места мыслям об интересах народа: каждая группировка надеялась с помощью очередной “народной манифестации” одержать окончательную победу над своими соперниками.

16 апреля парижане вновь должны были выразить свою волю — на сей раз на выборах 14 офицеров штаба армии, проводившихся в соответствии с правительственным декретом. В 10 часов утра 8 тыс. рабочих собрались на Марсовом поле; в их руках были знамена с социалистическими лозунгами: “Уничтожение эксплуатации человека человеком”, “Равенство”, “Организация труда” и т.д. Эта масса людей, поначалу довольно мирно настроенная, была наэлектризована Бланки, а затем, увеличившись до 40 тыс. человек, двинулась маршем к “Отель де Виль”, сея по городу панику. Из уст в уста передавались пугающие слухи: “В Сент-Антуанском предместье вспыхнуло восстание! Коммунисты захватили Дом инвалидов, подожгли его; 200 тыс. вооруженных пролетариев готовятся к разграблению Парижа!”

¹ Daniel Stern, *op. cit.* ii. 154.

Однако, оказавшись на Тревской площади, перед входом в “Отель де Вилль”, колонны рабочих были остановлены войсками. Вновь дал о себе знать наметившийся ранее конфликт. Стремление к братанию со своими сотоварищами в блузах, прежде столь характерное для солдат, теперь сменилось неприкрытой враждебностью — из их рядов доносились выкрики: “Долой коммунистов! Долой Бланки! Долой Луи Блана!”.

События окончательно приняли неблагоприятный для рабочих оборот. Их колонны понуро миновали окруженный войсками “Отель де Вилль” и мало-помалу рассеялись; люди, убежденные в своем поражении, возлагали вину за происшедшее на социалистов. Действительно, самих рабочих нельзя винить за тот враждебный настрой, который так встревожил парижан; не они придумали воинственные лозунги, начертанные на их знаменах. Винить нужно Бланки с его злобным подстрекательством и Луи Блана с его нелепыми теориями — именно под их воздействием рабочие отказались от своих справедливых реформистских требований и развязали войну во имя коммунистических идей, чем создали зияющую пропасть между собой и прочими парижанами. В канун революции 1848 г. буржуазия, как мы видели, весьма сочувственно относилась к стремлениям “народа”; социалисты уничтожили это взаимопонимание и настроили против рабочих не только буржуазию, но и все прочие слои населения. Именно с этого времени слово “народ” все чаще употребляется в смысле “промышленный пролетариат”¹, в котором им широко пользовались марксисты, в значительной степени спровоцировав этим разрыв между социализмом и демократией.

События 16 апреля вызвали откровенно негативную реакцию во всех городских кварталах. Организаторы манифестации стали объектом всеобщего осуждения; разъяренная толпа принесла гроб под окна Кабе. “Одна половина Парижа, — писал префект полиции, — мечтает засадить в тюрьму другую”². Даже союзниками социалистов внезапно овладели сомнения; как полагают, сама Жорж Санд, ученица Бабефа и Пьера Леру, 20 апреля выступила в “Республиканском бюллетене” с такими словами:

“Что касается коммунистов, против которых сейчас поднялась волна осуждения и гнева, то они не стоят такого внимания. То, что группа фанатиков проповедует фантастические идеи создания невысказанного абсолютного равенства, не должно никого удивлять или

¹ Daniel Stern, op. cit. ii. 15.

² Там же, ii. 179 --180.

тревожить. Во все времена заблудшие умы стремились воплотить в жизнь эту мечту, никогда этого не достигая”¹.

Подобные настроения были не только в Париже. Во всей Франции ситуация оборачивалась против социалистов, и на прошедших вскоре выборах народ в подавляющем большинстве поддержал умеренных кандидатов. Революционеры добились одного — они положили конец тому, что Маркс называл “пародией на всеобщее братство”, и пропасть между промышленным пролетариатом и остальной частью нации стала еще больше, чем когда-либо прежде.

Когда 4 мая состоялось первое заседание новоизбранного Национального собрания, оказалось, что экстремисты Прудон, Кабе, Луи Блан и Бланки были отвергнуты избирателями, как и прокоммунистические “трудовики”, выдвинутые Люксембургской комиссией; новым героем дня стал Ламартин. Это в значительной степени объяснялось позицией Луи Блана, который вполне определенно дал понять, что его целью является не что иное, как “абсолютная власть пролетариата”² — идея, абсолютно неприемлемая для Франции с ее национальным духом и энергичной буржуазией; не удивительно, что она встретила самое решительное сопротивление.

Кроме того, Луи Блан обладал одной неприятной особенностью, свойственной, впрочем, многим социалистам: он считал себя единственным выразителем интересов народа; это своеобразное проявление эгоизма было столь очевидно в его выступлении 10 мая, посвященном созданию “министерства труда и прогресса”, что не могло не вызвать громкие протесты собравшихся. В конце концов все участники заседания встали. Со всех сторон доносились возгласы: “У тебя нет монополии на любовь к народу! Мы все решаем социальные вопросы, мы все пришли сюда от имени народа! Все депутаты собрания намерены защищать права народа!”³.

Таким образом, в Национальном собрании столкнулись две силы — с одной стороны, буржуазия, осознающая угрозу коммунизма, с другой — революционеры, которые, утратив правительственные посты, выискивали предлог для возбуждения народного недовольства. Таким предлогом стало восстание в Польше, жестоко подавленное прусскими войсками 5 мая; рабочих Парижа призвали выразить свой протест против этого вопиющего проявления тирании. Соответственно, 13 мая к Площади Согласия двинулась процессия из 5—6 тыс. человек во главе с

¹ Daniel Stern, op. cit. ii. 183.

² Там же, ii. 207.

³ Там же, с. 237—238.

Собрание и Юбером, профессиональным агитатором с сомнительным прошлым; массы скандировали: “Да здравствует Польша!”. Участники манифестации, подвигнутые на этот шаг желанием заявить о своей солидарности с угнетенной Польшей, не имели никаких иных намерений и, разумеется, не собирались замахиваться на Национальное собрание, избранное на основе всеобщего избирательного права. Но, как и обычно, в их ряды просочились возмутители спокойствия, чужаки, готовые примкнуть и к полиции, и к толпе, только бы вызвать бунт; кроме того, были замечены хорошо одетые женщины из средних слоев, призывавшие собравшихся к насилию¹.

На мосту Согласия людьми овладела нерешительность, но Бланки, лично возглавив процессию, громко крикнул: “Вперед!” — и вся толпа ринулась к дворцу, где помещалось собрание. Небольшой отряд национальных гвардейцев был не в силах сдержать натиск 150 тыс. мужчин и женщин, напавших с такой силой, что кое-кто был просто задавлен при входе во дворец.

Тогда Ламартин, отличавшийся большей храбростью, чем его предшественники — революционеры 1792 г. — вышел из Бурбонского дворца и встретился с народом.

“Гражданин Ламартин, — сказал один из лидеров бунтовщиков, Лавирон, — мы пришли, чтобы прочесть собранию нашу петицию в защиту Польши...

— Вы не пройдете, — властно ответил ему Ламартин.

— По какому праву вы помешаете нам войти? Мы — народ. Вы слишком долго прятались за красивыми фразами; народу нужно что-то помимо фраз, он хочет сам оказаться в здании собрания и рассказать о своих желаниях .

В этот момент из толпы раздались вещие слова: “Несчастные, что вы делаете? Вы отбрасываете дело свободы на целое столетие назад!”.

Но люди, разбудившие эту стихию, теперь напрасно пытались ее утихомирить. Пока толпа протискивалась в зал заседаний, Тома, Распайль, Барбес, Ледрю-Роллен, Бюше и Луи Блан, одурманенные майской духотой и испарениями тысяч тел, пытались перекричать гул людских голосов. Луи Блан, сев за стол, заявил, что “народ своими криками препятствует реализации своего же суверенитета”; толпа же отозвалась криками: “Да здравствует Польша! Да здравствует организация труда!”. Луи Блан, сраженный оружием, которое сам выковал, сник; народу был нужен не он — теоретик, околдовывавший массы пустыми словами, а Бланки, человек действия, сеявший дух

¹ *Daniel Stern*, op. cit. ii. 258.

насилия и ярости. “Бланки! Где Бланки? Мы хотим Бланки!”, — кричала толпа. И, наконец, люди внесли на плечах знаменитого агитатора; это была странная личность: маленький, не по годам сгорбленный человечек с глубоко посаженными глазами, горящими диким блеском на болезненно бледном лице, с черными волосами, подстриженными, как у монаха, в черном пальто, застегнутом по самый галстук, тоже черного цвета, с руками в черных перчатках; с появлением этой зловещей фигуры в зале воцарилось молчание. Бланки, хорошо чувствуя настроение аудитории, тут же разразился пламенной речью, требуя, чтобы Франция немедленно объявила войну европейским державам во имя освобождения Польши — довольно странный метод помощи парижской бедноте! Тем временем Луи Блан, схватив польский флаг, изо всех сил пытался вернуть свою популярность. Его пылкая речь о “суверенитете народа”, наконец, возымела желаемое действие, и под крики “Да здравствует Луи Блан! Да здравствует социально-демократическая республика!” его также подняли на плечи и понесли, как триумфатора. Но такой всплеск эмоций был слишком силен для слабой плоти; Луи Блан, по лицу которого струился пот, пытался обратиться к толпе, но не смог издать ни звука, а когда его опустили на стул, лишился чувств.

Неистовство толпы, распаленной “клубистами”, достигла своего пика. Пока Барбес безуспешно пытался произнести речь, трибуна оратора была атакована какими-то полоумными, грозившими друг другу кулаками, в чьих криках полностью утонул голос Барбеса. В довершение всего этого хаоса галереи стали ломаться под весом все возраставшей толпы, а вода из лопнувшей трубы затопила коридор.

В этот момент Юбер, также надолго терявший сознание, внезапно пришел в себя и, забравшись на трибуну, громовым голосом заявил, что Национальное собрание именем народа распускается.

После этого Бюше вскочил со своего места, Луи Блан был вынесен толпой на эспланаду Дома инвалидов, Распайль упал в обморок на лужайке, Собрие выступил в роли триумфатора, а Юбер исчез.

Затем последовала неизбежная реакция властей. Прибывшие на место событий войска разогнали толпу, Барбес был арестован. Луи Блан — всклокоченный, в порванной одежде — сумел скрыться от национальных гвардейцев в здании Национального собрания; вслед ему неслись негодующие возгласы: “Ты всегда думаешь о себе! У тебя нет сердца!”.

Пока в Бурбонском дворце происходили все эти чрезвычайные события, другая толпа из 200 человек ворвались в префектуру полиции; ее глава Коссидьер, как и Петъйон 10 августа, занимал выжидательную позицию и не решался предпринять какие-либо шаги, предварительно

не уяснив, куда дует ветер. Оказавшись лицом к лицу с разгневанными мятежниками, несчастный Коссидьер, до сих пор числившийся в авангарде революции, начал говорить о “конституционной власти” и угрожал пустить в ход свою саблю¹.

Однако в конце концов с помощью республиканских гвардейцев префектура полиции была освобождена, и войска принялись наводить порядок во всех районах Парижа. “Репрессии, — пишет графиня Д’Агу, — крайне жестоки, поскольку мятеж был ужасен”. Эти слова следует хорошенько запомнить тем, кто устраивает революции. Чем более жестоко нападение, тем более жесток отпор, и анархия неизбежно ведет к деспотизму. Даже революционеры должны согласиться, что события 15 мая имели крайне негативные последствия; что до народа, то, привыкший уважать силу, он принял сторону победителей. Когда 16 мая арестованных заговорщиков увозили в Венсенн, то, “минуя Сент-Антуанское предместье, они слышали проклятия мужчин, женщин и детей, которые, несмотря на невыносимую жару, бсжали за экипажами, выкрикивая оскорбления, до самого Венсенна .

Но эта перемена чувств народа была кратковременной; вскоре социалисты восстановили свои позиции. На довыборах 5 июня Пьер Леру, Прудон и Коссидьер получили депутатские мандаты — хотя ситуация и осложнилась тем, что того же добился Луи-Наполеон Бонапарт.

Именно в этот момент впервые проявились имперские замыслы бонапартистов и в первый раз прозвучал призыв “Да здравствует император!”. Бонапартисты не хуже социалистов понимали, что свержение существующего правительства должно произойти в результате народного восстания; соответственно, оба движения с равным цинизмом прибегали к такому испытанному оружию, как классовая ненависть. Стоя бок о бок с продавцами таких бульварных изданий, как “Робеспьер”, “Папаша Дюшезн”, “Карманьола”, “Каналья”, распространители “Наполеон Республикан” пытались всучить свой товар солдатам, предупреждая, что “буржуазный террор” превратит их в убийц своих братьев, и призывая их под красные знамена социальной революции².

Правительство, избранное на основе столь желанного для французов всеобщего избирательного права, таким образом, оказалось между двух огней, а все революционное движение выродилось в состязание враждующих политических партий.

Ситуация в экономике становилась все более угрожающей. Торговля была парализована в результате всеобщего замешательства и

¹ *Memoires de Caussidiere*, ii. 136.

² *Daniel Stern*, op. cit. ii. 341.

непрекращающихся забастовок; даже рабочие национальных мастерских находились на грани восстания. Этот способ борьбы с безработицей был, как мы видели, изначально обречен на провал; так что в конце концов, после тщетных попыток улучшить положение путем увольнения рабочих из провинции, наводнивших Париж, и воссоздания системы сдельщины, правительство заявило о своем намерении закрыть национальные мастерские. Соответствующий декрет, увидевший свет 21 июня, естественно, только усугубил кризис. Уже вечером этого дня вновь начали собираться группы рабочих; видя свое спасение в лозунгах “Да здравствует Барбес!” или же “Да здравствует Наполеон!”, они планировали очередную демонстрацию.

Затем последовали три страшных дня: 22—25 июня. На улицах вновь появились баррикады, и вновь республике была объявлена самая беспощадная война. При этом, как на всех этапах всемирной революции, в рядах мятежников объединились разнородные социальные элементы, движимые противоположными интересами, но солидарные в своем стремлении уничтожить существующий строй. Так, согласно данным начальника подразделения общественной безопасности Панисса, толпы, принимавшие участие в восстании, включали, помимо рабочих, доведенных до мятежа голодом и отчаянием, определенное количество честных, но легковерных людей, обманутых агитаторами, среди которых были “коммунисты, мечтающие об Утопии; у них у каждого свои теории и ни один не соглашается с другим”; легитимисты, требующие восстановления династии Бурбонов в лице графа де Шамбора; бонапартисты, приверженцы регентства; и, наконец, “отбросы всех партий, уголовники и всякое отребье — словом, враги общества, прирожденные бунтари, воры и грабители”¹.

Вступив в борьбу с этой ужасной силой, войска под командованием генералов Кавеньяка и Ламорсьера, усиленные национальными гвардейцами из всех уголков Франции, проявили величайшую доблесть, и 26 июня, после жестоких боев, оставивших на улицах Парижа не менее 10 тыс. убитых и раненых, Кавеньяк стал хозяином положения, фактически утвердив военную диктатуру.

Нет необходимости останавливаться на перипетиях заключительного этапа Французской революции 1848 г. — далее, как известно, последовали избрание принца Луи-Наполеона президентом республики (10 декабря 1848 г.), государственный переворот, который он совершил тремя годами позднее (2 декабря 1851 г.), сокрушив конституцию 1848 г., и, наконец, восстановление монархии (10 декабря 1852 г.) во главе с

Daniel Stern, op. cit. ii. 598.

новоявленным императором Наполеоном III. В течение этого периода огонь социальной революции во Франции был едва заметен, а с провозглашением Второй империи он и вовсе погас. Новый режим, подобно тому, который установился после первой Французской революции, был репрессивным по своей природе. Социалистические лидеры были арестованы, не менее чем 25 тыс. человек оказались в тюрьмах, множество людей попали в ссылку без суда и следствия. Одновременно были подавлены железной рукой тайные общества, а все свободы, гарантированные французскому народу, включая свободу печати, были отменены конституцией 1852 г.; характерно, что эти действия власти поддержало большинство населения — 7 млн против 600 тыс. голосов (по результатам плебисцита). Очевидно, что, как и в 1800 г., нация, изнуренная революцией, была готова пасть на колени перед сильным человеком, способным восстановить порядок в стране и вернуть покой.

Таким образом, революция 1848 г. завершилась полным поражением рабочих, всю вину за которое следует, без сомнения, возложить на их социалистических вождей — и прежде всего на Луи Блана. Конечно, он руководствовался лучшими побуждениями, отдавая все свои силы совершенствованию производственных отношений — однако согласитесь, что подобные социальные эксперименты нужно оценивать только по их конечному результату. Можно извинить ученого, чей лабораторный эксперимент не увенчался успехом, но когда опыт ставится на человеческих жизнях, неудача равносильна преступлению.

Если, например, герцог придумает некую новую канализационную систему и, не удостоверившись в ее эффективности, установит ее в домах всех своих арендаторов, чем обречет их на смерть от дифтерии, его не будут считать благородным энтузиастом, чьим единственным недостатком был избыток рвения, а назовут преступным идиотом, который не заслуживает снисхождения. Тогда почему инициаторам пагубных начинаний гарантирована неприкосновенность, если они действуют во имя социализма? Луи Блан, возможно, был искренним человеком с благородными намерениями, однако факты говорят о том, что своей приверженностью к неосуществимым идеям и упрямой верой в собственную непогрешимость он привел рабочий класс к катастрофе. Никто не признал эту истину более безоговорочно, чем анархист Прудон, который предъявил следующее — несомненно, заслуженное — обвинение этому опасному мечтателю:

“Луи Блан за многое в ответе перед историей. Именно он в Люксембургском дворце туманным лозунгом “Равенство, Братство, Свобода” и абракадаброй “От каждого по его силе, каждому по его

потребностям!” положил начало этому жалкому противостоянию идеологий идеям, именно он восстановил здравый смысл против социализма. Он считал себя пчелой революции, а был только кузнечиком. Мог ли он, наконец, отравив пролетариат своими абсурдными идеями, дать ему, когда тот, заблуждаясь, вверг себя в его хилые руки, нечто большее, чем свое безучастие и молчание!”¹..

Луи Блана и его революционных соратников следует упрекнуть также в том, что они мысленно были обращены в прошлое. “Давайте уважать прошлое, — говорил Виктор Гюго, — при условии, что оно согласно быть мертвым; но если оно желает здравствовать, мы должны его атаковать и попытаться убить”. Социалисты, всегда готовые похоронить лучшие традиции прошлого, решительно отвергают данный лозунг, когда речь заходит об анахроничных подрывных идеях или методах борьбы. Соответственно, в 1848 г. они, вместо того, чтобы сосредоточиться на текущих проблемах и обратиться к наиболее прогрессивным проектам социальных реформ, постоянно оглядывались на принципы первой Французской революции; пропитанные идеями своих революционных предшественников, они жаждали их превзойти, и поэтому так называемые народные выступления, организованные социалистами в Париже в феврале—июне 1848 г., были прямо скопированы с событий 1789—1792 гг. В этом пункте полностью сходятся Маркс и Прудон. “Революция 1848 года, — говорит Маркс, — не смогла сделать ничего лучше, чем спародировать сначала 1789 г., а затем революционные традиции 1793—1795 гг.”². Прудон, в свою очередь, высмеивает привычку ее вождей без конца восторгаться всем, что связано с 1793 г. Она стала “всеобщей манией, — подтверждает мадам Д’Агу.— С 24 февраля во всех случаях вспоминали нашу первую революцию”. Так что крах революции 1848 г. был обусловлен не чрезмерной приверженностью к прогрессу, а реакционностью, слепым копированием прошлого и отживших традиций.

Революционный взрыв в Париже стал сигналом к общеевропейскому мятежу. 1 марта восстание вспыхнуло в Бадене, 12 — в Вене, 13 — бунты прокатились по Берлину, 18 — поднялся Милан, 20 — Парма, 22 — была провозглашена республика в Венеции, 10 апреля состоялась чартистская демонстрация в Лондоне, 7 мая начались волнения в Испании, 15 — в Неаполе, и, кроме того, в течение года не менее 64 восстаний крепостных произошло в России.

¹ *La Revolution au XIXieme siecle*, p. 108.

² *Marx. La Lutte des classes*, p. 192.

Разумеется, на страницах традиционной истории мы не найдем объяснения этой внезапной вспышке революционной эпидемии; нам вновь и вновь будут напоминать о заразительности людского стремления к свободе. Так, в изданном в Кембридже курсе новой истории по поводу революции в Германии говорится: “Великое герцогство Баденское было естественным плацдармом для революционного движения, которое, однажды возникнув, почти спонтанно прокладывало себе путь от государства к государству, от города к городу .

Это верно; но здесь нет и намёка на то, какой механизм автоматически привел в движение всю Европу. Историки видят свою задачу не в том, чтобы выяснить причины событий, а в том, чтобы представить их последовательность в особой манере, неприемлемой для философа, но вполне удовлетворяющей ленивый ум широкой публики.

Однако то, что европейская революция 1848 г. была результатом деятельности масонских организаций, не вызывает сомнения у тех, кто стремится вникнуть в суть событий. Мы уже видели, как Мадзини и руководимая им “Молодая Италия” стали слепым орудием “Высшей римской венты” и как последняя, действуя через масонские ложи, подготовила необходимую почву повсюду в Европе. Во Франции роль, сыгранная масонством в революционном движении, никогда не составляла тайны, а представление Высшего Совета Шотландского устава членам временного правительства 10 марта сопровождалось такими словами Ламартина: “Я убежден, что именно из недр ваших лож появились, выступая сначала во мраке, затем в полутьме и, наконец, в свете дня, те идеи, которые увенчались великим взрывом, последовавшим в 1789 г., и которые были только что явлены парижанам во второй, и, я надеюсь, последний раз”¹.

Но, конечно, народу полагалось думать, что он действовал по собственной инициативе. Так, еврей-масон Кремьс, которого революция возвела в должность члена временного правительства, в своих публичных выступлениях заявлял, что на руинах рухнувшей монархии “народ избрал вечным символом революции “Свободу, Равенство, Братство”²; только в общении с самими масонами — на сей раз с депутацией “Великого Востока”, 24 марта — он признал истинное происхождение лозунга: “Во все времена и при любых обстоятельствах... масоны непрерывно повторяли эти высокие слова: “Свобода, Равенство, Братство”³.

¹ Deschamps, op. cit. n 282.

² Memoires de Caussidiere, i. 131.

³ Deschamps, ii 283.

В Германии, как и во Франции, все основные руководители революции (Геккер, Фиклер и Гервег в Бадене; Роберт Блюм в Саксонии; Якоби в Кенигсберге; фон Гагерн в Берлине) были масонами, присутствовавшими на вышеупомянутом масонском конгрессе 1847 г.

Таким образом, революция 1848 г. стала второй крупной попыткой иллюминированного масонства организовать всемирный мятеж. Однако была страна, где это движение оказалось заведомо обреченным — речь идет об Англии. Безусловно, в течение многих лет чартистские волнения создавали напряжение в обществе; но независимый характер английского народа всегда исключал любые подражания континентальным образцам, и потому “Народная хартия”, направленная скорее на политические реформы, чем на социальный раскол, была, в сущности, национальным продуктом. Несомненно, в чартистское движение, как ранее в тред-юнионы, проникали агитаторы, стремившиеся к уничтожению существующей социальной системы; однако именно это и привело чартизм к его окончательному поражению. Когда 10 апреля 1848 г. был организован крупномасштабный митинг и процессия с петицией о “народной хартии” двинулась на Кенсингтон-Коммон, Лондон приготовился к самообороне, а предусмотрительные торговцы закрыли свои заведения в ожидании погромов, однако отказ чартистов от проведения демонстрации и то, что немало подписей под петицией оказались поддельными, превратили всю эту затею в балаган, и выстрел, которого все так боялись, оказался холостым. Очевидно, что в стране, где осуществлялись реформы, деятельность революционеров не могла быть успешной, и принятие билля о 10-часовом рабочем дне (1847 г.) остудило немало горячих голов. Кроме того, как мы уже видели, началось кооперативное движение, оказавшее заметное влияние на позицию британских рабочих. К чести нашей страны следует признать, что, пока Франция не могла вырваться из порочного круга бесплодных революций, английский народ, верный своим традициям, исключительно по собственной инициативе избрал себе новый путь, который, вопреки сопротивлению социалистов, должен привести — и уже приводит — к перерождению производственной системы.

Так складывалась ситуация в конце 1848 г. Социализм прошел испытания во всех мыслимых формах и не смог себя оправдать. Он потерпел крах в форме мирных экспериментов Роберта Оуэна, Сен-Симона, Фурье, Пьера Леру и Кабе; он потерпел еще более сокрушительное поражение, когда его попытались внедрить революционными методами. Однако в этот критический момент в

революционном движении произошли изменения, и социализм, это брошенное за негодностью предприятие, оказался нужным компании. Что это была за компания, мы узнаем в следующей главе.

ГЛАВА 6

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Роль евреев в Германии — Немецкая социал-демократия — Лассаль — Карл Маркс — Энгельс — Русский анархизм — Михаил Бакунин — “Международное товарищество рабочих” — Интриги Маркса — “Альянс социалистической демократии” — Бакунин и “немецко-еврейская компания”

Чтобы понять то новое направление, в котором теперь развивалась всемирная революция, необходимо сначала разобраться в событиях, происходивших в Германии в тот памятный 1848 г.

Мы уже видели, как замысел объединения Германии под верховенством Пруссии, принадлежавший Фридриху Великому, осуществлялся не только его преемником Фридрихом-Вильгельмом II, но и иллюминатами, Тугендбундом и масонскими ложами. При Фридрихе-Вильгельме III, возглавлявшем Великую Ложу Пруссии, произошло дальнейшее сближение между Пруссией и масонством.

“Ложи рассудили, что из всех европейских государств Пруссия наиболее пригодна для развертывания их деятельности; соответственно, они сделали ее своим политическим центром... идея союза под ее главенством всегда оставалась целью всех лож”¹.

Однако в лице Фридриха-Вильгельма IV они, кажется, нашли своего противника. Без этого предположения трудно понять события, происходившие в Берлине 18 марта 1848 г. Почему король Пруссии стал объектом враждебных нападков со стороны масс, приверженных идее объединения Германии под руководством Пруссии? Почему он отверг, как “корону позора” (Schandkrone), имперский венец, впоследствии предложенный ему Учредительным собранием Франкфурта, и поддержал претензии Австрии на верховенство? Не объясняется ли это тем, что Фридрих-Вильгельм IV нарушил традиции Гогенцоллернов, отказавшись сотрудничать с подрывными силами, которые его

¹ Deschamps, op. cit. ii. 400, 159.

предшественники с таким успехом использовали за границей, а, отдав предпочтение австрийским претензиям на политическое верховенство, он продемонстрировал нежелание стать слепым орудием масонов и согласиться с их лозунгом, афористично сформулированным Мадзини: “*Delenda est Austria?*”¹ (“Деленда это Австрия?”, лат. — Перев.). Корона позора, которую он отказался надеть и которую ему предложил Франкфуртский парламент в лице его президента фон Гагерна, масона и члена “Студенческого союза”, была масонской короной, которую носили Фридрих Великий и два его преемника; такую же французские масоны предложили герцогу Брунсвика и возложили на голову Вильгельма I в 1871 г.

Но имелись и другие соображения, которые вполне могли повлиять на позицию Фридриха-Вильгельма IV. Масонство было не единственной подрывной силой, действовавшей в Германии. Под покровом масонства и других тайных обществ, включавших масонов, выступала новая сила, которая неуклонно крепла со времен Вильгельмсбадского конгресса 1782 г. — евреи.

Вплоть до середины XIX ст. роль евреев в революционном движении была не вполне однозначной. Мы знаем об их темных происках во время первой Французской революции, о которых писал Прюдом, мы знаем, что они проникали в масонские ложи и тайные общества, мы знаем, что богатые евреи финансировали “Высшую римскую венду”, а бедные действовали как агенты Нубия — однако мы знаем и то, что капитализм создавался руками евреев, а в России евреи поддерживали царя. Чем же объясняется эта двойственность евреев по отношению к социальной революции? Общепринятые представления о том, что, будучи жертвами угнетения, они с энтузиазмом восприняли лозунг “Свобода и Равенство”, сформулированный масонами, полностью опровергнуты Дизраэли в следующем отрывке:

“Евреи представляют семитский принцип: все, что духовно в человеческой натуре. Они бережно относятся к традициям и религии. Они служат наглядным свидетельством того, сколь заблуждаются те, кто твердит нам о естественном равенстве людей”. “Космополитическое братство, или, как говорится сегодня, международный социализм, — продолжает рассуждать Дизраэли, — является принципом, который, будь он осуществлен, привел бы к вырождению человеческого гения... Сама природа евреев, по праву гордящихся своей кровью, восстает

¹ *Deschamps et Claudio Janinet, op. cit. iii. 245, инструкции Мадзини, опубликованные в “Journal des Debats” 16 мая 1851 г., где найден такой абзац: “Delenda est Austria — это первое и последнее слово для действий против империи... Мы должны оказывать влияние на Пруссию, поощряя ее военное самолюбие и вспыльчивость.*

против идеи равенства людей. Они отличаются также другой чертой — стяжательством. Хотя европейские законы всячески препятствовали приобретению ими собственности, они, тем не менее, стали известны как раз своим умением накапливать богатства. Таким образом очевидно, что в силу своих особенностей евреи тяготеют к консерватизму. Для них высшими ценностями являются религия, собственность и естественный аристократизм...¹.

Одним словом, евреи — отнюдь не прирожденные революционеры, они лишь прибегают к революциям для достижения собственных целей. Заявляя, что они верят в “Свободу” и “Равенство”, они втайне презирают эти идеи, но охотно используют их для того, чтобы уничтожить существующий порядок и утвердить свое безраздельное господство в сфере религии, собственности и власти. Соответственно, согласно Дизраэли, именно они сыграли центральную роль в подготовке событий 1848 г.:

“Влияние евреев нетрудно проследить в последней вспышке революционного насилия в Европе. Мятеж был направлен против традиций и аристократии, против религии и собственности. Разрушение основ семитизма, искоренение всякой религии, будь то иудаизм или христианство, естественное равенство людей и отмена собственности — все это провозглашалось тайными обществами, формировавшими временные правительства, во главе каждого из которых оказывались евреи. Люди, всегда помнящие о Боге, сотрудничают с атеистами; самые оборотистые стяжатели заключают союз с коммунистами; особая и избранная нация протягивает руку отбросам и низам Европы! И все это потому, что евреи хотят уничтожить неблагодарный христианский мир, который обязан им даже своим названием и тиранию которого они больше не могут терпеть”².

Евреи охотно прибегают к своей излюбленной уловке, представляя христиан своими единственными врагами; в действительности преследование евреев началось задолго до христианской эры, а с ее наступлением не ограничивалось странами с преобладанием христианства.

Если христиане не отблагодарили евреев за оказанную им честь — приютить у себя представителей богоизбранного народа, то такими же неблагодарными следует считать и язычников. Египтяне, персы и ассирийцы полностью их подавляли; впрочем, в силу свойственных им

¹ *Life of Lord George Bentinck*, pp. 496, 497.

² Там же, с. 497, 498, published in 1852.

черт, даже куда более либеральные пресмники Александра Великого не смогли включить их в семью народов.

“Злобное упрямство, с которым они придерживались своих специфических обычаев и замыкались в себе, — пишет Гиббон, — позволяло считать их особой породой людей, которые открыто выражали или слабо скрывали свою непримиримую ненависть к остальной части человечества”¹.

Именно это, а не пресловутая христианская нетерпимость, должно служить объяснением преследований евреев. К тому же не следует забывать, что эти гонения имели и обратную сторону — семиты поднимались против язычников, демонстрируя при этом не меньшую жестокость, чем другие народы.

“В период, охватывающий правление Нерона, и вплоть до Антонина Пия, — утверждает Гиббон, — евреи выказывали крайнюю неприязнь по отношению к Риму, которая то и дело оборачивалась кровавыми столкновениями и мятежами. Не может не потрясать описание небывалых по своей жестокости преступлений, совершенных ими в городах Египта, Кипра и Киренаики, где они жили бок о бок с людьми, не подозревавшими об их вероломстве... В Киренаике они вырезали 220 тыс. грсков; на Кипре — 240 тыс.; их жертвами стало и огромное количество египтян. Многих из этих несчастных разрезали на части, руководствуясь примером Давида .

Далее следуют детали, слишком отталкивающие, чтобы на них останавливаться².

При гуманном правлении Антонина Пия евреи “не раз демонстрировали свое миролюбие и усердие”. Но “их неугасимая ненависть к человечеству теперь выражалась в менее опасных формах, чем кровопролитие и насилие. Они использовали любую возможность, чтобы обойти идолопоклонников в торговле...³.

Таким образом, начиная с древнейших времен, евреи были известны среди своих современников всех народностей и вероисповеданий как эксплуататоры. Кроме того, именно они постоянно выказывали самую черную неблагодарность. Как указывает все тот же Гиббон, несмотря на приверженность евреев к закону Моисея, их предки, получившие его в дыму и пламени на горе Синай, “беспрестанно роптали на своего Небесного Царя” — хотя “им

¹ *Gibbon's Decline and Fall of the Roman Empire* (Oxford University Press edition), ii.3.

² *Decline and Fall the Roman Empire*, ii. 83.

³ Там же, ii. 85.

подчинялся бег волн и ход планет; в итоге сам Всевышний возопил: “Сколько еще этот народ будет испытывать мое терпение?”¹.

Так что следует признать тот факт, что евреи всегда представляли собой подрывной элемент — причем в любых государствах: как в тех, где их преследовали, так и в тех, где их жизнь была вполне безоблачной. В целом, внимательный анализ исторических данных свидетельствует о том, что евреи вполне способны снести любые гонения при условии, что им будет позволено беспрепятственно заниматься своими обычными делами — при том, что, с другой стороны, они не могут существовать в благоприятных условиях, если ограничивается их традиционная деятельность. Так, в Китае, куда евреи были приглашены и где они получили все права гражданства, они так и не смогли прижиться, потому что не получили возможность эксплуатировать местное население. Соответственно, не будучи в состоянии обладать основными богатствами страны, евреи стали искать более благоприятную для себя почву; в итоге нынче в Китае за пределами торговых портов они крайне редки.

С другой стороны, Германия всегда была излюбленным прибежищем евреев. Если для них нестерпимы гонения, как тогда объяснить этот факт? Ни в одной стране мира их не презирают так, как в “Фатерланде”; “Земля отцов” не числит евреев своим потомством. Здесь, в Англии, живя в условиях беспрецедентной толерантности и руководствуясь принципом “живи и давай жить другим”, мы едва ли можем представить себе, какова на деле пресловутая *Judenhetze* (Травля евреев, нем. — *Перев.*). “Угроза обществу заключена в евреях”, — принято говорить в Германии; “евреи, — сказал Трэйчке, — это наша беда”. Однако, несмотря на подобное гостеприимство хозяев, евреи всегда считали Германию своим родным домом². Объяснением этому, вероятно, может служить приведенное выше наблюдение Дизраэли об особенностях еврейского национального характера. Если евреям действительно свойственны врожденный аристократизм, неприятие идеи естественного равенства и преклонение перед сильным правительством, то в прусском империализме они находят именно то, что заслуживает их доверия и уважения, как бы при этом не попирались

Decline and Fall the Roman Empire ii. 5.

Mr. Wickham Steed in “*The Hapsburg Monarchy*” (p. 172) отмечает, что однажды он попросил образованного еврея объяснить “прогерманские тенденции, проявляемые евреями повсюду во всем мире. “Немецкий, — сказал этот ученый муж. — является основой нашего жаргона, который близок к Палестине. Германия — страна, которую мы считаем своим домом. Вот почему мы так сентиментально склоняемся к Германии”.

их гражданские права. Здесь, в стране сапог и шпор, они редко сталкиваются с теми тлстворными идеями гуманизма и теми опасными уступками демократии, которые, по их мнению, способны привести к “вырождению великих народов и гибели человеческого гения”. Одним словом, евреи всегда были склонны расценивать Пруссию как наилучшее место для вложения капитала. С установлением даже частичного контроля над прусской военной машиной их положение в Европе становилось незыблемым.

Не удивительно, что, как отмечает Клаудио Жаннст, “евреи всегда проявляли огромную активность в деле объединения Германии”; он приводит любопытную выдержку из статьи, превозносящей еврейский народ, опубликованной в журнале “*Debats*” (“Дсбаты”, франц. — Перев.) за 5 ноября 1879 г.:

“В Германии с 1830 г. евреи играют важную роль — они возглавляют “Молодую Германию”. Если утверждению немецкого единства способствовали прусская дипломатия и прусский милитаризм, сам этот процесс был ими подготовлен, субсидирован и завершен”¹.

Это, собственно, и является связующим звеном между столь несовместимыми на первый взгляд вещами, как иудаизм и имперская Германия. Несмотря на *Judenhetze*, евреев всегда вклекло к пруссакам, поэтому сегодня, после окончания Великой войны, *Deutsche Allgemeine Zeitung* (“Немецкая общественная газета”, нем. — Перев.) самоуверенно заявляет о том, что “не существует противоречий между стремлениями евреев и немецкими интересами”².

Но прежде, чем этот союз был заключен, евреям требовалось упрочить свои позиции в государстве, и по этой причине, а не из чувства мести, они включились в революционное движение. Именно они стали движущей силой мятежа, поднятого масонами в Германии в 1848 г., который начался с требования предоставления евреям гражданских прав, провозглашая своей конечной целью утверждение верховенства Пруссии. Такой ход событий предвидел Дизраэли, который в 1844 г. провозгласил устами Сидонии — еврея, выведенного им в романе “Конингсби :

“Та грандиозная революция, которую нынче готовят в Германии, которая станет, по сути, второй, но куда более масштабной Реформацией и о которой так мало пока что известно в Англии, разрабатывается под полным контролем евреев, которые практически монополизировали профессорские кафедры Германии .

¹ Deschamps, op. cit. ii. 417.

² Данные за 30 января 1919 г.

Диалог заканчивается такими многозначительными словами:

“Так что ты видишь, мой дорогой Конингсби, что миром правят совсем не те люди, чем привыкли считать те, кто не находится за кулисами”¹.

Через 4 года после того, как были написаны эти слова, вспыхнула революция в Германии, предсказанная Дизраэли; пусть она не достигла масштабов, о которых говорилось в романе — но 1848-й год предоставил гражданские права евреям в Германии точно так же, как 1790-й утвердил их во Франции.

Восшествие на престол Вильгельма I, “покровителя масонов” и приход к власти Бисмарка открыли для евреев новые возможности, поскольку новые правители Пруссии поняли, что те могут быть им очень полезны. Гогенцоллерны всегда признавали полезность отдельных представителей этой презираемой ими нации. Фридрих Великий не погнушался воспользоваться услугами еврея по имени Эфраим для выпуска фальшивых денег² — и, вероятно, того же Эфраима его преемник Фридрих-Вильгельм II использовал в качестве подстрекателя и организатора беспорядков в годы Французской революции. Согласно утверждению одного просемитски настроенного автора, печатавшегося в *Revue des Deux Mondes* (“Обзор двух миров, франц. — Перев.) за 1880 г., Бисмарк обратился за помощью к евреям для пополнения своего военного бюджета. “Евреи, — продолжает тот же автор, — были единственными, кто смог использовать Бисмарка; так что все либеральные реформы, проводившиеся в Германии после битвы при Садове с молчаливого согласия Бисмарка, обращались к выгоде евреев”³.

Именно 1866 г. окончательно скрепил союз между пруссачеством и евреями. Битва при Садове доказала эффективность прусской военной машины, и после этого гонители и гонимые двинулись рука об руку к завосванию мирового господства.

Уже Бисмарк нашел себе ценного союзника в лице еврея — “социалиста” Лассаля.

Фердинанд Лассаль, сын богатого купца-еврея, родился в 1825 г. Испытывая с ранней юности ненависть к христианам, чьей крови он жаждал, еще будучи школьником, Лассаль смолodu занялся революционной деятельностью. “Прирожденный бездельник, бесчестный и мстительный человек, открыто признающий себя

¹ *Coningsby* (Longman's edition), pp. 250—252.

² *The Despatches of Earl Gower*, edited by Oscar Browning (1885). p. 385.

³ “*La Question des Juifs en Allemagne*,” by G. Valbert, in *Revue des Deux Mondes*, vol. xxxviii. p. 203.

атеистом¹, Лассаль называл себя “революционером” из принципа, который “без колебаний прибегнет к террору как средству достижения своих целей”².

После происшедшей в Германии революции 1848 г., в которой он играл ведущую роль, Лассаль поселился в Берлине, где жил в роскоши, не пил вина дешевле 20—30 марок за бутылку и устраивал для своих друзей великолепные банкеты³.

Источником благосостояния Лассаля было богатство Хацфельда, которое он благополучно проживал; помимо этого, он прямо заявил, что охотно женился бы на любой женщине, способной обеспечить ему 2—3 миллиона талеров годового дохода. Таким был человек, выдававший себя за поборника интересов трудящихся.

Но Бисмарк быстро понял ту выгоду, которую можно было извлечь из выступления этого краснбая, и вскоре Лассаль обратил потоки своего красноречия в пользу тех, кто беззастенчиво угнетал его собратьев-сверст. К 1859 г. он стал отъявленным прусским шовинистом, полностью поддерживающим политику Бисмарка, направленную на полное уничтожение Австрии, “чьи немецкие провинции должны были стать неотъемлемой частью единой и неделимой Немецкой республики” (мысль, до боли напоминающая идею Анахарсиса Клоотса о “великой Германии, всемирной республике”); в то же время он был восторженным приверженцем Гогенцоллернов⁴. Ввиду этого не удивительно, что до самой своей смерти Бисмарк не переставал говорить о Лассале с благодарностью и уважением.

Но куда более важную службу сослужил делу немецкого империализма основатель учения, известного ныне как “марксистский социализм”.

Карл Маркс, сын сврея-адвоката, названного при рождении Мордехасм, появился на свет в Трире в 1818 г. В 1843 г. он обосновался в Париже, чтобы изучать экономику, но в результате своей революционной деятельности был выслан из Франции и в 1845 г. переехал в Брюссель, где вместе со своим немецким другом Фридрихом Энгельсом организовал на основе Союза справедливых Союз коммунистов; чуть позже (в 1848 г.) Маркс издал свой знаменитый “Манифест Коммунистической партии”. Вскоре после этого возвратился в Германию, где принял активное участие в революции 1848 г., и в том же году он оказался в Берлине во главе

Ferdinand Lassalle, by George Brandes, pp. 10- 12.

Там же, с. 44, 46.

Там же, с. 88.

⁴ *Ferdinand Lassalle*, by Edouard Bernstein, pp. 47, 62.

тайного коммунистического общества, распорядившегося жизнью и смертью своих членов¹. Говорят, что за это был приговорен к смерти², но ему удалось бежать в Лондон, где он осел до конца жизни, посвятив себя своей великой книге “Капитал”. Эта тяжеловесная работа была названа “Библией рабочего класса”. На самом деле данный термин, если и применим, то, скорее, к его раннему произведению — “Коммунистическому манифесту”. Для рабочего “Капитал” должен быть совершенно непонятен, поскольку даже марксисты из просвещенных слоев разделяются в мнениях относительно его содержания. Тому же незначительному числу рабочих, которые составляют “революционный пролетариат”, смысл “Коммунистического манифеста”, называемого марксистами “хартией свободы рабочих всего мира”, вполне ясен. Он встречает здесь грозные филиппики против буржуазии и капиталистов, знакомые народу со времен Марата, Эбера и Бабсфа, и здесь же простым языком излагаются идеи, некогда сформулированные Вейсгауптом — отказ от права наследования, брака и семьи, патриотизма, религии, создание института общности женщин и введение общественного воспитания детей государством. Таков в своей обнаженной сути подлинный план марксистов, который, облеченный в алгебраическую фразологию “Капитала”, гораздо менее ясен читателю.

Ни в одной из своих работ Маркс не предложил ничего нового. Как мы уже отмечали, его теория “наемного рабства” была известна еще во время первой Французской революции; ее развили Видаль и Пеккер, выдвинув идею обобществления шахт, железных дорог и транспорта; коммунизм Маркса был коммунизмом Бабсфа, Луи Блана и Кабе; его интернационализм ничем не отличался от интернационализма Вейсгаупта и Клоотса, равно как и его нападки на религию; его мысль о том, что “труд является источником всех богатств”, была давно сформулирована такими английскими авторами как Локк, Петти, Адам Смит и, наконец, Роберт Оуэн³; даже его теория прибавочной стоимости не была его изобретением: сначала ее туманно сформулировал Оуэн, а затем, куда более определенно — чартисты в своем печатном органе “Защитник бедняка” в 1835 г., за 7 лет до того, как появились первые работы Маркса⁴. Но если мы можем выявить подлинных авторов этих

¹ *Edmond Laskine, L'Internationale et le Pangermanisme* (quoting Nettlau's Bakunin), p. 56

² *Louis Enault, Paris brule par la Commune*, p. 23; *Beaumont Vassy, La Commune de Paris*, p. 9.

³ *Sargant, Life of Robert Owen*, pp. 170, 441, 442. “Бедные и рабочие классы, — писал Оуэн, — создают все богатства, которыми владеют богатые.”

⁴ Плагиат Маркса отмечался даже его большим почитателем синдикалистом Сорелем. “Новая марксистская школа, — пишет он, — воспринималась с определенным

идей, что же тогда останется от системы Маркса? Абсолютно ничего, кроме формы, в которую они облечены.

Вернер Зомбарт как-то отметил удивительную способность евреев утилизировать любые отходы. В масштабах всего мира евреи играют роль универсальных старьевщиков. Этим специфическим качеством был щедро наделен Маркс, который, как мы знаем, собрал все материалы для своего “Капитала” в читальном зале Британского музея. Именно там он нашел всю свою систему практически готовой. Не трудно представить, как он, подобно поднаторевшему еврею-старьевщику, пробирается между обломков полузабытых социальных теорий, копается в осколках мертвых догм, ключьях затасканных идей, взлетевших на воздух доктрин и как он с немецкой практичностью и еврейской изобретательностью прикидывает, какой толк может быть от всего этого хлама, если половчее сбить его в одно губительное целое.

Маркс, таким образом, являлся самозванцем с самого начала. Изображая из себя новоявленного мессию, он был всего лишь плагиатором — и притом лишенным элементарной порядочности, требующей отдать дань уважения тем источникам, из которых он почерпнул свои материалы. В частности, беззастенчиво обобрав всех своих предшественников-социалистов, Маркс отделяется от них насмешками. К Оуэну, Фурье и Кабе, названным им утопическими социалистами, Маркс относится с легким презрением, вызванным тем, что они “беспреданно пытались подавить классовую борьбу и смягчить остроту противоречий”¹, в то время как одного из “республиканских ослов 1848 г.”², Луи Блана, он называет “высоким священником социалистической синагоги”³.

Однако объектом самых ожесточенных нападок со стороны Маркса являлся Прудон, о чем красноречиво свидетельствовал анархист Бакунин, в то время еще находившийся под влиянием Маркса:

оцепенением, когда так называемые изобретения относились на счет мастера, хотя созданы его предшественниками, либо были типичным явлением в то время, когда писался *The Communist Manifesto*. Согласно автору, который общался с хорошо информированными людьми, “накопление (капитала в руках нескольких индивидуумов) является одним из величайших открытий Маркса, одной из находок, которой он гордился”. (A. Meïin. *Le Socialisme en Angleterre*, p. 191). При всем уважении к этому знаменитому ученому этот тезис был известен первому встречному (*comme les rues*) до того, как Маркс хоть что-нибудь написал и стал догмой в социалистическом мире в конце правления Луи Филиппа. Есть огромное количество марксистских тезисов подобного типа. (*Reflexions sur la violence*, pp. 173, 174).

¹ *The Communist Manifesto* (edited in pamphlet form by Socialist Labour Party), p. 27

² *Letter from Marx to Engels, July 7, 1868, Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx* (published by Dietz of Stuttgart), iv. 65.

³ *Marx, La Lutte des classes*.

“Его тщеславие... безгранично, это подлинно еврейское тщеславие... Это тщеславие, и без того огромное, значительно возросло из-за лести его друзей и учеников. Очень уязвимый, очень ревнивый, очень обидчивый и очень мстительный, подобно богу иудеев Исгове, Маркс не потерпит, чтобы кого-то также признавали богом. Более того, в его присутствии недопустимо даже отдать должное другому социалисту — теоретику или практику.

Прудон, который никогда не был богом, но несомненно, является революционером и мыслителем, оказавшим огромное влияние на развитие социалистических идей, в силу этого стал для Маркса *bete noire* (в высшей степени противный, *франц.* — *Перев.*). Похвалить Прудона в его присутствии означало нанести ему моральное оскорбление со всеми вытекающими отсюда последствиями: сначала — ненавистью, а затем — самой грязной клеветой. Маркс никогда не останавливался перед ложью, какой бы гнусной и вероломной она не была, если считал, что может без опасений направить ее против тех, кто имел несчастье его разгневать”¹.

Таков был характер человека, которого ныне нам представляют как спасителя всех трудящихся. Насколько он был последователен в своей защите интересов “пролетариата”? Ответ на этот вопрос представляет нам карьеру Маркса в весьма парадоксальном свете.

Считается, что суть провозглашенного Марксом учения заключается в необходимости ниспровержения капитализма как системы, основанной на эксплуатации рабочих, являющихся производителями всех материальных благ. Однако, по-видимому, очень немногие из его последователей задумывались над тем, откуда сам Маркс черпал средства существования. Известно, что за всю свою жизнь он ни минуты не занимался физическим трудом, который марксисты считают единственно “производительным”, а сочинения Маркса не могли обеспечить его самого и его семью всем необходимым. Тогда на что он жил? На щедроты Фридриха Энгельса.

Энгельс был описан социалистом Гильйомом, секретарем Интернационала, как “богатый промышленник, привыкший считать рабочих придатком к машинам и пушечным мясом”². Он нажил свое состояние на хлопкопрядильном предприятии в Ланкашир — и именно он пополнял скудный бюджет своего соратника³. Так что нельзя не поиронизировать над двумя немцами — противниками капитализма и

¹ *Michael Bakunin, eine Biographie*, by Dr. Max Nettlau, i. 69, quoting letter from Bakunin in 1873 to the “Freres de l’Alliance en Espagne”.

² *Guillaume*, Documents de l’Internationale, iii. 153.

³ *Reminiscences*, by H. M. Hyndman, pp. 278, 279.

производственной эксплуатации, безбедно живущими на капитал, полученный за счет эксплуатации английских рабочих. Как в свете этого можно продолжать вскричать в истинность социализма Маркса? К тому же чем больше мы знакомимся с Марксом — т. е. не с его опубликованными работами, а с его подлинными мыслями, зафиксированными в частной переписке — тем более убеждаемся, что Маркс никогда не верил в то, что проповедовал: для него социализм был только средством для достижения собственных целей.

Итак, с появлением немецкой социал-демократии, взлелеянной Лассалем, Марксом и Энгельсом, подлинный, т. е. французский, социализм умер, а его бранные останки прибрали к рукам те, кого Бакунин окрестил “немецко-еврейской компанией” и “красной бюрократией”. С этого времени идеализм, пропитывавший революционное движение на более ранних стадиях, полностью исчезает, и социализм, превращенный из утопической мечты в мертвую схему, практичную и конкретную, словно проект какой-нибудь немецкой компании, предстает как носитель бездушного материализма и безжалостного пруссачества, т. е. в том виде, в каком его задумывал Вейсгаут.

* * *

Тем временем иллюминизм продолжал двигаться в сторону анархизма. Теперь, проповедуемый уже не мечтателем Прудонем, а могучим славянином Бакуниным, анархизм впервые явил миру свое подлинное лицо. До тех пор даже такие апологеты анархизма, как Марат и Эбер, не отвергали неких конструктивных замыслов. Прудон выдвинул идею синдикализма, которым следовало заменить существующий социальный режим; Бакунин же видел в анархии перманентное состояние общества, а не переходный период, предшествующий установлению нового общественного строя.

Михаил Бакунин, родившийся в 1814 г., был русским дворянином; в возрасте 20 лет он поступил в артиллерийскую школу в Санкт-Петербурге, которую блестяще закончил. Служа в армии и будучи неисправимым лентяем, он, когда его часть квартировала в провинции, преимущественно проводил время, лежа на кровати в халате¹. Вскоре он ушел из армии, но не нашел себе другого занятия, предпочитая празднично философствовать и совать нос в дела своих друзей, один из которых, Белинский, доведенный до крайнего раздражения, написал: “Я был готов бросить его на пол и затоптать

¹ *Correspondance de Michel Bakounine*, published by Michel Dragomanov (1896), p.7

ногами”¹. Даже его близкие друзья и единомышленники Огарев и Герцен не могли сказать о нем почти ничего хорошего. Первый написал: “Я бесконечно сожалею, что вскормил эту змею... Это человек, которому мне противно пожать руку”; Герцен же кратко отозвался о нем, как о человеке “талантливом, но с отвратительным характером и негодяе”². Кстати, Бакунин говорил то же самое о Герцене.

Погрязший во всех этих склоках, слишком ленивый, чтобы трудиться, Бакунин кончил тем, что стал профессиональным революционером, т. е. занялся делом, которое казалось ему, как и многим людям подобного сорта, легким и выгодным.

Постоянно занимая деньги у друзей, Бакунин не утруждал себя даже литературным трудом: за 7 лет, с 1840 по 1847 г., он опубликовал только 6 газетных статей. Его революционная энергия находила выход в беседах — бесконечных и бессистемных беседах с сотоварищами-революционерами, нередко коротавшими ночи за замечательным русским чаем и бутербродами. В 1847 г. он уже обсуждает с Прудоном и Сазановым идею “всобщей революции”.

В тот период Бакунин, по-видимому, еще не определился в своих революционных симпатиях и в силу этого, смутно считая коммунизм “логически невозможным”, вполне был готов связать свою судьбу с парижскими коммунистами, среди которых был его будущий противник Маркс. Спустя 29 лет Бакунин так описал их первую встречу:

“Маркс и я — старые знакомые. Впервые я встретил его в Париже в 1844 г... Мы были довольно хорошими друзьями. Он был куда более развит; впрочем, он и теперь если не более развит, то значительно более образован, чем я. Тогда я не знал ничего о политической экономии, еще не избавился от метафизических абстракций, и мой социализм был только интуитивным. Он, будучи младше меня, успел стать атеистом, убежденным материалистом и вдумчивым социалистом. Именно тогда он разрабатывал основы своего нынешнего учения. Мы виделись довольно часто, поскольку я очень уважал его за знания и преданность (страстную и бесспорную, хотя и явно настоящую на личном тщеславии) делу пролетариата, и я всячески стремился к беседам с ним, которые были всегда поучительны и остроумны, когда их не омрачала мелочная ненависть, что, увы, случалось слишком часто. Однако между нами никогда не было истинной близости. Нашими характерами это исключалось. Он называл

¹ *Correspondance de Michel Bakounine*, published by Michel Dragomanov (1896). p. 8.

² Там же. с. 13.

меня сентиментальным идеалистом и был прав; я называл его тщеславным человеком, вероломным и хитрым, и тоже был прав”¹.

Читая между строк, нетрудно понять, что с самого начала Бакунин был только орудием в руках Маркса. Проницательный немецкий еврей сразу понял значение заложенной в этом русском огромной взрывной силы, которую можно было использовать, а затем, когда она сослужит ему службу, бросить.

В канун революции 1848 г. Бакунин, как и Маркс, был выслан из Парижа, но после Февральского восстания ему удалось вернуться и присоединиться к группе экстремистов, с которыми он проводил дни и ночи, проповедуя революцию, одинаковые зарплаты и сближение всех сословий во имя всеобщего равенства.

Но Коссидьер и Флокон, доведенные его тирадами до белого каления, в конце концов отослали его с миссисей к славянам, в надежде, что среди них он свернет себе шею. “Что за человек! Что за человек! — говорил Коссидьер. — В первый день революции это подлинное сокровище, на второй — годится только на то, чтобы его застрелить. Герцен, записавший эти слова, добавляет, что самого Коссидьера надо было застрелить за день до начала революции”².

Поездка Бакунина на Восток избавила от него Францию на долгие годы, поскольку, приняв участие в революционных событиях в России, Праге и, наконец, в Дрездене, он был арестован в Хемнице и заключен в тюрьму (сначала в Альтенбурге, затем в Кенигштайне), после чего в кандалах перевезен в Прагу, а оттуда — в Оломоуц, где он был прикован к стене в течение пяти месяцев; в конце концов его передали русским властям, которые заточили его в Петропавловскую крепость в мае 1851 г. Два месяца спустя Бакунина навестил граф Орлов, убеждая его написать покаянное письмо императору и исповедаться перед ним, как перед своим духовником. Бакунин согласился, но Николай I, прочитав это послание, коротко заметил: “Он храбрый парень с живым умом, но он опасен и должен сидеть под замком”. Соответственно, Бакунин остался в тюрьме; сначала его содержали в Петропавловской крепости, позднее в Шлиссельбурге, где он находился три года, переболел за это время цингой, после которой у него выпали все зубы.

После восшествия на престол Александра II ему было направлено повторное ходатайство о помиловании, но новый император,

¹ *Michael Bakunin, eine Biographie*, by Dr. Max Nettlau, i. 69 (Эта книга не опубликована, только 50 экземпляров были динотшированы с рукописи. Одна из них — в Британском музее).

² *Correspondance de Bakounine*, pp. 41. 42.

ознакомившись с “исповедью” Бакунина своему предшественнику, сказал: “Я не вижу ни следа раскаяния в этом письме”, — и отправил его в Сибирь.

Здесь Бакунин весьма недурно провел четыре года; не стесняемый в своих передвижениях, он впервые в жизни занялся трудом и, кроме того, женился на юной польке, которая “разделяла все его устремления”. “Я совершенно счастлив, — писал он в 1860 г. — Ах! Как сладостно жить для других — особенно для очаровательной женщины .

Но мир и спокойствие простили беспокойному духу Бакунина. Его томила революционная горячка и манили прежние радости жизни. Отмена крепостного права, происшедшая в следующем году, взволновала его, но незначительно; крепостное крестьянство интересовало его только как сила, способная сотрясать основы империи, и в конце того же года ему удалось бежать из Сибири, откуда он через Японию и Америку добрался до Лондона. Здесь Бакунин, встреченный с распростертыми объятиями Огаревым и Герценом, вновь оказался среди родственных душ.

Окруженный революционерами всех мастей, он мог опять разрабатывать свои подрывные идеи — планы восстания в Польше и организации волнений в Европе. Герцен так описал его деятельность в этот период:

“К Бакунину вернулась молодость; он оказался в своей стихии. Для него счастьем были не только громовые раскаты восстания, шумные дискуссии в клубах, суэта на улицах и в общественных местах и даже не баррикады; он любил также все, что этому предшествовало, подготовительную работу, агитацию и все эти бесконечные сходки, эти бессонные ночи, все эти переговоры, поправки, химические чернила, шифры и условные знаки .

Герцен, который относился к революции серьезно, также отмечает то, что Бакунин “был переполнен радостным волнением, как будто бы речь шла об украшении рождественской елки — что меня раздражало”¹.

Легко понять, что для человека с нравом Бакунина (который всегда находился на содержании у своих друзей) такое существование было куда предпочтительнее жизни, заполненной ежедневным трудом, на которую обречены большинство людей. По сути, приведенные выше слова дают нам ключ к пониманию судьбы многих революционеров; до тех пор, пока революционная деятельность будет обеспечивать

¹ *Correspondance de Bakounine*, p. 67.

прирожденных бездельников доходным и увлекательным ремеслом, мир то и дело будет подбрасывать на волнах народных волнений.

Я не случайно уделила столько внимания характеру и судьбе Бакунина: на мой взгляд, он, как никто другой, стал олицетворением духа анархизма — духа совершенно отличного, если не диаметрально противоположного, духу государственного социализма. Анархист, несомненно, куда более человечен, чем сторонник последнего: вместо того, чтобы мерять всех одним аршином, он, напротив, желает дать каждому неограниченную свободу поступать так, как ему нравится — бездельник волен бездельничать и жить за чужой счет, пьяница — напиваться до состояния слезливого слабоумия, убийца — резать глотки, пока не устанет от этой забавы, вор — зариться на чужое добро, пока не украдет столько, сколько нужно. Утрированный индивидуализм — фундамент системы Бакунина: не равенство, а свобода является его целью. Его вера в человека наполняет его благодушием, которого не найдешь у коммунистов, считающих своих соотечественников существами, обязанными повиноваться диктату государства, под которым они, разумеется, подразумевают себя. Различие между ними — это различие между сердобольным эксцентриком, который, веря в лучшие качества звериной природы, желает открыть все клетки в зоопарке и позволить диким животным свободно бродить по свету, и укротителем львов, который радуется, видя, как, повинаясь удару кнута, царь зверей и цирковой пудель с равным покорством кружатся на карусели.

Поэтому нетрудно понять, почему анархистам, в отличие от их суровых противников из лагеря государственного социализма, легко удавалось завоевывать симпатии людей, с которыми их сводила судьба. “Русского великана” в широкополой шляпе не один год с теплотой вспоминали впоследствии жители Лугано, где Бакунин провел несколько лет; позднее его ученик князь Кропоткин стал любимцем лондонских гостиных.

Нужно признать, что людям с западным складом ума невозможно понять сущность подобных субъектов. Обманутые внешней импозантностью анархистов, они не в состоянии осознать, что за приветливой внешностью кроется тигр, всегда готовый броситься на запах крови; людям, живущим на Западе, трудно поверить, что встречаются человеческие существа, любящие насилие ради него самого, жаждущие жечь, убивать и разрушать.

Однако в Восточной Европе подобные существа — отнюдь не редкость: как на прототип Бакунина можно указать, например, на барона Унгерна фон Стернберга, который в начале столетия разбойничал на своем острове Даго. Любимой забавой этого барона-

разбойника, воспылавшего ненавистью ко всему человечеству и к своему императору, было заманивание в ловушку кораблей, привлеченных светом фонаря в башне его замка.

“Когда судно бывало уже близко к гибели, барон спускался к берегу, садился в лодку с несколькими ловкими и опытными людьми, которых он специально держал для своих ночных предприятий, и перевозил на берег спасшихся от кораблекрушения. Здесь под покровом темноты барон убивал их и затем при помощи слуг грабил погибающий корабль. Все это он делал не столько из корысти, сколько из любви ко злу, из неутолимой страсти к разрушению”¹.

Таков был и Бакунин; живи он за сто лет до того, как разбой был возведен в ранг добродетели социалистами и анархистами Франции, он, несомненно, выплеснул бы свою энергию в поступки, подобные преступным деяниям барона, вместо того, чтобы маскироваться под защитника народа.

Та мощь, которая заключалась в Бакунине, не могла не привлекать к нему революционеров — так что не удивительно, что во время его пребывания в Лондоне Маркс (который, кстати, в 1850 г. воспользовался заточением Бакунина в Кенигштайне, чтобы объявить его агентом русского правительства) навестил его, заверяя, что никогда не имел дурных намерений.

Дело в том, что в этот момент мыслями Маркса владел величайший проект его жизни, и он, как никогда, нуждался в сотрудничестве; этим проектом была организация знаменитого Интернационала.

Чтобы понять происхождение этой организации, необходимо вернуться на два года назад — в 1862 г., ознаменовавшийся Всемирной промышленной выставкой в Лондоне.

Нужно иметь в виду, что, пока сторонники анархизма и государственного социализма боролись за лидерство в революционном движении, французские рабочие начали постепенно понимать, что, если они хотят улучшить свою долю, они должны позаботиться о себе сами, а не надеяться на теоретиков, способных лишь привести их к очередной катастрофе. Когда в 1862 г. делегация французских рабочих отправилась в Англию на Великую выставку для изучения ряда технических вопросов, она получила возможность познакомиться с деятельностью тред-юнионов по защите интересов трудящихся. В их стране подобных организаций не существовало, так как “рабочие союзы”, уничтоженные в годы первой Французской революции, все еще

¹ *La Russie en 1839*, by Astolphe de Custine, i. 175.

оставались под запретом; тогда французы решили создать новую форму объединения на свой страх и риск. Их программа, хоть и проникнутая идеями Прудона, никоим образом не являлась революционной: они надеялись перестроить производственные отношения мирным путем. В забавной книжице, ныне достаточно редкой — “Тайной истории Интернационала”, изданной в 1872 г., прекрасно описывается отношение к социальным проблемам двух из этих рабочих — парижских бронзовщиков Толена и Фрибура, повторно посетивших Лондон в 1864 г.

“Они говорили о мире, учебе, договоренностях, объединении... Они настаивали, что их целью были не тайные заговоры и пьяная агитация — они стремились к тому, чтобы рабочие разных стран лучше узнали друг друга, чаще обменивались идеями, четче понимали закономерности падения и роста заработной платы, а в случае необходимости — могли протянуть через моря и океаны руку помощи”¹.

На эволюционный путь рабочих толкали действия Наполеона III, который в мае того же года аннулировал антипрофсоюзное законодательство, заменив его указом о наказании за любые согласованные действия (со стороны как работодателей, так и рабочих), направленные на подрыв промышленности путем организации предумышленных забастовок или локаутов. Таким образом, 1864 г. стал, как отмечает Мермейкс, “важной вехой в истории трудящихся Франции”, поскольку новый закон “наконец-то установил равноправие между ними и их хозяевами”; точное его соблюдение должно было приучить обе стороны ко взаимному уважению. “Он не позволял прибегать к методу “прямых действий”, представляющих собой не что иное, как ряд мошеннических маневров, осуществляемых по уговору”². Таким образом, в тот момент менее, чем когда-либо, было оправдано прибегать к насилию для борьбы с социальным злом. Но те, кем движут интересы всемирной революции, всегда стремятся к тому, чтобы убить в зародыше важные реформы, и новые возможности, предоставленные рабочим, послужили сигналом для новой вспышки революционной агитации. В “Международном товариществе рабочих” революционеры увидели именно тот инструмент, который был им нужен для осуществления своих планов. В то время Карл Маркс находился в Лондоне и часто посещал клубы и кафе, где собирались рабочие. “В недобрый час, — говорится в “Тайной истории”, — встретили

¹ *The Secret History of the International*, by Onslow Yorke, alias Hepworth Dixon (1872).

² *Mermeix (G.Terrail), Le Syndicalisme contre le socialisme*, pp. 53–56.

парижские бронзовщики этого умного не улыбочивого еврея”. С момента их встречи дело рабочих было обречено.

Но Маркс не сразу включился в это движение. Напротив, на собрании в Сент-Мартинс-холле 28 сентября 1864 г., положившем начало существованию Интернационала, Маркс вообще ничем не выделялся. “Я присутствовал, — писал он Энгельсу, — в виде безвольной фигуры на трибуне”. Тем не менее он стал членом подкомитета, в состав которого вошли также адъютант Гарибальди — польский еврей по фамилии Вольф, французский масон Ле Любе, секретарь Союза английских каменщиков Кример и последователь Оуэна Вестон. На первом собрании этого подкомитета, призванного подготовить программные документы Интернационала, Вольф предложил руководствоваться уставом итальянских рабочих обществ авторства Мадзини; Ле Любе отверг поправки Маркса как “совершенно ребяческие”. “Я был твердо настроен, — писал Маркс, — по возможности не оставить без изменения ни одной строчки из всего этого вздора”. Через несколько недель ему удалось добиться своего. “Все мои предложения были приняты подкомитетом; они настаивали лишь на включении в преамбулу устава двух фраз: одной — об обязанностях и правах, а другой — об истине, морали и справедливости; но я вставил их в текст таким образом, что это не может причинить вреда”¹. Отредактированный Марксом “Временный устав” Интернационала в ноябре был отправлен из Лондона в Париж и одобрен членами “Международного товарищества”.

Во всех этих маневрах Маркс снова продемонстрировал свое умение использовать чужие идеи в собственных целях. Преуспев в присвоении ранних социалистических теорий, выдаваемых им за свое личное изобретение, он столь же успешно сумел завоевать репутацию основателя Интернационала; в этой роли его, как правило, представляют своим читателям марксистские авторы. Но в данном вопросе для нас важнее мнение Джеймса Гильйома, швейцарского члена “Товарищества” и его фактического летописца:

“Неправда, что Интернационал был творением Карла Маркса. Он не принимал никакого участия в подготовительной работе, длившейся с 1862 по 1864 гг. Он присоединился к Интернационалу в то время, когда тот был уже создан по инициативе английских и французских рабочих. Подобно кукушке, он прилетел и отложил яйцо в гнездо, которого не

вил. Его план с самого первого дня состоял в том, чтобы сделать из организации рабочих орудие борьбы за свои цели”¹.

Но Маркс был далеко не единственным интриганом, внедрившимся в это движение. Дрюмон превосходно описал то, каким путем теоретики, принадлежащие к среднему классу и совершенно далекие от рабочих, сумели прибрать к рукам “товарищество” :

“По своей природе французский Интернационал был далек от революционности, от уличных беспорядков, от мятежей ради самих мятежей. Император Наполеон III был единственным после 1789 г. монархом, который искренне интересовался судьбой рабочего класса, который понимал его нужды и желал облегчить его участь; он с интересом следил за развитием новой организации... Лишь некоторое время спустя буржуазные агитаторы смогли заставить Интернационал отклониться от своей первоначальной цели. Та же судьба уготована и всем прочим начинаниям пролетариата. Буржуа-капиталисты эксплуатируют рабочих; когда они объединяются, чтобы выработать систему действий, направленных на улучшение их жизни, всегда находятся буржуа-революционеры, т. е. бедные буржуа, стремящиеся стать капиталистами, способные внедриться в эти рабочие организации и заставить их служить своим личным амбициям”².

Именно при посредстве тайных обществ эти буржуазные элементы проникли в новую организацию. Сам Фрибур заявлял, что “Интернационал был повсеместно поддержан масонами”³, т. е. в ложах “Великого Востока”; Луи Эно отмечал, что “в марте 1865 г. все тайные организации Европы и Северной Америки слились в “Международное товарищество рабочих”. В него вошли “Марианна”, “Братья республики” из Лиона и Марселя, ирландские фениы, бесчисленные тайные общества России и Польши и остатки карбонариев. Их слияние стало фактом”⁴.

Интернационал, будучи открытой и легальной ассоциацией, с поглощением всех этих тайных организаций превратился в наполовину тайное общество — т. е. стал оболочкой для разветвленной сети законспирированных групп, которым были чужды идеи его основателей и в тайны которых были посвящены только их руководители, принадлежащие к среднему классу⁵.

¹ *James Guillaume. Karl Marx, pan-Germaniste*, p. 9 (Librairie Armand Collin, 1915), p. 11.

² *Edouard Drumont, La Fin d'un monde*, p. 127.

³ *L'Association Internationale des Travailleurs*, by E. E. Fribourg (1871), p. 31.

⁴ *Louis Enault, Paris brule par la Commune* (1871), p. 24.

⁵ *И. Деуалл* по этому поводу описывает Интернационал как тайное общество (соч. изд. II, 541), а Хексторн включил это в свою работу “Тайные общества”.

Антирелигиозная политика, одобренная Интернационалом, была делом рук все тех же тайных обществ. Тогда же, в 1865 г., в Льеже состоялся большой студенческий конгресс, на котором Фонтен заявил:

“К чему мы, революционеры и социалисты, стремимся, так это к физическому, моральному и интеллектуальному прогрессу человечества. Заметьте, что в первую очередь я говорю о физическом, а не об интеллектуальном развитии. В сфере нравственной мы хотим путем уничтожения всех религиозных и церковных предрассудков добиться отказа от Бога и свободы мышления”¹.

А на следующем заседании конгресса, происходившем в Брюсселе, Лафарг, после многочисленных похвал в адрес “нашего великого мастера Прудона”, закончил свою речь призывом: “Война Богу! Ненависть к Богу! Это — прогресс! Мы должны разрушить небесный свод, как если бы он был сделан из бумаги!”².

Немало подобных людей, гордо называемых масонами — членами их ордена, оказалось в Интернационале, в результате чего здесь утвердился дух иллюминизма. Когда на одном из его заседаний Гарибальди выдвинул предложение одобрить веру в Бога на очередном конгрессе, оно было встречено гробовым молчанием, и он был вынужден идти на попятную, утверждая, что под верой в Бога он понимал религию Разума, или, как он потом объяснил, поклонение богине Разума, подобное тому, которое практиковалось в годы Французской революции³.

Рабочим были глубоко чужды все эти богохульства. Когда Жаклар заявил, что лишь атеизм даст людям надежду (“Быть верующим — значит быть смешным”), бронзовщик Фрибур, Шоде и Лемонье “оспорили это мнение от имени либерального Парижа и либеральной Франции”. “Дело в том, — справедливо отмечает автор “Тайной истории”, — что это была не так позиция рабочих, как профессоров и философов”. И, действительно, виноградари Нешателя настолько заблуждались относительно целей Интернационала, что наивно полагали, будто члены местного отделения этой организации должны, в первую очередь, заботиться о том, чтобы “каждый виноградарь имел Библию и не пропускал божественную литургию”; понятно, что это вызвало насмешки со стороны их мелкобуржуазных руководителей⁴.

Трудно писать об этом, сохраняя спокойствие. Ведь обманывать людей, не понимающих, в силу своей наивности и необразованности,

¹ P. Deschamps. op. cit. ii. 527a.

² Там же, с. 528в.

³ Documents et souvenirs de l'Internationale, by James Guillaume, ii. 47—49.

⁴ Там же, i. 248.

куда их ведут — это все равно, что толкать слепого в канаву. А именно этим и занимались руководители Интернационала. Их собирательный образ был дан автором “Тайной истории”, описавшим второй конгресс “товарищества”, проходивший в Лозанне в 1867 г.

“Один делегат из Бельгии, шесть делегатов из Англии, семнадцать из Франции, шесть из Германии, два из Италии и тридцать один из Швейцарии собрались в помещении казино в Лозанне. Только три представителя Англии имели английские имена. Ее представляли, главным образом, два немца-портных и француз, делающий скрипки. Германия была представлена двумя докторами, одним профессором, хозяином гостиницы, машинистом и джентльменом неопределенного рода занятий. Италию представляли два доктора, Стамфа и Томази. Четыре профессора, три журналиста и торговый агент представляли трудящихся Цюриха и Женевы. Заметьте, что это было не собрание ремесленников, обсуждающих вопросы длительности рабочего дня и размеров зарплаты, а встреча мелкобуржуазных мечтателей и теоретиков”.

Упомянутые в этом отрывке представители Англии были подробно описаны Джеймсом Гильйомом. Портной Эккариус, друг и ученик Маркса, был “долговязым субъектом с неопрятной бородой и беспорядочно спадающими на глаза волосами, то и дело набивающим нос табаком”; другой немецкий портной, Лесснер, был “типичным бородатым демократом с горящими глазами”, чья “роль, казалось, сводилась к бесконечным возражениям”. Участвуя в дискуссии, Эккариус говорил медленно, с невозмутимым спокойствием; Лесснер, не в силах сдержаться, изливал свою пылкую душу, раздражаясь потоком резких и жестких слов; в ответ на это Эккариус лишь пожимал плечами; тогда Лесснер подсакивал и, казалось, был готов разорвать своего оппонента”. Француз Эжен Дюпон, председательствовавший на конгрессе, принадлежал к совершенно иному типу — это был “молодой человек лет тридцати, похожий на всех молодых людей с усиками”. “Его отличало, — добавляет Гильйом, — лишь невинное увлечением каламбурами”¹. Другим членом Лондонского комитета, на сей раз англичанином, был отсутствовавший на этом конгрессе эксцентричный миллионер по имени Коуэлл Степни, “глухой как пень”, восторженный коммунист и член Генерального Совета².

“Международное товарищество рабочих” обернулось фарсом. Напрасно парижские рабочие на первом конгрессе Интернационала в

¹ *Guillaume, Documents, etc., i. 30, 31.*

² Там же, i. 80, 139, прим.

Женева протестовали против проникновения в их ряды людей, не занятых физическим трудом, заявляя, что, если на рабочем конгрессе “представлены главным образом экономисты, журналисты, адвокаты и предприниматели, то это выглядит смехотворно и способно уничтожить “товарищество”¹. Маркс, заявлявший в своем предисловии к “Временному уставу” Интернационала, что “освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом”, негодовал по поводу того, что он назвал “происками Толена и Фрибура”, считавших, что “только рабочие могут представлять рабочих”; в результате протест французских рабочих был отвергнут 25 голосами против 20².

Маркс никогда не скрывал своего презрения к создателям Интернационала.

“Рабочие, особенно парижские, — писал он через месяц после конгресса своему молодому приятелю-еврею, доктору Кугельману, — будучи заняты производством предметов роскоши, сильно тяготеют, сами того не сознавая, к старому хламу. Невежественные, тщеславные, претенциозные, болтливые, напыщенные, они чуть было все не испортили, явившись на конгресс в таком большом количестве, которое совершенно не соответствовало числу их членов. В отчете, не называя их прямо, я им воздам должное”³.

Как верно подметил Гильйом, “уже в этом письме — весь Маркс .

К английским делегатам он относился не лучше, поскольку в следующем году в том же духе написал Энгельсу:

“Я лично отправлюсь на следующий конгресс в Брюссель, чтобы нанести последний удар этим ослам прудонистам... в официальном докладе Генерального Совета — так как, несмотря на все их усилия, парижские сплетники не смогли помешать нашим перевыборам — я им устрою взбучку. Свиньям из числа английских тред-юнионистов, решившим, что мы заходим слишком далеко, будет нелегко с нами справиться... Дела продвигаются, и в грядущей революции, которая, по-видимому, ближе, чем это кажется, мы, то есть ты и я, будем иметь этот мощный инструмент в наших руках... мы можем быть действительно довольны!”⁴.

¹ *Guillaume*, Karl Marx, pan-Germaniste, p. 24.

² Там же, с. 25.

Letter from Marx to Kugelmann on Oct. 9, 1866, l'Internationale et le Pan-Germanisme, by Edmond Laskine (1916), p. 24, quoting *Mouvement Socialiste*, 1902, pp. 17—46. Also *Adolphe Smith*, *The Pan-German Internationale*, p. 5.

⁴ *Laskine*, op. cit. pp. 26, 27. quoting *Der Briefwechsel zwischen Karl Marx und Friedrich Engels* (Dietz, Stuttgart), iii. 406.

На этом фоне особенно комично выглядят рассуждения одного из поклонников Маркса, утверждающего, что “сущность марксизма состоит в том, что рабочий класс должен самостоятельно добиться своего спасения”¹.

Однако Маркс презирал не только промышленный “пролетариат” Франции, но и тех жителей сельских районов, которые трудились на своих клочках земли, т. е. вели образ жизни, прямо противоположный принципам коммунизма.

“Бонапарты, — замечал он свысока после 1852 г. — это династия, представляющая крестьян, основную массу французского народа”. Эта династия, писал он далее, связана, таким образом, не с крестьянско-революционером, “желающим свергнуть старый порядок”, а с “консервативным крестьянином”, который “туго приверженный старому порядку, видит и защиту для себя и своего клочка земли под сенью империи”².

Но если Маркса раздражало процветание французских крестьян, то, по крайней мере, к наиболее бедным и обездоленным из числа трудящихся он, кажется, должен был бы испытывать некоторую симпатию. Отнюдь. Эта категория людей была названа им “люмпен-пролетариатом”, буквально, “пролетариатом в лохмотьях”; по отношению к нему, отмечал с негодованием Бакунин, “Маркс, Энгельс и все социал-демократы Германии демонстрировали глубочайшее презрение”³. Тогда какая же часть “пролетариата” пользовалась расположением Маркса? Очевидно, та, которая подчинялась его диктату.

Отношение к народу Маркса и Бакунина очень напоминало позиции их предшественников Робеспьера и Марата, первых представителей государственного социализма и анархизма. Для Робеспьера народ, чей “суверенитет” он провозглашал, состоял лишь из его последователей из числа мужчин и, особенно, женщин из парижских предместий; для Маркса пролетариат, чью диктатуру он проповедовал, являлся той небольшой частью рабочих, которая выказала готовность плясать под дудку своих немецко-еврейских вождей. В свою очередь, Марат и Бакунин считали народом лишь маргинальные элементы общества — подонков, преступников, алкоголиков, воров и бродяг. Бакунин, провозглашавший свой любимый тост — “За полное разрушение закона и порядка и освобождение всех дурных страстей!”⁴

¹ *Violence and the Labour Movement*, by Robert Hunter, p. 148.

² *Marx, La Lutte des classes*, p. 345.

³ *Bakunin, L'Etat et l'anarchie*, i. 8.

⁴ *Guillaume, Documents de l'Internationale*, i. 130

— казалось, говорил устами испанского карлика, чья душа поселилась в теле великана. Он вполне искренне выражал свои симпатии к представителям социального дна:

“Только “пролетариат в лохмотьях” вдохновлен духом и силой грядущей социальной революции — чего нельзя сказать о буржуазной прослойке рабочих”. Его надежды не оправдали даже русские “мужики” в силу их патриархальности и преданности императору; так что теперь он искал спасение в разбойниках.

“Единственный русский человек, который отваживается восставать против общины — это разбойник. Соответственно, бандитизм представляет собой важный феномен истории русского народа: первые революционеры в России, Пугачев и Стенька Разин, были разбойниками”¹.

“Грабеж, — утверждает Бакунин, — является одним из наиболее почитаемых явлений русской национальной жизни. Разбойник — это герой, защитник, народный мститель, непримиримый враг государства и всего социального и гражданского порядка, установленного государством. Всей своей жизнью и смертью он восстает против этой цивилизации, воплощенной в чиновниках, помещиках, священниках и короне”².

Во всем этом Бакунин показал себя истинным и преданным последователем Вейсгаупта (возможно, и барон-разбойник с острова Даго также являлся иллюминатом); именно в иллюминизме мы находим корни его учения. Вплоть до появления иллюминизма порок и добродетель, добро и зло выступали в человеческом восприятии как полные антиподы. Даже в языческой Греции никто не оправдывал Керкиона и Прокруста — они считались монстрами, от которых необходимо избавить мир. Именно Вейсгаупт внес сумятицу в людские умы, возведя в ранг “полезного заимствования”³ то, что раньше называли просто воровством; Бриссо, иллюминизированный масон, пошел еще дальше, объявив воровство добродетелью. Именно Вейсгаупт первым вознамерился уничтожить религию и цивилизацию, которые так претили Бакунину и барону фон Стернбергу.

Так что Бакунина следует считать не фанатиком-одиночкой, а посетителем тех принципов иллюминизма, которые нашли отклик в его русской душе. По этому поводу имеется вполне определенное свидетельство, поскольку социалист Малон, член Интернационала,

¹ *Correspondance de Bakounine*, p. 38.

² *Words addressed to Students*, by Bakunin и Netchaïeff (1869).

³ *Barruel*, *Memoires sur le Jacobinisme*, iv. 18.

лично знакомый с русским анархистом, открыто заявил, что “Бакунин был учеником Вейсгаупта”¹. Чтобы убедиться в его правоте, стоит лишь раз заглянуть в работы Бакунина.

Кроме того, в том же 1864 г., когда был создан Интернационал, Бакунин и его ученик Нечаев основали тайное общество, построенное на тех же принципах, что и орден иллюминатов. План и тех, и других заговорщиков состоял в том, чтобы создать систему тайных организаций, похожую на набор китайских шкатулок, наибольшая из которых, открытая нашему взгляду, скрывает в себе бесконечное множество меньших — вплоть до самой крошечной, почти невидимой. Таков был план Вейсгаупта, реализованный им в виде иерархии его последователей, более или менее посвященных в высшие таинства ордена; таков был и план Бакунина и его сообщника Нечаева. Организованное ими общество состояло из трех частей: (1) Интернационального братства, (2) Национального братства и (3) Альянса социалистической демократии, который, в свою очередь, заключал в себе тайное общество под названием “Братский альянс”, полностью контролируемое Бакуниным.

Стоит лишь сопоставить программу Альянса социалистической демократии с планом Вейсгаупта, чтобы заметить их очевидную взаимосвязь. Нетрудно удостовериться, что цели обеих организаций практически совпадали:

Вейсгаупт	Бакунин
<p>Орден Иллюминатов отвергает христианство.... В ложах смерть называли вечным сном; патриотизм и верность государю — мещанскими предрассудками, несовместимыми с всеобщим благом; далее, они считали всех монархов узурпаторами и тиранами, а все привилегированные слои общества — их соучастниками... Они намеревались отменить законы, защищающие собственность, созданную трудолюбием и усердием, и предотвратить в будущем ее накопление. Они собирались установить всеобщую свободу и равенство, считая их неотъемлемыми правами человека... и в качестве первого шага в этом направлении хотели полностью</p>	<p>Альянс исповедует атеизм. Он ставит своей целью отмену религиозных обрядов, замену веры знанием, а божьего суда — человеческим, отмену брака как политического, религиозного и гражданского института. Самое главное, он стремится к решительному и полному уничтожению всех классов и утверждению политического, экономического и социального равенства всех людей независимо от пола. Отмена права наследования. Все дети будут воспитываться по единой системе, что устранил искусственное неравенство... Он ставит своей прямой целью победу труда над капиталом. Он</p>

¹ Article on the Internationale, by Malon, in the Nouvelle Revue, xxvi. 752.

искоренить религию и общепринятую мораль и даже разорвать семейные узы, уничтожив таинство брака и отстранив родителей от процесса воспитания детей.	устраняет так называемый патриотизм и вражду между нациями и стремится к свободному союзу всех местных ассоциаций. Конечная цель общества — “ускорить всемирную революцию.
--	--

Итак, можно ли допустить, что поразительное сходство этих двух программ является простым совпадением? В планах Альянса Бакунина, как и в “Коммунистическом манифесте” Маркса, мы находим все пункты программы Вейсгаупта — отмену собственности, права наследования, брака, традиционной морали, патриотизма и религии. Ну, разве не очевидно, что эта программа была передана группам социалистов и анархистов тайными обществами, продолжавшими традиции иллюминатов, и что Бакунин, а еще в большей степени его помощник Нечаев, попросту были иллюминатами?

В целом Нечаев является немаловажной фигурой в истории революционного движения. Не удовлетворившись анархическими теориями Вейсгаупта и Бакунина, Нечаев выступил как абсолютный разрушитель, чью жестокость не мог умерить добродушный нрав Бакунина. “Он был лгун, вор и убийца, воплощение ненависти, злобы и мстительности, который не останавливался ни перед каким преступлением против кого бы то ни было, друга или врага, если оно сулило приблизить то, что он называл революцией”¹. В “Катехизисе революционера”, который он составил совместно с Бакуниным, можно прочесть следующее:

“Революционер не может позволить чему-либо встать между ним и его разрушительной деятельностью... Для него существует только одно-единственное удовольствие, одно-единственное утешение, одна награда, одно удовлетворение — успех революции. Ночью и днем им должна руководить одна мысль, одна цель — неумолимое разрушение... Если он продолжает жить в этом мире, то лишь для того, чтобы вернуть его уничтожить .

По этой причине не могло быть и речи ни о каких реформах; напротив, “нужно прилагать все усилия, чтобы умножить беды и печали, которые в конечном итоге истощат терпение народа и подтолкнут его к восстанию”²; соответственно, часть ассоциации должна была состоять из “людей, которым мы пока что позволяем жить, чтобы они

¹ Hunter, *Violence and the Labour Movement*, p. 16

² *Alliance de la Democratie Socialiste*, etc., publiee par ordre du Congres International de la Haye (1873), p. 90.

своими чудовищными поступками подталкивали народ к неотвратимому восстанию”¹. Иными словами, следовало поощрять тех, кто угнетает народ.

Человеку в здравом уме трудно представить, чтобы кто-либо мог проповедовать такие идеи — и именно в этом состоит благо тех, кто раздувает огонь всемирной революции: их теории столь чудовищны, что мир отказывается верить в сам факт их существования. Впрочем, в данном случае не остается места для сомнений, поскольку “Катехизис революционера” опубликован, и с ним может ознакомиться каждый, кого это интересует.

Но Бакунина, как и многих других заговорщиков, начиная с Вейсгаупта, обвел вокруг пальца его собственный помощник. Бакунин, абсолютно неразборчивый в средствах, сначала приветствовал Нечаева как “силу”, но затем постепенно стал понимать, какую опасность таит в себе союз с человеком, не признающим даже принципа “вор вора не обидит”. В 1870 г. Бакунин обнаружил, что Нечасв, выдавая себя за самого преданного его ученика, все это время был членом другого общества, куда более законспирированного, чем Альянс социалистической демократии, в деятельность которого он никогда не посвящал своего учителя.

“Нечаев, — писал Бакунин Таландьс, — самоотверженный фанатик, но в то же время очень опасный фанатик, союз с которым чреват катастрофой для каждого. И вот почему: сначала он был членом тайного комитета, действительно существовавшего в России. Этот комитет больше не существует; все его члены были арестованы. Нечаев остался один, и он один составил то, что он ныне называет комитетом. После гибели организации в России он пытался создать новую за границей. Все это было бы совершенно естественно, законно и очень полезно, но методы его работы отвратительны. До глубины души потрясенный катастрофой, постигшей его тайную организацию в России, он постепенно пришел к выводу, что в интересах создания жизнеспособного общества нужно положить в его основу принципы Макиавелли и иезуитов, т. е. сочетать физическое насилие с лживостью. Откровенность, взаимное доверие и подлинная солидарность существуют между не более чем десятью лицами, составляющими святую святых этого общества. Все остальные должны служить слепым орудием в руках этой ведущей десятки. Их можно и даже нужно

¹ *Alliance de la Democratie Socialiste, etc.*, publiee par ordre du Congres International de la Haye (1873).

обманывать, подвергать опасностям, обирать и, при необходимости, даже уничтожать — они являются расходным материалом заговора...

Далее Бакунин описывает методы Нечаева:

“В интересах дела он должен без вашего ведома овладеть всем вашим существом. Чтобы добиться этого, он будет шпионить за вами и пытаться выведать ваши тайны; поэтому, оказавшись в вашей комнате в ваше отсутствие, он перероеет все ящики и прочтет всю вашу корреспонденцию, а если письмо покажется ему интересным, т. е. способным хоть как-то скомпрометировать вас или одного из ваших друзей, он украдет его и будет бережно хранить как документ, который можно использовать против вас или вашего друга... Когда его открыто обвинили в этом на общем собрании, он посмел сказать нам: “Ну да, это наша система. Мы считаем всех тех, кто не всецело с нами, врагами, которых должно обманывать и компрометировать... Если вы представили его своему другу, его первой мыслью будет посеять между вами разногласия, сплетни и интриги — одним словом, рассорить вас. Если у вашего друга есть жена или дочь, он попытается соблазнить ее, сделать ей ребенка, чтобы отвратить ее от общепринятых моральных норм и внушить ей мысль о необходимости революционного изменения общества. Все дружеские узы, все виды привязанности рассматриваются им как зло, которое необходимо истребить, потому что подобные связи составляют силу, противостоящую тайным организациям и способную соперничать с ними. Не говорите, что я преувеличиваю, — все это мной детально изучено и доказано”¹.

Нетрудно заметить, что речь шла именно о тех принципах и методах, которые Вейсгаупт разработал для иллюминатов.

В свете этого любопытно будет познакомиться с весьма точным описанием тайного заговора, о котором говорил Бакунин в процитированном выше письме, вышедшем из-под пера человека совершенно иного типа — Гугенота де Муссо, автора книги “Евреи, иудаизм и иудаизация христианских народов”, изданной за год до этого, в 1869 г.

Оказывается, в декабре 1865 г., т. е. через год после того, как Бакунин в союзе с Нечаевым создал свой Альянс, де Муссо получил письмо от одного протестанта, состоявшего на государственной службе и преданного идее Великой Германии, в котором говорилось:

“Со времени революционного подъема 1845 г. я знаком с евреем, который из пустого тщеславия рассказал мне о тайных обществах, с которыми он был связан, и который за 8—10 дней предупредил меня обо всех революциях, что вот-вот должны были вспыхнуть в разных

¹ *Correspondance de Bakounine*, published by Michel Dragomanov, pp. 325-327.

точках Европы. Я обязан ему непоколебимой уверенностью в том, что все эти движения “угнетенного люда” и пр. инспирированы полудюжной лиц, отдающих приказы тайным обществам, рассеянным по всей Европе. Земля под нашими ногами буквально изрыта тайными ходами, и это во многом дело рук евреев... Близок тот час, когда еврей-банкиры, благодаря своим огромным состояниям, станут нашими хозяевами и владыками... Все крупные радикальные издания Германии находятся в руках евреев”¹.

Невозможно допустить мысль о существовании сговора между столь разными людьми, как католик-роялист де Муссо и его друг— протестант, преданно служащий государству, и русские анархисты Бакунин и Нечаев. Поэтому приходится признать, что каждый из них пришел к своим выводам совершенно самостоятельно, и необыкновенное сходство их известий весьма убедительно подтверждает факт существования этой таинственной ассоциации². Из кого же она состояла? Согласно де Муссо, ее контролировали евреи, проникшие в масонские ложи и тайные общества; характерно, что в октябре того же 1869 г. Бакунин, подвергшийся нападкам нескольких евреев, входивших в состав Интернационала, написал свое “Исследование о немецких евреях”, где он говорит буквально то же о кознях евреев. Соответствующий фрагмент его работы гласит:

“Для начала я прошу вас поверить в то, что я никоим образом не являюсь врагом или хулителем евреев. Хотя меня можно считать каннибалом, я не дикарь в том, что касается этого вопроса, и я уверяю вас, что в моих глазах каждый народ имеет определенные достоинства. К тому же, каждый из них является этнографическим продуктом истории и, следовательно, не отвечает ни за свои пороки, ни за свои добродетели. Так, например, что касается современных евреев, то нельзя не заметить, что по своей натуре они мало склонны к идеям социализма. Их история, начавшаяся задолго до христианской эры, выработала в них, в основном, меркантильность и буржуазность; в итоге как нация они выступают преимущественно в качестве эксплуататоров чужого труда и, естественно, боятся и опасаются народных масс, которые они презирают, когда явно, а когда тайно. Привычка к эксплуатации, развивая интеллект эксплуататоров, придает ему особую и весьма опасную направленность, противоположную как интересам, так и инстинктам пролетариата. Я сознаю, что выражая с такой прямоотой мое личное мнение относительно евреев, я подвергаю себя крайней

¹ *Gougenot des Mousseaux*, op. cit. pp. 367, 368.

² См. раздел, общество отмеченное вопросительным знаком.

опасности. Много людей разделяет его, но очень немногие осмеливаются высказать его публично, так как еврейский клан, куда более внушительный, чем иезуитский, католический или протестантский, являет собой ныне подлинную власть в Европе. Он безраздельно господствует в торговле и в банковской сфере, он контролирует три четверти немецкой журналистики и весьма значительную долю журналистики других стран. Горе тому, кто имел неосторожность вызвать его неудовольствие!”¹.

Но Бакунин недооценил влияние евреев на прессу. Великий анархист мог безнаказанно угрожать княжествам и государствам, мог подстрекать к убийствам, грабежам и бунтам, но стоило ему сделать предметом своих нападок евреев — и его голос зазвучал в пустоте: указанная работа при жизни автора так и не увидела свет, появившись в печати вместе с другими сочинениями Бакунина лишь 30—40 лет спустя. Такая же неудача постигла и эбертиста Тридона, который примерно в это же время написал обличительный трактат против евреев, который ему так и не удалось опубликовать при жизни².

Как видим, при всей своей разрушительной мощи французские и русские анархисты не могли состязаться с немецкими евреями, засевшими в Интернационале, куда Бакунин со своим Альянсом был принят в августе 1869 г. И, действительно, Бакунин явно боялся Маркса, поскольку в вышеупомянутой работе осторожно уточнил, что критикует лишь “толпу еврейских пигмеев”, проникших в социалистическое движение, исключая из их числа “двух еврейских титанов — Маркса и Лассаля”; за 10 месяцев до этого он письменно обратился к Марксу в подобострастно-льстивом тоне:

“Вы спрашиваете, продолжаю ли я быть вашим другом. Да, более, чем когда-либо, дорогой Маркс... Вы видите, дорогой друг, что я ваш ученик и что я горжусь этим”³.

Но в письме к Герцену от 28 октября 1869 г. Бакунин растолковывает свое отношение к Марксу и причины, заставившие назвать его титаном:

“Маркс, который меня ненавидит, я полагаю, не любит никого, кроме себя.., тем не менее очень полезный для Интернационала человек. ... Если бы в данный момент я развязал войну против Маркса, три четверти членов Интернационала ополчились бы против меня, и я оказался бы в крайне невыгодном положении”⁴.

Œuvres de Bakounine, v. 241.

Drumont, *La France juive*, p. 13.

Guillaume, *Documents*, etc., i. 103.

Correspondance de Bakounine, p. 290.

Хотя Маркс изначально надеялся превратить “Товарищество рабочих” в “орудие борьбы за свои цели”, только в 1868 г. ему удалось направить деятельность Интернационала в сторону государственного социализма. На его первых двух конгрессах, проходивших в Женеве (1866 г.) и Лозанне (1867 г.), французские прудонисты были еще явно в большинстве; конгресс в Брюсселе (1868 г.) показал, однако, что ситуация изменилась; была принята резолюция о том, что машины и орудия труда должны принадлежать рабочим, а железные дороги, шахты и т. д. — обществу. Таким образом, эта программа являлась смесью системы, позднее названной “синдикализмом”, с коммунизмом Видаля и Пеккера, пропагандируемым Марксом.

На четвертом конгрессе в Базеле (1869 г.) политика Интернационала стала еще более прокоммунистической ввиду его решения об отмене частной собственности на землю и права наследования. Программа Вейсгаупта, таким образом, была почти полностью принята Интернационалом¹.

Фрибур, который вместе с другими французскими рабочими выступал против отмены частной собственности на землю, отмечает, что историю Интернационала следует разделить на два периода: первый, длившийся вплоть до конгресса в Лозанне и характеризовавшийся преобладанием “мютюзелистов”, т. е. прудонистов, требовавших свободного контроля над промышленностью, и второй, русско-немецкий, когда в Интернационале “возобладал коммунизм, т. е. авторитаризм”². Сам Фрибур и его товарищи полностью отмежевались от таких перемен, как и от принципа классовой ненависти, проповедуемого Марксом и Бакуниным. “Я хочу, — писал он, — чтобы все знали, что ни один честный человек не даст увлечь себя идеей создания общества, в основе которого — война и ненависть”³. А поскольку это стало свершившимся фактом, Фрибур заявил, что к 1869 г. “Интернационал, каким его задумывали французы, был мертв. совершенно мертв”⁴. “Товарищество рабочих, — отмечает Дюринг, — перестало быть рабочей орга-

¹ M. Louis Enault, (*Paris brule par la Commune*, p. 27) и Vicomte de Beaumont Vassy (*La Commune de Paris*, p. 325) оба воспроизводят программу Интернационала, опубликованную в 1867 году, в которой были в точности даны пять пунктов Вейсгаупта “Отмена религии, собственности, семьи, наследственности, национальности (т. е. патриотизма)”. Документ, цитируемый ими, был подписан секретарем Интернационала и в форме памфлета опубликован в *Le Droit des travailleurs*. Я не смогла обнаружить его в Британском музее либо еще где-нибудь.

² *Fribourg, L'Association Internationale des Travailleurs*, p. 2.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 140.

низацией — в том смысле, что теперь “Интернационал” использовал и эксплуатировал рабочих разных стран и манипулировал ими”¹.

Так неприглядно выглядели действия людей, называвших себя защитниками “пролетариата”.

Прекратились все разговоры об условиях труда, все дискуссии о насущных проблемах организации производства — Интернационал стал инструментом войны против цивилизации. Вместе с тайными обществами и доктринами иллюминизма к нему перешел и налаженный механизм революции. Все ходы в смертельной игре, затеянной Вейсгауптом, все способы организации беспорядков и ведения подрывной пропаганды вошли в его боевой арсенал.

Итак, подобно тому, как Клуб якобинцев открыто осуществлял тайный замысел иллюминатов, Интернационал, вынашивая те же зловещие планы, не таясь, приближал всемирную революцию.

¹ *Eugen Dühring, Kritische Geschichte der Nationalökonomie, p. 566.*

ГЛАВА 7

РЕВОЛЮЦИЯ 1871 г.

Франко-прусская война — Интернационализм — Карл Маркс — пангерманист — Коммуна — Конфликт между Марксом и Бакуниным — Конец Интернационала

Из предыдущей главы мы узнали, что как инструмент перестройки производственных отношений Интернационал совершенно не состоялся. А как обстояло дело с интернационализмом? Какие успехи были на счету у “Международного товарищества”, вознамерившегося служить барьером против милитаризма?

Мысль о том, что с войной, как с пережитком варварства, нужно покончить, проповедовалась мыслителями на всех этапах развития цивилизации; весь вопрос состоял в том, как достичь столь желанной цели. Во Франции, как мы знаем, группы энтузиастов, начиная с членов “Братства мира” в XII в., считали эту задачу вполне выполнимой; в годы первой революции Учредительное собрание приложило немало усилий для создания “Лиги вечного мира”. “Пусть все люди будут так же свободны, как мы, — восклицал один из депутатов, — и у нас не будет больше войн!”. Тотчас же был издан декрет о том, что французский народ никогда больше не будет вести захватнические войны.

Лишь Мирабо персчеркнул все подобные начинания одной бессмертной фразой. “Я спрашиваю себя, — обратился он к членам собрания, убаюканным пацифистскими грезами, — я спрашиваю себя, сможем ли мы, столь резко изменив нашу политическую систему, заставить другие нации сделать то же... Пока этого не случится, вечный мир останется только мечтой — и опасной мечтой, если Франция разоружится перед лицом вооруженной Европы”¹.

Предвидение Мирабо оправдалось 80 лет спустя, когда та самая опасная мечта обезоружила входивших в Интернационал рабочих Франции, над которой нависла военная опасность со стороны Пруссии.

¹ *Albert Sorel, L'Europe et la Revolution Francaise, ii. 87.*

Идея “забастовки народов против войны” была предложена еще в 1868 г. на Брюссельском конгрессе Интернационала; председательствовавший на нем Дюпон, рупор идей Маркса, закончил свою речь словами:

“Клерикалы говорят: “Посмотрите на этот конгресс, заявляющий, что ему не нужны ни правительства, ни армии, ни религии”. Они говорят правду: нам больше не нужны правительства, потому что они разоряют нас налогами; нам больше не нужны армии, потому что они нас истребляют; нам больше не нужны религии, потому что религия душист мысль”¹.

Поэтому, когда спустя два года послышались первые раскаты франко-прусской войны, французские рабочие наивно полагали, что Интернационал вмешается в ход событий и предотвратит конфликт. Они были так простодушны, что 12 июля 1870 г. опубликовали в своей газете “Пробужденис” обращение к народу Германии с призывом воздержаться от вооруженной борьбы:

“Немецкие братья, в интересах мира не прислушивайтесь к предательским или рабским голосам, которые стремятся исказить настроения, царящие во Франции. Оставайтесь глухими к бессмысленным провокациям, поскольку война между нами станет братоубийственной войной. Сохраняйте спокойствие, как и подобает великому и храброму народу с чувством собственного достоинства. Наши разногласия приведут лишь к полному триумфу деспотизма по обеим сторонам Рейна”².

Когда, однако, неделю спустя, 19 июля, Бисмарк вынудил Наполеона III объявить войну Пруссии, немецкие социал-демократы, все, как один, встали под знамена интернационализма, а так называемый Центральный комитет немецкой секции Интернационала, находившийся в Брунсвике, 24 июля выпустил прокламацию, где говорилось о “законном стремлении немецкого народа к национальному единству”; она заканчивалась словами: “Да здравствует Германия! Да здравствует международная борьба пролетариата!”³.

Введенный в заблуждение этим лицемерным заявлением, печатный орган Интернационала “Солидарность” продолжал надеяться на лучшее:

“Две мощные военные силы готовы сокрушить друг друга. Но, поскольку мы столкнулись с ситуацией, когда два народа, чьи

¹ Guillaume, Karl Marx, pan-Germaniste, p. 51.

² Там же, с. 84.

³ Guillaume, Documents, ii. 70.

правители объявили состояние войны, вместо того, чтобы пылать ненавистью, протягивают друг другу руку дружбы, мы можем ожидать благоприятного исхода дела”¹.

Но бундский комитет отозвался на это призывом к миру не раньше, чем в ходе войны наметился явный перевес Пруссии. Нельзя отрицать, что отдельные рабочие Германии выражали свои симпатии к французскому народу и что социалисты Бебель и Либкнехт были брошены в тюрьму за антивоенные выступления после начала боевых действий — однако в канун войны сам Либкнехт подталкивал Пруссию к агрессии. Так, в “Фольксштаат” за 13 июля 1870 г. он “упрекал Бисмарка и прусского короля за слишком примиренческий тон в отношении Франции и за ущерб, нанесенный престижу Германии их чрезмерной уступчивостью”².

Так что остается признать тот факт, что Интернационал оказался не в состоянии предотвратить войну — причем по той самой причине, о которой говорил Мирабо за 80 лет до этого. Французские интернационалисты не принимали в расчет немецкий национальный дух, и Гильом в своей статье в “Солидарности” за 28 марта 1871 г. был вынужден признать:

“Какое ничтожное меньшинство составляют эти люди с убеждениями (Бебель и Либкнехт)! И, увы, много ли в Германии тех, кого мы сами можем назвать братьями? И разве подавляющее большинство немецких рабочих не отравлено, как и буржуазия, победами Бисмарка? И разве ныне мы не должны, делая исключение для друзей, о которых только что упомянули, считать немецкий народ в целом препятствием для революции?”³

Лишь два года спустя члены Интернационала были неприятно удивлены, обнаружив, что Центральный комитет Немецкой секции Интернационала не был, как они полагали, местным отделением “Международного товарищества”, а представлял собой неофициальную группу без всякой организации, поскольку правительство Германии предусмотрительно запретило деятельность Интернационала в своей стране⁴. Таким образом, хотя немцы контролировали действия Интернационала за рубежом, в самой Германии он был вне закона! Как верно выразился Адольф Смит, говоря о ситуации, сложившейся в 1917 г.: “Далеко не сразу стало понятно, что социализм немецкого образца, предназначенный, главным образом, для вывоза за рубеж, облегчит

¹ Guillaume, Documents, etc., ii. 69.

² Laskine, L'Internationale et le pan-Germanisme, p. 202.

³ Guillaume, Documents, ii. 137.

⁴ Там же, ii. 137.

проникновение немцев не только в Россию, но и во Францию, Италию и даже Англию. Хотя это и можно было предположить, поскольку было совершенно очевидно, что *социалистический Интернационал, контролируемый немцами, стал, по сути, пангерманской ассоциацией*¹.

Истинное значение интернационализма вовремя осознали французские рабочие. В массовой забастовке в Крезо² явно ощущалась рука Бисмарка.

“Забастовки, постоянные забастовки, снова и снова забастовки, — писал в 1871 г. Фрибур, — никаких переговоров или чего-нибудь, что их напоминает... Заграничные Интернационалы, захватившие инициативу, поддерживают движение, основывают подрывные газеты; во Франции свирепствует эпидемия беспорядков, парализующая производство”³.

Какова была позиция Маркса в вопросе об интернационализме? Для того, чтобы в полной мере оценить его вероломство, нам нужно вновь возвратиться к написанной им преамбуле “Устава” Интернационала. Ее первый принцип (“освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом”) он, как мы убедились, отвергнул, настояв на принятии в Интернационал лиц, не являющихся рабочими; теперь настал час испытаний для другого принципа — “братского союза между рабочими разных стран” — от которого Маркс также отрекся.

Дело в том, что Маркс никогда не верил во всемирное братство рабочих, как не верил и в диктатуру пролетариата — это были пропагандистские лозунги, не рассчитанные на их воплощение в жизнь. В канун битвы при Садове он написал Энгельсу:

“Прудонистская клика проповедует мир среди парижских студентов, объявляет войну анахронизмом, нации — пустым звуком, нападает на Бисмарка... Как ученики Прудона — а ими являются мои хорошие друзья Лафарг и Лонге — они хотят уничтожить нищету и невежество, будучи сами глубоко невежественными; кичась своей так называемой “социальной наукой”, они просто нелепы”⁴.

Обращение французских рабочих к своим немецким братьям в 1870 г. Маркс теперь объявил “чистейшим джингоизмом”.

“Французам, — писал он Энгельсу 20 июля, — нужно задать взбучку. Если пруссаки одержат победу, то последующая централизация государственной власти будет весьма полезной для централизации

¹ *The Pan-German Internationale*, p. 3.

² *La Commune de Paris*, by the Comte de Beaumont Vassy, p. 13.

³ *Fribourg*, *L'Association Internationale des Travailleurs* (1871).

⁴ *Laskine*, *L'Internationale et le pan-Germanisme*, p. 23; letter of June 7, 1866.

немецкого рабочего класса. Кроме того, немецкое превосходство переместит центр тяжести рабочего движения из Франции в Германию; достаточно сравнить характер движения в этих двух странах с 1866 г. до настоящего времени, чтобы убедиться, что немецкий рабочий класс намного превосходит французский как с точки зрения теории, так и по своей организации.

Превосходство на мировой арене немецкого пролетариата над французским будет одновременно превосходством нашей теории над теорией Прудона”¹.

Любопытно отметить, что Ницше, который, как пророк авторитаризма, империализма и войны, обычно считается полной противоположностью Марксу, в том самом 1866 г., после победы пруссаков над Австрией при Садове, написал следующее:

“Карты в наших руках; но до тех пор, пока Париж остается центром Европы, все будет по-старому. Само собой, надо употребить все силы для того, чтобы разрушить это равновесие или, по крайней мере, попытаться сделать это. Если это нам не удастся, мы все же можем надеяться, что ни один из нас не уцелеет на поле брани, сраженный французской пулей”².

Как нам объяснить поразительное сходство мнений, высказанных в этих двух отрывках? Можно ли приписать его простому совпадению — или следует поискать некий общий источник, откуда черпали вдохновение оба автора? Изучая жизнь и творчество Маркса и Ницше, нельзя не заметить их известного сходства; оба постоянно воевали со всем миром; оба были отравлены опытом молодости, обоими двигателями — неистовая и неукротимая ненависть к христианству, возникшая на одной и той же почве — оба они боготворили *силу*. Если Маркс воплощал тот дух, который мы ассоциируем с большевизмом, Ницше, по сути, был большевиком наизнанку, человеком, который мог стать яростным революционером-социалистом. Ницше хотел содержать непросвещенные массы в состоянии рабства, а Маркс стремился к порабощению интеллигенции; Ницше отстаивал всевластие Сверхчеловека, а Маркс проповедовал веру в диктатуру пролетариата; Маркс тратил все свои силы на разжигание классовой ненависти в социальных низах, тогда как Ницше со своим “классовым сознанием высшей касты”³ действовал в том же направлении, но сверху. Одним словом, оба восставали против существующего общественного строя.

¹ *Der Briefwechsel zwischen Marx und Engels*, iv. 296.

² *Life of Nietzsche*, by Daniel Halevy (Eng. trans.), p. 53.

³ *Friedrich Nietzsche*, by Georges Brandes (Eng. trans), p. 30.

гармонизированного христианской покорностью и состраданием, которые, по их мнению, расслабляюще действовали на человеческие способности.

Противоположности сходятся; это объясняет тот факт, что Ницше считал своей родственной душой Мадзини, в то время, как Маркс от всего сердца поддерживал намерения Бисмарка. Невозможно не заподозрить, что их направляла одна и та же сила, отстаивавшая пангерманские интересы.

Но как бы там ни было, в 1870 г. Маркс преданно служил делу немецкого империализма. Французское отделение Интернационала в Лондоне даже называло его агентом Бисмарка, и Маркс писал Энгельсу 3 августа 1870 г. о том, что его не только считают прусским шпионом, но и указывают сумму, которую он получил от Бисмарка — 10 тыс. фунтов стерлингов. К счастью, добавляет автор “Пангерманского Интернационала”, цитирующий эти признания, “вся эта частная переписка была недавно опубликована социалистом Дитцем, издателем из Штутгарта. Так что теперь мы можем получить интересующие нас сведения не из вторых рук, а непосредственно от главных действующих лиц, прямо говорящих о своих побуждениях и поступках”¹.

В свете всех этих фактов достаточно трудно приписать революционное бунтарство Маркса еврейскому духу мести за гонения его народа, как это нередко делают в литературе. Если Маркс негодовал при мысли об этих гонениях, почему он связал свою судьбу со страной, где юдофобия пустила такие глубокие корни? Возможно, Бисмарк знал, как направить его оскорбленные национальные чувства в русло ненависти к христианской цивилизации в целом; в любом случае, как вполне справедливо отмечается в современной литературе, Маркс был или, по крайней мере, стал “немцем из немцев и сделал для “Фатерланда” (откуда он, кстати, был изгнан!) больше, чем целые орды немецких агентов, наводнивших весь мир”².

В этой прогерманской деятельности его, естественно, поддерживал конституционный милитарист Энгельс — “злой гений Маркса”, по выражению супруги последнего. Так что когда парижское отделение Интернационала вновь высказало немецкому народу протест против захвата французской территории, и на сей раз немецкие социал-демократы в Брунсвике ответили на это предложением заключить

Adolphe Smith. The pan-German Internationale p. 5; см. также *Laskine, L'Internationale et le Pan-Germanisme* p. 83. Прим., что оба эти автора — социалисты. Эдмонд Ласкин, как говорят, был русским евреем; получил образование во Франции.

² *Bolshevik Russia*, by G. E. Raine and E. Luboff, p. 17.

“почетный мир с Французской республикой”, Энгельс с негодованием написал Марксу:

“Верховенство Франции, неприкосновенность земли, освященной событиями 1793 г. — это лишь дань прошлому, на котором основывается все французское свинство, прикрытием для которого служит святое слово “Республика”... Я надеюсь, что к этим людям вернется здравый смысл, когда наконец-то пройдет первое опьянение, иначе будет дьявольски трудно поддерживать с ними международные контакты”¹.

Согласно Марксу с Энгельсом, французские рабочие должны были отрешиться как от кошмара войны, так и от памятного 1792 г. Тем временем немецкие рабочие должны были сохранять спокойствие.

“Лонге (французский социалист), — продолжал далее Энгельс, — оччень забавен! Поскольку Вильгельм I даровал им республику, они хотят прямо сейчас совершить революцию в Германии!.. Если мы можем хоть как-то воздействовать на Париж, мы должны удержать рабочих от выступления, пока не будет заключен мир...².

На следующий день он добавляет: “Война, затягиваясь, принимает нежелательный оборот. Французы все еще полностью не разбиты, хотя, с другой стороны, немцы уже одержали немало побед”.

Правда, в конце концов Маркс в своем письме в “Дейли Ньюс” от 16 января 1871 г. выказал долю сочувствия судьбе истерзанного народа и даже заявил, что полное торжество Пруссии не только над народом Франции, но и над остальной Германией станет фатальным для дела свободы; впрочем, поскольку к этому времени триумф Пруссии был вполне очевиден (два дня спустя короля Пруссии короновали императором Германии в Версале), таким заявлениям была грош цена. Так что нельзя отрицать истину, высказанную Гильйомом:

“В 1870 г. Маркс и Энгельс, выступая прежде всего как немецкие патриоты, всю аплодировали победам немецкого оружия... И они воспользовались своим положением, чтобы попытаться, прикрываясь именем Генерального Совета Интернационала, отговорить французский пролетариат от борьбы против захватчиков... Их поведение в тот момент было настоящим предательством по отношению к Интернационалу в пользу пангерманских интересов. Таковы факты, которые должны быть известны всем республиканцам, социалистам и пр. во Франции и за ее пределами”³.

¹ *Guillaume*, Karl Marx, Pan-Germaniste, p. 95.

² Там же, с. 99.

³ Там же, с. iv.

Так что, как видим, интернационализм, придуманный Вейсгауптом, теоретически разработанный Клоотсом и практически реализованный Марксом и Энгельсом, а в наши дни — немецким агентом Лениным, состоял на службе у двух господ — немецкого империализма и еврейского заговора.

* * *

После поражения французов при Седане 1 сентября 1870 г. империя была сметена с лица земли; ширившаяся в стране революция стала последним ударом по разгромленной и растерзанной Франции.

Революционное движение началось в провинции; в Лионе к нему приложили руку бакунисты. Подобно боевому коню, почуявшему приближение битвы, Бакунин, находясь в Локарно, услышал призыв лионских социалистов и, в очередной раз одолжив денег, поспешил к месту действия. Здесь он вновь оказался в родной стихии. Город был в состоянии хаоса; “никто из руководителей Интернационала не имел ни малейшего представления о том, что делать”; повсюду проходили чрезвычайно бурные манифестации, на которых “выдвигались самые кровожадные предложения, получавшие восторженную поддержку”¹; одним словом, вся эта атмосфера была очень по сердцу Бакунину.

Но вновь на защиту закона и порядка поднялась буржуазия, и Комитет общественного спасения, занявший здание ратуши, был вынужден его покинуть. Деятельность самого Бакунина была иронически описана Марксом:

“28 сентября, в день его присзда, народ захватил “Отель де Вилль”. Бакунин расположился там; затем наступил эпохальный момент, которого он ждал долгие годы: наконец-то Бакунин смог совершить самый революционный поступок из всех, когда-либо явленных миру. Он провозгласил отмену государства. Но государство, в виде двух представителей буржуазной Национальной гвардии ввалилось в дверь, которую позабыли взять под охрану, очистило зал и вынудило Бакунина пуститься наутек в Женеву”².

В итоге, возвратившись в Италию, весь в синяках и ссадинах — поскольку ему крепко досталось в стычке с гвардейцами — Бакунин немного утихомирился. Каким бы диким не казался его план спасения Франции от Пруссии путем “полного уничтожения всего административно-правительственного аппарата”³, следует признать, что

¹ *Guillaume, Documents, etc.*, ii. 92.

² *Alliance de la Democratie Socialiste, etc.*, publiee par ordre du Congres Internationale de la Haye (1873), p. 21.

³ *Guillaume, Documents, etc.*, ii. 98.

он продемонстрировал определенную проницательность в отношении перспектив французского социализма:

“Сейчас я начинаю думать, — написал он Паликсу, — что с Францией все кончено... Она превратится в вице-королевство Германии. На смену ее подлинному и живому социализму придет доктринерский социализм немцев, которые скажут не больше, чем им позволят сказать прусские штыки”¹.

Но окончательный триумф немецкой социал-демократии последовал лишь три года спустя.

Пока в Лионе происходили все эти события, в Париже после низложения Наполеона III была провозглашена Третья республика. 17 сентября началась осада Парижа. Спустя шесть недель, 31 октября, в городе поднялась волна народного негодования, вызванная слухами о том, что правительство пытается скрыть известия о поражении маршала Базена и капитуляции Меца. В то же время поговаривали, что недавняя победа под Парижем обернулась поражением, и Ле Бурже вновь захватили немцы; и, наконец, что Тьер под белым флагом направляется в Париж для переговоров о прекращении военных действий. Затем народ, немало вытерпевший в период осады, поняв, что все его жертвы были напрасны, поднялся против правительства, а анархисты, вознесенные на волне патриотических чувств парижан, ввергли город в хаос. Таким образом, национальное единство рухнуло, и пруссаки, воодушевленные этой сумятицей, заняли на переговорах весьма жесткую позицию, требуя передачи Германии Эльзаса и Лотарингии и выплаты огромной военной контрибуции².

Немецкие войска действовали на всей территории Франции, сея смерть и разрушение — сжигая, грабя, мародерствуя и безжалостно убивая тех, кто оказывал хоть малейшее сопротивление.

Согласно условиям перемирия, провозглашенного после коронации императора Вильгельма I, парижский гарнизон, за исключением 12 тыс. человек, распускался — при сохранении Национальной гвардии, известной своими революционными настроениями. Не удивительно, что некоторые из французских солдат отказывались выступить против пруссаков, заявляя, что они берегут силы для борьбы с французами; так что гражданская война была для них предпочтительнее войны с внешним врагом³. Впрочем, было замечено, что такие идеи, произведенные на свет немецкой социал-демократией, оказывались совершенно

¹ *Guillaume, Documents, etc.*, ii. 98.

² *Bonnechose*, p. 707.

³ *Louis Enault, Paris brule*, p. 16.

чужды немецкому сознанию; в то время, как французы—интернационалисты один за другим падали на полях сражений, ни один из их прусских собратьев даже не пошатнулся¹.

Триумфальное вступление прусских войск в Париж 1 марта послужило сигналом к началу революции, и 18 марта национальные гвардейцы, на сей раз действуя в духе высокого патриотизма, оскорбленного беспомощностью правительства в вопросах национальной обороны, завладели орудиями, сосредоточенными на площади Вог, чтобы они не достались пруссакам, и перевезли их на высоты Монмартра.

Одновременно центральный комитет Национальной гвардии, созданный по образцу повстанческого комитета, организовавшего выступление парижан 10 августа 1792 г., взял власть в свои руки. Тщетно правительство приказывало своим войскам отбить захваченную гвардейцами артиллерию. Солдаты перешли на сторону революции и зверски убили своих генералов — Леконта и Тома. Вновь трехцветный флаг уступил место красному знамени социальной революции.

Спустя четыре дня произошел инцидент, известный как “бойня на Вандомской площади”, когда демонстрация “друзей порядка”, т. е. безоружных национальных гвардейцев, гражданских лиц, женщин и детей, несших трехцветный флаг как символ единения нации перед лицом нарастающих беспорядков, была обстреляна восставшими, в результате чего, по свидетельствам современников, погибли 30 человек².

С этого времени революционеры стали хозяевами Парижа. Был захвачен “Отель де Виль”, правительство изгнано из Версаля, а его место заняла Коммуна.

В отличие от революции 1848 г., события 1871 г. нельзя проследить с достаточной точностью ввиду хаотичности тогдашнего движения. В то время, как в 1848 г., несмотря на разногласия среди лидеров, преобладающей оставалась идея социалистической революции, в 1871 г. восставшие двигались в сторону анархии. Нельзя отрицать, однако, что в самом начале Маркс и Энгельс предпринимали попытки упорядочить это движение.

“Когда в Париже пришла к власти Коммуна, — пишет князь Кропоткин, — Генеральный совет настоял на руководстве восстанием из Лондона. Он требовал ежедневных отчетов о состоянии дел, отдавал

Heckethorn's Secret Societies, ii. 250.

Bonnechose, Histoire de France, ii. 722; Louis Enault, *Paris brule par la Commune*, p. 33;

John Leighton, Paris under the Commune, p. 54.

приказы, соглашался с одним и отвергал другое и в результате убедил всех в ненужности такого руководящего органа даже в рамках Интернационала”¹.

Однако в Париже распоряжениям Маркса не придавали большого значения, и хозяином положения стала не так немецкая социал-демократия, как немецкий иллюминизм. Когда 26 апреля группа масонов прибыла поздравить Коммуну, ее приветствовали традиционным иллюминистским лозунгом “Всемирной республики” авторства Анахарсиса Клоотса².

Брат Тирифок, выступавший от имени делегации, заявил, что “Коммуна является величайшим достижением революции, которое должно быть осмыслено во всем мире; что это новый Храм Соломона, который масоны должны защищать”. На это Лефрансэ, член Коммуны, ответил, что сам он был принят в Шотландскую ложу и всегда считал, что цель этой организации точно та же, что и Коммуны — социальное возрождение”³.

В соответствии с принципами “всемирного масонства” национальные интересы вскоре были забыты, и на смену французскому патриотизму пришел дух всемирной революции. В этом 1871 г. снова-таки существенно отличался от 1848 г.: тогдашняя революция, руководимая исключительно французами, сохранила свой национальный характер, тогда как Коммуна быстро превратилась в сборище космополитов, совершенно далеких от интересов Франции.

Среди иностранцев, состоявших на службе у Коммуны, было 19 поляков, 10 итальянцев, 7 немцев, 2 американца, 2 русских, 2 румына, 2 португальца, 1 египтянин, 1 бельгиец, 1 венгр, 1 испанец и 1 голландец⁴. Это были члены Интернационала, якобинцы и профессиональные агитаторы. У такой пестрой компании, охарактеризованной современником как “сборище деклассированных элементов со всего мира”⁵, не могло быть единства действий или целей.

Тем не менее, среди французских коммунаров было несколько истинных патриотов. Ведь что бы не происходило в Париже, на все накладывает отпечаток французский патриотизм, романтический и страстный, а в данном случае некомпетентность правительства привлекла многих энтузиастов в лагерь революции. К сожалению, этот энтузиазм

¹ *Memoirs of a Revolutionary*, ii. 66.

² *Leighton, Paris under the Commune*, p. 221: “Бурное скандирование: “Да здравствуют франк-масоны! Да здравствует всемирная республика!” — передавались из уст в уста.

³ *Deschamps*, ii. 421, 422.

⁴ *Leighton*, op. cit. (quoting *the Figaro*) p. 75; *Enault, Paris brule*, p. 315.

⁵ *Paris brule*, p. 42.

граничил с фанатизмом. Так, Флуран, убитый конными патрульными, когда он вел группу повстанцев на Версаль, характеризовался английским современником как “страстный искатель социального Эльдорадо, посвятивший себя заведомо безнадежному делу”. В суровые, морозные зимы он кормил и одевал бедняков Бельвиля, отыскивая их в мансардах и принося им деньги и слова утешения. Но его беспокойная натура привела его в гущу событий. “Это был человек баррикад. Казалось, он никогда не задумывался о том, что булыжники мостовой предназначены для того, чтобы по ним ходить; он хотел одного — видеть, как они сложены в кучу поперек улицы для защиты вооруженных патриотов... Он появлялся повсюду, где был риск быть убитым... Это был сумасшедший, но и герой”¹.

К чести участников событий 1871 г. следует признать их отвагу. Эти французские коммунары, в отличие от своих предшественников образца 1792 г., не отсиживались за толстыми стенами и не прятались в подвалах, пока наэлектризованные ими массы несли на себе бремя классовых сражений в великие дни восстания; в 1871 г. коммунары смело выходили на улицы под огонь неприятеля; многие из них погибли в боях, до последней минуты сохранив верность своим идеалам.

Но, увы, во имя чего? Если правительство продемонстрировало свою некомпетентность, то Коммуна оказалась куда более некомпетентной. К тому же, как и всегда при разгуле анархизма, ситуация перешла под контроль наиболее агрессивных — а, точнее, наиболее преступных элементов. Это отмечает, что не менее 52 тыс. иностранцев и 17 тыс. амнистированных заключенных приняли участие в дальнейших событиях².

В этих условиях вновь вспыхнула война против цивилизации, задуманная Вейсгауптом и начатая эпохой террора в 1793 г. Как и в 1848 г. вновь ожили связанные с этой эпохой воспоминания (кажется, французам никогда не суждено о ней забыть). Был создан Комитет общественного спасения, возродился не только календарь 1793 г., но и газеты времен первой Французской революции — “Просветитель народа” и “Папаша Дюшесн”, в которых многословие их первых издателей — Бабсфа и Эбера — успешно воспроизводил Вермеш.

Естественно, дехристианизация Парижа, начатая все в том же 1793 г., вновь была включена в программу. Опять началось осквернение церквей; образы святых были уничтожены либо обезображены, картины порезаны, церковная утварь разграблена; алтари стали пристанищем

¹ Leighton, op. cit. 115, 116.

² Paris brule, p. 28.

картежников, с амвонов раздавались богохульства. В церкви св. Евстафия, где купель наполнили табаком, а статую Девы Марии нарядили в костюм маркитанки, толпа женщин-“патриоток” того же сорта, что и те, кто соблазнял солдат в 1789 г., провозглашала идеи социальной революции: “Брак и гражданство — величайшая ошибка человечества. Быть замужем — значит находиться в рабстве... . Высокая изможденная женщина с носом, похожим на клюв ястреба, и желтым лицом требовала под гром аплодисментов, чтобы Коммуна отказалась признавать институт брака, учредив пособия как законным, так и незаконным женам национальных гвардейцев: “Супружество — это настоящее преступление против морали... Мы, незаконные сожительницы, более не намерены страдать от того, что законные жены захватили все те права, которые отныне им уже не принадлежат и которые им вообще не следовало иметь. Надо усовершенствовать закон. Все для свободных женщин и ничего для рабынь”¹.

Порядочные женщины из народа не принимали участия в этих возмутительных действиях; даже базарные торговки оказались в числе самых решительных противников беспорядка². В кварталах парижской бедноты по-прежнему уважали религию, и женщины заходились слезами, когда их детей опускали в могилы без отходной молитвы. Как написал один англичанин, есть матери, “безусловно, совершенно недостойные вынашивать детей патриотов, которые не хотят, чтобы их дорогих чад хоронили, как собак; которые не могут понять, что молитвы — это преступление, а преклонение перед господом — оскорбление, нанесенное человечеству; которые все еще хотят видеть кресты на могилах тех, кого они любили и потеряли! Настоящие кресты, а не кресты XIX ст. — красные флаги!”³.

Подобные настроения части парижского люда, естественно, раздражали апологетов всемирной революции. У Бакунина, как и у его предшественника Марата, они также вызывали отчаяние.

“Дело проиграно, — писал он из Локарно 9 апреля, — кажется, французов, особенно рабочий класс, не очень волнует такое положение дел. Как же ужасен этот урок! Но это еще не конец. Они должны испытать куда большие бедствия и более глубокие потрясения. Все указывает на то, что ни в первом, ни во втором не предвидится недостатка. И тогда, возможно, демон проснется. Но пока он дремлет.

¹ *Leighton, op. cit. p. 282.*

² *Paris brule, p. 208.*

³ *Leighton, p. 117.* Прим.: “В начале апреля Коммуна запретила божественную службу в Пантеоне. Они отрезали боковины креста и заменили его красным флагом во время салюта артиллерии .

мы ничего не можем поделать. В самом деле, очень печально, если придется платить за разбитую посуду — по сути, это будет совершенно бесполезно. Наша задача — проведение подготовительной работы, организация и пропаганда; мы должны быть готовы, когда демона разбудят”¹.

Но что касается самих парижан, то их заботило, чтобы демон никогда не проснулся, и не они, а банда иностранцев-авантюристов, “самая ужасная шайка, когда-либо угрожавшая цивилизации”², виновата в тех грабежах и поджогах, насилиях и убийствах, которые сменяли друг друга в течение трех ужасных майских дней.

То, что Бакунин несет ответственность за все происшедшее в этот период, подтверждается словами Фрибура, одного из основателей Интернационала: “Лично я твердо уверен, что указы о конфискации имущества, необоснованные аресты, расстрелы заложников и систематические поджоги в столице являются делом рук русско-немецкой партии”³. Другими словами, это была работа немецкого иллюминизма и порожденного им Альянса социалистической демократии.

Прелюдией к этому заключительному этапу революции стало вступление версальских войск в Париж через 5 дней после свержения Вандомской колонны. 16 мая этот знаменитый монумент, воздвигнутый в честь военных побед французов, а теперь объявленный противоречащим принципам интернационализма, был уничтожен по приказу Коммуны, по слухам, подкупленной прусским золотом⁴, что доставило огромное удовлетворение присутствовавшим при этом немецким офицерам⁵. Такое откровенное надругательство над национальными традициями Франции привело в ярость версальскую армию, незадолго до этого усиленную возвратившимися из Германии военнопленными, и 21 мая она вошла в столицу через ворота Сан-Клу. За этим последовала “кровавая неделя” уличных боев. На третий день версальские войска достигли подступов к Тюильри, и именно тогда генералы Коммуны Брюнсль и Берже открыли огонь по дворцу и Рю Рояль.

В очередной раз идея уничтожения городов, продуцированная Вейсгауптом, реализовывавшаяся организаторами террора в 1793 г. и возрожденная нигилистами, выступавшими за сожжение городов, воплотилась в жизнь с самыми ужасными последствиями. Отбросы общества, пьяные старухи, полоумные мальчишки, снабженные кероси-

¹ *Correspondance Bakounine*, p. 350.

² *Paris brule*, p. 28.

³ *Fribourg, L'Association Internationale des Travailleurs*, p. 143.

⁴ *Heckethorn's, Secret Societies*, ii 253.

⁵ *Bonnechose, Histoire de France*, ii. 729.

ном, взялись за дело, стремясь сжечь Париж дотла¹. План, очевидно, долго разрабатывался в Германии; за 8 месяцев до ужасных событий 23 мая в витринах немецких магазинов появилась карикатура, изображающая Париж, охваченный огнем; сверху размещалась торжествующая Германия, а внизу надпись: “Великий Вавилон пал, пал!”².

Почти на сто лет ранее Вейсгаупт, этот архивраг цивилизации, заявлял: “День великого пожара придет!”. Теперь он настал, и Париж, являвшийся центром мировой цивилизации, должен был быть сожжен до основания.

Несомненно, что полного уничтожения города желали враги Франции, и хотя этот план не был осуществлен, понесенные потери ужасны. Дворец Тюильри сгорел дотла; здание министерства финансов, дворец Почетного легиона, Дворец юстиции, “Отель де Вилль” с его сокровищами искусства и бесценными национальными архивами — все, что составляло славу старой Франции, было навсегда потеряно для мира; многочисленные дома на улицах Ба, де Лиль, Рояль превратились в ряды обугленных руин; поджигателей нисколько не заботили судьбы простых людей, и огонь охватил здание Комитета общественной помощи, созданного исключительно для облегчения положения парижан в сложившейся ситуации; сгорели несколько принадлежавших ему домов, доходы от которых поступали беднякам. Их судьбу разделили хранилища, полные зерна, вина, масла и другой провизии, призванной облегчить страдания людей, измученных голодом во время осады Парижа³.

Вечером следующего дня началось безжалостное истребление заложников. Шесть человек, включая архиепископа парижского и четырех священников, арестованных за 7 недель до этого, были хладнокровно расстреляны⁴ в застенках Ля Рокетт; бедные женщины, рыдая и стеная, умоляли сохранить жизнь их пастору, престарелому аббату Дегери, кюре Ля Мадлен — но тщетно: палачи, верные традициям сентября 1792 года, поволокли его к месту казни, сопровождаемые бранью и проклятиями его прихожан⁵. Все они приняли смерть столь же мужественно, как и их предшественники — мученики XVIII ст. В последние минуты своей жизни архиепископ, услышав слово “свобода”, произнесенное одним из убийц, сказал с достоинством: “Не говорите

¹ *Heckethorn's, Secret Societies*, ii 258, 262; Leighton, op. cit. p. 339.

² Этот плакат был воспроизведен Дюбаном в *Le Fond de la societe sous la Commune*.

³ *Paris brule*, p. 203.

⁴ *Bonnechose*, op. cit. ii. 733.

⁵ *Beaumont Vassy, La Commune de Paris*, p. 118.

“свобода”: это слово по праву принадлежит только нам — тем, кто умирает за свободу и веру”¹.

Как и в сентябре 1792 года, палачи не щадили людей из народа. 27 мая состоялось массовое избиение заключенных, среди них — 66 жандармов. В числе этих несчастных оказался отец восьми детей, обвиненный в краже надетых на нем рубашки и голубых брюк; он принял страшную смерть от рук толпы во главе с революционной амазонкой, вооруженной церковным кубком².

Однако задуманное иллюминатами уничтожение цивилизации в очередной раз не состоялось. Цивилизация, как и всегда, поднялась на самозащиту, и чем свирепее был противник, тем яростнее отражали его нападения. Когда борьба между коммунарами и силами закона и порядка завершилась победой последних, тысячи тел усеяли улицы Парижа; по словам князя Кропоткина, не менее 30 тыс. мужчин, женщин и детей были убиты в схватке. Но разве это волновало анархистов, которые, по утверждению Маркса, считали народ лишь “пушечным мясом” в дни революции³?

Так завершился третий по счету опыт революционных преобразований, проведенный в несчастной Франции. Даже Адольф Смит, возлагавший большие надежды на Коммуну, признал ее недееспособность. По его мнению, “даже революционеры-оптимисты после 1871 г. стали осознавать внутреннюю слабость чистых теорий, не подкрепленных должной организацией дела .

Далее Смит замечает: “Они видели, что даже владея одним из лучших городов Европы (с находившимся в нем Французским банком, огромной армией повстанцев и неисчислимым количеством оружия и боеприпасов) в условиях, когда в стране царит хаос, а регулярная армия трепещет перед восстанием, не доверяя собственным солдатам, Коммуна, столь мощно и успешно начавшая дело, оказалась не в состоянии совершить задуманное. Ее руководители упустили драгоценное время, потратив его на бесплодные дискуссии и склоки, а тем временем неприятель, организовавшись и собрав свои разрозненные силы, сокрушил коммунаров. Нетрудно отметить, что подобная ситуация сложилась и в Петрограде до и после прихода к власти большевиков⁴.

Однако, потеряв такое чудовищное фиаско, парижская Коммуна была, тем не менее, единодушно одобрена Интернационалом; в Цюрихе,

¹ *Bonnechose*, ii. 733.

² *Leighton*, op. cit. p. 327.

³ *L'Alliance Sociale Democratique*, p. 15.

⁴ Неопубликованная работа Адольфа Смита, озаглавленная *The Betrayal of the International*.

Женева, Брюсселе и Лейпциге коммунары, соперничая друг с другом, превозносили до небес кровавые деяния, совершенные ими с марта по май. Английский представитель Интернационала заявлял, что “наступает прекрасное время”: “близится час, когда мы свергнем с престола английскую королеву, превратим Букингемский дворец в мастерскую и снесем Йоркскую колонну, подобно тому, как благородный французский народ сокрушил Вандомскую колонну”¹.

Бакунин, очевидно, решивший, что демон проснулся, восторженно отзывался о французском пролетариате как о “современном сатане, вызвавшем к жизни грандиозное восстание Коммуны”².

Маркс, чтобы не остаться в стороне от движения, которое, ввиду отрицания им государства, воплощало в жизнь принципы, противоположные его собственным, поспешно издал пышный панегирик Коммуне под названием “Гражданская война во Франции”, в котором охарактеризовал государство как “паразита, который препятствует движению общества к свободе”. Естественно, возникает вопрос: отвечает ли это позиции Маркса как сторонника государственного социализма³?

Гильём, комментируя внезапную перемену в воззрениях Маркса, в свою очередь спрашивает: а был ли он действительно предан принципам федерализма? При этом он цитирует Бакунина, заявлявшего, что авторитет Коммуны был столь высок, что заставил даже марксистов снять перед ней шляпы. Насколько же искренен был Маркс, сочиняя свой панегирик Коммуне, выяснилось лишь в 1906 г., когда увидела свет его переписка с близким другом Зорге. Из нее стало ясно, что в конце 1871 г. некоторые коммунары, бежавшие из Парижа в Лондон и Женеву, отказались выполнять его распоряжения. По этому поводу Маркс писал Зорге:

“И это в награду за то, что я потратил почти пять месяцев на обустройство беженцев, да еще *спас их честь* публикацией статьи о гражданской войне”⁴.

Таким образом, Маркс, с его удивительным умением использовать все, что может хоть как-то служить его целям, извлек выгоду и из анархического режима Коммуны. Но вслед за этим настало время подавить ту силу, которая угрожала его верховенству, и он

¹ *Heckethorn's, Secret Societies* ii 252.

² *Guillaume, Documents*, ii 253.

³ Впервые сформулировано в его “Коммунистическом манифесте”: “сосредоточить орудия производства в руках государства”.

⁴ *Guillaume, Documents*, ii 192.

сосредоточил свое внимание на анархистах, входивших в состав Интернационала.

АНАРХИЗМ ПРОТИВ СОЦИАЛИЗМА

Годы, последовавшие за революцией 1871 г., были заполнены, главным образом, борьбой двух группировок, возглавляемых Марксом и Бакуниным.

Вплоть до этого времени слова “анархизм” и “анархист”, хоть и были известны благодаря Прудону и Бакунину, использовались достаточно редко, а слово “социализм” применялось в отношении обеих противостоящих групп. Но с 1871 г. оба враждующих лагеря все четче декларируют свои принципы, и социалистами все чаще и чаще называют марксистов.

Различие между двумя этими группами достаточно точно очертил Малон¹:

“Государственный социализм Маркса предполагал захват политической власти, т. е. государства, рабочим классом, чья историческая миссия состоит в том, чтобы положить конец классово-борьбе, ликвидировав классы, и устранить нищету и производственные противоречия путем “национализации производства и сферы распределения”.

Бакунин, в свою очередь, изложил свою программу таким образом:

“Уничтожение государства во всех его религиозных, правовых, политических и социальных проявлениях; реорганизация общества свободным волеизъявлением свободных лиц, добровольно объединяющихся в свободные группы. Это и есть та формула, которая стала девизом анархизма”. А позже, добавим, и девизом синдикализма. Итак, старый спор между Свободой и Равенством вспыхнул вновь в форме противостояния Маркса и Бакунина, приведшего к расколу Интернационала. Так, Бакунин, говоря о государственном социализме, проповедуемом марксистами, обрушивался на “самую гнусную и чудовищную ложь, порожденную нашим веком — официальный демократизм и красную бюрократию”². “Я ненавижу коммунизм, — заявил он на пацифистском конгрессе, проходившем в Берне в 1869 г., — потому что он отрицает свободу, а я не могу представить что-либо, свойственное человеку, без свободы”³. С другой стороны, марксист Морис Гесс указывал,

¹ Статья об интернационале в *La Nouvelle Revue*. xxvi. 753.

² *Correspondance de Bakounine*, p. 219.

³ *E. V. Zenker, Anarchism (Eng. trans., 1898)*, p. 148.

что коллективисты и анархисты, входившие в состав Интернационала, отличались друг от друга тем, чем отличаются “цивилизация и варварство, свобода и деспотизм, граждане, осуждающие все формы насилья, и рабы, привыкшие к применению грубой силы”¹.

Однако ярость Бакунина вызывал не только бюрократизм марксистов, но и их пангерманизм, который после 1870 г. становился все более и более очевидным. “Мечта социалистов, которые клянутся головой Маркса, — писал он в брюссельской газете “Либерте” в 1872 г. — это немецкая гегемония, немецкое всемогущество, сначала духовное и нравственное, а затем и материальное”².

Но все-таки первыми в бой ринулись марксисты.

Уже весной 1871 г. Маркса, Утина, Гесса, Либкнехта и Бебеля — одним словом, всех немцев и немецких евреев, входивших в Интернационал³, куда меньше занимала судьба Коммуны, чем их собственная война с Альянсом социалистической демократии. Изгнать Бакунина и его единомышленников из Интернационала, чтобы самому безраздельно в нем господствовать — вот какова была главная цель человека, которого его еврейские ученики любили величать “Моисеем наших дней”⁴.

К счастью для Маркса, вскоре представился удобный случай: обнаружилось, что Нечаев, бывший союзник Бакунина, был обвинен в мошенничестве; в результате на конгрессе Интернационала, состоявшемся в Лондоне в 1871 г., Генеральный Совет, возглавляемый Марксом, решил произвести расследование об участии Бакунина и Альянса социалистической демократии в деле Нечаева. Еврею Николаю Утину было поручено подготовить отчет. Утин, всегда действовавший как верный “прислужник Маркса”, уже пытался хитростью избавиться от Альянса. Ранее на заседании Женевского отделения Интернационала он и его союзники заявили, что Альянс вообще никогда не принимали в состав Интернационала; когда в ответ на это секретарь Альянса предоставил официальные письма, подписанные от имени Интернационала Эккарриусом и Юнгом, где говорилось о признании

¹ *Œuvres de Bakounine*, v. 223.

² Там же, iv. 341.

³ *Гильйом*, ссылаясь на евреев Интернационала, перечисляет наиболее влиятельных — Маркса, Утина, Мориса Гесса, Боркхайма, издателя *Zukunft*, социалистической газеты, контролируемой евреями, Хепнера, издателя *Volkstaat*, и Франкеля, члена парижской Коммуны. *Guillaume* добавляет: “Опороченные и очерненные группой интриганов, мы обязаны заявить, что одними из наиболее жестких (*les plus acharés contre nous*) были немецкие и русские евреи, которые, кажется, держаться вместе по принципу *esprit de corps*” (*Documents de l'Internationale*, ii. 157 note).

⁴ *Guillaume*, *Documents*, ii. 297.

Альянса Генеральным Советом 25 августа 1869 г., Утин спокойно ответил, что эти письма — фальшивка; его поддержала только что прибывшая из Лондона русская еврейка Дмитриева¹.

В конце концов, 25 июля 1871 г. была созвана конференция с участием двух сторон, на которой председательствовал сам Юнг и присутствовали Маркс и Энгельс. Вновь предъявили документы, и на сей раз Юнг был вынужден признать свою подпись; тем временем Энгельс, четверть часа пытавшийся увилить, пробормотал, что невозможно отрицать достоверность писем. Что касается Маркса, то, как отмечаст Гильйом, этот “великий человек, обычно столь самоуверенный в кругу своих придворных, был просто ошеломлен. Он был пойман на чудовищной лжи и это было точно доказано”².

Впоследствии Маркс отомстил Бакунину, обвинив его в двуличности и заявив, что в 1869 г. он был уверен, что Альянс распущен, тогда как на самом деле тот продолжал действовать тайно; наконец, “с помощью этих масонских методов Альянс добился того, что о его существовании даже не подозревало подавляющее большинство членов Интернационала”³.

Вряд ли кому-то удастся доискаться правды, распутав этот клубок лжи и интриг; обе стороны, как мы знаем, считали, что цель оправдывает средства, и обе откровенно лгали, чтоб утвердить свое главенство. Так что достаточно сказать, что в конце концов на Гаагском конгрессе Интернационала, проходившем в 1872 г., лондонский Генеральный Совет — “фиктивным большинством”, как утверждает князь Кропоткин, — исключил бакунистов и созданную ими Юрскую федерацию из Интернационала. Последний перевел свой Генеральный Совет в Нью-Йорк; четыре года спустя его распустили по решению Филадельфийской конференции. Так завершила свою деятельность великая организация, на протяжении 12 лет ссылавшая ужас по всей Европе. Рабочие разуверились в ней задолго до ее кончины, а инженеры Брюсселя, втянутые Интернационалом в бессмысленную забастовку, назвали его “проказой Европы” и “кучкой миллионеров на бумаге”⁴.

С 1864 г. деятельность Интернационала по улучшению условий труда была чистой фикцией; в 1870 г. он не оправдал себя как заслон на пути международных конфликтов; на протяжении всей своей недолгой истории он выступал исключительно как рассадник интриг (главным образом, пангерманских), и все его декларации о всемирном братстве

¹ *Guillaume, Documents*, ii. 157.

² Там же, ii. 176, 177.

³ *L'Alliance Sociale Democratique*.

⁴ *Heckethorn's, Secret Societies*, ii. 235.

вели только к очередному столкновению враждующих сил революции. Внутренняя жизнь Интернационала, как и любой другой революционной организации, начиная с эпохи террора, представляла собой череду мелочных склок и жалких раздоров между лидерами, совершенно чуждыми интересам народа, которого эти демагоги якобы представляли. Чтобы убедиться в справедливости этих слов, читателям достаточно познакомиться с четырехтомными “Документами Интернационала” Джеймса Гильйома (1907 г.), являющимися официальной летописью этого общества. Много нового об интригах марксистов можно узнать из новой брошюры Гильйома “Карл Маркс, пангерманист” (1915 г.) и великолепной работы Эдмонда Ласкина “Интернационал и пангерманизм” (1916 г.). Во Франции, таким образом, марксистский миф был полностью развенчан; в нашей стране вера в Маркса сохраняется до сих пор лишь потому, что ни одна из этих книг не переведена на английский язык. Очень ценная брошюра Адольфа Смита является единственной англоязычной работой этого типа, известной автору; с ней, несомненно, следует познакомить самые широкие массы¹.

С другой стороны, о выпадах против анархистов можно узнать из брошюры “Альянс социалистической демократии”, опубликованной по распоряжению конгресса, проведенного в La Haye в 1873 г.; первая ее часть написана Энгельсом и Лафаргом, а заключение — Марксом и Энгельсом “с целью убить Бакунина наповал”².

Внимательно изучив позиции обеих сторон в этой последней дискуссии, невозможно сохранить какие-либо иллюзии в отношении как Маркса, так и его оппонента; не нужно штудировать антисоциалистическую литературу, чтобы полностью осознать вероломство и лицемерие этой фиктивной организации, называвшей себя “Международным товариществом рабочих”.

¹ *The Pan-German Internationale*, статья Адольфа Смита, официальный англо-французский переводчик с 1882 г. в Конгрессе Интернационала. Перепечатано из “Times”, price 3d. Копии можно получить у Adolphe Smith, (адрес — 17 Scarsdale Terrace, Kensington, W. 8.). Жаль, что более крупная работа Mr. Smith’s “The Betrayal of the Internationale”, которой мне разрешено воспользоваться, еще не опубликована.

² *Guillaume, Documents*, iii. 148.

ГЛАВА 8

ЭРА АНАРХИЗМА

Нигилизм в России — Убийство Александра II — Возрождение ордена иллюминатов — Иоганн Мост — Революционный конгресс в Лондоне — Разгул анархизма в Западной Европе — Фенианство

Хотя в рамках Интернационала анархизм потерпел поражение, после революции 1871 г. именно он, а не государственный социализм, стал преобладать в революционном движении. В организациях Италии, Испании, Бельгии и в созданной анархистами Юрской федерации¹ произошли выступления против засилья марксистов в Интернационале, названном Бакуниным “марксистской синагогой”².

Но лучше всего анархизм прижился в России, где для него подготовили почву местные нигилисты, без усталости трудившиеся на ниве пропаганды с начала 60-х годов. Русские писатели убеждены, что *нигилизм* (сам термин, производный от латинского “*nihil*” (ничто), впервые появился в романе Тургенева “Отцы и дети” в 1861 г.) был неким таинственным учением сугубо местного происхождения, но западноевропейским читателям этой книги идеи нигилистов кажутся удивительно знакомыми. Так, например, герой романа Тургенева Базаров считал, что нужно не строить, а “сперва место расчистить”. Это вызывает в памяти слова Рабо де Сент-Этьена: “Все, да именно все должно быть разрушено, поскольку все должно быть переделано”.

Как объясняет князь Кропоткин, нигилист “объявляет войну тому, что можно назвать “традиционной ложью цивилизованного общества”... он отказывается признавать какую-либо власть, кроме власти разума Соответственно, он, “понятно, идет на разрыв с предрассудками близких” в отношении религии, тогда как в общении “он демонстрирует некую внешнюю грубость”, которая служит протестом против общепринятой вежливости. “Искусство также огульно отрицается”; отношение к нему нигилистов запечатлелось во

¹ *Ettore Zoccoli, L'Anarchia, p. 116.*

² *Kropotkine, Modern Science and Anarchism, pp. 43, 62.*

фразе: “Пара крепких ботинок важнее, чем все ваши Мадонны и все ваши утонченные рассуждения о Шекспире”¹.

“Равенство полов” было основополагающим принципом нигилизма; как отмечает Дешан, оно означало не что иное, как разрушение семейной жизни². “По мнению нигилистов, мужчины и женщины должны жить вместе небольшими группами, где все будет общим. Чтобы стать полностью независимой, женщина должна самостоятельно обеспечивать себе средства существования”. Поскольку материнство является проявлением естественного неравенства, “женщины-нигилистки охотно отказываются от своего потомства”³.

Понятно, что в первую очередь следовало уничтожить религию; Степняк-Кравчинский восторженно описывает кампанию, проведенную в России группой пропагандистов-энтузиастов, которые проповедовали материализм как изустно, так и через печать. “Атеизм возбуждал людей подобно новой религии. Пропагандисты, как истинные миссионеры, устремлялись на поиск человеческих душ, чтобы очистить их от мерзости христианства”⁴.

Разве не тем же занимался Анахарсис Клоотс, пока не взошел на эшафот? И разве все это не было лишь возрождением замыслов иллюминатов? Предположение Дешана, что нигилизм был просто восточно-европейским ответвлением Альянса социалистической демократии, построенным на принципах ордена Вейсгаупта, представляется менее убедительным, чем его мысль о том, что молодые русские философы познакомились с теорией иллюминизма в процессе обучения в немецких университетах. Сам Тургенев провел 3 года в Берлине, изучая философию Гегеля. Так что именно из Германии иллюминизм в обличье нигилизма попал в Россию. Появление самого этого термина было предсказано Жозефом де Мэстром, который в самом начале столетия заявил, что идеи иллюминизма превратят людей в “*rienister*” (от фр. “*rien*” — ничто. — *Перев.*)⁵.

Перенесенные на чужеродную почву, эти идеи расцвели в России пышным цветом — что и не удивительно. Мысль о том, что “цивилизация — это зло”, могла казаться нелепой в Западной Европе, но не в России. Здесь цивилизация, существующая в виде чужеземной штукатурки, нанесенной на первозданный фасад местной жизни, даже не

¹ *Fribourg. L'Association Internationale des Travailleurs*, p. 184.

² *Kropotkin. Memoirs of a Revolutionary*. ii. 86, 88.

³ *Deschamps*, ii. 574.

⁴ *Stepniak. Underground Russia*, p. 5.

⁵ *Deschamps*, ii. 586.

анархистами могла трактоваться как “зло” — или, по крайней мере, как нечто, изначально нуждающееся в переделке.

Цивилизация, чтобы быть хоть сколько-нибудь ценной для народа, должна пройти путь долгого развития — более того, должна укорениться в людских сердцах, а не сводиться к стилю жизни. В Англии были Альфред Великий и Ричард Львиное Сердце, во Франции — Святой Людовик и Генрих IV. Эти и другие монархи, закладывая основы своих цивилизаций, сумели внедрить в народную натуру те принципы гуманизма и сострадания, чести и справедливости, которые во Франции, например, не смогла полностью искоренить даже революция.

Россия находилась вне сферы их влияния; принадлежала к тюркской, а не римо-католической цивилизации, она пребывала в состоянии варварства вплоть до времен Петра Великого, который начал перелицовывать на западноевропейский манер русскую жизнь; результатом, в силу природы последней, стала культура, в равной мере незрелая и неорганичная. Говоря другими словами, цивилизация, существовавшая в России в XIX в., была своеобразным новообразованием на национальной почве; точнее, это была немецкая цивилизация, абсолютно чуждая духу русского народа. В жизни русских крестьян было немало доброго и полезного. Де Кустин утверждал, что стоит съездить в Россию хотя бы для того, чтобы увидеть “патриархальное общество в чистом виде” и “добродушные лица” стариков-крестьян, по вчерам с достоинством восседающих перед своими домами¹. “Только здесь, в глубине России, можно понять, какими способностями был наделен первобытный человек и чего лишила его утонченность нашей цивилизации. Повторяю еще раз: в этой патриархальной стране цивилизация портит человека”².

Так что нетрудно понять, почему в России проповедуемые иллюминатами идеи возврата к природе находили отклик даже в чуждых анархизму умах; и если нигилисты намеревались уничтожить только эту чуждую иноземную цивилизацию, можно ли их осуждать? Если они могли предложить что-нибудь лучшее взамен, кто бы не одобрил их намерения?

Но трагедия России в том и состоит, что ей никогда не позволяли идти своим собственным, национально-самобытным путем; Романовы заставляли ее подражать западной цивилизации, а теперь революционеры пытались обучить ее тому, как бороться с этой цивилизацией в западноевропейском стиле. Бакунин обрушивался на немецко-петербург-

¹ *La Russie en 1839*, iv. 9, 10.

² Там же, iv. 97.

ский империализм, а его последователи принесли взамен него в Россию не что иное, как немецкий иллюминизм. Склонность к анархизму, затаенную в русской душе (вспомним барона Унгерна фон Стериберга), решили заставить служить интересам всемирной революции. Ведь, несмотря на безмятежность, названную де Кустином отличительной чертой русского крестьянина в его нормальном состоянии, он весьма охотно откликается на призывы к насилию. И если мы учтем эту его особенность, если вспомним о его склонности к пьянству и жестокости, скрытой за внешней бесстрастностью, то поймем, как опасно лишить его единственного сдерживающего начала — почитания Бога и царя.

В таком случае, должно ли было царское правительство мириться с кампанией гражданского неповиновения и воинствующего атеизма, развязанной нигилистами в 1866 г.?

Можно ли всерьез полагать, что правительство занималось своим прямым делом, если оно не сумело бы защитить простое крестьянство от этих губительных идей?

Что ему оставалось, как не арестовывать, бросать в тюрьмы, ссылать и подавлять всеми возможными методами носителей заразы, способной полностью отравить жизнь народа? Если же эти методы напоминали скорее методы восточных деспотов, чем наших просвещенных законодателей, то не следует упускать из виду, что правителей России, как и их подданных, нельзя судить по западным меркам. Кроме того, не оправдывая этих жестоких репрессий, мы должны признать, что существовала и обратная сторона медали.

Давайте поставим себя на место Николая I, которого принято считать деспотом и самодуром. Взойдя на трон в то время, когда еще были памяты жестокие уроки Французской революции, он тут же столкнулся с декабристским восстанием, явно организованным тайными силами; безусловно, это событие глубоко его поразило. Тем не менее, разве не он посетил Роберта Оуэна в Нью-Ленарке, а в 1839 г. принял депутацию от крепостных, хотевших перейти в собственность царской семьи, уверяя их, что желает их освобождения (пусть и с весьма плачевными результатами)? Вполне естественно, поэтому, что он заявлял: “В России существует еще деспотизм, потому что он составляет основу всего управления, но он вполне согласуется и с духом народа”¹. За 300 лет до этого австрийский посол в Москве задался вопросом: характер ли русского народа создал властителей-деспотов, или же такие властители сформировали характер русского народа²; де

¹ *de Custine, La Russie en 1839, ii. 46.*

² Там же, i. 241.

Кустин, размышляя о том же в 1839 г., высказал такое мнение: “Если железная рука, которая управляет этим все еще диким народом, хоть на мгновение ослабнет, все общество будет уничтожено”¹.

Достаточно изучить историю России в XIX в., чтобы понять, что каждая попытка реформ становилась сигналом к новой вспышке революционной агитации. Нигилисты появились на сцене непосредственно вслед за эпохой реформ Александра II. Освобождение крепостных в 1861 г. не положило конец агитации; но даже если, как нас уверяют, эта мера не удовлетворила крестьян, мы должны все же признать искренность намерений императора. Выступить против него в такой момент означало вынудить его принять ответные меры и приостановить весь процесс реформирования.

Не стоит повторяться, говоря о том, что насилие порождает насилие; и если считать нигилизм результатом репрессий, то нужно признать и так называемый “царизм” следствием революционной агитации. Революционеры составляли тайные заговоры против государства, а государство защищало себя с помощью “Третьего отделения”; власти запрещали “неблагонадежные” брошюры, и торговцы недозволенной литературой удваивали свои усилия по ее ввозу в страну; обе стороны пытались одержать верх, и, значит, из раз возникшего порочного круга не было выхода.

Но только после 1871 г. революционное движение в России вступило в фазу силового протеста. Пример Парижской Коммуны был заразителен, и революционеры, известные уже не как нигилисты, а как революционеры-социалисты, прибегли к ряду карательных акций, которыми ознаменовались 1873—1881 гг.

Немало было написано о героизме, самопожертвовании и кипучей энергии членов кружка Чайковского, возникшего в конце 1872 г. в Санкт-Петербурге и имевшего отделения в Москве и других крупных городах России. Эта небольшая группа пропагандистов, состоявшая исключительно из интеллигенции, принадлежащей к высшему и среднему классу, действительно, продемонстрировала большую отвагу и стойкость, когда настал час переходить от слов к делу, но в самом начале, как следует из показаний самих членов кружка, они получали немалое удовольствие от новизны происходящего и от того возбуждения, которое доставляла им новая жизнь.

Чтобы понять это, нужно знать русских по личному опыту; для них интриги, особенно политические, необходимы, как воздух; мы уже знаем, что тому же Бакунину процесс подготовки революции — тайные

¹ *de Custine, La Russie en 1839, ii. 217.*

знаки и шифры, химические чернила, ночные дискуссии за часм и сигаретами — доставлял радость, непостижимую для ума западноевропейца. С особой силой эта страсть проявлялась в молодых русских женщинах, которые совершенствовались в искусстве плетения тайных политических интриг, состоя на царской службе; Екатерина Великая активно использовала этих “Северных Аспасий” в качестве своих неофициальных посланниц и шпионок, а при Николае I та же “организованная женская дипломатия” осуществлялась “политическими амазонками”, чья страсть к участию в государственных делах поглощала их настолько, что они забывали обо всем на свете — даже о любви.

Легко понять, что женщинам такого типа участие в революционном движении сулило еще более привлекательные перспективы: прелесть интриги дополнялась очарованием новизны и волнением, сопутствующим опасности. Коротко стриженные русские девушки в мальчишеской одежде, понаехавшие в Цюрих изучать медицину или другие предметы, в полной мере наслаждались радостью этого приключения; по возвращении в Россию тысячи бывших студентов и студенток устремлялись в города и деревни, чтобы нести в народ социалистическую пропаганду. Молодых, сильных и безрассудных вполне устраивал такой образ жизни; так, в рассказах князя Кропоткина о его приключениях в бытность членом кружка Чайковского трудно не ощутить пережитое им некогда радостное волнение. Надев крестьянскую рубашку и пальто поверх шелкового белья, этот аристократ-анархист выскальзывал ночью из Зимнего дворца и пробирался в петербургские трущобы, где проходили собрания рабочих.

Пресыщенной аристократии казалось довольно забавным рядиться в крестьян, и Кропоткин, как одетый в овечий тулуп “Бородин”, был настоящим оракулом для таких же ряженных, которых подобное времяпровождение занимало, по-видимому, куда больше, чем тоскливые условности петербургского света.

Петр Кропоткин, который был куда более сдержанным, чем Бакунин, мечтателем-анархистом, родился в 1842 г. в Москве. Будучи последователем и горячим поклонником Бакунина, в своей частной жизни Кропоткин во многом превзошел своего учителя. В отличие от Бакунина, он был рабочим, хотя и не в том смысле, который он вкладывал в это слово в своих сочинениях. Отождествляя себя с “пролетариатом” в заявлениях типа “мы добьемся того, чтобы наши права уважали”, он, безусловно, просто кокетничал. Занимаясь всю жизнь не физическим, а умственным трудом, Кропоткин был

аристократом, весьма походившим на тех французских аристократов, которые до 1789 г. любили порассуждать о необходимости изменения существующего порядка вещей. Все построения Кропоткина отличаются отсутствием реализма; он никогда не вступал в схватку с жизнью, как Бакунин. “Русский великан” был реалистом; проповедуя революцию, он прекрасно знал, что она означает насилие, кровопролитие, смятение и хаос — словом все то, что радовало его душу. Что касается человеческой природы, то, как мы знаем, относительно ее он не питал никаких иллюзий, и не кто иной, как преступники, пользовались его горячей симпатией. Кропоткин же, менее практичный или, возможно, менее честный, не раз выражал безграничную веру в человеческую натуру; ученик как Руссо, так и Вейсгаупта, он придерживался мнения, что “неравенство имуществ и жизненных условий, эксплуатация человека человеком и господство меньшинства над большинством подорвали и разрушили в ходе эволюции драгоценные качества первобытного образа жизни”¹ (фрагмент, похожий на выдержку из знаменитого эссе Руссо “О происхождении и основаниях неравенства между людьми”).

Так же слепо игнорируя правду, Кропоткин, подобно Руссо, превозносил счастье и благожелательность дикарей², “братство и солидарность”, якобы отличающие жизнь племени, “гостеприимство примитивных народов, их уважение к человеческой жизни, сострадание к слабым” и личное самопожертвование. Неизбежно придя к тем же выводам, что и Вейсгаупт, Кропоткин утверждал, что в силу природной добродетельности человека нужно устранить все связывающие его ограничения, ликвидировать все законы и правительства — даже убийц не стоит наказывать, а к преступникам следует “относиться с братской любовью”³. Многие из этих утверждений столь живо напоминают теории Вейсгаупта, что нельзя не поверить, что Кропоткин, подобно Бакунину, попал под влияние иллюминизма и сознательно действовал в интересах секты, ставившей своей целью “всмирную революцию, которая нанесет обществу смертельный удар”.

Связь между всеми последователями Вейсгаупта можно установить только путем сопоставления их сочинений: отдельные их фрагменты так схожи между собой, что это нельзя объяснить простым совпадением, а идея всмирной революции проходит сквозь них красной нитью, ни разу не прерываясь. И, действительно, сам

¹ *Kropotkine, Paroles d'un revolte*, p. 19.

² *Les Temps nouveaux*, p. 21.

³ *Paroles d'un revolte*, pp. 223, 242, 244.

Кропоткин сообщает нам, что между Альянсом социалистической демократии, созданным Бакуниным, и тайными обществами 1795 г. имелась “прямая преемственность”¹. Так что если нигилисты действовали сообща с Альянсом (а в этом мы можем не сомневаться), то нетрудно догадаться, каким образом теории Филадельфийской ложи проникли в кружок Чайковского.

Не удивительно, что в работе Кропоткина “*Paroles d’un révolté*” (“Слово о мятеже”, франц. — Перев.), более конкретно, чем в любой другой, очерчивается его революционная программа, мы, кажется, снова слышим голос иллюмината Гракха Бабефа, члена Филадельфийской ложи и продолжателя дела Вейсгаупта. Не будучи коммунистом, как Бабеф, Кропоткин, тем не менее, защищал ту же систему бартерной торговли. “Вам нужны инструменты и машины?, — спрашивал он крестьян. — Вы добьетесь взаимопонимания с городскими рабочими, которые пришлют их вам в обмен на ваши продукты”²; таким образом, нас всерьез заставляют поверить в жизнь, основанную на постоянном соизмерении ценностей: например, крестьянин требует косу в обмен на отправленные им в город индюшиные яйца; однако, если их стоимость сочтут недостаточной, ему могут прислать за них долото, которое ему совершенно не нужно!

Но Кропоткин наследовал Бабефа не только в подобных комичных сюжетах, но и в организации грядущей революции. Не следует забывать, что Бабеф первым провозгласил наступление “великого дня народа” — дня, предвещающего приход коммунизма, когда обезумевшие толпы набросятся на все богатства мира. Этот простой экспресс-метод осуществления революции, давно отвергнутый коммунистами в пользу постепенного завоевания политической власти, теперь оказался в арсенале анархистов, стремящихся утвердить собственный, отличный от коммунистического, строй; так что в главе, посвященной экспроприации, Кропоткин почти дословно воспроизвел программу Бабефа.

“Только всеобщая экспроприация, — писал Кропоткин, — может удовлетворить миллионы страждущих и угнетенных. Их нужно заставить перейти от теории к практике. Но чтобы экспроприация отвечала своей главной цели — полностью ликвидировать частную собственность и возратить все всем, она должна осуществиться в самом широком масштабе. В ограниченном масштабе это будет не что

¹ *Kropotkin, The Great French Revolution, p. 580.*

² *Paroles d’un revolte, p. 166.*

иное, как грабеж, в большом же это ознаменует начало реорганизации общества”¹.

Но хотя Бакунин и заявлял, что “грабеж является одним из наиболее почитаемых явлений русской национальной жизни”, а “тот, кто не понимает природы грабежа, ничего не поймет в истории русских низов”², представлялось вполне очевидным, что план передачи всей собственности в руки мятежников не мог быть поддержан широкими массами. “Было бы роковой ошибкой, — писал Кропоткин с явным сожалением, — полагать, что идея экспроприации уже проникла в умы всех рабочих и стала одним из тех убеждений, за которые честный человек готов пожертвовать жизнью. До этого еще далеко!”³. Далее он объяснял необходимость воспитания народа в соответствии с этим высоким идеалом.

Чтобы убедить русских крестьян превзойти французов предшествующего столетия в захвате общественных богатств, “мы, революционеры-социалисты, — писал он, — с этой минуты должны работать, не покладая рук, стремясь утвердить идею экспроприации словом и делом... Пусть слово “экспроприация” проникнет в каждую русскую общину, пусть его обсуждают в каждой деревне, пусть оно станет для каждого рабочего и каждого крестьянина неизменным спутником слова “анархизм”, и тогда, и только тогда, мы будем уверены, что в день революции оно будет у всех на устах, что оно грозно возвысится и будет подхвачено всем народом, и что людская кровь не прольется напрасно”⁴.

Даже идол Кропоткина Марат не мог бы выступить с более откровенным призывом к насилию; а если принять во внимание, что Кропоткин был одним из ведущих членов кружка Чайковского и что именно такого рода пропагандой занималась, начиная с 1872 г., эта группа героических “миссионеров”, то нет ничего удивительного в том, что правительство вновь сочло нужным вмешаться в ход событий.

Согласно правительственному циркуляру, 37 губерний были “поражены” социалистической заразой⁵, и в 1878 г. появился приказ о массовых арестах. Опять все двинулось по замкнутому кругу: пропагандист Боголюбов был выпорот полицией, в ответ на что революционерка Вера Засулич попыталась застрелить петербургского градоначальника Третьякова; Засулич оправдали, но был убит Ковальский,

¹ *Paroles d'un revolte*, p. 337.

² *Words addressed to Students*, by Bakunin and Netchaieff (1869).

³ *Paroles d'un revolte*, p. 320.

⁴ Там же, с. 322.

⁵ *Stepniak*, *Underground Russia*, p. 28.

руководитель одесского революционного кружка; за него отомстили Степняк-Кравчинский, заколовший на Невском проспекте шефа жандармов Мезенцева.

Затем последовала серия покушений на жизнь Александра II: в сентябре 1879 г. заговорщики во главе с Софьей Перовской и Львом Гартманом разработали план взрыва императорского поезда на подъездах к Москве, но в пущенном ими под откос поезде не оказалось императора; в следующем году двум другим террористам, Халтурину и Желябову, удалось взорвать заряд динамита под гостиной Зимнего дворца, но император вновь остался невредим.

Тем временем Александр II со своим новым министром графом Лорис-Меликовым продолжал разрабатывать планы реформ. Лорис-Меликов, какими бы ни были его недостатки, являлся человеком гораздо более либеральных взглядов, чем его предшественники; один русский автор заявил, что “некоторые предпринятые им меры должны были показать каждому мыслящему человеку, что он задумал осуществить далеко идущие реформы, которые могли бы привести к возрождению России”¹. Так или иначе, Лорис-Меликов, без сомнения, в значительной степени повлиял на решение императора созвать совещание по вопросам реформ, и, что более важно, именно он 2 марта 1881 г. положил перед государем план конституции.

В этом контексте уместно вспомнить высказанную выше гипотезу о том, что слово “конституция” было боевым кличем тайных обществ. Мы знаем, что в годы Французской революции как разработка конституции (1789 г.), так и ее принятие королем (1791 г.) служили сигналом к новым вспышкам революционного насилия; мы знаем, что этим лозунгом руководствовались декабристы в 1825 г.; теперь то же самое повторилось в России в 1881 г.

Не успел Лорис-Меликов приступить к разработке реформы, как произошло покушение на его жизнь, а в тот самый день, когда Александр II подписал конституцию, он погиб от руки убийцы.

Даже князь Кропоткин был вынужден признать мужество и благородное самоотречение императора в тот критический момент, когда по сигналу Софьи Перовской была брошена бомба в царскую карету, проезжавшую вдоль Екатерининского канала; получили ранения лишь сопровождающие ее конные казаки, и кучер убеждал царя немедленно ехать дальше. Но Александр отказался бросить своих спутников на произвол судьбы и осознанно сделал шаг навстречу своей смерти. В ту минуту, когда он направился к раненым и умирающим

¹ *Konni Zilliacus, The Revolutinary Movement in Russia, p. 101.*

казакам, лежащим в снегу близ его кареты, второй убийца с немыслимым коварством бросил другую бомбу, и на сей раз Александр был смертельно ранен.

Той же ночью проект конституции с подписью императора был разорван в клочки одним из советников его сына.

Так в одночасье рухнули надежды на проведение в России уже задуманных реформ. За бесчеловечным преступлением незамедлительно последовало соответствующее наказание. Заговорщики — Желябов, Рысаков, Софья Перовская и еще двое — по слухам, были казнены с беспримерной жестокостью.

Но хотя это варварство и заслуживает осуждения, мы должны, безусловно, признать, что обе стороны были равно жестоки. Жалея так называемых “мучеников”, принесенных в жертву царскому деспотизму, мы должны одновременно задаться вопросом: а жалели ли они своих жертв, т. е. не только “носителей деспотизма”, которых они вознамерились уничтожить, но и ни в чем не повинных людей из народа, погибших вместе с ними? Во что они оценивали человеческую жизнь, пытаясь подорвать царский поезд? Задумывались ли они о судьбе машиниста и других рабочих, пострадавших в этой катастрофе? Или о судьбе многих других людей, убитых или раненых в результате этого неудавшегося покушения? Было ли им жаль тех стоявших на карауле тридцать солдат, которые погибли при взрыве в Зимнем дворце?

Так что жался “мучеников”, чьи страдания нельзя оправдать никакими доводами, давайте все же сохраним немного жалости для тех забытых всеми жертв, чьи судьбы, по-видимому, безразличны всем теоретикам революции.

АНАРХИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В 1878 г. кровавые события в России эхом отозвались в Западной Европе; четверо ведущих анархистов — Кропоткин, Кафьеро, Малатеста и Брусс — выработали программу проведения террористических актов в международном масштабе, названную ими “пропагандой действия”; революционеры приступили к ее осуществлению, совершив покушение на жизнь короля Италии Умберто. За этим последовали два аналогичных покушения, совершенных в течение одного месяца и направленных против императора Германии Вильгельма I. Если верить социалистам, то ни Гедель, ни доктор Карл Нибблинг, стрелявшие в императора в Берлине, не имели никакого отношения к социалистическому или анархическому движению и исчерпали свою роль, создав

предлог для появления закона, направленного против социалистов, который Бисмарк успешно принял в конце того же года. Это было бы вполне в духе немецкой имперской политики, заключавшейся в безжалостном подавлении на территории Германии тех подрывных сил, которые так охотно использовались за ее пределами; так что можно допустить, что такой полоумный юнец как Гедель (в карманах которого оказались фотографии руководителей социалистов, Либкнехта и Бебеля, подсунутые ему берлинской полицией) мог быть нанят специально — как известно, агенты-provokatory пользуются особой любовью деспотических режимов.

Таким образом, Бисмарк сумел подавить в зародыше не только социализм, но и анархизм, который в лице Иоганна Моста мог перерасти в серьезную опасность.

Саму Германию, по замечанию Зенкера, “можно назвать свободной от анархистов европейской страной”¹. Немецкий народ по своей натуре не склонен к индивидуализму и всегда одобряет то, что дает полный простор его стадному чувству, будь то прусский милитаризм или государственный социализм. Так что, в конечном итоге, Мост был изгнан самими социал-демократами. Следует отметить, что всякий раз, когда агитаторы всерьез угрожают миру в Германии, их или немедленно подавляют, или отправляют на экспорт — предпочтительно в Англию. В 1879 г., то ли в соответствии с этой политикой, то ли по собственной инициативе, Мост прибыл в Лондон, где он организовал общество под названием “Объединенные социалисты”, основанное на принципах “Коммунистического манифеста”; его девизом стал марксистский клич: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”. В то же время он основал тайную ассоциацию под названием “Клуб пропагандистов” с целью подготовки “всеобщей революции”².

Впрочем, в Лондоне его деятельность обещала стать еще менее продуктивной, чем в Берлине. “Англия — это извечное прибежище политических преступников, — писал Зенкер в 1895 г., — и хотя она приютила Бакунина, Кропоткина, Реклю, Моста, Пенкерта, Луизу Мишель, Кафьеро, Малатесту и других вождей анархизма, и все еще дает приют некоторым из них, а в Лондоне нет недостатка в анархических клубах и газетах, собраниях и конгрессах, все же здесь так и не возник анархизм “местного образца”; все это время Англия оставалась только чем-то вроде биржи или рынка для обмена анархистскими идеями, силами и пропагандистской литературой.

¹ E. V. Zenker, *Anarchism* (Eng. trans.), p. 238.

² Dr. Zucher. *Die Rothe Internationale* (1884).

Лондон — это, прежде всего, штаб-квартира немецких анархистов; английские рабочие, однако, всегда относились к их идеям с явным безразличием, в то время как правительство всегда трактовало эксцентричные действия анархистов (до тех пор, пока они ограничивались разговорами и сочинительством) в духе теории непротивления”¹. Действительно, в Англии сопротивление доктринам Моста было столь велико, что, когда он задумал издавать собственную газету “Свобода”, ему не удалось найти ни одного наборщика, который бы взялся за это дело. Увы! С распространением “образования” (?) такие препятствия давно устранены!

В 1881 г. князь Кропоткин посетил Лондон, и оказанный ему прием также нашел весьма прохладным. Его выступления проходили в практически пустых залах. Только в городах на севере Англии анархические идеи были встречены с известной долей энтузиазма. “Год, проведенный в Лондоне, — вспоминал он уныло, — стал годом настоящей ссылки. Человеку с передовыми социалистическими взглядами там было нечем дышать. Не было и намека на то оживление в социалистическом движении, которое я застал, вернувшись туда в 1886 г.”²

Но что изменилось за эти 5 лет? Что вдохнуло новую жизнь в планы осуществления всемирной революции? В прошлом, как мы знаем, тайные общества нуждались в посреднике, с помощью которого они действовали; после поглощения их Интернационалом, так называемое “Международное товарищество рабочих” стало официальным прикрытием для сектантов всех мастей. Но со смертью Интернационала возникла потребность в организации тайных обществ; именно в этот критический момент вновь возродился *подлинный орден иллюминатов, созданный некогда Вейсгауптом*.

Очень трудно установить какие-либо факты об этом давно учрежденном ордене, поскольку, понятно, их тщательно скрывали от общественности, и, кроме того, как и в случае с иллюминатами образца 1776 г., заинтересованные лица прилагали все усилия, чтобы утаить существование этого общества или же, если это не было возможным,

¹ *Anarchism*, p. 242. Зенкер здесь проявляет великолепную проницательность относительно британского правительства, что обычно не пол силу иностранцам. эту преобладающую идею на континенте (особенно во Франции) относительно терпимости проявляемой этой страной к чужеродным пропагандистским источникам в политике Machiavellian, подогревающей подрывные взгляды для ослабления сил противника. С французской точки зрения, наша naïvete (наивность — франц.) непостижима: невозможно поверить, что в самом деле мы считаем этих людей безобидными эксцентриками, которых подавлять было бы слишком жестоко.

² *Memoirs of a Revolutionary*, ii. 251.

представить его некой вполне безобидной организацией, не имеющей какого-либо значения.

Определенно известно лишь то, что данное общество было создано заново в Дрездене в 1880 г.¹ (а не в 1896 г., как утверждалось ранее); похоже, однако, что его существование оставалось тайной вплоть до 1899 г. Без сомнения, оно сознательно строилось на принципах организации, существовавшей в XVIII в.: это следует хотя бы из того, что его руководитель, некто Леопольд Энгель, написал пространный панегирик, посвященный Вейсгаупту и его ордену, под названием “История ордена иллюминатов” (издан в 1906 г.), а в 1903 г. была воссоздана ложа в Ингольштадте. Печатным органом ассоциации, начиная с 1893 г., является “Дас Ворт”. Общество это существует и в настоящее время и, как полагают, имеет сторонников не только на континенте, но и в Англии.

Конечно, нас будут уверять, что эта организация не имеет никакого отношения к событиям всемирной революции — и все же факт остается фактом: в 1880 г., когда она была воссоздана, наместилось оживление в революционном движении как в Европе, так и в Америке.

20 августа того же года в Швейцарии состоялся тайный революционный конгресс, ознаменовавшийся полным разрывом между двумя немецкими группировками: социал-демократы во главе с Либкнехтом и Бебелем формально исключили из своей организации анархистов под руководством Иоганна Моста и Хассельмана. Идеи последнего, в изложении Захера, полностью согласуются с планами первых иллюминатов:

“Они считали существующий строй настолько прогнившим, что были готовы уничтожить его любыми средствами, сколь бы жестокими они ни были, мало заботясь о том, чем заменить то, что они разрушат. Их идеалом был всеобщий хаос, который неизбежно вел к войне всех против всех и к полному уничтожению цивилизации”².

Связь между этими заговорщиками и русскими нигилистами также вполне очевидна. Через два дня после убийства Александра II Хассельман выступил на собрании в Нью-Йорке, которое обратилось к нигилистам с приветствием, содержащим слова: “Братья, мы полностью одобряем ваши действия. Убивайте, разрушайте, превращайте все в *tabula rasa*, пока ваши и наши враги не будут уничтожены”³. В этом и заключалось основное кредо нигилизма.

¹ “Die Religion in Geschichte und Gegenwart”. Encyclopedia, издана Friedrich Schue, Leopold Zschmack (Tübingen, 1812 г.); статья об “Illuminaten”.
Zacher, Die Rothe Internationale.

² Там же, с. 28.

Социал-демократы отличались от анархистов лишь убеждением, что продвижение к избранной цели должно быть более постепенным; именно в этом, как отмечает Захер, и состоит сущность их “умеренности” — если социалисты “пытаются выдать себя за миролюбивую реформистскую партию, то это не что иное, как стратегический маневр, призванный сохранить видимость законности в глазах общественного мнения и не отпугнуть колеблющихся ... Однако, как бы ни расходились две группы немецких социалистов, т.е. социал-демократы и анархисты, во взглядах на то, какой политики нужно придерживаться и к какой цели стремиться, обе они исходят из одной посылки: существующий строй не имеет права на существование и поэтому должен быть уничтожен, чего можно достичь лишь с помощью насилия .

Кроме того, печатные органы обеих партий, т.е. “Социал-демократ” так называемых “умеренных” и “Freiheit” (“Свобода”, нем. — *Перев.*) анархистов, откровенно пропагандировали идеи Вейсгаупта, Клоотса и Бакунина. Так, например, касаясь вопроса религии, “Социал-демократ” от 25 мая 1880 г. провозглашал, что “следует прямо назвать христианство злейшим врагом социал-демократии... Когда Бог изгнан из людских умов, не остается места для привилегий, данных “милостью Божией”, а когда рай признают величайшим обманом, люди захотят утвердить его на земле. Поэтому противник христианства является одновременно противником монархии и капитализма”¹.

В том же духе “Freiheit” от 5 февраля 1881 г. характеризовал христианство как “изобретенное мошенниками надувательство”; далее отмечалось: “Попытайтесь перечитать Библию, если, конечно, сможете преодолеть то отвращение, которое овладевает вами, когда вы открываете эту самую одиозную из всех позорных книг, и вскоре вы убедитесь, что Бог, о котором она столько разглагольствует, — это стоглавый, огнедышащий, мстительный и злобный дракон”².

Со страниц “Freiheit” от 18 декабря 1880 г. вновь прозвучал призыв к войне с буржуазией, начатой Маратом, Робеспьером, Клоотсом и Эбером под влиянием иллюминатов: “Объектом народного гнева должны стать уже не аристократы и короли. Чтобы добить их, хватит, по-видимому, одного-двух ударов. Нет, в грядущих классовых битвах нужно будет полностью сокрушить средний класс”. Или же: “Истребим все презренное отродье! Таков припев революционной

¹ Zacher. Die Rothe Internationale, p. 27.

² Там же, с. 25.

песни... Ныне наука вооружает средствами, позволяющими полностью уничтожить этих скотов в спокойной и деловой манере”¹.

В июле 1881 г. анархисты провели в Лондоне весьма скромный Международный революционный конгресс; его работой руководили Иоганн Мост и немецко-еврейский нигилист Гартман (за 2 года до этого разработавший план подрыва царского поезда); князь Кропоткин присутствовал на конгрессе как делегат от анархистов Лиона. Среди принятых здесь резолюций была следующая:

“Революционеры всех стран объединяются в “Международное социал-революционное товарищество рабочих” с целью осуществления социальной революции. Штаб-квартира “Товарищества” находится в Лондоне, а подкомитеты создаются в Париже, Женеве и Нью-Йорке... В целях непрерывного обмена информацией комитеты всех стран регулярно переписываются между собой и с главным комитетом, прибегая к помощи посредников; их обязанностью является сбор денег для закупки яда и оружия, а также выявления мест, где можно наладить производство мин и пр. Для достижения намеченной цели, т. е. уничтожения всех правителей, государственных министров, знати, духовенства, наиболее видных капиталистов и других эксплуататоров, любые средства хороши; поэтому нужно уделить особое внимание изучению химии и технологии производства взрывчатых веществ, являющихся наиболее важным оружием”².

Это было уже несколько чересчур даже для благодушного британского правительства, и Мост был, наконец, осужден на 18 месяцев лишения свободы. Возмущенный таким обращением, а еще более — трудностями, связанными с изданием “Freiheit”, “Мост, ропща, покинул неблагодарную старую Англию и устремился в Новый Свет, где, однако, к нему отнеслись (если такое вообще возможно) еще менее серьезно”³.

Князь Кропоткин также отряхнул прах Британии со своих ног. “Мы с женой, — писал он, — чувствовали себя в Лондоне такими одинокими, и наши попытки разбудить в Англии социалистическое движение казалось настолько безнадежным, что осенью 1882 г. мы решили вернуться во Францию. Мы были уверены, что во Франции

¹ Zacher, Die Rothe Internationale, p. 26.

² Zenker, Anarchism, p. 231; Zacher, Die Rothe Internationale.

³ Zenker, p. 243.

меня вскоре арестуют; но мы часто говорили друг другу: “Лучше французская тюрьма, чем эта могила”¹.

Людам, которые видят в русском революционном движении только естественную реакцию на репрессии, стоит поразмыслить над этими словами. Революционер-иностранец, получивший от британского правительства широчайшую свободу действий, не нашел для него слов благодарности или признательности — как, кажется, так и не понял, что царящая в Англии свобода объясняет те трудности, с которыми он столкнулся, пытаясь раздуть здесь революционный пожар. Кропоткину эта свободная земля даже в большей степени, чем царская Россия, представлялась “могилой”.

Очевидно, что оживление, наступившее в революционном движении, ни в коей мере нельзя приписать умонастроениям масс; в то же время оно точно совпало с реорганизацией в среде иллюминатов. Даже скептиков, безусловно, должен заинтриговать тот факт, что данное общество было воссоздано в 1880 г., а уже 1 января 1881 г., т.е. почти тогда же, когда князь Кропоткин сетовал на отсутствие революционного энтузиазма среди британских рабочих, Гайндман в “Девятнадцатом веке” провозгласил “зарю революционной эпохи”. Очевидно, что массы в очередной раз не были посвящены в тайны этого движения и ничего не ведали о том, как оно подготавливалось в сотрудничестве с иностранными революционерами. Но связь между тогдашними тайными организациями и немецкими иллюминатами вполне очевидна. Так, в Лондоне существовала ложа с тем же названием, что и та, к которой принадлежал иллюминат Гракх Бабеф — “Филадельфы”, придерживавшаяся Мемфисского Устава, как известно, созданного Калиостро на основе египетского оккультизма, и посвящавшая адептов в высшие ранги иллюминизированного масонства². Именно на нее опирались Иоганн Мост и Гартман, именно с ее помощью они, несмотря на сопротивление печатников, смогли какое-то время издавать свой журнал “Freiheit”, и именно организации подобного толка, находящиеся в Нью-Йорке, Чикаго и Филадельфии, приняли Моста и Гартмана по их прибытии в Америку. То, что эти американские организации находились в тесном контакте с анархистским движением в Англии, подтверждается тем, что их делегаты присутствовали на упомянутом выше

¹ *Memoirs of a Revolutionist*, ii. 254. В свете этого предложения было бы забавно найти английскую прессу, где князь Кропоткин обычно упоминает как тот, “кто искренне любит Англию!”.

² *Deschamps*, iii. 628.

Международном конгрессе в июле 1881 г. “с целью изучения химических методов, которые могут быть полезными для дела революции”¹.

Похоже, что в планах всех этих заговорщиков Англии отводилось центральное место; об этом свидетельствует статья, появившаяся в “Нью-Йоркском мире” год-два спустя: “ДА БУДЕТ ТАК! УНИЧТОЖИМ БЕСЧЕСТИЕ!”

На Европу надвигается революционная буря, которая сокрушит и навсегда уничтожит гидру монархии и аристократии Старого Мира. В России действуют нигилисты. Во Франции грядет приход коммунистов. В Германии скоро снова поднимутся миллионы социал-демократов, как это было во время Фердинанда Лассаля. В Италии то и дело слышен голос интернационалистов. В Испании постоянно напоминает о себе “Черная Рука”. В Ирландии не прекращается террор фениев и “мстителей”, а в Англии крепнет “Земельная лига”. Все жаждут голубой крови монархов и аристократов. Все хотят видеть, как она вновь прольется на эшафоте. Будет ли это гильотина, которая снесла голову Людовику XVI? Или топор палача, обезглавивший Карла I? Или динамит, разорвавший на части Александра II? Или это будет петля на шее очередного британского монарха?

Никто не может этого сказать, кроме будущих английских санкюлотов, потомков Дурака Вамбы и Свинопаса Гурта, которые сами вынесут приговор и без колебаний приведут его в исполнение. Они заставят тех, кто жиреет и наслаждается жизнью в замках и аббатствах, на землях, украденных у саксов, кощунственно отобранных у католической церкви и всячески оберегаемых от крестьянства и городских рабочих, пожалеть о том дне, когда они родились. Революционеры воздадут по заслугам знатым преступникам прошлого и настоящего. Ни голубая кровь, ни привилегированное положение не смогут помочь аристократам и аристократкам, когда на свете появится Английская республика. Им придется искупить свою тиранию, убийства, пороки и преступления согласно закону, данному на Синайской горе среди громовых раскатов: “Грехи отцов падут на детей даже в третьем и четвертом поколениях”².

Сэр Лепель Гриффин, цитирующий “этот бред”, отмечает один существенный момент: “Необходимо обратить внимание на то, что “Нью-Йоркский мир” издается немцем .

Если не верить в существование связи между тайными силами и всемирной революцией, как тогда объяснить эти периодические

¹ Там же, iii. 629.

² *The Great Republic*, by Sir Lepel Henry Griffin, (1884), pp. 3—4.

вспышки революционного ожесточения, исходящие не от врагов народа, а от врагов страны, против которой они направлены? Гайндман в упомянутой выше статье отмечает, что революционное движение в значительной степени контролируется евреями; любопытно сравнить его слова с пророческим замечанием Дизраэли, сделанным в канун революционного взрыва в 1848 г., поскольку мнения обоих авторов практически идентичны:

“Ныне влияние евреев намного заметнее, чем когда-либо ранее... Они возглавляют ряды европейских капиталистов... В политике также немало евреев, занимающих первые позиции. В ряде европейских столиц они прибрали к рукам прессу. Ротшильды — лишь первые среди сонма евреев-капиталистов. Но пока, таким образом, одна часть евреев находится в первых рядах европейской плутократии... другую часть той же нации составляют лидеры революционного движения, направленного против того самого класса капиталистов, который представляют их собратья-евреи. Евреи чаще других осуждают тех, кто живет, не создавая ценностей, а зарабатывая на разнице цен; в настоящее время они выступают в качестве лидеров революционного движения, ход которого я попытался проследить. Конечно, это весьма странное явление... Поэтому те, кто привык считать всех евреев людьми практичными, консервативными и безусловно лояльными по отношению к существующей социальной системе, будут вынуждены пересмотреть свои взгляды. Однако в целом проблема воздействия евреев на жизнь европейского общества со всеми ее негативными и позитивными моментами заслуживает более детального анализа, который выходит за рамки данной работы .

То, что евреи, принадлежавшие к обоим революционным течениям, анархизму и государственному социализму, совместными усилиями пытались уничтожить существующий социальный порядок, следует из другого фрагмента сочинений Гайндмана, в котором он описывает свой визит к Карлу Марксу в тот момент, когда у того находился Гартман. Не остается места для сомнений в том, что оба эти еврея стремились к краху страны, которая столь недальновидно предоставила им убежище.

Еще за 12 лет до этого Маркс разработал план революционного переворота в Великобритании. В инструкциях Генерального Совета Интернационала, подписанных прислужником Маркса Дюпоном, которые были направлены из Лондона в Женеву в 1870 г., фигурирует аксиома: “Хотя революционная инициатива должна исходить от Франции, лишь Англия может служить рычагом для проведения революционных экономических преобразований .

Но эту революцию должны были совершить отнюдь не английские рабочие, — далее в инструкции говорится:

“Поскольку Генеральный Совет оказался в исключительно выгодном положении, у главного рычага пролетарской революции, было бы безрассудством передать его в чисто английские руки!”¹

Пространнее позиция Маркса изложена им в следующем послании:

1. Англия — это единственная страна, в которой можно осуществить подлинно социалистическую революцию.
2. Английский народ не может совершить эту революцию.
3. Иностранцы должны сделать это за них.
4. Иностранные члены Интернационала должны поэтому сохранить свои места в Лондонском совете.
5. Местом нанесения первого удара является Ирландия, и в Ирландии готовы взяться за работу².

“Эти англичане, — добавлял Дюпон, — имеют все необходимое для социалистической революции; чего им не хватает, так это духа коллективизма и революционного огня .

Автор “Тайной истории”, откуда мы черпаем эти бесценные сведения, замечает:

“Ну, и что же? Карл Маркс, Эжен Дюпон и Георг Эккарриус должны были сосредоточить власть в своих руках и сохранить свои места. Об этом говорилось совершенно открыто... Эти господа хорошо понимали, что революционное выступление в Лондоне — дело совсем не простое: здесь люди столь разнятся своими вкусами и нравами и так нелепо привязаны к независимому суду, частной собственности и личным правам. Но их положение не было безнадежно. На Западе виднелась звезда, мерцающая над Ирландским морем. Как некогда волхвы, они следили за ней с молитвенным благоговением; та остановилась над Корком. “Единственное место, где мы можем нанести сокрушительный удар по официальной Англии — это земля Ирландии. Здесь развернуть движение нам будет в сто раз легче в силу двух главных обстоятельств: в Ирландии остро стоит проблема земельной аренды, а массы более революционны и обозлены, чем в Англии... .

Финальным аккордом в отчете Дюпона была фраза:

“Позиция Интернационала в отношении ирландского вопроса абсолютно ясна. Наша очередная задача состоит в том, чтобы вызвать

¹ *Deschamps*, ii. 569.

² *The Secret History of the International*, by Onslow Yorke, p. 156.

революцию в Англии. С этой целью мы должны нанести первый удар в Ирландии”¹.

С чьей помощью должен был быть нанесен этот удар? Какой организации собирались доверить реализацию своих планов поджигатели всемирной революции? Снова-таки тайному обществу. Начиная со времен Французской революции, агитаторы с континента постоянно вели свою подрывную работу в Ирландии при содействии тайных обществ. “Общество объединенных ирландцев”, основанное в 1791 г., как мы уже знаем, прямо следовало организационным принципам Вейсгаупта; по данным 1848 г., тайные общества, возглавляемые Фентоном Лалором, придерживались той же традиции; и, наконец, этой моделью руководствовались фении, появившиеся между 1858 и 1870 гг. Именно на фениев возлагали свои надежды Маркс и его Генеральный Совет. Это утверждение будет, конечно, с негодованием отвергнуто историками-догматиками, убежденными в том, что фенианство, как и нигилизм, являлось сугубо национальным продуктом, ни в коей мере не связанным с организаторами всемирной революции. Но, как выясняется, связь между Марксом и ирландскими революционерами — отнюдь не гипотеза, а бесспорный факт, основанный не только на упомянутом выше документе, датированном 1 января 1870 г., но и на приветственном послании, направленном фениям в декабре 1869 г. Генеральным Советом Интернационала из Лондона². Очевидно, энтузиазм, с которым оно было встречено в Ирландии, настолько укрепил Маркса в его надеждах, что он откровенно выразил их в инструкциях, направленных Генеральным Советом в Женеву.

Но Интернационалу не удалось спровоцировать столь желанную революцию в Ирландии, и лишь в 1882 г., т. е. после реорганизации иллюминизма, фении, около 1872 г. оформившиеся в тайное общество под названием “Ирландское республиканское братство”, встали на путь террора, то и дело пуская в ход динамит в Великобритании и Америке. Патриотически настроенный католический прелат, монсиньор Диллон, в курсе лекций, прочитанных в Дублине, следующим образом предупреждал Ирландию об опасности, которую представляет для нее и для всех христианских стран заговор, направленный на уничтожение всех национальных и религиозных идеалов:

“Отнюдь не недовольство ирландского народа находит себе выход во взрывах, которыми запугивают Англию анархисты.... Тайная Директория социализма могущественна, мудра и решительна. Она

¹ *The Secret History of the International*, by Onslow Yorke, p. 159.

² *Guillaume, Documents de l'Internationale*, i. 251

смеется над Ирландией и ее заблуждениями. Она ненавидит и будет ненавидеть впредь ирландцев за их преданность католической вере. Но она направляет против лиц, обладающих капиталом, тех субъектов, которые, выражая свое недовольство положением ирландцев в Америке, стремятся научить миллионы людей по всему свету использовать силу динамита, ножа и револьвера. В этом заключается тайна динамитного безумия, охватившего Англию, Россию и весь мир; и я боюсь, что мы находимся лишь на пороге социальных потрясений, которые обрушатся на все те страны, где, благодаря проискам тайных обществ и при посредстве озлобленных сектантов, в юных умах восторжествует атеизм, попирая христианскую веру, страх перед Богом и любовь к Богу .

Далее монсиньор Диллон описывает, как именно эти тайные силы втягивают в свои сети простодушных людей, рисуя ужасную судьбу “ирландца, который сначала слушает агента тайного общества, а затем и сам становится его агентом, лидером, возможно, и предателем, втянутым в страшный заговор, направленный на уничтожение религии и сокрушение Бога. Его судьба, как правило, такова: сначала он, полный честолюбивых надежд молодой человек, изучает историю своей страны; причиненные ей беды наполняют его негодованием, и он желает восстановить справедливость. В недобрый час он встречается искушителя и клянется в верности ужасной секте. Он получает власть и силу в этой организации. Он юн, но вместо того, чтобы честно зарабатывать на жизнь, растрчивает себя на пустые интриги. Он понимает, что путь, на который он встал, плох для него и губителен для религии, но он надеется раскаяться... Однако, прожив лучшие дни своей жизни как заговорщик, он теперь должен быть заговорщиком, чтобы жить, и, приобретя дурные склонности, в конце концов он готов идти на все... .

Постепенно он примыкает к худшей категории заговорщиков — атеистам и социалистам.

“И это странно, поскольку, хотя ирландец-заговорщик столь же способен творить зло, как и худший из негодяев, с которыми он связан во Франции, он отличается от них тем, что в глубине души никогда не теряет свою веру. Им это хорошо известно, и они следят за ним, а, используя его, никогда ему полностью не доверяют. Дети революции в Париже разбили уже немало ирландских сердец. Многие из этих несчастных ирландцев хотели бы вернуться в дни своей юности, когда они были невинны и набожны... Бог сокрушит тех гнусных людей, которые в прошлом столь часто заманивали в ловушку чистосердечных ирландцев-католиков в Ирландии, Великобритании, Америке и где бы

то ни было. Нам остается только молиться: от таких лжепророков и от происков всех врагов ирландской веры, **БОЖЕ, СПАСИ ИРЛАНДИЮ** .

Новому Свету, как и Старому, также предстояло вскоре пережить последствия великого заговора. В 1886 г. анархисты Америки, возглавляемые Иоганном Мостом, громко заявили о своем существовании взрывом динамита на Хеймаркет в Чикаго. Но только в 1891 г. в истории США начался тот пресловутый “трагический период”, который ознаменовался целой серией террористических актов. Можно ли считать простым совпадением то, что в июле 1889 г., Международный социалистический конгресс в Париже решил ежегодно ознаменовывать 1 мая, *т. е. день, когда Вейсганут создал орден иллюминатов*, массовыми демонстрациями трудящихся во всем мире, и что именно с демонстрации, организованной анархистами 1 мая 1891 г. начался тот самый “трагический период”?

В течение трех лет банда во главе с Равашолем терроризировала население Парижа бомбами, динамитом и целой серией преступлений, которые завершились убийством президента Карно, заколотого в Лионе 25 июня 1894 г.

Затем последовали покушения на коронованных особ: были убиты императрица Австрии (1898 г.), король Италии Умберто (1900 г.), король Карлос и наследный принц Португалии (1908 г.), король Греции (1914 г.).

Профессор Хантер, который в своей книге “Насилие и рабочее движение” дает весьма любопытный анализ психологии людей, совершивших эти страшные поступки, просит быть к ним снисходительнее и отдать должное их самоотверженности. Далее, цитируя слова Эммы Голдмен, объяснявшей, что на путь террора их толкали “не учения анархистов, а страшный груз действительности, совершенно невыносимой для их чувствительных натур”, профессор Хантер размышляет над тем, следует ли обществу отбирать жизнь у этих “истерзанных душ”, доведенных до отчаяния горестями и страданиями всего человечества.

Отвечая на этот вопрос, нужно начать с того, что многие анархисты-террористы отнюдь не являются обремененными мировой скорбью страдальцами, а принадлежат к категории прирожденных убийц, которые, живи они на несколько столетий раньше, неизбежно пополнили бы ряды головорезов или бандитов с большой дороги. Так, группа немецких анархистов, безбедно существовавшая в Нью-Йорке за счет поджогов (т. е. ее члены страховали жилища на суммы, значительно превосходящие их реальную стоимость, а после обливали их керосином и поджигали), кончила убийством и ограблением одной старушки в Джерси-Сити; Равашоль, главарь парижской банды террористов, был, в конеч-

ном итоге, осужден и казнен за то, что задушил отшельника; да и появившаяся в 1912 г. моторизованная банда Бонно, членов которой нам, очевидно, также следует считать борцами с “социальным злом”, на первый взгляд ничем не отличается от шайки разбойников с большой дороги.

Но что касается так называемых “истерзанных душ”, которых было бы вполне уместно назвать “душевнобольными” и которые кажутся скорее жертвами идеи, чем собственных преступных наклонностей, то говоря о них, профессор Хантер упустил (и, смеем предположить, умышленно упустил) тот факт, что никто из них не был фанатиком-одиночкой, не способным совладать со своими душевными порывами — все они являлись участниками заговора. Тайные общества славятся своим умением находить ущербных в физическом и умственном смысле людей и обрабатывать их до тех пор, пока революционное рвение неофитов не разовьется до нужных масштабов. Беспрекословно выполняя данные им приказы и будучи связанными страшными клятвами, эти несчастные, вступая на преступный путь, хорошо знают, что впредь никогда с него не свернут: их повсюду настигнет карающая рука заговорщиков. Вспомним, что совсем недавно после нападения на Клемансо полоумный юнец Коттин признался, что был членом тайного общества, и его связь с анархистским движением полностью подтвердили документы, найденные в его жилище.

Так что отнюдь не этих бедняг нужно вести на эшафот или бросать за решетку, пока они не совсем обезумели; для них хватит мест в сумасшедших домах, а эшафот — для руководителей тайных обществ, которые направляют их удары. Однако немалая доля вины лежит и на вполне рассудительных и здоровых социалистах, подобных профессору Хантеру, которые, облагораживая их преступления, побуждают других слабоумных следовать тем же путем.

* * *

В то время, как анархизм, всячески нагнетая атмосферу страха, не давал забыть о себе нигде в Европе, социализм напоминал о себе гораздо реже. По мере того, как в революционном движении лозунгом дня становился террор, социализм делался все менее привлекательным для масс; этот спад его популярности, впервые засвидетельствованный антимарксистскими демонстрациями 1872 г., продолжался до смерти Маркса. К 1881 г., проведя в Лондоне целых 32 года, он был “практически неизвестен британской общественности”¹ и не имел последо-

¹ *Hyndman's Reminiscences*, p. 272.

вателей среди английских рабочих. Кроме того, в этот период он умудрился облить грязью одного из самых преданных своих сторонников в среде интеллигенции, Гайндмана, которого он обвинил в хищении его работ. “Его злобные выпады, — пишет Гайндман, — были подхвачены Энгельсом, который повторял их годами, оттачивая свой сарказм”¹.

Я не останавливаюсь детально на различных британских социалистических организациях, возникших в очерченный период. Ни “Социал-демократическая федерация”, основанная в 1883 г. Гайндманом, ни “Фабрианское общество”, созданное Сиднеем Веббом в том же году, ни “Христианские социалисты” под руководством преподобного Стюарта Хедяма не произвели на свет ни одной новой идеи, отличной от тех, которые им поставляли с континента. Многие члены этих обществ, по-видимому, вообще не были социалистами, а только хотели улучшить общество путем реформ, тогда как другие, менес искренние — “салонные социалисты”, жившие в роскоши и выступавшие против социальной системы, которой были всем обязаны — видели в социализме забавную новинку; они не заслуживают внимания, поскольку их пламенные речи не пользовались успехом даже в беднейших кварталах Лондона. Нельзя отрицать, что у них нашлись последователи среди лиц, недовольных существующим строем (главным образом, из числа их собратьев по классу), но не они были движущей силой огромного революционного механизма, который 34 года спустя произвел тот грандиозный общественный переворот, о котором мечтал Вейсгаупт — переворот, направленный на уничтожение цивилизации.

¹ *Hyndman's Reminiscences*, p. 283.

ГЛАВА 9

СИНДИКАЛИЗМ

Разногласия среди социалистов — Цеховая организация прошлого — Революционный синдикализм — Влияние анархизма — Всеобщая забастовка — Жорж Сорель — Синдикализм против социализма — Гильдейский социализм — “Новая Австралия”

Пока социализм в Англии шел своим, довольно нелегким, путем, все еще сохраняя свой “салонный” масштаб, его идеи столкнулись с устойчивым и энергичным противодействием со стороны французских крестьян.

Гайдман в своих “Воспоминаниях” передает слова Клемансо, считавшего, что у социализма нет шансов во Франции его дней:

“Принимая в расчет лишь города, вы можете решить иначе, хотя и здесь, я думаю, перспективы социализма переоцениваются. Однако не города правят Францией. Подавляющее большинство французских избирателей — это не горожане. Франция — это прежде всего французская провинция, а крестьянство Франции никогда не примет социализм... Его заботит собственность, имущество, хозяйство, работа, бережливость, приобретение, личная выгода. Социализм никогда не сможет пустить корни в такой почве. Так обстоят дела и на севере, и на юге. Начните проповедовать национализацию земли во французской деревне — и вы едва унесете ноги, как только крестьяне поймут, что именно вы имеете в виду”¹.

Не может не удивлять, как порой откровенно социалисты признаются в том, что, несмотря на все рассуждения о демократии, их представления о благе народа диаметрально противоположны представлениям самого народа. Далее Гайдман сообщает о том, что Поль Брусс, комментируя “пессимистическое заключение” Клемансо о судьбе социализма в среде французских крестьян, соглашался с тем, что “проповедовать национализацию в деревнях было бы самоубийством”,

¹ *Reminiscences*, p. 321, 248.

но в то же время, по-видимому, полагал, что крестьян можно вовлечь в социализм обманным путем.

“Не следует вообще употреблять слово “социализм”; однако сами идеи общинной организации и управления легко найдут путь к их сознанию. Идя таким путем, можно постепенно изменить представления крестьян о том, что частная собственность священна, а общественная воплощает в себе абсолютное зло; так что они практически окажутся на дороге к социализму, еще не ведая куда идут”¹.

Гайдман отмечает, что считает эту идею великолепной.

Но пока социалисты строили планы “воспитания народа” в соответствии со своими возвышенными идеалами, социалистический лагерь во Франции разделился, по крайней мере, на три враждующие группировки — сторонников Геда, Брусса (или поссибилистов) и Бланки; все они непрерывно “предавали друг друга анафеме”². Фактически, как сообщает далее Гайдман, временами конфликт обострялся настолько, что гедисты и бруссисты “не могли оказаться в одном месте, чтобы это не кончилось кровопролитием или, по крайней мере, серьезными ушибами. Дух всеобщего братства, отмеченный такой братской ненавистью, заключал в себе немало забавного .

Соответственно, когда открыл свою работу Международный социалистический конгресс, призванный “утвердить единство рабочих всего мира”, было решено проводить его заседания “в двух разных помещениях, достаточно удаленных друг от друга, чтобы по возможности избежать нежелательных последствий братских приветствий”³.

Противостоящие группы принципиально расходились в двух вопросах: о необходимости классовой войны и о роли немецкой социал-демократии. По первому вопросу бруссисты придерживались более умеренных взглядов, отстаивая необходимость текущих социальных реформ и веря в возможность продвижения к социализму эволюционным путем; гедисты же, будучи последовательными марксистами, считали своим основополагающим принципом идею классовой борьбы; по словам Ласкина, “импортированную из Германии и глубоко чуждую духу французских социалистов”⁴.

Встав под знамена Маркса, Жюль Гед полностью изменил свою политическую ориентацию: раньше, во времена выступлений социалистов, обогащенных опытом Коммуны, против диктата Маркса, Гед в письме в “Бюллетень Юрской федерации”, опубликованном 15 апреля

¹ *Reminiscences*, p. 326.

² *Mermeix, Le Syndicalisme contre le Socialisme*, p. 90.

³ *Reminiscences*, p. 441.

⁴ *Laskine, L'Internationale et le pan-Germanisme*, p. 218.

1873 г., осуждал “марксистских проконсулов” и “постыдный захват власти Марксом и Генеральным Советом (Интернационала)”¹; однако после 5 лет, проведенных в Швейцарии (куда он бежал, опасаясь ареста и заключения), Гед возвратился во Францию убежденным марксистом.

О методах, использованных хитроумными немецкими евреями для привлечения в марксистский лагерь Геда и других французских социалистов, косвенно позволяет судить красноречивое замечание Маркса:

“Нет нужды напоминать тебе, — писал Маркс Зорге 5 ноября 1880 г., — что *тайные нити*, при помощи которых были приведены в движение все лидеры — от Геда с Малоном до Клемансо — должны остаться известными только нам. Мы не должны о них говорить”².

Согласно Ласкину, обращение Геда в марксистскую веру было делом рук немецкого еврея Хирша; как бы там ни было, с 1876 г. гедисты стали, по сути, французской секцией немецкой социал-демократии.

Понятно, что такой курс оттолкнул от них французских рабочих, которым всегда были чужды идеи бюрократического коммунизма. Наиболее революционные из их числа, как и в 1862 г., склонялись скорее к Прудону, чем к Марксу, в то время как подавляющее большинство французских рабочих придерживались мнения, что достигнуть реального прогресса можно лишь с помощью корпоративных организаций. Слияние этих разнообразных течений привело к тому, что около 1895 г. революционное движение вступило в новую фазу, отмеченную преобладанием синдикализма.

“Синдикализм, — отмечает Ремсей Макдональд, — это своеобразный бунт против социализма”³. То, что такой бунт вспыхнул, не представляется удивительным. Более столетия рабочий класс Европы безропотно взирал на вольготную жизнь господ из среднего и высшего класса, называвших себя его защитниками: те спали в позолоченных постелях дворца Тюильри в 1794 г., наслаждались безопасностью и комфортом, когда народ проливал кровь на баррикадах 1848 г., регулярно совершали выезды в Швейцарию, как делегаты Интернационала, беспрестанно вытягивали из карманов рабочих деньги в поддержку всевозможных “конгрессов”, “лиг” и ассоциаций, создаваемых ради блага трудящихся; наконец, пришло время спросить: “Во имя чего были

¹ Laskine, *L'Internationale et le pan-Germanisme*, p. 122.

² Там же, с. 167, quoting *Briefe an Sorge*, p. 170. Ласкин отмечает, что Маркс ошибался, думая что Клемансо перешел в марксистский лагерь.

³ Ramsay Macdonald, *Syndicalism* (1910), p. 6.

принесены все эти жертвы? Что сделали эти люди в ответ на наше безграничное доверие?”.

На этом фоне вполне естественно, что синдикализм, проповедующий установление непосредственного контроля рабочих над производством, пришелся им по вкусу куда больше, чем прозаические и малоэффективные выборы своих представителей из числа социалистов в парламент. Кроме того, в идеях синдикализма, популярных в среде французских рабочих, по сути, не было ничего революционного: их проекты реорганизации производства больше напоминали старые схемы “цехов” и “корпораций”, чем агрессивные замыслы сторонников революционного синдикализма. Они ностальгически вспоминали о старых добрых временах, когда, не зная изнуряющей конкуренции, люди мирно занимались своим ремеслом, связанные узами товарищества и опекаемые старшинами цехов, заботившимися об их благосостоянии. Где бы они не находились, “мастера и подмастерья, в силу своих корпоративных привилегий, почти всегда получали работу. Цеховые правила исключали возможность конкуренции в среде сотоварищей-ремесленников. Профессиональное мастерство, засвидетельствованное успешной сдачей специального экзамена, представляло собой капитал, почти постоянно приносивший доходы. К тому же, перемещаясь по территории Франции, члены цехов повсюду находили помощь и поддержку. Стоило лишь доказать, что ты являешься членом ремесленной корпорации — и тебе гарантировались приют и рабочее место. Несовершенные, как и все, созданное человеком, средневековые цеховые объединения, тем не менее, выступали как несомненное благо — особенно на фоне той экономической дезорганизации, в которую с приходом революции вверг рабочих новый режим”¹.

Ликвидация “корпораций” в соответствии с законом 1791 г. — в дальнейшем закреплённым законодательством эпохи террора, а также “Кодексом Наполеона” — нанесла смертельный удар цеховой организации; когда же, наконец, Наполеон III в 1864 г. снял запрет с профсоюзов, и у рабочих вновь появился шанс объединиться во имя своих общих интересов, немецкие социал-демократы, составлявшие ядро первого Интернационала, направили все их помыслы в сторону коммунизма, т. е. системы, глубоко чуждой французским рабочим. Так что по своей сути синдикализм был попыткой последних вернуться к идеалам цехового товарищества — подобно тому, как в Англии рабочие самостоятельно пришли к идее кооперации, впервые реализованной ткачами Рочдэла.

¹ Mermeix (G. Terrail). Le Syndicalisme contre le Socialisme, pp. 62, 63.

После роспуска Интернационала устремления французских рабочих увенчались созданием всеобщего Союза профсоюзных палат 1873 г., который возглавил Барбаре; это была абсолютно мирная организация, стремившаяся к утверждению социального мира в промышленности; в 1876 г. в Париже состоялся всеобщий конгресс французских рабочих, более чем 800 делегатов которого представляли 70 профсоюзов и 28 рабочих клубов из 39 городов, объединявших в своих рядах около миллиона трудящихся. “При открытии конгресса делегаты настаивали на том, чтобы на его заседаниях обсуждались не принципы социальной политики, а чисто экономические и практические интересы рабочего класса”¹; соответственно, предметом дискуссий стало реальное улучшение системы промышленного производства.

Но, как и в случае с Интернационалом, поджигатели всемирной революции сумели установить свой контроль над движением; бруссисты, гедисты, а более всего, анархисты проникли в профсоюзное руководство, всячески блокируя пути мирного движения к прогрессу.

Отнюдь не досужим вымыслом является идея, что синдикализм стал прямым результатом развития теории анархизма: ведь в его основе все та же посылка — отрицание государства. Его первыми глашатаями были именно анархисты, а в Америке слова “синдикализм” и “анархизм”, по сути, синонимы. Более того, не кто иной, как “отец анархизма” Прудон первым сформулировал основную идею синдикализма: “По моим представлениям, железная дорога, шахта, мануфактура, судно и т. д. являются для занятых на них рабочих тем же, чем является улей для пчел, т. е. одновременно их орудием и их жилищем, их страной, их территорией, их собственностью”. По этой причине Прудон выступал против “эксплуатации железных дорог как компаниями капиталистов, так и государством”².

Таким образом, синдикализм означает передачу профсоюзам функций государства, что с неизбежностью должно вести к анархии. Ведь “самоуправляемой” должна была стать не только промышленность, но и вся страна в целом; нетрудно представить, к какому бы хаосу привело отсутствие государства, действующего как третейский судья. Шахтеры могли бы поднять цену на уголь, пекари — цену на хлеб, а остальная часть общества никак не смогла бы этому воспрепятствовать, поскольку в конфликтной ситуации, затрагивающей интересы различных групп рабочих, вся сила была бы на стороне ведущих отраслей промышленности. Реальный вес любой отрасли определялся

¹ Zacher, Die Rothe Internationale.

² Proudhon, La Revolution au XVIII e siecle, p. 249.

бы ее способностью держать страну в узде, а так как общество не может прожить ни дня без хлеба, угля или транспорта, то шахтеры, железнодорожники и поставщики продовольствия имели бы огромный перевес над рабочими, занятыми в таких отраслях промышленности, как обувная, швейная или обойная, которые могли бы сколь угодно долго бастовать против грабительских цен, ничего не добившись. Женщин-работниц, понятно, вообще не принимали в расчет.

Впрочем, не так теории синдикалистов, как применяемые ими методы позволяют отнести их к категории анархистов. Из этих методов основной — *всеобщая забастовка*.

В настоящее время, как указывает Мермейкс, различают три разновидности всеобщей забастовки: (1) корпоративная всеобщая забастовка рабочих, (2) парламентская всеобщая забастовка социалистов и (3) революционная всеобщая забастовка лидеров синдикализма. Давайте рассмотрим их по очереди.

(1) Корпоративная всеобщая забастовка в том виде, в каком она задумывалась рабочими, не представляла собой акт насилия. На раннем этапе истории рабочего движения забастовки были единственным средством, с помощью которого трудящиеся могли противостоять эксплуатации, и никто (за исключением разве что Робеспьера или Ленина) не станет отрицать право рабочего отложить свои инструменты, если условия труда кажутся ему несправедливыми.

Корпоративная всеобщая забастовка стала лишь новой формой этого испытанного способа протеста: проведенная в более широких, чем прежде масштабах, она дает возможность всем промышленным рабочим оказать эффективную поддержку их угнетенным товарищам. Как указывает Мермейкс, представления рабочих о том, каким образом осуществить этот план, были крайне наивными:

“В один прекрасный день он останется дома; он не пойдет в мастерскую. Буржуа, жиреющие за счет пота народа, зачахнут, потому что народ перестанет трудиться в поте лица; это будет “забастовка опущенных рук”; рабочий не выйдет на улицу, чтобы слиться с шумными толпами и стать жертвой полиции или солдатской пули. Он выберется с семьей на пикник — позавтракать где-нибудь у крепостных стен, в Венсенне, в Булонском лесу или даже дальше, в приветливых предместьях, где расположены загородные дома эксплуататоров. Разве этот метод не будет намного лучше того, который предлагают рвущиеся в политику социалисты: сначала они призывают голосовать за них, объясняя, что их успех на выборах станет первым шагом на пути к окончательной победе — а раз избранные, способны думать только о своем переизбрании? Всеобщая забастовка будет революцией в форме

большой-пребольшой шутки. Рабочий будет забавляться, глядя, как день ото дня все печальнее становятся лица предпринимателей. Он увидит, как они будут бледнеть, желтеть, искажаться, и их гнев будет бессилён против храбрых пролетариев, использующих свое право на безделье — естественное и священное право каждого человека, которым буржуа столь долго наслаждались в одиночестве. Когда с них будет достаточно, кровопийцы начнут молить о пощаде. Пролетариат продиктует им свои условия: “Верните то, что вы у нас украли, т. е. верните все, и мы вновь станем добрыми друзьями. Мы вернемся в ваши мастерские уже не рабами, работающими ради вашей прибыли, а свободными производителями”. И буржуазии ничего не останется, как подписать это соглашение”¹.

То, что в действительности именно рабочий побледнеет, пожелтеет, а скорее всего, и умрет, прежде чем предприниматель исчерпает свои ресурсы, не приходило в голову “храбрым пролетариям”, как не приходит и теперь, когда они изучают планы всеобщей забастовки.

(2) Парламентская всеобщая забастовка в том виде, в каком она применяется некоторыми социалистами, нацелена на совершенно иную развязку: она должна завершиться не улучшением отношений между рабочими и предпринимателями или дружеским соглашением между рабочими и правительством, а ниспровержением правящей политической партии в пользу социалистов. Такая всеобщая забастовка не “лишила бы социалистическую партию власти, присвоенной ею в отношении рабочего класса” — напротив, она укрепила бы эту власть и утвердила партию в избранной ею роли “деловой верхушки пролетариата”².

Даже Ремсей Макдональд, архипротивник самой идеи всеобщей забастовки, признает ее допустимость в политических играх. “Всеобщая забастовка, — отмечает он, — может быть объявлена в двух случаях. Она может использоваться в целях реализации некоторых специфических требований — ну, скажем, расширения избирательного права, отставки правительства или сокрушения партии войны. ...Как последнее средство, как последний удар, она может быть вполне оправданной и далеко не всегда безуспешной”³.

Таким образом, чтобы поставить Рамсея Макдональда и его друзей у руля государства, чтобы свергнуть правительство, сохраняющее предубеждение против иностранного вторжения, и парализовать национальную оборону, можно было подвергнуть страну тем связанным

¹ *Mermeix, Le Syndicalisme contre le Socialisme*, p. 135, 136.

² Там же, с. 142.

³ *J. Ramsay Macdonald, Syndicalism*, p. 61.

со всеобщей забастовкой испытаниям, которые как отмечает сам Макдональд, критикуя аналогичные замыслы синдикалистов, “больше всего сказываются на самых бедных, в незначительной степени — на средних слоях и почти не задевают богатых”¹.

Как видим, для нынешних революционеров-социалистов, как и в 1793 г., “все средства хороши”.

(3) В отличие от предыдущих, революционная всеобщая забастовка, которую отстаивают синдикалисты и которая в данный момент входит в планы экстремистски настроенных лидеров профсоюзов, имеет своей целью не реорганизацию производства либо смену политического курса, а полное уничтожение конституционного правительства путем самого жестокого насилия. Именно в этом пункте мы возвращаемся к вопросу о взаимосвязи анархизма и синдикализма: оказывается, синдикализм не только теоретически развился из анархизма, но и его методы вполне созвучны программе анархистов.

Не следует забывать, что идея “полезного воровства” была предложена Вейсгауптом, одобрена Бриссо и воплощена в жизнь Маратом, призывавшим народные массы грабить магазины. Бабеф, хотя и был коммунистом, развил ту же традицию в своем плане “великого дня народа”, который должен был восстать в едином порыве и насильно захватить собственность. Коммунисты, пришедшие на смену Бабефу, естественно, отказались от этого плана (поскольку видят будущее не в народной вольнице, а в жестком бюрократизме), однако его взяли на вооружение анархисты. Прудон, возродивший аксиому Бриссо “Собственность — это кража”, Бакунин, воспевавший грабеж, и, наконец, Кропоткин, выдвинувший идею “масштабной экспроприации”, — все они, по существу, проповедовали одно и то же: приход “великого дня” революции, когда обезумевшие массы, доведенные до крайности нуждой и отчаянием, поднимутся против богатства и собственности в одном всесокрушающем выступлении. Разве Бакунин и Нечаев готовились не к этому, твердя: “Мы должны умножать и усугублять страдания и беды, чтобы исчерпать терпение народа и подтолкнуть его к массовому восстанию”. Только таким путем можно было осуществить социальную революцию и одним ударом уничтожить столь ненавистную им цивилизацию.

Но как довести людей до такой степени негодования? Очевидно, с помощью голода. Как наглядно продемонстрировали орлеанисты в 1789 г., нехватки хлеба вполне достаточно для того, чтобы вызвать народное восстание, и в XVIII в. вызвать голод было нетрудно, скупая

¹ J. Ramsay Macdonald, *Syndicalism*, p. 62.

запасы продуктов, грабя обозы с зерном или выбрасывая мешки муки в реку. Однако столетие спустя новые средства коммуникации и разветвленная система поставок продовольствия сделали такие примитивные методы неэффективными. Как же в современных условиях вызвать нужду и голод? Только путем некоего грандиозного удара по экономике, способного парализовать всю страну и привести к той масштабной экспроприации, о которой мечтают анархисты. Синдикализм обеспечивает оружие, с помощью которого можно нанести такой удар. Это — всеобщая забастовка.

Давайте изучим план революционной всеобщей забастовки, изложенный Мермейксом на основании заявлений ее сторонников, чтобы удостовериться в том, что “великий вечер”, задуманный синдикалистами, полностью перекликается с анархистской идеей “великого дня” революции.

Прежде всего, должны были состояться отдельные забастовки в различных отраслях промышленности, призванные частично парализовать капитал и дезорганизовать производство.

Затем по условному сигналу рабочие, поднятые на восстание нуждой и безработицей, должны захватить мастерские, шахты, заводы и пр., став их хозяевами. На этой стадии правительство, безусловно, будет обязано призвать на помощь полицию и армию, и борьба развернется по всей стране. Революционеры прервут телеграфное и телефонное сообщение; диверсии на железных дорогах воспрепятствуют переброске войск и поставкам продовольствия; все это будет, по-видимому, сопровождаться переходом части солдат на сторону революции. В результате средства капиталистов будут истощены, рынки опустеют, а люди, озверев от голода, обрушат свою ярость на правительство и на буржуазию.

Бесспорно, существовала возможность того, что население выступит не против правительства, а против самих революционеров, но подобная перспектива не смущала сторонников осуществления революции путем проведения всеобщей забастовки. “Парижане будут сражаться друг с другом; что ж, это будет лишь к лучшему. *Все, что способно еще более обострить ситуацию, является для нас благом*”. В конце концов предусматривалось, что даже если революционеры не смогут свергнуть правительство, потери, понесенные обществом в результате их действий, будут невосполнимы. Прежде чем очистить захваченные предприятия, синдикалисты должны были полностью их разорить; все орудия производства следовало уничтожить. Железные дороги приводились в негодность; крах капитала был бы полным¹.

¹ Mermeix, p. 153 -156.

Что же далее? Характерно, что апологеты синдикализма обходят молчанием вопрос о том, что должно за этим последовать; их построения обрываются на стадии кульминации, представленной как “черesda зверств, поджогов, разрушений, убийств, насилий”, совершаемых “бродягами, преступниками, мародерами, которые, поднявшись с самого дна, вступают в кровавую схватку”¹.

Читателям следует познакомиться с трудами Жоржа Сореля, чтобы удостовериться в том, что такая идея, метко названная Мермейксом “мечтой негритянского короля-неврастеника”², может всерьез проповедоваться человеком, находящимся за пределами психиатрической клиники. Но, по мнению Сореля, в такой перспективе нет ничего отталкивающего; напротив, признавая, что всеобщая забастовка будет не поддающейся описанию “катастрофой”³, главный пророк синдикализма расценивает ее как цель, которую следует пропагандировать всеми доступными средствами. “Синдикалисты, — заявляет он, — отождествляют социализм с драмой всеобщей забастовки”⁴.

Так что, по существу, Сорель видит в этом последнем в истории человечества катаклизме не что иное, как драму, спектакль или, скорее, гигантский петушиный бой, проведенный с таким размахом и жестокостью, что, полюбовавшись им вволю, можно затем спокойно умереть. Так что не нужно думать о том, что случится позднее — на следующий день после революции; жить стоит только ради того, чтобы увидеть, как “нахлынувшая волна сметет дряхлую цивилизацию”.

В свете этого представляется вполне очевидным, что всеобщая забастовка, столь милая сердцу нынешних экстремистов, должна служить только прелюдией к масштабной экспроприации⁵.

Соединив свои замыслы с идеей рабочих о проведении корпоративной всеобщей забастовки, синдикалисты тщательно подготовили приход того дня, который станет последним в истории цивилизации. Разумеется, сами рабочие не посвящены в их планы; всякий раз, когда начинает готовиться всеобщая забастовка, они, несомненно, считают,

¹ Mermeix, p. 159.

² Там же, с. 232.

³ *Reflexions sur la violence*, p. 202.

⁴ Там же, с. 161.

⁵ См. брошюру под названием *The Social General Strike* английского синдикалиста Джека Таинера, который признает этот проект. “Конфискация”, которая должна быть вызвана всеобщей забастовкой, означает “возврат того, что принадлежит рабочему классу”, автор продолжает: “Потребность в продовольствии и товарах вынудила людей помогать себе. Голод вынуждает даже наиболее робких брать то, на что они имеют право”. С точки зрения самих людей, страшно вообразить то, к чему эта система распределения продовольствия могла привести.

что это сложившаяся ситуация продиктовала их лидерам такую блестящую мысль. “Шахтеры бастуют, требуя повышения зарплаты. Давайте их поддержим! Отличная мысль — пусть все рабочие выступят единым фронтом против гнета капитализма! Раз — два — три — все вместе — забастовка!”.

Так, играя на духе товарищества, царящем среди рабочих, и призывая их к солидарности в интересах трудящихся, синдикалисты надеются вовлечь их в схватку, которая приведет не к улучшению жизни рабочего класса, а к полному уничтожению существующего общества.

Как предотвратить эту катастрофу? Только просвещением трудящихся. Во-первых, нужно рассеять иллюзию, что всеобщая забастовка — это нечто весьма современное и прогрессивное. Рабочим нужно рассказать не только о ее подлинных целях, но и о ее истории; им следует объяснить, что она отнюдь не является продуктом нынешних обстоятельств, а была пущена в оборот, по крайней мере, 50 лет назад и признана неэффективной всеми сознательными рабочими. Весьма нетрудно проследить все связанные с нею коллизии.

По наблюдениям Мермейкса, идея всеобщей забастовки как революционного метода восходит к фразе Мирабо: “Это народ, грозный даже в бездействии”.

Известно, что Мирабо был иллюминатом. А если так, то не являлась ли идея забастовки как оружия, способного “нанести смертельный удар по цивилизации”, составной частью “грандиозного замысла” Вейсгаупта? В известном смысле это возможно, но в том виде, в котором эта идея существует сегодня, она, как уже было показано, разработана применительно к современным условиям.

Впервые она прозвучала на конгрессе Интернационала в Брюсселе (1868 г.), где было заявлено, что, “если на некоторое время остановить производство, общественный организм не сможет существовать; значит, производителям необходимо лишь перестать трудиться, чтобы положить конец деспотизму государства”¹. С этого времени идея всеобщей забастовки прочно утвердилась в умах, и в 1878 г. Бельгийская секция Интернационала призвала другие его секции приступить к ее подготовке, однако конгресс в Женеве провозгласил всеобщую забастовку пока что неосуществимой.

В 1884 г. французское правительство попыталось уменьшить накал классовой борьбы созданием бирж труда, которые должны были не только сократить безработицу, но и гармонизировать взаимоотношения предпринимателей и рабочих. Но биржи, подобно профсоюзным пала-

¹ Mermeix, p. 131.

там, вскоре стали очагами революционного недовольства, и в 1888 г. идея всеобщей забастовки зазвучала с новой силой, найдя своего активного приверженца в лице анархиста-плотника Тортелье.

Достигнув определенных успехов в парижских предместьях, Тортелье в том же году прибыл в Лондон, где он проповедовал свои теории перед Трудовым конгрессом. Однако местные рабочие не восприняли всерьез этого “апологета всеобщей забастовки” — коренастого, неряшливо одетого, с бычьей шеей и хриплым голосом, похожего на спутника Марата; так что в Англии его успех был минимален.

Во Франции, однако, замыслы Тортелье завоевывали все большую популярность. “Идея всеобщей забастовки, — говорит Мермейкс, — овладела рабочими массами, поскольку была предельно проста”. А во Франции всегда хватало анархических элементов, желавших *создать ситуацию неопределенности*. В итоге на съезде членов профсоюзов и бирж, проведенном в Нанте в 1894 г., курс на всеобщую забастовку был одобрен 65 голосами против 37. В следующем году экстремистами была создана огромная организация, известная как Всеобщая конфедерация труда (ВКТ); в основу ее программы была положена идея всеобщей забастовки. Тогда же, в 1895 г., началась беспощадная борьба между ВКТ и биржами, длившаяся 7 лет и завершившаяся в 1902 г. полным поражением бирж; это был подлинный триумф синдикализма.

Было предпринято несколько попыток осуществить революционную всеобщую забастовку: в Испании в 1874 г., в Бельгии в 1902 г., в Швеции в 1909 г., в Южной Африке в 1911 г., во Франции в 1920 г.; однако, благодаря решительности официальных кругов и сопротивлению общества в целом, синдикалисты так и не дождались своего “великого вечера”, а от забастовок больше всего пострадали сами забастовщики. Но это никак не отталкивало сторонников всеобщей забастовки от их цели, к которой теперь устремилась и ВКТ. Одновременно одобрялись и другие методы революционной борьбы, направленные на подрыв основ капитализма. Так, после 1889 г., когда докеры Глазго, добиваясь повышения зарплаты, подкрепили свои требования так называемой “итальянской забастовкой”, эта форма протеста вошла в арсенал синдикалистов¹. С 1897 г. диверсии, ранее считавшиеся способом борьбы, применимым лишь в открытых революционных столкновениях, стали использоваться как метод пассивного сопротивления. Железнодорожники открыли, как с помощью мелких хитростей можно выводить из строя двигатели; идея

¹ *Emile Pouget, Le Sabotage, pp. 6—8.*

широкого применения этого метода в других отраслях экономики была с энтузиазмом одобрена конгрессом в Тулузе в 1897 г. Пуге, один из ее самых горячих сторонников, назвал этот эпизод “освящением диверсий”¹.

С 1905 г. распространился вид саботажа, известный как “обструкционизм”, заключающийся в буквальном следовании всем инструкциям, что вело к “выполнению профессиональных обязанностей с чрезмерной осторожностью и не менее чрезмерной медлительностью”. Пуге насмешливо описал те неудобства, которые может причинить пассажирам такой вид протеста². Так что следует заключить, что методы борьбы, применявшиеся синдикалистами, были направлены не против правительства или отдельных предпринимателей, а против общества в целом. Вот почему так легко отличить синдикализм от социализма: политика синдикализма откровенно антисоциальна и олигархична, в то время как социализм, по крайней мере, декларирует заботу о благосостоянии большинства населения.

План проведения всеобщей забастовки еще более углубил противоречия между социалистами и синдикалистами. Хотя, как мы знаем, социалисты и не отказываются от идеи парламентской всеобщей забастовки, способной привести их к власти, однако на деле они всегда отдавали предпочтение парламентским выборам как пути к достижению данной цели. Что касается революционной всеобщей забастовки, то как метод ее отвергают даже последователи Маркса, каковыми во Франции являются гедисты. “Я хочу одного: чтобы кто-нибудь объяснил мне, — говорил Жюль Гед, — как разбитые уличные фонари, озверевшие солдаты и горящие фабрики могут стать орудием преобразования форм собственности. Мы должны положить конец всей этой словесной войне, претендующей на революционность. Никакие корпоративные действия, как бы яростны они ни были, никакая частичная или всеобщая забастовка не способны преобразовать формы собственности”³.

Таким образом, хотя марксисты были солидарны с синдикалистами в своем стремлении вызвать масштабную социальную катастрофу, они отличались от них во взглядах на то, каким образом следует действовать. Синдикалисты утверждали: “Катастрофа будет вызвана всеобщей забастовкой. Сама по себе всеобщая забастовка и будет катастрофой. Эта катастрофа отличается от той, которую предрекают марксисты и политики-социалисты, тем, что она настанет

¹ *Emile Pouget, Le Sabotage, p. 17.*

² Там же, с. 55—64.

³ *Paul Leroy Beaulieu, Le Collectivisme (1909), p. 650.*

не по воле случая, а именно тогда, когда рабочие этого пожелают. Синдикализм сам организует катастрофу, которую социалисты ожидают с фатализмом *мусульманина-отшельника*"¹.

Однако, согласно Жоржу Сорелю, марксисты полностью извратили учение своего вождя, который решительно отвергал "все гипотезы, построенные на фундаменте будущих утопий"; по сути, Сорель представляет Маркса как человека, заявлявшего, что *"каждый, разрабатывающий проекты социального устройства будущего, является реакционером"*².

Итак, если верить, что Маркс действительно говорил нечто подобное, то нужно признать, что вся теория марксизма — сплошное надувательство или, точнее, система, в которую сам Маркс никогда не верил. Но, отдавая ему должное, следует признать, что есть доля истины в словах Сореля о том, что Маркс никогда не претендовал на выработку какой-либо системы "организации пролетариата" — он просто использовал "огромное количество" готового материала, найденного им в Британском музее в процессе работы над "Капиталом"³; лишь ученики Маркса смогли разглядеть в этой книге идеи общественного переустройства.

На этом основании Сорель может объявлять Маркса своим союзником; разумется, их роднит деструкционизм, а никак не синдикализм, поскольку в трудах Маркса не найти и намека на синдикалистскую теорию производственной организации; однако куда важнее то, что Сорель, как и Маркс, является проповедником классовой войны. Ради этого пункта своей программы апологет синдикализма готов пожертвовать всеми другими соображениями. "Антагонизм классов, — заявляет он, — это основа социализма"⁴; единственное, чего следует избегать — это социальный мир.

И, действительно, Сорель боится одного — как бы современные нации, "отупевшие от гуманитаризма"⁵ (фраза, напоминающая цитату из Ницше), не предотвратили данный конфликт⁶. Чтобы устранить эту опасность, нужно, не жалея сил, обострять классовые конфликты — причем не только настраивая трудящихся против капиталистов, но и усиливая сопротивление последних требованиям рабочего люда. "Чем сильнее будут капиталистические инстинкты буржуазии, тем

¹ *Mermeix*, p. 122.

² *Reflexions sur la violence*, pp. 185, 191.

³ Там же, с. 185, 191.

⁴ Там же, с. 257.

⁵ Там же, с. 110.

⁶ См. всю статью Sorel's "La Decadence bourgeoise et la violence". Там же, с. 91—121.

воинственнее будет дух пролетариата, уверенного в своей революционной силе, тем решительнее он будет действовать”¹.

Необходимо поэтому силой “заставить капиталистов ограничить свою деятельность материальной сферой”, чтобы “вернуть им ту воинственность, которой они когда-то обладали”². Работодателей нужно заставить понять, “что они не извлекут никакой пользы из социального мира или демократии”³. “Ничто не потеряно, — оптимистически заключает Сорель, — если путем насилия он (пролетариат) сумеет углубить классовое противоречие и вернуть буржуазии часть ее былой энергии; это и есть та великая цель, к которой должны быть направлены помыслы всех людей, не поглощенных текущими событиями, а думающих о завтрашнем дне”⁴.

Такова цель синдикализма в изложении его главного представителя Жоржа Сореля. На первый взгляд единственным достоинством этой системы кажется прямота ее создателей. До сих пор революционные авторы, к какой бы партии они ни принадлежали, всегда утверждали, что их система будет в какой-то мере способствовать человеческому счастью; даже анархисты, казалось, получали удовольствие от своих безумных мечтаний о будущем. Но Сорель не обещает ничего; он открыто высмеивает “утопии легкого счастья”; даже о самой системе синдикализма ему, по сути, нечего сказать; единственное, что для него имеет значение — это высокий накал революционного духа. Правда в конце концов обнаруживается, что Сорель не намного честнее своих предшественников, поскольку, осуждая мечтателей-социалистов, зовущих пролетариат в погоню за миражом, Сорель одновременно признает, что всеобщая забастовка, призрак которой всегда должен маячить перед глазами народа, в действительности является мифом. По-видимому, ее час никогда не пробьет, но подобно тому, как первые христиане поддерживали свой религиозный пыл, ожидая второго пришествия, так и народ должен связать все свои надежды с грядущим катаклизмом. Таким образом, идея всеобщей забастовки имела своей целью хроническую дезорганизацию производства и подрыв основ капитализма.

Человску в здравом уме идеи Сореля, суть которых мы изложили выше, безусловно, должны показаться невероятными; так что скептикам следует самостоятельно прочитать его книгу, чтобы удостовериться, что можно всерьез проповедовать подобные теории. Но

¹ *Reflexions sur la violence*, с. 105.

² Там же, с. 110.

³ Там же, с. 109.

⁴ Там же, с. 120.

действительно ли Сорель искренен — или же он является тайным агентом официальных кругов? Последнее предположение вполне допустимо. Во всяком случае, если автор “Размышлений о насилии” был бы нанят правительством для дискредитации всего социалистического движения путем его сведения к абсурду, он и тогда не смог бы изложить суть дела более умело или предложить более веские доводы в защиту существующего порядка вещей, разрушаемого так называемой демократией. “Опыт свидетельствует, — говорит Сорель, — что во всех странах, где демократия развивается естественным путем, процветает самая грязная коррупция, которую никто и не думает скрывать”¹; затем, после едкой критики демократического правительства Америки и ряда других стран, он резюмирует: “Демократия — это тот рай, о котором мечтают бесчестные финансисты”².

Но самых жестоких насмешек Сореля удостоились социалисты, засевающие в парламентах. Единственной целью этих людей — “интеллектуалов, чья профессия заключается в том, чтобы думать за пролетариат”³ — является приход к власти. Рассуждая о социальных конфликтах, “они относятся к их участникам, как к пешкам в большой игре. Пролетариат — это их армия; они любят ее любовью наподобие той, которую испытывает колониальный чиновник по отношению к бандам, помогающим ему управлять бесчисленным множеством негров; они стремятся увлечь эту армию за собой, потому что спешат выиграть великие битвы, способные вознести их на вершину государственной власти; они поддерживают боевой дух своих солдат (как это принято, когда имеешь дело с наемниками) обещаниями богатой добычи, разжиганием ненависти, а также мелкими подачками в виде доступных им постов”⁴. Но в действительности пролетариату не суждено принять участие в разделе добычи; глаза его лидеров устремлены в будущее, они мечтают о том “дне, когда все богатства общества окажутся в их распоряжении, они грезят о тех сокровищах, которые им будет вольно грабить; какие празднества, какие кокотки, какая утеха для тщеславия!”⁵. Тогда-то, наконец, “наши официальные социалисты смогут достичь предела своих мечтаний и уснуть в роскошных дворцах”⁶. Разумеется, “было бы крайне наивно предполагать, что люди, процветающие за счет

¹ *Reflexions sur la violence*, p. 320.

² Там же, с. 321.

³ Там же, с. 186.

⁴ Там же, (1910) с. 233.

⁵ Там же, с. 112.

⁶ Там же, с. 101.

демагогической диктатуры, поделятся с кем-нибудь своими привилегиями”¹.

Что касается “диктатуры пролетариата”, проповедуемой социалистами, “не дающими себе труда объяснить, что она, собственно, означает”², то, по словам Сореля, она равносильна возврату к старому режиму, так как ведет к феодализации капитализма; попутно он цитирует Бернштейна, говоря о том, что все это должно закончиться диктатурой клубных ораторов и литераторов³. Кто, спрашивает он, окажется в выигрыше от такого правительства? Конечно, не страна в целом, стремительно клонящаяся к упадку; “но что значит будущее страны, пока новый режим тешит нескольких профессоров, вообразивших, будто они придумали социализм, и нескольких финансистов-дрейфусаров?”⁴.

Итак, по мнению великого синдикалиста, в триумфе государственного социализма весьма заинтересованы еврей-финансисты.

Непоследовательность Жореса и других французских социалистов в отношении “дела Дрейфуса” показана в книге Сореля с привлечением аналогий из времен первой Французской революции: он безжалостно обрушивается на ее мифы и мнимое величие “великих революционных дней”⁵, задавая вопрос: почему Дантона (которого Жорес в своей знаменитой истории революции изобразил героем, хотя его поведение в трагические сентябрьские дни “вряд ли заслуживало восхищения”⁶) нужно оправдывать на том основании, что он действовал в интересах национальной безопасности — тогда как сам Жорес выступал против антисемитов, полагавших, что в деле Дрейфуса они отстаивают именно национальную безопасность. Революционеры были представлены Жоресом как люди, “пожертвовавшие минутной человеческой жалостью” в интересах своего дела; Сорель, в свою очередь, спрашивает: “Почему же так много писали о бесчеловечности мучителей Дрейфуса? Они также жертвовали “минутной человеческой жалостью” во имя того, что, как им казалось, было спасением для страны”⁷.

Мишенью для острот Сореля стали не только французы Жорес и Клемансо, но и английские социалисты:

“Сидней Вебб славится своей компетентностью; конечно, нужно отдать должное его умению составлять скучнейшие досье — как и тому.

¹ *Reflexions sur la violence*, p. 236.

² Там же, с. 234.

³ Там же, с. 234, 235.

⁴ Там же, с. 102.

⁵ Там же, с. 124—130, 238, 239.

⁶ Там же, с. 147.

⁷ Там же, с. 146.

что у него хватило терпения подготовить одну из самых неудобоваримых компиляций на тему истории профсоюзного движения; однако он является одним из наиболее ограниченных умов из тех, которые способны поразить людей, не приученных думать. Лица, составившие ему имя во Франции, не понимали даже азов социализма, и если он, по утверждению его переводчика, действительно входит в число ведущих современных специалистов по экономической истории, то интеллектуальный уровень этих историков весьма низок.

Затем Сорель добавляет, что, по мнению Гарда, Сидней Вебб был просто “бумагомарателем”¹.

Чтобы понять, какая пропасть отделяет синдикализм от государственного социализма, достаточно вместе с книгой Сореля прочитать небольшую работу Ремсея Макдональда о синдикализме, в которой он превосходно разоблачил “фантастическую программу революции, разработанную синдикалистами”. По заключению английского проповедника социализма, “хотя великая программа синдикализма — это сплошная иллюзия, ее непосредственное воздействие крайне вредно. Диверсии, разрушение промышленного производства, бесконечные забастовки сказываются, прежде всего, на самих рабочих, и разжигают в обществе низменные страсти, способные парализовать деятельность всех институтов, отстаивающих интересы трудящихся. Синдикалисты ведут их к катастрофе и, соответственно, выступают в роли *агентов-провокаторов* капитализма, навверняка являясь его орудием”².

Однако вражда между синдикалистами и социалистами, которая представляет собой не что иное, как естественное развитие конфликта между анархистами и коммунистами, отнюдь не делает их безопасными для общества. Эти противостоящие революционные группировки могут быть — и являются — абсолютными антагонистами по своим целям, но обе единодушно отстаивают необходимость свержения существующего социального строя; только когда страна будет ввергнута в хаос вследствие революции или разорена и разрушена хозяйничаньем социалистов, вожди враждебных партий схватят друг друга за горло в борьбе не на жизнь, а на смерть.

* * *

Хотя, как мы уже убедились, основная идея синдикализма — передача организации и управления производством в руки объединений

¹ *Reflexions sur la violence*, p. 163.

² *J. Ramsay MacDonald, Syndicalism*, p. 67.

рабочих — как-то ушла из поля зрения теоретиков синдикализма, думающих больше о революции, чем о ее последствиях, в последнее время конструктивные элементы данного учения развились в движение, известное как *гильдейский социализм*.

В этой форме социализма нет ничего нового. Любому человеку, имеющему представление о социалистической литературе, изучение основных заповедей гильдейского социализма, изложенных в сочинениях Коула, покажется чем-то вроде знакомства со “Словарем знаменитых цитат”. Но этому испытанию должен подвергнуть себя каждый серьезный исследователь социализма — хотя бы для того, чтобы удостовериться, что, поскольку к середине прошлого столетия все, что можно было сказать на эту тему, уже было сказано, последующим представителям этого учения осталось только изоцряться в сервировке обьедков со стола их предшественников. Занятие это, однако, нередко бывает весьма плодотворным; нет ничего проще, чем завоевать репутацию блестящего писателя-социалиста путем простого жонглирования избитыми теориями, фразами и лозунгами в манере, способной угодить пресыщенной аудитории. Впрочем, никому из вождей социализма не удавалось приготовить блюдо, подобное тому, которое придумал Коул! В его заливном можно найти кусочек Луи Блана, обрезки Видаля и, главное, солидные ломти Маркса и Сореля. Вся эта смесь залита наваристым бульоном современности.

В действительности гильдейский социализм — это не что иное, как синдикализм с примесью этатизма. Государство, однако, не является носителем высшей власти, а действует только как муниципальный орган, одновременно финансируя рабочих и периодически выполняя арбитражные функции при решении производственных конфликтов. Финансы должны распределяться “комитетом, представляющим интересы как государства, так и гильдий. Государство должно владеть средствами производства, как доверенное лицо этого комитета; гильдии будут распоряжаться ими также в качестве доверенного лица комитета, платя государству единый налог или пошлину”¹.

Уверения гильдейских социалистов, что гильдии всегда будут действовать в соответствии со своей ролью доверенного лица, основываются лишь на “доверии к человеку”, хотя, как мы знаем, к значительной части человечества, т.е. нынешнему классу предпринимателей, они относятся с крайней подозрительностью. Очевидно, превращение человека в члена гильдии чудесным образом избавляет его от таких качеств, как жадность и эгоизм.

¹ *National Guilds, an Appeal to Trade Unionists*, p. 13.

Все это — чистый Бюше, и стоит нам вернуться на стр. 97 этой книги, как мы вновь встретимся с гильдиями, где “каждый человек — хозяин”, участвующий в управлении, тогда как придуманные Луи Бланом “ассоциации рабочих”, финансируемые государством, являются олицетворением гильдейского социализма — а, заодно, и печальной судьбы, постигшей его в прошлом.

К сожалению, в определении своих целей гильдейские социалисты расходятся с Бюше и даже с фанатиком Луи Бланом. Вопреки собственным призывам к духовности и любви к человечеству, гильдейский социализм откровенно революционен. “Гильдейская идея импонирует революционным тред-юнионам”¹; целью гильдейских социалистов является “реализация производственного юнионизма, превращение всех организаций трудящихся в одну воинственную силу”². Заимствуя у Маркса идею “наемного рабства”, они стремятся разжечь классовую вражду самого худшего толка и защищают забастовки как средство свержения капиталистического строя. В выступлениях гильдейских социалистов против государственного социализма весьма ощутимо влияние Сореля.

Единственное, в чем гильдейский социализм превосходит синдикализм, так это в том, что, не сосредотачиваясь исключительно на деструктивных задачах и всеобщей забастовке, он разрабатывает некие планы на “день, который настанет после революции”.

Его концепция гильдий как профессиональных организаций, побратски сотрудничающих друг с другом во имя общего блага, возвращает нас к исходной идее синдикализма, некогда воплощенной Прудом в образе улья, рядом с которым воображение дорисовывает счастливых пчел, роящихся в лучах летнего солнца и радостно собирающих мед, чтобы наполнить им соты.

Впрочем, все позитивное, что есть в производственной системе, отстаиваемой гильдейским социализмом, имеется и в кооперативном движении. Кооперативное производство с применением принципа участия в прибылях и пр. является просто гильдейским социализмом без его экономических недочетов — а, заодно, и без революции. Именно поэтому кооперация находит в лице как социалистов, так и синдикалистов своих злейших недругов.

Однако не только это отличает гильдейский социализм от кооперации. Кооперация — это движение честных людей, всегда стремившихся проверить свои теории на практике, т. е. создать производство на

¹ *The Guild Idea*, p. 14.

² *National Guilds*, p. 19.

кооперативной основе. Порой эти попытки терпели неудачу, порой увенчивались поразительным успехом. Кооперация доказала свое право на существование.

Нетрудно заметить, что ни синдикалисты, ни гильдейские социалисты никогда не предлагали организовать производство на тех принципах, которые они проповедают — они всегда призывают захватить силой уже существующие предприятия и передать их рабочим. В этом смысле их история куда беднее истории социалистов. Прежние социалисты, в чьей искренности мы можем не сомневаться, пытались осуществить свои идеи путем создания коммунистических поселений; синдикалисты не отваживаются на такие эксперименты. Это тем более знаменательно, если принять во внимание, что причины, которыми социалисты объясняют свои неудачи в прошлом, абсолютно не применимы к синдикализму. Ведь если найдется некто, достаточно бестактный, чтобы спросить социалистов о былых провалах, он неизбежно получит традиционный ответ: “О, разумеется, социализм не может существовать в рамках изолированных общин; чтобы доказать свою эффективность, он должен быть принят государством”. И хотя мы уже знаем, что поселения социалистов приходили в упадок вовсе не из-за сопротивления или конкуренции извне, а в результате внутренних раздоров, остается неоспоримым тот факт, что государственный социализм может быть осуществлен только социалистическим государством. Это условие, однако, совершенно необязательно для реализации идей синдикализма, поскольку система, которую он проповедует, должна состоять из автономных групп рабочих, независимых от государственного контроля. Соответственно, нет причин, по которым эти группы не могут существовать в рамках существующего режима. Что мешает профсоюзу шахтеров получить в свое полное распоряжение шахту, а фабричным рабочим — выкупить фабрику, чтобы управлять ими на принципах синдикализма? Осуществляя такие расходы, профсоюзы, несомненно, нашли бы своим колоссальным фондам куда лучшее применение, чем если бы и далее финансировали забастовки, бесполезно истощающие их казну. Ведь успешный эксперимент такого рода не только удовлетворил бы чаяния рабочих, принимавших в нем участие, но и доказал бы всем остальным эффективность теории синдикализма. Соответственно, предприятия синдикалистского типа стали бы наиболее привлекательными для рабочих, а предприниматели, придерживающиеся старой системы, оказались бы без рабочей силы. Так без какого-либо насилия и кровопролития можно было бы полностью перестроить всю систему производственных отношений.

Почему же это не происходит? Да просто потому, что лидеры синдикализма знают, что не добьются успеха. Они хорошо осознают, что производство, подконтрольное всем рабочим, постигнет та же печальная судьба, что и корабль, управляемый всей командой. Одним словом, они не верят в проповедуемые ими идеи.

Однако следует упомянуть один эксперимент, частично основанный на теории синдикализма. Речь идет о поселении, заложенном Уильямом Лейном в Парагвае в конце прошлого столетия. Лейн, англичанин-журналист, обосновавшийся в Австралии, был, очевидно, абсолютно честным человеком, который глубоко уверовал в доктрины марксизма и синдикализма. Соответственно, он полагал, что “фабричный рабочий должен быть законным владельцем своей фабрики, что овцевод имеет право на все доходы, связанные с его ремеслом, что юридические собственники предприятий отбирают у рабочих то, что им принадлежит по праву”¹. Поэтому Лейн, естественно, примкнул к масштабным синдикалистским забастовкам, парализовавшим экономику страны в 1890 г. Но, поняв тщетность этого метода борьбы (вследствие забастовок рабочие Австралии по уровню зарплаты оказались отброшены на 45 лет назад), Лейн решил создать рай для рабочих в другом месте. В конце 1892 г. он с 250 преданными последователями отплыл к берегам Парагвая, где основал колонию под названием “Новая Австралия” в нескольких милях от Асунсьона.

Последовавшие за этим приключения поселенцев были красочно описаны Стюартом Грехемом в книге, куда более забавной, чем “Трое в одной лодке” Джерома, но, в отличие от последней, абсолютно правдивой. Ее следует прочитать всем, кто интересуется социалистическими экспериментами; мы же ограничимся лишь кратким резюме.

Сначала все сулило успех; колонисты стали владельцами 350 тыс. акров лучшей земли в Парагвае, с пастбищами, пригодными для выпаса не менее 70 тыс. голов скота; в сочетании с переполнявшим всех поселенцев “коммунистическим задором” и их искренней верой в своего вождя это, казалось, служило верным залогом процветания “Новой Австралии”. Но с Уильямом Лейном случилось точно то же, что 44 годами ранее с Этьенном Кабе. Колонисты вскоре перессорились между собой и обвинили Лейна в тиранстве. “Человек, работавший на огороде по 8 часов, завидовал более удачливому товарищу, который проводил день, объезжая пастбища. Тот, со своей стороны, размышлял,

¹ *Where Socialism failed*, by G. Stewart Grahame (John Murray, 1913), p. 5. В свете выше упомянутой цитаты целесообразно дать более точное название книги *Where Syndicalism failed*. Но общий термин Социализм часто используется в понятии Синдикализм.

насколько легче живется учителю; ну, а последний, возможно, сравнивал свою участь с уделом колониста, чьей основной обязанностью было трубить в рог, созывая всех на обед .

Естественно, что на Лейна и лиц, отвечавших за различные сферы жизни колонии, посыпались “обвинения в фаворитизме”. “Мы лишились всех гражданских прав и стали простыми винтиками в машине. — написал один из колонистов, прибывший в “Новую Австралию”, чтобы найти радость в “труде всех для всех”. — По сути, люди превращены здесь в рабов. Лейн думает, а колонисты выполняют всю работу. Результат этого — варварство .

По истечении 14 месяцев Лейну пришлось удалить из колонии недовольных; в следующем 1894 г. не менее трети колонистов оставили поселение по собственной воле. “Мы прибыли, — сказал один из них, — чтобы создать Утопию, и весьма преуспели, сотворив ад на земле”. Но по прибытии в колонию 190 новичков, привлеченных в “Новую Австралию” неоправданно-оптимистическими сообщениями, Лейн был смещен, и, во главе большого числа своих сторонников, занялся устройством нового поселения, названного им “Космом” .

В течение нескольких лет эти две колонии мужественно боролись с невзгодами, пока, наконец, в 1899 г. Лейн не отказался от своего эксперимента с “Космом” и возвратился в Австралию. Используя труд туземцев и выплачивая им заработную плату, которую они ранее намревались уничтожить, космийцы частично наладили свое расстроенное хозяйство; но вскоре члены обеих колоний признали ошибочность социализма и отказались от него в пользу индивидуализма.

С этой минуты энергия колонистов забила ключом. “В невероятно короткий срок повсюду выросли дома, окруженные ухоженными огородами... Очень скоро на лугах вновь появился скот... ; одним словом. “Новая Австралия” стала “типичной сельской общиной, состоящей из здравомыслящих, трезвых, трудолюбивых, уважающих себя фермеров, живущих в мире друг с другом, придерживаясь лозунга: “Что имеем, тем и владем!”

Эксперимент с “Новой Австралией” является наглядным воплощением идеи Прудона об улье и пчелах, доведенной до своего логического завершения. Дело в том, что основатели “Новой Австралии”, как и всех прочих социалистических общин, столкнулись с одной принципиальной проблемой: нехваткой духа коллективизма и склонностью людей к “лодырничанью”. “Никто не заботится об общественной собственности”, — написал один колонист в “Пелл Мелл Газет”. Кроме того, “почти каждый колонист открыто обвиняет кого-нибудь другого в том, что, работая на благо “всех”, тот прилагает куда

меньше усилий, чем если бы работал на себя”. Стюарт Грехем указывает, как с этим дефицитом трудового энтузиазма будут справляться в социалистическом государстве — при этом, по любопытному совпадению, он, описывая судьбу “тунеядцев” при социализме, прибегает к тому же сравнению, что и Прудон, заимствуя из “Жизни пчел” Метерлинка картину уничтожения трутней:

“Одним прекрасным утром по всему улью распространяется долгожданный приказ, и мирные рабочие пчелы превращаются в судей и палачей... Каждого трутня атакуют 3—4 вершителя правосудия... Впрочем, многие добираются до выхода и растворяются в воздухе... но к вечеру, гонимые голодом и холодом, они возвращаются, роясь у входа в улей, прося пристанища. Но там они встречают другое безжалостное воинство. Следующим утром перед своим вылетом рабочие пчелы очищают порог, усыпанный трупами бесполезных гигантов .

Итак, при более детальном рассмотрении жизнь улья представляется куда менее мирной, чем ее изображал отец синдикализма Прудон. Но тем убедительнее она демонстрирует методы руководства, к которым в самых широких масштабах будут прибегать социалисты или синдикалисты.

В отдельных поселениях указанного типа от бездельников и смутьянов можно избавиться, изгнав их из общины, но как только такая система утвердится в широких масштабах, отказ человеко-единицы выполнять свою долю работы будет влечь за собой наказание смертью. Слова, ставшие лозунгом воинствующих социалистов — “Кто не работает, тот не ест!” — будут воплощены в жизнь социалистическим государством, и пролетарии, склонные к “итальянским забастовкам”, не менее, чем “праздные богачи”, а также те рабочие, для которых не найдется работы, обнаружат, что закон улья может быть куда более жестоким, чем столь ненавистный им режим капитализма.

Стюарт Грехем тонко подметил, что “очень немногие, даже среди социалистов, понимают всю жестокость социализма”. “Большинство полагает, что такой классический образец социалистических методов руководства, как террор времен первой Французской революции”, был печальным недоразумением, которого вполне можно избежать при повторном проведении социалистического эксперимента. Но нужно только вчитаться в работы социалистов, чтобы понять, что эпоха террора была просто социализмом, доведенным до своего логического завершения. Так, даже у такого умеренного социалиста, как Гайндман, мы находим следующие слова:

“Вся благородная рать адвокатов, поверенных, бухгалтеров, инспекторов, агентов и около 99% нынешних чиновников окажутся

совершенно бесполезными в правильно организованном обществе. Они живут за счет существующей буржуазной системы... Они исчезнут вместе с грабительским строем, в котором они процветают”¹.

Поскольку достаточно трудно представить себе, как можно заставить кого-то “исчезнуть”, остается предположить, что эти люди будут уничтожены, так как, по мнению Робеспьера, только часть их можно будет привлечь к “общественно-полезному труду”, и, значит, уделом оставшихся станет голодная смерть. Так что все дороги социализма ведут все к той же системе депопуляции, и остается задуматься, не является ли гильотина самым гуманным из ее методов.

Синдикалисты, во всяком случае, не скрывают своих намерений в этом вопросе. Уничтожение трутней (как и тех, кого переполненность улья вынуждает стать трутнями) составляет существенную часть их программы, метко охарактеризованной Мермейксом как “мечта Нерона .

В восторгах Жоржа Сореля по поводу грядущей смертельной схватки между трудом и капиталом, мы, кажется, слышим голос этого римского императора, ликующего в предвкушении столкновения двух стремительно мчащихся колесниц, в результате которого арену покроют изуродованные останки людей и лошадей, а песок обгадится кровью.

Синдикализм в том виде, в котором его проповедует Жорж Сорель — это план всемирной революции, лишенный своих иллюзорных покровов и представший во всей его неприглядности. Он откровенно антипатриотичен, антирелигиозен, антидемократичен; по словам одного из его приверженцев, Пуге, он представляет собой “отрицание принципа большинства”, стремясь к одному — властвовать с помощью силы. Он в гораздо большей степени, чем социализм, продолжает традиции иллюминатов. Разве мы не видим, как улыбается из могилы Вейсгаупт, когда читаем слова Сореля: “Нельзя не видеть, как нечто вроде огромной волны вот-вот сметет дряхлую цивилизацию?”.

[После того, как я написала эту главу, мне сообщили из достоверных источников, что Жорж Сорель полностью перешел на сторону роялистов. Интересно, скольким начинающим синдикалистам известно об этом эпизоде из жизни их пророка. — Авт.]

¹ *H. M. Hyndman, The Historical Basis of Socialism (1883), p. 461.*

ГЛАВА 10

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.

Великая война — Роль британских социалистов — Роль немецких социал-демократов — Революция в России — Роль евреев — Протоколы Нилуса — Немецкая организация

В 1914 г., когда разразилась Великая война, Германия, стремясь сокрушить своих врагов, в немалой степени рассчитывала на поддержку международного социализма. Повсеместно была тщательно подготовлена почва. В Англии, начиная со времен I Интернационала, немцам принадлежала ведущая роль в социалистических организациях, отклонившихся от своего исходного курса в сторону пангерманских интересов.

Хотя при жизни Маркса его влияние на британских рабочих было практически нулевым, марксистскую традицию продолжили его соратник Энгельс и его ученики из средних слоев, основавшие в Англии ряд социалистических организаций.

В результате II Интернационал, основанный в 1882 г., был полностью германизирован к 1893 г. и оставался таковым вплоть до начала войны, когда он приостановил свою деятельность, возобновленную лишь на конгрессе в Женеве в 1920 г. “Фабианское общество”, созданное в 1883 г., практически сразу же перешло под контроль Дж. Бернарда Шоу, который не скрывал своих интернационалистских настроений. В том же году Г. М. Гайндманом была основана Социал-демократическая федерация (СДФ) с печатным органом “Справедливость”, а в следующем 1884 г. возникло ее ответвление — Социалистическая лига, созданная Уильямом Моррисом в сотрудничестве с Белфортом Баксом, австрийским полуанархистом по имени Андреас Шей, несколькими английскими анархистами и доктором Эвелингом, так называемым мужем дочери Маркса, редактировавшим печатный орган организации — “Общее благо” .

Лига прекратила свое существование в 1892 г., тогда как СДФ продолжала двигаться избранным курсом, лишь сменив в 1911 г. свое название на Британскую социалистическую партию.

Иностранное влияние на все эти организации было вполне очевидным, но его масштаб все еще не удовлетворял Фридриха Энгельса, взявшегося, поэтому, за новое дело — создание Независимой рабочей партии (НРП) в сотрудничестве с Кейром Гарди, которому, как он впоследствии хвастался, он протянул руку помощи. Энгельс посоветовал доктору Эвелингу, жившему в “свободном союзе” с дочерью Маркса,¹ присоединиться к Исполнительному комитету НРП, в то время как самой Элеоноре было велено работать в “Союзе рабочих-газовщиков и разнорабочих”.

После этого Энгельс вообразил, что при помощи Независимой рабочей партии он уничтожит Социал-демократическую федерацию и “Фабрианское общество” в наказание за недостаточную угодливость по отношению к немецкому руководству. Он, очевидно, полагал, что в этом деле ему сопутствует полная удача. 20 июля 1889 г. Энгельс писал Зорге: “Я думаю, что здесь мы добьемся больших успехов”. Далее он объяснял, что, поскольку англосаксы медлительны и непонятливы, вполне естественно, что английскими рабочими должны руководить немцы.

В следующем письме Энгельс хвастался, что газовщиками Лондона “заправляет Тусси” (уменьшительное имя младшей дочери Маркса Элеоноры). Наконец, в 1892 г. Энгельс торжественно повторял:

“Здесь, в Англии, мы делаем большие успехи. Дела идут блестяще. В следующем году мы увидим, что не только Австрия и Франция, но и Англия двинулась вслед за Германией.”²

Эти надежды вполне оправдались после объявления войны в 1914 г. Какую позицию заняли в это время социалисты? Они продемонстрировали, какой смысл они вкладывали в слово “интернационализм”. Хотя в этой войне Германия выступала агрессором, которому была вынуждена противостоять Англия, *Немецкая социал-демократическая партия в полном составе поддержала свое правительство*,³ тогда как все социалистические организации Англии — Независимая рабочая партия, Британская социалистическая партия и Социалистическая рабочая партия — выступили против участия своей страны в войне.⁴

¹ Как великолепно Маркс подходил для руководства человечеством, свидетельствуют факты, как он управлял своей собственной семьей. Элеонора Маркс, ее “муж” доктор Эвелинг и ее сестра — все покончили жизнь самоубийством.

² *Adolphe Smith, The Pan-German Internationale*, p. 6.

³ По этому поводу см. великолепную брошюру *Laskine Les Socialistes du Kaiser, la fin d'un mensonge* (Floury, 1915).

⁴ *The Two Internationals*, by R. Palme Dutt (Labour Research Department, 34 Eccleston Square), 1920, p. 3.

Не ограничившись этими пацифистскими декларациями перед началом военных действий, некоторые социалисты — особенно члены НРП — продолжали и далее оказывать активную поддержку врагу. Ремсей Макдональд, опубликовавший гневное послание британскому правительству 13 августа 1914 г., был не раз одобрительно упомянут в немецкой прессе. На съезде НРП в Норвиче в апреле 1915 г. большинством голосов была принята резолюция, осуждающая призыв в армию. Хуже того — среди рабочих были спровоцированы волнения, вызвавшие задержку поставок воюющей армии; в свете этого “Рефери” заявил: “Немецкие социалисты и их английские союзники виновны в том, что тысячи англичан нашли смерть на полях сражений”¹.

Остается добавить только то, что военный вопрос вызвал раскол в Британской социалистической партии; и хотя это название сохранилось за антивоенной фракцией партии (с 1916 г. состоявшей преимущественно из русско-еврейских и прочих иностранных анархистов, сделавших своим печатным органом “Призыв”), группа британских социалистов под руководством Гайндмана перешла на позиции оборончества и в 1916 г., реорганизовавшись, создала Национальную социалистическую партию. В 1920 г. эта партия вернулась к исходному названию Социал-демократической федерации, тогда как Британская социалистическая партия, присоединившись к III Интернационалу, стала Британской коммунистической партией и изменила название своего печатного органа с “Призыва” на “Коммунист”. Как бы то ни было, в начале войны в британском социализме не было партий, стоящих на национально-патриотических позициях. Так что немцы потрудились на славу.

Если не знать о проделанной ими работе, позиция социалистов должна показаться просто парадоксальной. Почему так называемые поборники демократии с такой симпатией относились к имперской Германии, наиболее авторитарной монархии в мире, и не проявляли ее в отношении республиканской Франции, родины революционных традиций? Нельзя отрицать, что, с точки зрения рабочего класса, правительство Германии при Вильгельме II было, по-видимому, самым лучшим в Европе — однако лишь в силу того, что оно полностью отвергало социалистическую теорию диктатуры пролетариата и обращалось с трудящимися, как с детьми — заботилось о них, как о детях, наказывало их, как детей, и никогда не позволяло им диктовать собственные условия.

Так что прогерманские симпатии британских социалистов будут казаться нам необъяснимыми до тех пор, пока мы не поймем, что все их идеи были навесяны немецкими агентами. “Я анти-француз, но я не в

¹ *Laskine, L'Internationale et le pan-Germanisme*, pp. 377—382.

меньшей степени и анти-англичанин”, — заявлял Маркс, их пророк,¹ и “анти-союзнические” настроения британских социалистов — “интернационалистов” были естественным результатом этого влияния.

Во Франции успехи немецкой пропаганды были куда скромнее. Хотя в социалистических и радикальных кругах были известны отдельные одиозные личности, отстаивавшие интересы Германии, Французская социалистическая партия твердо встала на защиту своей страны. Даже Жорес, чьи прогерманские иллюзии толковались как следствие сговора с неприятелем, предупреждал своих соотечественников, что они должны “остерегаться иллюминатов, стремящихся организовать пролетариат на антинациональной основе.”² Но во Франции нелегко разбудить антипатриотизм, и здесь он не вызывает восторга, особенно когда его проповедают иностранцы. В этой связи весьма любопытно отношение к британским пацифистам Жоржа Сореля — синдикалиста, а значит, в его понимании, и интернационалиста.

“Необходимость выбора, — отмечает он, — всегда ставила Англию в трудное положение, но эти добрые люди (английские либералы) предпочитают откупиться или даже пожертвовать будущим своей страны вместо того, чтобы бросить вызов ужасам войны... Многие англичане думают, что, унижая свою страну, они становятся более симпатичными, однако это достаточно спорно.”³

Но именно благодаря пацифизму заговор революционеров увенчался успехом в России. Нет нужды заново пересказывать историю происшедшей там революции, которая все еще слишком свежа в людской памяти; наша задача заключается в том, чтобы выявить в этих событиях элементы всемирной революции и опровергнуть недалековидные заявления некоторых наших политиков, упорно твердящих, что переворот в России — это нечто совершенно новое в мировой истории. Так, 10 февраля 1920 г. в палате лордов лорд Керзон сказал:

“Когда мы смотрим на Россию, можем ли мы воспринимать увиденное без страха и тревоги? Ныне эта страна стала жертвой беспрецедентной по своему характеру революции. И хотя все постоянно сравнивают ее с тем, что случилось во Франции 140—150 (!) лет назад, на самом деле она не сравнима ни с чем. Каждый знает, что события, происходящие в настоящее время в России, не имеют аналогов в мировой истории; так что вы можете представить, как трудно приходится нам — людям, входящим в так называемые коридоры власти.

¹ *Briefwechsel zwischen Marx und Engels*, iv. 335, date of September 12, 1870 г.

² *Quoted in speech of M. Brunet, Socialist deputy for Charleroi, August 2, 1920.*

³ *Reflexions sur la violence*, p. 89.

— которым ежеминутно напоминают об этих ужасных событиях за нашими дверьми: они ошеломляют нас, сбивают с толку и путают наши расчеты на каждом шагу .

Стоит ли удивляться, что наша внешняя политика порой так далека от совершенства, а наши государственные мужи путаются и сбиваются на каждом шагу, если таково их знание истории? Дело даже не в том, что между революциями во Франции и России имеются прямые аналогии, а в том, что каждый, кто изучал последнюю, знает, что с ноября 1917 г. она была *прямым продолжением Французской революции*. Это признавалось и самими большевиками, которые не раз заявляли, что первая Французская революция должна копироваться вплоть до мелочей, и которые изначально брали пример с Марата и Робеспьера¹.

Впрочем, было замечено, что в двух принципиальных моментах Русская революция отличается от Французской: во-первых, если Французская революция имела национальный характер, то Русская проповедовала интернационализм, а, во-вторых, Французская революция была направлена против аристократии, тогда как Русская революция ставила своей основной целью уничтожение буржуазии. Оба эти утверждения неточны. Во Французской революции, как и в Русской, присутствовали и национальный, и интернациональный элементы. Лозунг французского Учредительного собрания “Все люди — братья” выражал чистейший интернационализм, и Клоотс, самый ярый приверженец этой идеи, получил, как мы знаем, полное одобрение Конвента. Только когда якобинский призыв к всемирной революции встретил противодействие со стороны иностранных держав и в то же время вошел в противоречие с врожденным патриотизмом французов, Конвенту пришлось перейти на изначально чуждые ему национальные позиции, и под давлением Робеспьера, бывшего убежденным противником интернационализма, Клоотса и “партию иностранцев” осудили на смерть. С другой стороны, в России революция в самом начале не имела сугубо интернациональный характер: среди эсеров, организовавших восстание в феврале 1917 г., были отдельные национальные группы; меньшевики также представляли собой национа-

¹ *Сэр Пол Дюкс* информировал меня, что на заседании большевиков, которое он посетил в России в начале революции, Марат был признан великим примером для подражания. В июне 1919 года статья в Daily Herald описала запрет большевистской властью пьесы “Смерть Дантона” из опасения, что это могло бы быть оскорбительно памяти Робеспьера. Один русский, заключенный в тюрьму большевиками, написал мне после чтения моей French Revolution: “Ваша книга... кажется, дневник нашей собственной революции, так хорошо наши обезьяны выучили свои роли... Каждый в России ощутил сердцем кровавую эру, хотя многие из актеров едва знали, как написать свое имя!”.

льную партию, руководимую Плехановым. Только когда большевики захватили бразды правления, революция стала откровенно интернациональной, чему способствовал тот факт, что русские не так патриотичны, как французы, а также то, что, в отличие от якобинцев, которые не могли рассчитывать на поддержку из-за границы, большевики всецело зависели от иностранной помощи и возлагали свои надежды на перспективу всемирной революции.

Что касается классовой борьбы, то здесь большевики России шли точно тем же путем, что и революционеры Франции. В обеих странах первый удар был нанесен по монархии и аристократии; в обеих после этого пришел черед буржуазии. Как мы знаем, летом 1793 г. Конвент объявил войну буржуазии, и тогдашние лозунги были дословно заимствованы большевиками. Давайте проследим, как протекал данный процесс под началом Ленина, прибегнув к его собственным словам:

"В чем же состоит первый этап?

В переходе государственной власти к буржуазии.

До февральско-мартовской революции 1917 года государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянски-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым.

После этой революции власть в руках *другого*, нового, класса, именно: *буржуазии*.

Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак революции как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия.

Постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России закончена"¹.

В России, как и во Франции, борьба с буржуазией составляла вторую фазу революционного движения, и в обоих случаях следующим пунктом программы являлось полное подчинение народа.

Большевистская революция изначально была откровенно антидемократической и никоим образом не была связана с предшествующим революционным движением. До самого конца прошлого столетия подрывные силы в России представляли, главным образом, анархисты, руководствовавшиеся доктринами Бакунина и Кропоткина; но с созданием Российской социал-демократической партии здесь появилось марксистское течение, к которому примкнула еврейская социал-демократическая организация "Бунд". На съезде Российской социал-демократической партии в Лондоне в 1907 г. произошел раскол, приведший к появлению двух партийных группировок — большевиков во главе с

¹ *The Soviets at Work*, p. 8.

Лениным и меньшевиков во главе с Мартовым; первоначально эти названия отражали количественное соотношение их членов (“большинство”/“меньшинство”), однако, со временем они стали обозначать большую или меньшую степень их экстремизма.

В начале Февральской революции 1917 г. большевики, по сравнению с прочими революционными группировками, пользовались минимальным влиянием — это факт, признанный самими большевиками,¹ — и только путем систематического обмана, а затем — и силой оружия эта партия, которую, говоря словами Бакунина, можно было бы назвать “немецко-еврейской компанией” и “красной бюрократией”, смогла утвердить свое верховенство. Та популярность, какой она ныне пользуется, была достигнута с помощью испытанной тактики заговорщиков — обещать одно, а делать прямо противоположное. Так, повинуясь боевому кличу тайных обществ — “Конституция” — большевики создали Учредительное собрание, а затем тут же распустили этот всенародно избранный орган; людям, уставшим от тягот войны, они пообещали немедленный мир и, вызвав этим брожение сначала на флоте, затем в Первой армии и, наконец, во всех войсках, они создали режим, могущий существовать только в условиях войны, чья политика — это не что иное, как агрессивный милитаризм; они обещали крестьянам столь желанную для них землю, а затем отказали им в праве на хлеб, который те на ней вырастили.

Впрочем, большевикам никогда не удавалось завоевать доверие крестьянства, революционная часть которого возлагала все свои надежды на эсеров; так что они рассчитывали, преимущественно, на поддержку городских рабочих. Но и здесь их обещания вновь оказались пустыми словами, и рабочим, надеявшимся управлять производством, в котором они заняты, пришлось испытать горькое разочарование. Большевики приложили немало усилий, чтобы убедить синдикалистов в единстве их намерений — о чем свидетельствует датированное январем 1920 г. обращение Зиновьева от имени III Интернационала к американскому профсоюзному центру “Индустриальные рабочие мира”, где всячески минимизируется роль государства. “У нас та же цель, что и у вас — содружество людей без государства, без правительства, без классов, в котором рабочие будут управлять производством и распреде-

¹ “В начале революции социалистическая революционная партия стала самой сильной во всем политическом окружении. Крестьяне, солдаты и даже рабочие в своей массе голосовали за социал-революционеров” (*Trotsky, The History of the Russian Revolution to Brest-Litovsk* (Allen and Unwin), p. 62). В отчете Белой книги большевизма отмечается, что 90 процентов населения отдавали предпочтение монархии (датировано 14 октября 1918 г.).

лением ради всеобщего блага”. Однако далее в обращении объясняется, что всего этого нельзя добиться сразу — какое-то время займет процесс “отмирания государства”, о котором мы слышали еще от Луи Блана. Однако на фоне высказываний Ленина о рабочем контроле лицемерие этих слов более чем очевидно.

В апреле 1918 г. Ленин написал: “Только развитие государственного капитализма, только тщательная постановка дела учета и контроля, только строжайшая организация и трудовая дисциплина приведут нас к социализму. А без этого социализма нет. ...И всякой рабочей делегации, с которой мне приходилось иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы их подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком? И тут оказывается, что этому они еще не научились, а в большевистских книжках про это не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано.

Лучше всего стоит дело у тех рабочих, которые этот государственный капитализм проводят” .

Итак, большевизм — это не синдикализм, это государственный социализм, это марксизм, это коммунизм, или, одним словом, это бабувизм.

Так что не будет преувеличением назвать его наиболее реакционным учением из всех, ныне существующих, поскольку он продолжает даже не традиции 1848 или 1871 гг., а идет дальше, в XVIII ст. — ведь практически большевистская революция 1917 г. началась там, где в 1797 г. завершилась Французская революция. Ну разве можно представить себе что-нибудь более регрессивное?

Теперь давайте, обратившись к первоисточникам, рассмотрим программу большевиков, чтобы удостовериться в ее разительном сходстве с программой Бабефа. Она предельно ясно сформулирована в брошюре Бухарина, ближайшего соратника Ленина, откуда мы заимствуем следующие строки:

“Мы уже знаем, что корень зла грабительских войн, угнетения рабочего класса, всех зверств капитализма состоит в том, что мир поработили несколько государственно-организационных буржуазных шаек, которые имеют своей *собственностью* все блага земли... Отнять у

¹ *The Chief Task of our Times*, by Vladimir Oulianoff (Lenin), published by the Workers' Socialist Federation, p. 12.

богатых их силу, отняв у них их богатство силой, — вот первейшая задача, которую ставят себе рабочий класс и рабочая партия, партия коммунистов...

При коммунистическом строе все богатства принадлежат не отдельным лицам и не отдельным классам, а всему обществу. Все общество здесь — как громадная трудовая артель. Хозяина над ней нет никакого. Все — равные товарищи... Работают сообща, по выработанному и высчитанному трудовому плану. Подсчитает центральное статистическое (счетное) бюро, что в год нужно произвести столько-то и столько-то сапог, брюк, колбасы, ваксы, пшеницы, холста и так далее; подсчитает оно, что для этого на полях должно работать такое-то количество товарищей, на колбасных заводах такое-то, в крупных портновских общественных мастерских такое-то, — и вот соответствующим образом распределяются рабочие руки. Все производство ведется по строго высчитанному, взвешенному плану, на основе точного учета всех машин и орудий, всего сырья, всех рабочих рук общества”¹.

Сравните это со словами Бабефа: “простое проведение переписи вещей и лиц, простая операция подсчета и расчетов”².

“Всего этого, — пишет далее Бухарин, — можно добиться и достигнуть только при едином плане, при полном объединении всего общества в одну громадную трудовую общину-артель”³.

Этот процесс должен был начаться с буржуазии “путем введения рабочих бюджетных книжечек и трудовой повинности. Каждый из таких граждан получает особую книжку, в которой ведется счет его работы, его обязательного труда. Под записи в его рабочей книжке ему дается право на покупку или получение определенных продуктов, в первую голову хлеба. Если человек отказывается работать (предположим, что он — саботажник из бывших чиновников или взбесившийся против рабочих бывший фабрикант или бывший помещик, который никак не может помириться с тем, что у него уплыла земля, на которой он сидел десятки лет); так вот, если такой человек отказывается трудиться, то в его рабочей книжке нет соответствующей записи; он идет в лавку, а ему говорят: “Для вас ничего нет; пожалуйста, запись о вашей работе”⁴.

¹ N. Bucharin, *The Programme of the World Revolution* (Socialist Labour Press, Glasgow, 1920), pp. 16, 17.

² Там же, с. 63.

³ *Programme of the World Revolution*, p. 17.

⁴ Там же, с. 55.

Это должно было доставить немалое удовольствие пролетарию, рисуящему в своем воображении “праздного богача”, вынужденного добывать себе средства существования лопатой или мотыгой; однако радость пролетария улетучивается, едва он доходит до конца страницы, наталкиваясь на такие зловещие слова: “Разумеется, трудовая повинность для богатых должна быть переходом ко всеобщей трудовой повинности .

Если мы обратимся к нынешнему трудовому законодательству России (свод этих законов опубликован Народным российским информационным бюро в 1920 г.), то обнаружим, что “все граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в возрасте от 16 до 50 лет” — за исключением больных и увечных — “обязаны трудиться” 8 часов в день¹.

Следует подчеркнуть, что значительная часть работ Ленина посвящена проблеме налаживания системы, требующей “повышения дисциплины трудящихся,”² “беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса”³, а значит, и “беспощадной диктатуры”⁴. Более того, оказывается, что, помимо прочего, все еще существует “наемное рабство”, поскольку целый раздел российского кодекса законов о труде касается “перемещения и увольнения наемных работников”. Но со временем заработная плата, в отличие от рабства, должна исчезнуть, так как, по объяснениям Бухарина, купля-продажа постепенно уступит место бартеру:

“Без денег начинает совершаться и “обмен” между городом и деревней: городские промышленные организации дают деревне мануфактуру, железный товар и прочее; наоборот, деревенские организации дают городским хлеб...”

С другой стороны, мы видели, что, когда производство и распределение до конца организованы, деньги никакой роли не играют. А значит, никаких денежных взысканий не потребуются ни с кого. Деньги перестанут быть нужными вообще. Значит, они перестанут быть нужными и государственной власти. Финансовое хозяйство отомрет”⁵.

Чтобы достичь этого идеального состояния вещей, рабочий класс должен вести “кровавую, мучительную, героическую борьбу .

Достаточно вернуться на с. 51—53 нашей книги, чтобы удостовериться, что эта программа даже в мелочах пререкликается с планами

¹ *Programme of the World Revolution*, pp. 6,16.

² *The Soviets at Work*, p. 25.

³ Там же, с. 35.

⁴ Там же, с. 40.

⁵ *Programme of the World Revolution*, p. 69.

бабувистов; да и III Интернационал в своем “Манифесте” фактически признал наличие прямой преемственности между большевизмом и идеями Бабсфа. Чем объясняется эта идейная взаимосвязь? Разумеется, тем, что обе системы основаны на одних и тех же доктринах — доктринах иллюминизма, и что план, реализуемый ныне в России, пережил века благодаря содействию тайных обществ.

Большевицкая революция, по сути, осуществила программу Вейсгаупта во всех ее пунктах, упразднив монархию, патриотизм, частную собственность, право наследования, брак, мораль и все формы религии.

По последним двум пунктам могут возникнуть вопросы. Разве правительство большевиков *официально* отменило брак? Нет — и лишь потому, что не осмелилось так поступить; однако сго нерализованные намерения вполне ясно изложены в брошюре соратницы Ленина госпожи Коллонтай “Коммунизм и семья”¹, в которой объясняется, что прежний “нерасторжимый брак” должен уступить место “свободному и честному союзу мужчины и женщины, которые одновременно и возлюбленные, и товарищи”, т. е., проще говоря, “свободной любви”. Но не подразумевает ли это “общность жен”? Данный вопрос вызвал немало дискуссий — в частности, горячо обсуждалось, был ли екатеринодарский мандат, предписывающий “обобществление” женщин, частью большевицкой программы или он представлял собой инициативу отдельного комиссара. Хотя, думается, ответ весьма прост. Большевизм — это тот же марксизм; следовать указаниям Маркса всегда и везде — непреложный закон для его лидеров. А, как известно, “*официальная и открытая общность жен*” провозглашалась в “*Коммунистическом манифесте*” Маркса². Таким образом, если большевики не утвердили ее в России, то только потому, что уступили натиску общественного мнения. Екатеринодарский мандат, не предназначавшийся для обнародования, будучи опубликован в Западной Европе, раскрыл этот план, тем самым воспрепятствовав сго реализации. Но брошюра госпожи Коллонтай не оставляет места для сомнений относительно его сущности. Ведь “свободная любовь” неизбежно должна вести к тем же последствиям — лишению женщин какой бы то ни было защиты. Лицемерные заявления Маркса и большевиков об их желании ликвидировать проституцию не способны ввести кого-нибудь в заблуждение — ком-

¹ Издано в Социалистической федерации рабочих, 152 Fleet Street.

² *Manifesto of the Communist Party published in pamphlet form by the Socialist Labour Party*, p. 19.

мунисты стремятся лишь заменить добровольную проституцию принудительным сексуальным насилием.

В этом вопросе большевики пошли гораздо дальше, чем Бабеф, который не проповедовал общность женщин, хотя с той же настойчивостью твердил о необходимости уничтожения института семьи, для чего следовало отбирать детей у их родителей; а его замечание о том, что детям будет позволено носить имя отца только в том случае, если тот имеет особые заслуги перед своей страной, безусловно указывает на отмену существующих форм брака. Не удивительно, что в своих планах общественного воспитания детей большевики буквально следуют инструкциям Бабефа. Английский коммунист Бертран Рассел изложил идею, сформулированную госпожой Коллонтай, достаточно неопределенно (так, чтобы не встревожить женщин-матерей в Западной Европе); однако любопытно, что, находясь в России, он заметил, как здесь осуществляется замысел Бабефа обучать детей танцам; сам Рассел ощутил комизм такой ситуации, поскольку занятия этих юных танцоров нелепо контрастировали с “долгими часами изнуряющего труда”, который “ждал их в ближайшем будущем на фабриках и заводах”¹. Разительное сходство между намерениями большевиков и Бабефа демонстрирует следующий отрывок из книги Рассела:

“Изначально признано, что дети должны быть всецело переданы государству. Конечно, матерям предоставлено право навещать своих детей в этих школах, но на деле этому препятствует отправка детей за город; в целом, складывается впечатление, что действия властей направлены на *разрыв связей между матерью и ребенком*”².

Что касается религии, то здесь большевики, по-видимому, не смогли осуществить свою программу полностью, поскольку, несмотря на осквернение и разрушение церквей, уничтожение икон, убийства бесчисленного множества священников, отправление религиозных культов не было официально запрещено, как в период террора во Франции. Однако намерения советского правительства в данной сфере вполне однозначны. Вновь обращаясь к Бухарину, мы находим у него следующие принципиальные заявления:

“Одним из средств достижения этой цели (замутнения людского сознания) была вера в бога и черта. Огромное количество людей выросло, приученное во все это верить, тогда как, если проанализировать данные идеи и попытаться понять происхождение религии и причины того, почему ее так активно поддерживала буржуазия, станет

¹ *Bertrand Russell, The Practice and Theory of Bolshevism (Allen and Unwin), 1920, p. 69.*

² Там же, с. 59, 66.

ясно, что реальное значение религии состоит в том, что она является ядом, которым все еще травят народ. Станет ясно и то, почему партия коммунистов — убежденный противник религии”¹.

Разделяя мысль Маркса о том, что “религия — это опиум народа”, Бухарин далее говорит об умственной отсталости, к которой ведут все религиозные верования, и формулирует свои выводы, выделяя следующие слова заглавными буквами: “С религией нужно бороться, и если не силой, то, во всяком случае, доводами разума”².

Более того, все религии предаются анафеме, поскольку, отметив вздорность поста и епитимьи, Бухарин добавляет:

“Равно нелепые вещи делают и верующий еврей, и турок-мусульманин, и буддист-китаец — одним словом, каждый, кто верит в бога... Религия... не только держит людей в состоянии варварства, но и помогает держать их в состоянии рабства”³.

В этих словах мы, кажется, снова слышим голос Анахарсиса Клоотса, “личного врага Иисуса Христа”, говорившего о “ничтожестве всех религий”.

Так что же все это, если не воинствующий атеизм иллюминизма, чьим рупором выступали последовательно Вейсгаупт, Клоотс, руководители “Альта Вендита”, Прудон и Бакунин? Выясняется также, что и конечная цель иллюминатов — уничтожение христианской цивилизации — искренне одобряется большевиками России. “Где бы я ни был в России, — сказал по возвращении из этой несчастной страны преподобный Куртье Форстер, — повсюду большевики уверяли меня, что “вся цивилизация — это сплошное зло” и, значит, должна быть уничтожена. Один видный ленинец заявлял: “Мы работаем уже два года, и вы видите, что мы уже сделали, но нам потребуется двенадцать лет, чтобы полностью уничтожить мировую цивилизацию”. А Лансбери, этот преданный ученик Ленина, после своего посещения России выразил те же чувства на страницах “Дейли Геральд”: “Мы полагаем, что человек оказался на неверном пути еще на самой заре того, что мы называем цивилизацией”⁴. Разве не о том же говорил Роберт Оуэн под влиянием иллюминизма почти сто лет назад?!

Другим носителем этой живучей теории выступает Г. Дж. Уэллс, чьи картины будущего, ожидающего человечество, представленные в заключительных главах его “Основ истории” и в статьях о России,

¹ *Programme of the World Revolution*, p. 73.

² Там же, с. 77.

³ Там же, с. 76.

⁴ *Daily Herald for June 30, 1920.*

являются не более чем смесью из Руссо, Вейсгаупта, Клоотса и Бабефа. Так, в самом конце “Основ истории” обнаруживается пророчество Г. Уэллса о частичном возврате людей к “кочевой жизни” (а ведь как раз об этом писал Барруэль, излагая теорию Вейсгаупта), тогда как мысли того же автора об интернационализме — это Клоотс в чистом виде. Чем еще есть “всемирное государство”, проповедуемое ныне Г. Уэллсом со страниц “Санди Таймс”, как не “всемирной республикой” Клоотса; а разве его идея о союзе между всеми людьми независимо от их национальности не является “солидарностью всего человечества” Клоотса? Следует также проследить происхождение нынешнего парадоксального замечания Г. Уэллса о городах, чтобы понять, насколько глубоко он проникнут идеями иллюминатов, а, заодно, и продемонстрировать метод, с помощью которого в наши дни можно приобрести репутацию “прогрессивного мыслителя”.

Барруэль утверждал, что план Вейсгаупта предполагал уничтожение постоянных поселений, влекущее за собой возвращение человека к кочевой жизни,¹ и что именно под влиянием этих идей якобинцы намревались уничтожить промышленные города Франции². “Будьте свободными и равными,— цитирует он Вейсгаупта,— и вы станете космополитами и гражданами мира. Научитесь ценить равенство и свободу, и вы не побоитесь увидеть горящие Рим, Вену, Париж, Лондон, Константинополь...”³. Этот план, как мы знаем, был частично приведен в исполнение Парижской Коммуной 1871 г., и он все еще составляет важную часть программы всемирной революции.

В 1796 г. иллюминат Бабеф выразил надежду, что со временем все большие города Франции исчезнут, как и предназначено городам, где процветает наемное рабство и где капиталисты окружили себя кричащей роскошью⁴.

70 лет спустя нигилисты под влиянием немецкого иллюминизма заявили: “Мы должны сжечь дотла города... Что проку от этих городов? Они служат лишь умножению рабства!”⁵.

А в 1920 г. Г. Дж. Уэллс оправдывает разрушение городов России большевиками, говоря: “Эти немыслимые огромные города созданы не коммунизмом, а капитализмом”⁶.

¹ *Memoires sur le Jacobinisme*, iii. 127, 130 and 198, quoting *Original-schriften*, Part II., letter NO. 10-to Cato.

² Там же, с. 141, 142, 178.

³ Там же, iii. 197.

⁴ *Buonarroti. Conspiracy pour l'egalite dite de Babeuf*, i. 221.

⁵ *Fribourg. Association Internationale des Travailleurs*, p. 184.

⁶ *Sunday Express* for Oct. 31, 1920 г.

Этот аргумент слишком глуп, чтобы исходить от человека с таким интеллектом, как Уэллс, и остается только предположить, что, выдвигая его, он просто повторил фразу, услышанную им от своих русских друзей, унаследовавшим мысль о необходимости уничтожения городов от Вейсгаупта при содействии тайных обществ.

Вполне очевидно, что идеи, подобные этой, никоим образом не соответствуют желаниям “народа” в любой стране мира. Даже крестьяне России не хотят возвращения к дикости, а для западноевропейского пролетариата не может быть перспективы более мрачной, чем разрушение городов. Рабочие любят деловую суету городов и все блага цивилизации; то, что им нужно — это лучшие жилищные условия, более высокий уровень жизни, современные удобства, способные облегчить жизнь их женщин, достижения науки, кино и музыка, чтобы скрасить часы досуга. Они не стремятся полностью решить жилищную проблему, превратившись в кочевников. Чтобы искоренить социальное зло в виде трущоб, потогонной системы, безработицы, эксплуатации, нужна большая, а не меньшая степень развития цивилизации. Для “народа” это вполне очевидно, и, значит, ныне, как и прежде, программа революционеров прямо противоречит его стремлениям.

Если же в этом вопросе все еще остается место для сомнений, если история всемирной революции, изложенная в данной книге, не убеждает в том, что революционное движение последних 140 лет было следствием заговора, чьи цели не имеют ничего общего с интересами и потребностями людей, то как тогда объяснить следующее:

1) то, что, хотя насущные проблемы, тревожившие людей, с течением времени претерпевали существенные изменения в соответствии с меняющимися внешними условиями, программа социальной революции оставалась неизменной. Ведь если бы сменяющиеся друг друга восстания готовились народом, каждое отличалось бы своими особыми лозунгами и целями, обусловленными спецификой переживаемого момента; вместо этого все они проходили под совершенно одинаковыми лозунгами, а их вожди повторяли одни и те же призывы; при этом каждое такое выступление прямо копировало самое раннее и — вплоть до 1917 г. — самое успешное из всех — первую Французскую революцию;

2) то, что руководители движения никогда не были людьми из народа, а напротив, являлись представителями высших или средних слоев населения и никак не могли считаться жертвами угнетения. Если же нам возразят, что эти люди были самоотверженными фанатиками, отстаивавшими не свои личные, а широкие социальные интересы, как тогда объяснить еще один факт;

3) то, что, за редкими исключениями (к которым относится в частности Луи Блан), они неизменно проявляли полное безразличие к страданиям народа и человеческой жизни вообще. Известно, что творцы эпохи террора ни разу не проявили жалость или сострадание в отношении отдельных представителей социальных низов; напротив, они были глухи ко всем мольбам. Марксисты и бакунинцы взаимно обвиняли друг друга в том, что относились к людям как к “пушечному мясу”;

4) то, что каждое восстание происходило не тогда, когда положение народа было совершенно отчаянным, а накануне масштабных реформ;

5) то, что за каждым восстанием следовали не реформы, а период самой черной реакции. В течение 20 лет после первой Французской революции само слово “реформа” нельзя было вымолвить даже в Англии;

6) то, что, хотя каждое восстание ухудшало положение масс, все они преподносились народу как двигатели прогресса, чем и оправдывались последующие революции.

Таким образом, есть все основания считать, что революционное движение, датируемое с 1776 г., является результатом заговора, преследующего свои собственные цели и направленного против интересов человечества.

* * *

Однако теперь мы подходим к следующему вопросу: кто они, нынешние иллюминаты, авторы заговора? Чего они добиваются, стремясь уничтожить цивилизацию? Какую пользу для себя они надеются извлечь? Должно быть, именно эта очевидная немотивированность и бесцельность разрушительных действий российских большевиков заставила многих поверить в теорию еврейского заговора, направленного на уничтожение христианства. И, действительно, если проанализировать нынешнюю ситуацию в России в отрыве от революционного движения последних 140 лет, именно это покажется самым убедительным объяснением происходящего. Непредвзятому наблюдателю большевизм представляется чисто еврейским движением.

Задолго до нынешней революции евреи играли ведущую роль в деструктивных процессах в этой стране. Корреспондент “Таймс” в Одессе в 1905 г. описал выступления, происшедшие там в конце октября, когда “возбужденные фабричные работницы-еврейки надели красные блузы и ленты и вызывающе демонстрировали их казакам”. Из

430 тыс. жителей города почти треть составляли евреи, из которых около 15 тыс. приняли участие в беспорядках. “Среди демонстрантов преобладали студенты и евреи; ...возбужденные евреи нагло выставляли напоказ республиканские эмблемы, повсюду пестрели алые флаги и изуродованные национальные флаги России, от которых оставили только красные полосы; портреты императора также были изуродованы. В последовавшем вслед за этим столкновении было убито свыше 400 евреев и 500 христиан”. Далее автор заметки указывает, что демонстрация имела свой штаб; “помимо прочих социалистических групп, находящаяся в Швейцарии центральная еврейская организация направила в Одессу эмиссаров из своих польских филиалов”¹.

Викхам Стид в своей книге “Монархия Габсбургов” цитирует письмо, написанное в том же 1905 г. одним полуевреем в связи с положением его собратьев в Венгрии, из которого мы и заимствуем этот знаменательный отрывок:

“Еврейский вопрос существует, и эта ужасная нация не только хочет подчинить себе один из самых воинственных народов в мире, но и всячески стремится выступить против другого великого народа с севера (русских) — единственного, который стоит на ее пути к мировому господству. Разве я не прав? Скажите мне. Ведь Англия и Франция уже близки к тому, чтобы ими полностью управляли евреи, а Соединенные Штаты, стараниями тех, чью хватку они еще не ощутили в полной мере, медленно, но уверенно подчиняются этой страшной международной силе. Не забывайте, что по крови я наполовину еврей, но во всем остальном — решительно нет”².

12 лет спустя это пророчество сбылось самым ужасным образом. Ведь, что бы там не говорила контролируемая евреями пресса, преобладание евреев среди большевиков как в Венгрии, так и в России настолько очевидно, что не нуждается в дальнейших доказательствах. Из 5 человек, возглавлявших коммунистическое правительство, созданное в Венгрии в марте 1919 г., четверо были евреями: Бела Кун, Бела Ваго, Зигмунд Кунфи и Йозеф Погани. Секретарем был еще один еврей — Альпари. Самуэли, также еврей, возглавлял террористические

¹ *The Times* от 22 ноября 1905 года, статья под заголовком “Господство террора в Одессе”. Главный раввин Гастер написал в *The Times* от 25 ноября опровержение этим утверждениям, но не выдвинул никаких доказательств в ответ.

² *The Hapsburg Monarchy* (1913), p. 169. “В Австро-Венгрии, — отмечает автор на стр. 155, — распространение социализма было в значительной степени результатом еврейской пропаганды. Доктор Виктор Адлер, основатель и лидер Австрийской партии, является евреем, как и многие из его последователей. В Венгрии партия была также основана евреями”.

отряды¹. В России наблюдается та же картина. В статье, опубликованной в "Таймс" 29 марта 1919 г., говорится:

"Из 20—30 комиссаров и лиц, руководящих большевистским движением, не менее 75% являются евреями... Если Ленин — это мозг движения, то евреи выступают как его движущая сила. Из числа комиссаров Троцкий, Зиновьев, Каменев, Стеклов, Свердлов, Урицкий, Иоффе, Раковский, Радек, Менжинский, Ларин, Бронский, Залкинд, Володарский, Петров, Литвинов,² Смирович и Воровский — это евреи, тогда как среди низших советских чиновников имя им легион"³.

Правда, порой евреи признают свое влияние на большевизм. Так, в газете "Коммунист", издаваемой в Харькове (выпуск от 12 апреля 1919 г.) некто М. Коган хвастается, что:

...без преувеличения можно сказать, что великая русская социальная революция совершена руками евреев... Верно, что в рядах Красной Армии нет евреев, если речь идет о рядовых, но, будучи комиссарами в комитетах и советских организациях, евреи отважно ведут пролетарские массы к победе... Символ евреев, столетиями боровшихся против капитализма, стал также символом российского пролетариата, который всей душой принял красную пятиконечную звезду, которая в прежние времена, как известно, была символом сионизма и еврейства"⁴.

Эта звезда с самого начала большевистской революции украшала буденовки ленинской гвардии.

Даже в английском лагере большевизма вполне очевидно засилье евреев; отмечено, что на собраниях "под красными флагами" пресоблаждают евреи; они же криками срывают выступления ораторов на патриотических митингах; еврей-агитаторы принимают участие во всех беспорядках, призывая к насилию молодчиков из толпы; наконец, согласно признанию "Дейли Геральд", значительную часть ее читателей составляют евреи⁵. Наконец, "Еврейская хроника" откровенно отметила, насколько "важен сам факт существования большевизма, то, что так много евреев являются большевиками, и то, что идеалы большевизма во многом созвучны с самыми высокими идеалами иудаизма"⁶.

¹ См. брошюру, *In the Grip of the Terror*, by Lumen, напечатано Jordan Gaskell. Agents. W.H. Smith & Son, 186 Strand.

² Видный член еврейского Бунда в 1907 г. и большевистский "ambassador" в Англии.

³ По этому поводу см. замечательную брошюру *Who rules Russia?*, изданную Ассоциацией "Российское единство". Нью-Йорк (1920 г.), где приводятся точные данные — имена и численность евреев в различных структурах нынешнего Российского правительства.

⁴ Цит. из американского издания *Протоколов*, р. 88.

⁵ Письмо в *Morning Post* от Джорджа П. Маджа, 31 августа 1920 г.

⁶ Статья, озаглавленная "Мир, война и большевизм", 4 апреля 1919 г.

В свете всех этих данных о роли евреев в революционном движении нет ничего странного в том, что поразительные “Протоколы сионских мудрецов”, обнародованные в России Сергеем Нилусом в 1902 г.¹ и переизданные в Англии под названием “Еврейская опасность” в 1919 г., прозвучали как откровение и, казалось, дали ключ к представлявшейся неразрешимой загадке большевизма. Объяснение было налицо — в виде заговора еврейства, который начался, очевидно, с Голгофы, что скрывался под маской масонства, и был движущей силой целой серии революций, питавший злобную ненависть Маркса и злобную ярость Троцкого; все это имело одну неизменную цель — уничтожение ненавистного евреям христианства. Верна ли эта теория? Вполне вероятно. Однако, по мнению автора этих строк, она не доказана — и не способна дать ответ на все вопросы.

Выяснить истину можно одним-единственным путем — путем научного исследования. Прежде всего, чтобы проверить подлинность знаменитых “Протоколов”, нужно попробовать выяснить их происхождение. В настоящее время для каждого человека, знакомого с языком тайных обществ, сформулированные в “Протоколах” идеи не будут новы; напротив, многие фрагменты покажутся ему до странности знакомыми. Так, автора данной книги почти на всех страницах посещала одна и та же мысль: “Где я читала это прежде?”. И постепенно росло убеждение: “Да ведь это — самый настоящий иллюминизм!”. Сходство как между программой Вейсгаупта и “Протоколами”, так и между “Протоколами” и учениями тайных обществ, продолживших традиции иллюминатов, столь разительно, что не остается сомнений в их теснейшей взаимосвязи. Приведенные нами ниже параллели могут служить свидетельством того, что содержащиеся в “Протоколах” идеи были высказаны задолго до их появления.

ПРОТОКОЛЫ	ИЛЛЮМИНИЗМ (Вейсгаупт, 1776 -1786)
<p>Кто хочет править, должен прибегать и к хитрости, и к лицемерию (с.3).</p> <p>Мы не должны останавливаться перед подкупом, обманом и предательством, когда они должны послужить к достижению иашей цели (с.6).</p>	<p>Познавайте искусство фальши, учитесь скрываться и маскироваться, наблюдая при этом за другими людьми... (Баррузль, iii 27, с. 40).</p>

¹ Копия в Британском музее, датированная 1905 г., но говорят, что есть более раннее издание 1902 г.

<p>Результаты оправдывают средства. Обратим же внимание в наших плааих не столько на доброе и нравственное, сколько на нужное и полезное (с.4).</p>	<p>Цель оправдывает средства. Благо ордена оправдывает клевету, отравления, убийства, лжесвидетельства, измены, мятежи; короче говоря, все то, что люди с предрассудками называют преступлениями (Барруэль, iv. 182, 189, цитируя показания Коссандея, Утшнайдера и Грюнбергера).</p>
<p>С прессой мы поступим следующим образом... Мы ее оседлаем и возьмем в крепкие вожжи; то же сделаем и с остальной печатью (с. 40).</p> <p>Все новости получают несколькими агентствами, в которых они централизуются со всех концов света. Эти агентства будут тогда уже всецело нашими учреждениями и будут оглашать только то, что мы им предпишем (с.40).</p> <p>Если найдутся желающие писать против нас, то не найдется охотников печатать их произведения (с. 42).</p>	<p>Мы должны позаботиться о том, чтобы наших писателей постоянно хвалили и чтобы рецензенты не умаляли их трудов; поэтому мы должны любыми средствами добиться расположения рецензентов и журналистов; мы также должны переманить на свою сторону книготорговцев, которые со временем поймут, что им выгодно примкнуть к нам (Робисон, с.191).</p> <p>Если писатель публикует что-либо, привлекающее всеобщее внимание и справедливое по сути, но не согласующееся с нашими планами, мы должны попытаться сделать его своим или всячески его осудить. (Робисон, с.194).</p>
<p>По нашей программе треть подданных наших будет наблюдать за остальными из чувства долга, из принципа добровольной государственной службы. Тогда не будет постыдно быть шпионом и доносчиком, а похвально (с.65).</p>	<p>Один должен шпионить за другим и за всеми вокруг. (Спартак — Катону; Робисон, с. 135).</p>
<p>Мы обезвредим университеты, перевоспитаем их в новом направлении. Их начальства и профессора будут подготовляемы для своего дела подробными тайными программами действий, от которых они безнаказанно не отступят ни на йоту. Они будут назначаться с особой осторожностью (с.60).</p>	<p>Мы должны взять под контроль образование, церковное управление, профессорские кафедры и кафедры проповедников... (Робисон, с. 191).</p>
<p>Мы должны явиться якобы спасителями рабочего от гнета и предложить ему вступить в ряды</p>	<p>Мы должны всячески заботиться о людях, внушая им безразличие ко всем прочим человеческим связям</p>

<p>наших войск — социалистов, анархистов, коммунаров, которым мы всегда оказываем поддержку из якобы братского правила общечеловеческой солидарности нашего социального масонства (с.12).</p>	<p>(Робисон, с.191). Мы должны завоевать сердца простонародья где только возможно (Робисон, с.194).</p>
<p>В странах, называемых передовыми, мы создали безумную, грязную, отвратительную литературу (с.49).</p>	<p>Мы должны попытаться утвердить свой контроль ... над издательствами и книжными магазинами... Живопись и гравюра заслуживают всяческого внимания (Робисон, с.196). В примечании говорится: "Их небезосновательно подозревали в публикации ряда скандальных карикатур и крайне безнравственных сочинений. Они не гнушались никакими средствами (вплоть до самых низменных) ради развращения нации .</p>
<p>Владыка наш должен быть примерно безупречен (с.86).</p>	<p>Регент-иллюминат — должен быть одним из наиболее совершенных людей. Он должен быть благоразумен, прозорлив, проницателен, безкоризнен (Инструкция В на степень регента).</p>
<p>На место современных правителей мы поставим страшилище, которое будет называться сверхправительственной администрацией. Руки его будут протянуты во все стороны, как клещи, при такой колоссальной организации, что она не может не покорить все народы (с.22). Наше интернациональное Сверхправительство (с. 28).</p>	<p>Необходимо установить режим всемирного господства, форму управления, которая распространится на весь мнр... (Барруэль, iii. с.97).</p>
<p>ПРОТОКОЛЫ</p>	<p>ВЫСШАЯ РИМСКАЯ ВЕНТА (1822-1848)</p>
<p>Мы ломаем значение гоевской семьи и ее воспитательную цену... (с.31). Чтобы они сами до чего-нибудь не додумались, мы их еще отвлечем увеселениями, играми, забавами, страстями, народными домами (с.47).</p>	<p>Очень важно отделить человека от его семьи, заставить его забыть о морали. Он любит долгие беседы в кафе и праздный досуг. Показав ему, насколько обременительны его обязанности, вы разбудите в нем желание изменить свою жизнь. (Пикколо Тигр — "Вышей венте Пьемонта"; Кретино-Жоли, ii. 120).</p>

<p>Народы гоев одурманены спиртными напитками, а молодежь их одурела от классицизма и раннего разврата, на который ее подбивает наша агентура: гувернеры, лакеи, гувернантки в богатых домах и наши женщины в местах гоевских увеселений. К числу этих последних можно причислить и так называемых дам из общества, добровольных последовательниц их по разврату и роскоши (с.5).</p>	<p>Давайте... без устали идти путем развращения...будем повсюду сеять пороки. Пусть они проникают в людей посредством органов, пусть люди упиваются и насыщаются пороками. То, чем мы занимаемся — это массовое развращение. (Виндекс — Нубию, Кретино-Жоли, ii. 147).</p>
<p>Сила наша такова. Внешнее масонство служит слепым прикрытием ее и ее целей (с.16).</p>	<p>Именно благодаря ложам мы рассчитываем удвоить наши ряды. Они готовят, сами о том не ведая, наших будущих послушников. (Пикколо Тигр — “Высшей венте Пьемонта”; Кретино-Жоли, ii. 120).</p>
<p>В тайные общества поступают обыкновенно аферисты, карьеристы и вообще люди по большей части легкомысленные, с которыми нетрудно вести дело и ими заводить механизм проектированной нами машины... (с.52).</p>	<p>Это тщеславное желание мещанина или буржуа присоединиться к масонству является столь банальным и столь всеобщим, что я не перестаю восхищаться человеческой глупостью. Пируя, они (т.е. масоны) проклинают нетерпимость и политические преследования. Это, несомненно, даже больше, чем нам требуется для вербовки новичков. (Пикколо Тигр — Нубию).</p>
<p>У нас в услужении люди всех мнений, всех доктрин: реставраторы монархий, демагоги, социалисты, коммунары, всякие утописты (с.28).</p>	<p>Принцы крови и те, у кого нет надежд стать законными королями милостью Божьей — все они желают быть королями милостью Революции. Герцог Орлеанский — масон... Принц без королевства служит для нас хорошим приобретением. (Пикколо Тигр — Нубию).</p>
<p>Священничество гоев мы уже озаботились дискредитировать и этим разорить их миссию, которая ныне могла бы очень мешать. С каждым днем его влияние на народы падает. Свобода совести провозглашена теперь всюду — следовательно, нас только годы отделяют от момента</p>	<p>Некоторая часть духовенства клюнула на приманку наших идей с удивительной легкостью... (Нубий — Вольпе; Кретино-Жоли, ii. 130).</p> <p>То, чем мы занимаемся — это массовое развращение: развращение людей духовенством и развращение духовенства нашими людьми,</p>

<p>полного крушения христианской религии (с.64).</p>	<p>развращение, которое в один прекрасный день сведет церковь в могилу. (Виндекс — Нубию, Кретино-Жоли, ii. 147).</p>
<p>Нам необходимо подорвать веру, вырвать из ума гоев самый принцип Божества и духа (с.17). Мы должны разрушить всякие верования (с.48).</p>	<p>Наша конечная цель — ... полное уничтожение католицизма и самой христианской идеи (Диллон, Война Антихриста, с.64). Чтобы полностью уничтожить старый мир, нужно, как мы поняли, убить гидру католицизма и христианства. (Пикколо Тигр — Нубию, Кретино-Жоли, ii. 387).</p>
<p>ПРОТОКОЛЫ</p>	<p>АЛЪЯНС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ (тайное общество Бакунина, 1864-1869)</p>
<p>Мы убедили, что прогресс приведет всех гоев к царству разума (с.14). Мы ввели в государственный организм яд либерализма (с. 33). Мы проповедуем гоям либерализм...(с. 55).</p>	<p>Четвертая категория людей, пригодных для использования, описывалась Бакуниным следующим образом: “Различные честолюбцы, состоящие на государственной службе, и либералы всех мастей. С ними можно найти общий язык, изображая слепую готовность следовать их собственным планам .</p>
<p>На время, когда еще будет опасно поручать (ответственные посты в государствах) нашим братьям-евреям, мы их будем поручать лицам, прошлое и характер которых таковы, что между ними и народом легла бы пропасть; таким людям, которым, в случае непослушания нашим предписаниям, остается ждать или суда, или ссылки. Это для того, чтобы они защищали наши интересы до последнего своего издыхания (с.26).</p>	<p>К третьей категории людей, по классификации Бакунина, относились “многочисленные высокопоставленные скоты, которых можно использовать всевозможными способами. Мы должны их обставить и прехитрить и, выведав их грязные тайны, сделать из них наших рабов. Таким образом их власть, их связи, их влияние и их богатство станут нашим бесценным сокровищем и неизменной опорой в различных начинаниях</p>
<p>Чтобы привести наш план к такому результату, мы будем подстраивать выборы таких президентов, у которых в прошлом есть какое-нибудь нераскрытое темное дело, какая-нибудь “панама” (с.34).</p>	<p>То же говорилось и о четвертой категории: “Мы должны взять их в свои руки, выведать их тайны и полностью их скомпрометировать, чтобы отрезать все пути назад .</p>

<p>Мы вооружили все партии, мы поставили власть мишенью всех амбиций. Из государств мы сделали арены, на которых разыгрываются смуты...</p> <p>Неистоимые говоруны превратили в ораторские состязания парламентарии и административные собрания. Смелые журналисты, бесцеремонные памфлетисты ежедневно нападают на административный персонал (с.11).</p>	<p>К пятой категории относились “доктринеры, заговорщики, революционеры, т.е. все те, кто любит болтать на митингах и на бумаге. Мы должны подтолкнуть их и беспрестанно втягивать их в практическую деятельность, полную опасностей; в результате большинство из них погибнет, тогда как горстка уцелевших превратится в настоящих революционеров .</p>
<p>Создав всеми доступными нам подпольными путями с помощью золота, которое все в наших руках, общий экономический кризис¹, мы бросим на улицы целые толпы рабочих одновременно во всех странах Европы. Эти толпы с наслаждением бросятся проливать кровь тех, кому они в простоте своего неведения завидуют с детства и чьи имущества им можно будет тогда грабить (с.14).</p>	<p>Альянсу нужно прилагать все усилия, чтобы умножить беды и печали, которые в конечном итоге истощат терпение народа и подтолкнут его к восстанию.</p>
<p>Мы немилосердно казним всех, кто встретит наше воцарение с оружием в руках (с.50).</p> <p>Нечего смотреть на падающие жертвы, приносимые для будущего блага (с.51).</p>	<p>В первую очередь должны быть уничтожены люди, наиболее вредные для революционной организации, и те, чья внезапная смерть больше всего напугает правительство.</p>
<p>Сила наша такова. Внешнее масонство служит слепым прикрытием ее и ее целей (с.16).</p>	<p>Друзья мои, оставьте эту абсурдную мысль, будто бы я стал масоном. Но, возможно, масонство может служить как маска или паспорт... (Письмо Герцеиу и Огареву // Переписка Бакунина, 209).</p>

Все эти параллели свидетельствуют о том, что всемирная революция выступает как “перманентный заговор”; ну, а сопоставив их с заявлениями нынешних большевиков, мы убедимся, что она длится вплоть до настоящего момента. Теперь давайте посмотрим, как “Протоколы сионских мудрецов” соотносятся с большевистской программой:

¹ Маркс был, очевидно, посвящен в эту тайну. В “Reflexions sur la violence” (р. 183) Жорж Сорель сказал: “Маркс считал, что великой катастрофе будет предшествовать огромный экономический кризис .

ПРОТОКОЛЫ	БОЛЬШЕВИЗМ
<p>Наиболее целесообразный образ правления — самодержавие. Целесообразное для пользы страны управление должно сосредоточиться в руках одного ответственного лица (с.5).</p>	<p>Как может быть обеспечено строжайшее единство воли? — Подчинением воли тысяч воле одного. (Ленин, Очередные задачи Советской власти // Полное собрание сочинений, т. 26, с.200).</p>
<p>Деспотизм капитализма, который весь в наших руках, протягивает соломину, за которую государству приходится держаться поневоле, в противном случае оно катится в пропасть (с.2).</p> <p>На развалинах природной и родовой аристократии мы ставим во главе всего аристократию нашей денежной интеллигенции. Ценз этой новой аристократии мы установили в богатстве, от нас зависимом (с.8).</p>	<p>В чем же состоит первый этап? В переходе государственной власти к буржуазии.</p> <p>До февральско-мартовской революции 1917 года государственная власть в России была в руках одиого старого класса, именно: крепостнически-дворянски-помещечьего, возглавляемого Николаем Романовым. (Ленин, Письма о тактике // ПСС, т. 31, с.133).</p>
<p>Скоро мы начнем учреждать громадные монополии — резервуары огромных богатств (с.22).</p>	<p>Укрепить и упорядочить те государственные монополии ..., которые уже введены, — и тем подготовить монополизацию внешней торговли государством. (Ленин, Очередные задачи Советской власти, // ПСС, т. 26, с.183).</p>
<p>Наше Сверхправительство находится в таких условиях, которые принято называть диктатурой (с.27).</p>	<p>Диктатура есть железная власть, революционно-смелая, быстрая и беспощадная. (Ленин, Очередные задачи Советской власти, // ПСС, т. 26, с.196).</p>
<p>Когда мы совершим государственный переворот, мы скажем тогда народам: “Все шло ужасно плохо, все пострадали. Мы разбираем причины ваших мук: народности, границы, разномонетность. Конечно, вы свободны произнести над нами приговор, но разве он может быть справедливым, если он будет вами утвержден прежде, чем вы испытаете то, что мы вам дадим”... (с.31).</p>	<p>Нам надо изучать особенности в высшей степени трудного и нового пути к социализму, не прикрывая наших ошибок и слабостей, а стараясь вовремя доделывать недоделанное. (Ленин, Очередные задачи Советской власти, // ПСС, т. 26, с. 179-180).</p> <p>То, что мы уже декретировали, мы далеко недостаточно еще провели в жизнь, и главная задача момента состоит именно в сосредоточении всех усилий на деловом, практиче-</p>

	ском осуществлении основ тех преобразований, которые уже стали законом (но не стали еще реальностью). (Ленин, Очередные задачи Советской власти, // ПСС, т. 26, с.182).
<p>Наши законы будут кратки, ясны, незыблемы, без всяких толкований, так что их всякий будет в состоянии твердо знать. Главная черта, которая будет в них проведена, — это послушание начальству, доведенное до грандиозной степени.</p>	<p>Условием экономического подъема является повышение дисциплины трудящихся... Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. (Ленин, Очередные задачи Советской власти, // ПСС, т. 26, с.188-189).</p>
<p>Тогда всякие злоупотребления иссякнут вследствие ответственности всех до единого перед высшей властью. (с.56).</p>	<p>Революция именно в интересах ее развития и укрепления, именно в интересах социализма, требует беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса. (Ленин, Очередные задачи Советской власти, // ПСС, т. 26, с.200).</p>
<p>Мы выясним при этом, что свобода не состоит в распущенности и в праве на разнузданность... истинная свобода состоит в неприкосновенности личности, честно и точно соблюдающей все законы общежития.</p>	<p>Понятно, что известное время необходимо на то, чтобы рядовой представитель массы не только увидел сам, не только убедился, но и почувствовал, что так просто “взять”, хапнуть, урвать нельзя, что это ведет к усилению разрухи, к гибели. (Ленин, Очередные задачи Советской власти, // ПСС, т. 26, с. 201).</p>
<p>Чтобы резюмировать нашу систему обуздания гоевских правительств в Европе, мы одному из них покажем свою силу покушениями, т.е. террором. (с.25).</p>	<p>Мы обратим наши сердца в сталь, которую мы закалим в огне страданий и крови борцов за свободу. Мы сделаем наши сердца жестокими, твердыми и неумолимыми, чтобы в них не нашлось места для жалости и чтоб они не трепстали при виде моря вражеской крови... (“Красная газета”, официальный орган Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов, возглавляемого</p>

	Зиновьевым (он же — еврей Апфельбаум). 31 августа 1918 г. ¹ .
Мы должны разрушить всякие верования. (с. 48).	С религией нужно бороться, и если не силой, то во всяком случае, доводами разума. (Бухарин, Программа Всемирной Революции, с.77).
Нам нужно будет усилить строгие меры охраны. (с.67).	Прекрасно организованная разведка, или, точнее, возрожденная охранка времен царизма, является частью ...этого режима. Ленин был совершенно прав, подчеркивая это перед последним съездом Советов в Москве (декабрь 1919 г.). (Милюков, "Новая Россия", 12 февраля 1920 г.).

Приведенные выше параллели убеждают в наличии тесной связи между "Протоколами" и тайными обществами, действовавшими в интересах всемирной революции, а также между "Протоколами" и большевизмом. Но они отнюдь не подтверждают подлинность "Протоколов" — напротив, при знакомстве с ними напрашивается предположение: не являются ли они фальшивкой, составленной неким лицом, знакомым с учениями тайных обществ? Предположим, тем же Нилусом, который мог изучить данный предмет, а затем, будучи откровенным антисемитом, изложить программу всемирной революции на основании более ранних источников, дополнив их идеей еврейского заговора. Но тогда почему это столь очевидное объяснение не было выдвинуто евреями? Почему, напротив, когда на страницах одной из газет с подобным предположением выступил автор этих строк, оно было встречено только негодованием? Ведь это же был прекрасный выход из положения! Но вместо того, чтобы ухватиться за эту возможность, защитники еврейства прибегли к гневным отповедям, либо к абсурдным объяснениям, что, дескать, "Протоколы" были созданы российской полицией или "революционерами-царистами" в Лондоне, либо же были скопированы с печально известной фальшивки Гедше (спрашивается, зачем использовать подделку при наличии столь замечательных оригинальных произведений?); наконец, снова предпринимались попытки переключить внимание на личность Нилуса и его литературную деятельность, которая не имела никакого отношения к данному вопросу.

¹ Цит. в американском издании *Protocols* p. 89. Девятью годами ранее Копин Альбанчелли, в его работе *Conjuration juive contre le monde chretien*. (p. 452) написал: "Франция знала — и она забыла! — режим масонского террора. Она будет знать, и мир будет знать с нею режим еврейского террора ."

Вместо всего этого следовало выяснить степень аутентичности документа, якобы найденного Нилусом.

Правда заключается в том, что подлинность “Протоколов” так никогда и не была опровергнута, и все так называемые опровержения, появившиеся в печати, как и факт временного запрещения “Протоколов”, гораздо больше убедили публику в их аутентичности, чем все антисемитские сочинения на эту тему, вместе взятые.

Единственно возможная линия защиты, состоявшая в том, что данный документ был делом рук иллюминированного масонства, а не какой-то еврейской организации, была решительно отвергнута защитниками еврейства; отсюда следует один-единственный вывод: либо “Протоколы” являются подлинными и именно тем, чем они кажутся, либо просемитские силы заинтересованны в том, чтобы скрыть деятельность тайных обществ в прошлом.

Тогда возникает вопрос: участвовали ли евреи в создании ордена иллюминатов и их последующей деятельности? В настоящее время трудно сказать по этому поводу что-либо определенное. Фактом является то, что Калиостро, по-видимому, был евреем, что евреем мог быть и Кельмер, оказавший большое влияние на Вейсгаупта, что некий Симонини написал в 1806 г. аббату Барруэлю о том, что “организации масонов и иллюминатов были созданы двумя евреями”, чьи имена он забыл¹, что франкфуртские еврей-финансисты могли пополнить фонды иллюминатов или герцога Орлеанского — однако в нашем распоряжении нет подтверждающих все это синхронных документальных свидетельств. Весьма возможно, что “иллюминаты”, упомянутые Симонини, на самом деле были мартинистами, созданными, как известно, евреем Пасхалисом; по крайней мере, они довольно часто фигурировали под этим именем. Нам нужно нечто более существенное, чем эти шаткие данные, чтобы отвергнуть мнение людей, которые, подобно Барруэлю и Робисону, основательно изучив данный предмет, сочли программу иллюминатов, активно воплощавшуюся в годы Французской революции, творением немецкого ума. Ни Вейсгаупт, ни Книгге и никто другой из отцов-основателей иллюминизма не являлся евреем — болес того, как мы знаем, евреи допускались в этот орден лишь в особых случаях, по специальному разрешению². Ни один из ведущих революционеров Франции не был евреем, равно как и участники заговора Бабефа.

¹ *Deschamps. Les Societes secretes. iii. 659.*

² До того, как эти слова были написаны, и в настоящее время, когда книга готовится к печати, появились издания *La Vieille France* (между 31 апреля и 6 марта 1921 г.) в которых утверждалось, что пять евреев принимало участие в организации и создании

Так что претензии “сионских мудрецов” на роль вдохновителей всех революционных возмущений, начиная с 1789 г., увы, не подкрепляются данными истории; лишь с 1820 г., с появлением “Альта Вендита”, евреи, бесспорно, начинают играть активную роль в революционном движении. Правда, монсеньор Диллон, отдавая должное вкладу евреев в деятельность этого тайного общества, приписывает его успехи не им, а “итальянскому гению”. Но с этого времени их роль неуклонно возрастает. По словам Дизраэли, перед 1848 г. они занимали ведущие позиции в революционном движении в Германии; ну, а с появлением I Интернационала евреи явили себя миру в полном блеске. С тех пор во всем, что касается государственного социализма, их влияние не вызывает никаких сомнений.

Но если вопрос о воздействии евреев на начальный этап всемирной революции остается достаточно темным, то деятельность иллюминированных масонов достаточно очевидна. Не может не удивлять, что в спорах, кипящих вокруг “Протоколов”, практически не отмечается тот факт, что так называемые “сионские мудрецы”, по видимому, были масонами 33-й степени “Великого Востока”. Под этим углом зрения все их заявления, относящиеся к истории революции, вполне подтверждаются фактами. Так, если под “мы” понимать “иллюминированных масонов”, то утверждение “именно мы первыми из всех крикнули: “Свобода. Равенство, Братство” вполне соответствует истине. Не менее верно и то, что, начиная с Французской революции, “народы вели от одного разочарования к другому” и что “ее подготовка была делом наших рук”, т. е. рук масонов и иллюминатов. Так что если “Протоколы” являются подлинным документом, *они представляют собой переработанную программу иллюминированного масонства, возникшую в еврейской ложе ордена.*

Но если еврейское влияние на орден на ранних стадиях его развития достаточно проблематично, то вдохновляющая и организующая роль немцев очевидна с самого начала. Немец Вейсгаут основал общество иллюминатов с помощью своих немецких коллег; немец Книгге осуществил его союз с французским масонством, а немецкие эмиссары ввели иллюминизм в ложи “Великого Востока”; идеи немецкого иллюминизма питали кампанию всеобщего растления, затеянную “Альта Вендита”, и анархическую ярость Бакунина; и, наконец, не что иное, как пангерманизм, использующий методы иллюминатов,

Иллюминаты — Уэссели, Мозес Мендельсон, и банкиры Ициг, Фридландер, и Майер. Но нынешняя власть этому утверждению не дает подтверждения.

обеспечив успех Марксу и Энгельсу, прочно утвердился в руководстве всеми социалистическими организациями.

Эта революционная машина, ныне угрожающая миру во всем мире, хотя и управлялась в прошлом людьми всех наций — французами, итальянцами, евреями, русскими, а в ряде случаев, и англичанами — была создана, в основном, руками немцев и до сих пор контролируется ими при помощи их еврейских союзников. Немецкие военные власти отправили в Россию Ленина и еврея Радека в специальном вагоне, немецкие офицеры организовывали большевистские армии, а немецкий ядовитый газ содействовал окончательному поражению Врангеля.

Не кто иной, как Германия, раздувает и пламя гражданской войны, бушующей ныне в Ирландии. Партия “Шин Фейн”, зарождавшаяся, преимущественно, как национально-религиозное движение, в настоящее время стала игрушкой в руках международного атеистического движения, чья “тайная Директория”, как и в 1884 г., “смеется над Ирландией и ее заблуждениями”. Ведь план заговора всегда предполагал наличие ставленника и его союзническую помощь. До недавнего времени в роли этих ставленников неизменно фигурировали Ирландия и Польша. Но теперь, когда Польша осмелилась заявить о своей независимости, ее бросили на съедение волкам; точно так же поступят и с Ирландией со всеми ее национально-религиозными интересами в тот день, когда ей придется противостоять натиску большевизма (а этот день неизбежно настанет, если восторжествует всемирная революция). Уже сейчас руководство революционным движением переходит из рук “Шин Фейн” к “Ирландскому республиканскому братству”, построенному, подобно его предшественникам, фениям и “Объединенным ирландцам”, на принципах ордена иллюминатов, разработанных Вейсгауптом. Аналогичная организация действует ныне и в Индии, и обе управляются не так Москвой, как тайным советом, сосредоточившим в своих руках все нити всемирного заговора.

Большевистская пропаганда во всем мире является делом рук немецких организаций и оплачивается как немецким, так и еврейским золотом. “Я подтверждаю, — написал Бурцев, бежавший из большевистской России, — что с августа 1914 г. немцы за весьма короткий срок передали Ленину более 70 млн марок для организации большевистской агитации на территории стран-союзниц”. Бернштейн, член Немецкой социал-демократической партии, заявил в ее официальном органе, газете “Вперед”, что еще в декабре 1917 г. он знал о том, что Ленин финансируется Германией. Ранее Бернштейн узнал от одного “человека, заслуживающего доверия”, что сумма, переданная Ленину, превышала

50 млн золотых марок, или 2,5 млн фунтов стерлингов¹. Как выяснили французские власти, еврейско-большевистские делегаты недавнего Турского конгресса, Абрамович и Клара Цеткин, получали из Германии деньги для ведения пропаганды во Франции. Еврейский агитатор — это муха цеце, которая разносит заразу большевизма из своего рассадника — Германии.

До тех пор, пока в Англии будут верить в теорию Карлейля о “благородной, терпеливой, глубоко набожной и степенной Германии”, останутся непонятными истинные причины болезни, поразившей ныне Европу. Несомненно, в Германии есть немало благородных и благочестивых людей, но не следует забывать, что здесь же находится подрывной центр, ставший источником нравственного разложения всего человечества. Здесь началась эпидемия воинствующего атеизма и моральной деградации, то и дело охватывающая Англию, Францию и Америку. Вейсгаупт в своей апологии иллюминизма заявил, что “деизм, безбожие и атеизм распространены в Баварии больше, чем в любой другой стране, ему известной”².

Спустя 70 лет, в 1846 г., лорд Шефтсбери, путешествуя по Германии, отметил: “Немецких интеллектуалов отличает одна особенность: все профессорские кафедры занимают (а равно читают публичные лекции) люди, не только не скрывающие свой атеизм, но и открыто им бравирующие”; а если вспомнить слова Дизраэли о том, что большинство этих кафедр в то время монополизировали евреи, приобретает особое звучание дальнейшие ремарки лорда Шефтсбери: “Их не пугает общественное мнение. В Англии есть свои заблудшие души, но лишь немногие из них отваживаются столь откровенно кичиться своими ошибками”³. Немецкий атеизм и еврейская ненависть к христианству, объединившись, создали мощную антирелигиозную силу, влияние которой в настоящее время ощущает весь мир.

Кстати, интернационализм, эта политика национального самоубийства, проповедуемая современными революционерами, нередко толкуется как выдумка евреев — что вполне объяснимо: нация, лишенная родины, не может не поощрять подобные настроения; однако создателем доктрин интернационализма в их нынешнем виде был не

¹ Статья Mr. Adolphe Smith, “Lenin: Russian Traitor and German Agent”, в “National Review”, апрель 1921 г. Эту важную статью, откуда взят приведенный абзац, следует прочитать более внимательно.

² *Robison's Proofs of a Conspiracy*, p. 102.

³ *Edwin Hodder, Life of Lord Shaftesbury*, p. 362.

еврей, а немец — Анахарсис Клоотс. Так называемый “еврей-интернационалист” — это вымышленное существо; интернационалист — это, во-первых, еврей, а во-вторых, немец, — а порой даже немец в первую очередь¹. Так что интернационализм, по сути, тождествен пангерма-низму — ведь не случайно отечественные проповедники интернациона-лизма питают особую нежность к Германии. Как метко выразился Адольф Смит, “социалистические и революционные учения..., высту-пающие в обличье марксизма, проповедуют мысль, что у социалиста нет родины, если, конечно, ему не повезло родиться немцем”. И далее: “Доктрины прежних социалистов, чью деятельность законодательно за-претил Бисмарк, были припасены для вывоза на экспорт... За границей они, как и предполагалось, разлагали общество, ослабляли националь-ные чувства и защитные рефлексы народов и их армий... Во всех сферах своей деятельности немец как интернационалист заслуживает более пристального внимания, чем то, которого он до сих пор удостоился”². Интернационализм Вейсгаупта и его ученика Клоотса верно служит делу Германии.

Может возникнуть вопрос: “Зачем же Германии поддерживать иллюминизм, если теперь она сама стала жертвой всемирной революции?”. Действительно, нынешние немецкие спартаковцы — это, несомненно, прямые потомки Спартака-Вейсгаупта, от которого они и получили свое имя³; как Либкнехт, так и Роза Люксембург были руководящими членами ордена. Но те, кто пользуется ядовитым газом, всегда подвержены опасности вдохнуть его пары. Впрочем, в Германии движение спартаковцев находится под полным контролем — и, кстати, может оттолкнуть союзников от идеи полного разоружения страны. Между Берлином и Москвой существует полное взаимопонимание. Ленин не является мозгом всемирного заговора. Предпринималось немало попыток представить нынешнего диктатора России как “сверх-человека” с обширными замыслами. Собственные сочинения Ленина опровергают эту теорию. Во всех его многочисленных работах нет и намека на гениальность или хотя бы оригинальность мышления. Произведения Робеспьера, по крайней мере, несут на себе печать его лично-

¹ 29 марта 1913 г. влиятельная Немецко-еврейская Ассоциация “Центральное Общество Немецких Граждан Еврейского вероисповедания” в крайне антисемитской резолюции заявила: “На земле своей Немецкой Родины мы желаем, как и немцы, принимать участие в развитии немецкой цивилизации и стать истинными партнерами, что всегда приветствовалось религией и историей”. (Wickham Steed, *The Hapsburg Monarchy*, p. 177).

² *Adolphe Smith, The Pan-German International*, pp. 4, 9, 12.

³ По этому поводу смотри *Weltfreimaurerei, Weltrevolution, Weltrepublik*, by Dr. Wichtl (Munich, 1921), p. 262.

сти. Бабеф, хотя и был иллюминатом, придал своим обличительным монологам вполне самобытную форму; однако, начиная с трудов Маркса, творения социалистов совершенно обезличились, и брошюры Ленина больше всего напоминают инструкции руководителя фиктивной компании, обучающего своих потенциальных собратьев тому, “как делать фокусы”. Уэллс поспешил заверить нас, что сочинения Ленина не дают представления о его личности — чтоб оценить ее в полном масштабе, нужна личная встреча; тогда почему же многочисленные паломники, стремившиеся в Москву на поклон к своему божеству, не могут вспомнить ни единой фразы этого оракула, свидетельствующей хотя бы о проблесках вдохновения или о тревоге за судьбу русского народа? Кажется, единственное, что его занимает, это то, как, вопреки сопротивлению народа, воплотить в жизнь свои идеи.

Так что Ленин не является ни демагогом, ни сверхчеловеком, а выступает в роли агента большой немецко-еврейской компании, стремящейся к мировому господству.

Однако как могло случиться, что немцы и евреи стали деловыми партнерами? Разве их цели не являются взаимоисключающими? Если считать еврейский замысел национальным заговором — да. Однако нет свидетельств того, что вся еврейская нация посвящена в его тайну; напротив, многие евреи как в нашей собственной стране, так и во Франции, отважно выступают против Германии и большевизма. Религиозный фанатизм, по-видимому, тоже не имеет отношения к данному вопросу. Пассажи, связанные с идеей иудейского Мессии, являются наименее убедительной частью “Протоколов”. Отнюдь не религиозные евреи и уж никак не еврей-талмудисты, а еврей-отступники бросились в пучину революционной борьбы. В приведенных выше выпадах Бухарина против религии иудаизм высмеивается наравне с христианством и буддизмом. Однако, если мы изучим программу большевиков, мы поймем, почему определенная часть евреев могла к ним присоединиться. Эта программа провозглашает уничтожение частной собственности и установление коммунизма в мировом масштабе. Однако коварство заговорщиков как раз и заключается в их постоянном манипулировании многозначными словами и, кроме того, в их умении придавать словам диаметрально противоположный смысл. Так, когда они провозглашают “диктатуру пролетариата”, их подлинным намерением является полное порабощение последнего; когда они говорят о “равенстве полов”, на самом деле имеется в виду понижение статуса женщин до уровня индейской “скво”. Слово “конституция”, как мы уже знаем, постоянно использовалось как сигнал для революционного противодействия попыткам утвердить

конституционный строй или для свержения такового сразу же после его установления. Не удивительно, что и слово “коммунизм” имеет двойное значение.

Рядовому пролетарию коммунизм представляется весьма привлекательной перспективой: “владеть всем сообща”. О реальной теории коммунизма он не имеет никакого представления — в отличие от пропагандиста, стремящегося привлечь его на сторону коммунистов. Тот хорошо знает о неудачах, постигших все попытки реализации коммунизма на практике, и понимает, что в том виде, в каком он проповедуется, этот строй неосуществим.

Единственная форма коммунизма, до сих пор успешно осуществлявшаяся на практике — это коммунизм в рамках религиозных общин. Мужские и женские монастыри являются коммунистическими по своей природе — однако залогом их безбедного существования служит то, что монашеские общины состоят из людей, отказавшихся от всех земных благ и сосредоточивших все свои мысли и желания на Царствии Небесном. Светский коммунизм своей приверженностью к материализму устраняет единственный фактор, способный сделать эту систему жизнеспособной — веру в Бога и загробную жизнь. Удивительно, что ведущие коммунисты до сих пор не осмыслили эту ключевую ошибку в проповедуемом ими учении, как и те неудачи, которыми завершались все попытки воплотить его в жизнь — включая, разумеется, его сокрушительное поражение в России.

Если, однако, коммунизм, или государственный социализм, продемонстрировал на практике свою нежизнеспособность, если, кроме того, он представляет собой систему, не желанную ни для кого из тех, кто понимает ее сущность, то чьей же выгоде он должен способствовать? Ответ на этот вопрос давным-давно дал Сорель: “Выгоде нескольких профессоров, вообразивших, будто они придумали социализм, и нескольких финансистов-дрейфусаров”. Иными словами, речь идет об интеллектуалах, лелеющих надежду занять официальные посты в социалистическом государстве и возвыситься над своими сотоварищами, и о нескольких евреях-финансистах. Вернер Зомбарт, излагая позицию последних, говорит: “Их цель состоит в том, чтобы захватить в свои руки всю торговлю и все производство; они испытывают непреодолимую тягу к экспансии во всех направлениях”. Введение свободной торговли было одной из целей заговора; ее проповедовал еще Анахарсис Клоотс, который, несомненно, учитывал интересы своих друзей-евреев, когда, провозглашая *Всемирную республику*, заявил: “все народы сольются в одну нацию, вместо всех видов торговли будет только одна торговля, вместо всех интересов —

только один интерес”. Нетрудно понять, что государственный социализм служит только прелюдией к реализации этого замысла; любопытно, как в этом пункте единодушны Сорель и Кошин Альбанчелли. “Вот лозунг, — писал последний в 1909 г., — выражающий суть всей пропаганды коллективизма: все для государства. Все для государства! Народ решает, что это значит: все для всех! И, опьяненный надеждой, он приходит в движение, стремясь достигнуть этой иллюзорной цели и не понимая, что государство уже находится в руках евреев. “Все для государства! ” превращается во “Все для евреев!”... Грядущая диктатура евреев будет финансовой, промышленной и торговой диктатурой”¹.

Найдется ли лучшее определение для нынешнего российского правительства? План изъятия всех капиталов из рук частных собственников и передачи их то ли в руки государства, как хотят коммунисты, то ли в руки промышленных синдикатов, как того жаждут синдикалисты, может служить прологом как к государственному капитализму, так и к созданию гигантских трестов, управляемых международными финансистами. В этом случае так называемая война с капитализмом обернется войной в интересах капитализма, в целях уничтожения всех мелких собственников и, соответственно, обогащения узкого круга мультимиллионеров. Эта мысль по-особому звучит в отрывке из статьи Г. Уэллса о России: “Большой бизнес ни в коей мере не антипатичен коммунизму. Чем больших масштабов он достигает, тем больше он приближается к коллективизму. Это — путь, которым к нему идут немногие, в отличие от другого пути, которым к коллективизму движутся массы”².

Тогда, с другой стороны, не может ли коммунизм быть дорогой, которой массы последуют за теми, кто ведет их к “большому бизнесу”, т. е. к суперкапитализму? Тот, кто однажды вступил на этот путь, уже не сойдст с него никогда. Существующая капиталистическая система, т. е. система, нацеленная на распределение капитала среди как можно большего количества людей, была слепо разрушена рабочими, которые не понимают, что ей на смену идет концентрация капитала в руках государства, где они будут вынуждены или работать, или голодать. Они будут полностью зависеть от прихотей своих новых хозяев.

Можно возразить: “Но ведь рабочие никогда этого не потерпят; они восстанут против тиранов и свергнут их! Разве такое правительство сможет удержаться у власти?”.

¹ *La Conjuración juive contre le monde chrétien*, pp. 448, 450.

² *Sunday Express* for November 28, 1920.

Однако именно в этот момент и стоит вспомнить о немецкой армии. Вполне понятно, что никакая группа международных финансистов не сможет в одиночку противостоять разгневанному промышленному пролетариату; но если представить, что речь идет о финансовой власти, подкрепленной мощной военной машиной, т. е. о союзе между прусским милитаризмом и представителями международного капитала, данный план перестанет казаться неосуществимым.

Именно этот союз в настоящее время угрожает цивилизации — а он, как мы уже знаем, прошел испытание временем. Нынешний всплеск антисемитизма в Германии — это не более чем стратегический маневр, призванный обелить Германию в глазах мировой общественности и взвалить на евреев бремя вины за войну и революцию. Германия не отречется от своих евреев до тех пор, пока будет нуждаться в их помощи для достижения столь желанного мирового господства. В свою очередь, международное еврейство не откажется от Германии дотоле, доколе можно будет рассчитывать на ее военную силу.

Но, каким бы масштабным ни был этот союз, обеспечивает ли он всю мощь большевизма? Организационно — да, а что касается движущих сил — разумеется, нет. Анализируя ход всемирной революции, нужно учитывать еще один, весьма значимый фактор — силы анархии. Не все большевики являются евреями или немцами; не всех их провоцируют евреи или немцы. *Не следует переоценивать роль системного деструкционизма.* Необходимо понять, что существуют мужчины и женщины, готовые участвовать в любом подрывном движении без особых на то причин — лишь из врожденной любви к насилию. Так было на протяжении всей истории революционных движений. Так что если по линии государственного социализма влияние немцев и евреев вполне очевидно, то по линии анархизма оно явно отсутствует — если не принимать во внимание исходный толчок, данный Вейсгауптом и проповедями Моста и Гартмана, его едва ли можно было обнаружить вообще. Бакунин известен как автор антисемитского сочинения, Сорель был страстным антидрейфусаром; анархист Лев Черный в начале нынешней русской революции предупредил народ об опасности, которую несут еврейские лидеры большевизма. Если современный коммунизм, т. е. марксистский социализм, является немецко-еврейским продуктом, то синдикализм и анархизм обязаны своим появлением романским и славянским народам. Именно этим в значительной степени объясняется пугающая ярость большевизма; в сочетании со свойственной русскому народу склонностью к насилию, эта стихия может привести к кровавой вакханалии террора.

Большевизм использует синдикализм, как и анархизм, в целях установления своей власти; он поощряет всеобщую забастовку, которая никоим образом не согласуется с его программой; однако при этом дух синдикализма живет своей собственной жизнью и не менее страшен, чем большевизм. Если в нашей стране произойдет революция, это будет синдикалистская революция, т. е. всеобщая забастовка с ее диверсиями и насилиями, с неизбежными беспорядками и разрухой. Однако не синдикализм получит лавры победителя. Уроки истории учат, что анархия, эфемерная по своей сути, всегда уступает дорогу организации. И если эта организация не обеспечена силами закона и порядка, то это будет железная диктатура немецкой военщины и международных финансистов, которые воцарятся в разрушенной стране с беспомощным народом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большевизм в Англии — Наши иллюминаты — Опасность, грозящая цивилизации — Методы защиты

В данной книге я попыталась выявить в событиях последних 140 лет приметы самого масштабного заговора из всех, имевших место в мировой истории. В заключение, думаю, следует коротко остановиться на том, как именно он прокладывает себе дорогу в нашей стране в настоящее время и что можно ему противопоставить.

Удивительно, как в свете наших знаний об иллюминизме многие из происходящих ныне событий, прежде казавшиеся необъяснимыми, становятся ясными, как божий день; дело не только в том, что программа английских революционеров полностью соответствует шести пунктам Вейсгаупта, но и в том, что практически все используемые ими методы восходят к уставу иллюминатов.

Прежде всего уместно напомнить, что Вейсгаупт особо акцентировал внимание на том, чтобы иллюминаты не слыли таковыми, а после их подавления в Баварии заговорщики сделали все возможное, чтобы убедить мир в том, что их орден прекратил свое существование. Как сказано в инструкции иллюминатам-регентам, “великая сила нашего ордена заключается в умении его членов таиться; пусть он не действует нигде и никогда под своим собственным именем, а всегда прикрывается другим названием и другим ремеслом”¹.

Иллюминаты всегда точно следовали этому завету; масонство, карбонаризм, социализм, Интернационал — все они в свое время служили прикрытием для заговорщиков, которые прибегают к такой маскировке вплоть до сегодняшнего дня. Прилагаются все усилия, чтобы убедить общественность, что никакого заговора не было и нет: ведь как только его существование станет общепризнанным, с ним будет покончено. Залогом его успеха является секретность. Это, по крайней мере, известно.

Орден иллюминатов существует в Англии; его устав — тот же, что и у главной ложи в Германии, реорганизованной в 1880 г. Одновре-

¹ *Robison's Proofs of a Conspiracy*, p. 195.

менно действует так называемое сомасонство, имеющее свою штаб-квартиру в Париже и берущее свое начало от “Великого Востока”. Втираясь в доверие к женщинам, долженствующим пополнить его ряды, члены организации постоянно твердят, что их орден одобрен Великой Ложей Англии. Это абсолютно не соответствует истине. Британское масонство отвергает “Великий Восток” и *не признает масонские союзы, которые допускают в свои ряды женщин.*

Но, согласно плану Вейсгаупта, заговорщики должны действовать, таясь “под другими названиями и другими ремслами”. В инструкциях регентам объясняется, под какими личинами они могут скрываться. Наряду с масонством, “нашим целям идеально служат просветительские или литературные кружки, и при отсутствии масонства нужно прибегнуть к этой форме маскировки; они могут стать не только официальным прикрытием, но и мощным двигателем в наших руках. Учреждая читательские общества и библиотеки, беря их под свой контроль, снабжая их нужной литературой, мы можем манипулировать общественным мнением, как нам заблагорассудится”. О том, каким образом следует привлекать внимание публики к нужной, с точки зрения иллюминатов, литературе, говорится в отрывке, приведенном выше в сопоставлении с “Протоколами”.

“Мы должны позаботиться о том, чтобы наших писателей постоянно хвалили и чтобы рецензенты не умаляли их трудов; поэтому мы должны любыми средствами добиться расположения рецензентов и журналистов; мы также должны переманить на свою сторону книготорговцев, которые со временем поймут, что им выгодно примкнуть к нам.

Если писатель публикует что-либо, привлекающее всеобщее внимание и справедливое по сути, но не согласующееся с нашими планами, мы должны попытаться сделать его своим или всячески его осудить”.

Именно это и происходит сегодня. Нынешние иллюминаты преуспели не только в создании столь откровенно подрывных “литературных кружков”, как “Фабианское общество” и другие подобные ему организации, но и в установлении контроля над публичными библиотеками и книжными магазинами, передавая их под начало людей, открыто занимающихся пропагандой революционных идей. Параллельно даже те журналисты, которые находятся на службе у так называемой “капиталистической прессы”, посвящают обширные и обстоятельные заметки каждой книге, способной внести свой вклад в общее дело — от объемных трактатов интеллектуалов-социалистов до самого низкопробного чтива. Ни одна книга, подрывающая основы порядка и морали, не проходит незамеченной прессой.

Разумеется, данная деятельность по большей части оплачена золотом — и не обязательно в форме взяток: можно попросту превратить агитацию в нечто вроде “доходного места” или предложить наиболее прибыльные должности участникам или агентам заговора. Однако, помимо предоставления прямых материальных выгод, используются и более изощренные методы. Два из них, вполне доказавшие свою эффективность, были изложены Вейсгауптом следующим образом:

1. *Использование обид.* Людьми, подлежащими вербовке, “прежде всего являются те, кто оказался в беде, и не по чистой случайности, а в силу чьей-то несправедливости, т. е. те, на которых можно рассчитывать навсерьез; это люди, которых мы должны призывать в лоно иллюминизма, как в убежище”¹.
2. Однако наиболее действенным среди всех прочих посулов было *обещание власти.* “Ученики убеждены, что орден будет управлять миром. Каждый его член, таким образом, становится правителем”. Робисон, цитируя этот фрагмент, добавляет: “Все мы считаем себя призванными к управлению. Непросто повиноваться другим, сохраняя достоинство; но нас переполняет ликование, когда мы грезим о будущем величии. Так что эта мысль весьма заманлива как для хороших, так и для плохих людей. Орден будет завоевывать мир, используя эту приманку”².

Как точно сбылось пророчество Робисона! Ничто не может лучше описать менталитет приверженцев того, что принято называть “большевизмом”, чем эти два абзаца. Почти все организаторы нынешних беспорядков являются либо людьми, пострадавшими от подлинной или мнимой несправедливости, либо теми, кого переполняет страстное желание властвовать над своими сотоварищами. Они убеждены, что, едва лишь бразды правления окажутся в их руках, весь социальный строй чудесным образом изменится; они также убеждены, что это время не за горами, поскольку всех их уверили, что “в один прекрасный день орден будет править всем миром”. Именно это придает им силы и уверенность — ведь и молодого оксфордского интеллектуала, и профсоюзного лидера заставили поверить в то, что при новом режиме он займет важный пост. Ни один, ни другой, конечно, не посвящены в подлинные цели заговора; по-видимому, оба даже не подозревают, что подобный заговор вообще существует, поскольку, согласно пирамидальной схеме Вейсгаупта, каждый знаком только со своим непосредственным

¹ Barruel, iii. 35.

² Robison's Proofs, p. 213.

руководителем и ничего не знает о заговорщиках более высокого уровня, являющихся истинными руководителями движения.

Другим чувством, толкающим многих людей в лагерь революции, несомненно, является *страх*. Они думают, что, если в нашей стране произойдет революция, она не причинит им никакого вреда, если они заблаговременно свяжут свою судьбу с подрывными силами. Иллюминат Мирабо имел в виду именно эту политику, говоря своим сторонникам: “Вам нечего бояться аристократов; эти люди не грабят, не поджигают, не убивают — какой вред они могут вам принести?”. Пытаясь умиловить злобное божество, трусливые люди становятся апологетами большевизма, воображая, что это послужит им во благо, когда наступит день “всемирного пожарища”. Действия революционеров рассчитаны именно на этот эффект, поскольку методы нынешних заговорщиков сегодня те же, что и 140 лет тому назад — “клевета, коррупция и *террор*”.

Но даже беглое знакомство с историей всемирной революции способно развеять иллюзии тех, кто надеется спасти свою голову, заключив сделку с совестью: она свидетельствует о том, что в период революции *никто не может чувствовать себя в безопасности* — даже те, кто прежде был известен своей приверженностью подрывным идеям; напротив, больше всего всегда доставалось сторонникам революции. Демагоги, пришедшие к власти, нуждаются в смелых и деспотичных людях, которых нет среди трусливых приспособленцев — их надо искать среди оппозиционеров. Французская революция использовала маркиза де Сада, но уничтожила жирондистов; в России эсеры и меньшевики стали жертвой массовых репрессий, тогда как бывшие царские чиновники и агенты охраны получили посты в советском правительстве.

Следовательно, трусостью можно ничего не добиться, но зато многое потерять. Человек, умирающий за свои убеждения, может подняться на эшафот с легким сердцем; но сколь горькие сожаления должны грызть тех, кто продал свою душу, ничего при этом не выиграв?

Такая форма “терроризма”, т. е. запугивания людей в целях их привлечения на свою сторону, является исконно немецкой. “Бряцание оружием”, несомненно, доказало свою эффективность в качестве метода подавления оппозиционных настроений в нейтральных государствах в ходе недавней войны. И эта немецкая психология проявляется ныне повсюду в так называемом трудовом движении. Заслуживает внимания организация иллюминированного масонства в период промышленных кризисов. “Все современные революции, — написал Экерт в 1857 г., — доказывают, что орден делится на две группы: одна — мирная, другая

— воинственная”, или, как описывает их монсеньор Диллон, “группа руководства” и “группа действия”. В период волнений на арену выходит партия войны, тогда как партия мира отступает на второй план. “Мирные” люди изо всех сил защищают своих воинственных собратьев, представляя их горячими патриотами, втянутыми ходом текущих событий в деятельность, выходящую за пределы порядка и осмотрительности .

Это повторяется всякий раз, когда в стране назревает революционная забастовка, и так называемые умеренные руководители рабочего движения, на словах отмежевываясь от участия в процессе подготовки революции, фактически оказывают ей полную поддержку, утверждая, что экстремисты — это просто “горячие головы”, совершенно неуправляемые, но борющиеся за правое дело. Общественность, неизменно клюющая на этот обман, бросается на грудь к “умеренным”, умоляя их спасти ситуацию и образумить “горячие головы” — а между тем именно умеренность первых существенно способствует делу революции, примиряя с ней тех, кого, бесспорно, оттолкнули бы действия экстремистов.

Именно так тред-юнионизм, первоначально отстаивавший интересы рабочих мирным путем, оказался в руках заговорщиков, а производственные конфликты, эти неизменные спутники сменяющих друг друга кризисов, превратились в предлог для развязывания всемирной революции.

Но осуществление революции путем всеобщей забастовки — это отнюдь не единственная опасность, грозящая нашему обществу; государственный социализм, который может стать результатом победы его адептов на выборах, разрушит общество более медленно, но и куда более верно. Ведь, полностью уничтожив частную инициативу, он неизбежно подорвет торговлю, вызовет обширную безработицу и, в конечном итоге, обнищание и голод, тогда как пронемецкие симпатии его лидеров приведут к разрыву нашего союза с Францией, на котором зиждется безопасность обеих стран. В то же время будут подорваны армия и флот, отброшены национальные традиции. Учителя-социалисты будут внушать подрастающему поколению идеи антипатриотизма и материализма, и Германия сможет без лишних усилий завладеть Британской империей.

Способ, при помощи которого женщин нашей страны втягивают в заговор, также относится к арсеналу иллюминированного масонства. Так же, как и в годы первой Французской революции, соучастницами заговора в первую очередь становятся защитницы “женских прав”; так что нынешние заговорщики преуспели в вовлечении значительного числа “феминисток” в движение, направленное на всеобщую деморали-

зацию. Миссионерши, недавно посетившие Англию с целью пропаганды “права на свободное материнство” (чему пресса, разумеется, уделила самое пристальное внимание), не были энтузиастками-одиночками, придумавшими эту теорию, а являлись глашатаями идей, давно известных в среде иллюминированных масонов и составлявших часть их плана разрушения семьи как социального института¹.

Не может не изумлять, что вполне здравомыслящие женщины позволяют втянуть себя в заговор, первыми жертвами которого станут они сами. Уничтожение и даже упадок цивилизации, без сомнения, гораздо больше скажется на женщинах, чем на мужчинах, тогда как суфражистки потеряют все свои завоевания с отменой парламентской системы, давшей им право голоса, которого они так долго добивались; однако сегодняшние иллюминаты, “льстя тщеславию” женщин и предоставляя им “видимость эмансипации”, как и учил их Вейсгаупт, весьма преуспели в том, чтобы заставить многих из них рыть себе могилу. Современные англичанки и американки должны хорошо запомнить слова, написанные 123 года тому назад :

“Во всем учении иллюминатов ничто не внушает мне такой ужас, как предложение Геркулеса и Миноса вовлечь женщин в эту отвратительную войну со всем хорошим, чистым, прекрасным и добропорядочным. Они безошибочно избрали самое эффективное и губительное средство. Если кто-либо из моих соотечественниц почтил своим вниманием эти страницы, я самым решительным образом призываю их отнестись к этому как к делу первостепенной важности. Я заклинаю их, ради их собственного достоинства и положения в обществе, объединиться против врагов человечества, стремящихся уничтожить половые различия; и я уверяю их, что при нынешнем порядке вещей они имеют все шансы стать спасительницами цивилизации. Но если они поддадутся и уступят соблазну, они будут низвергнуты с того пьедестала, на который они вознесены в христианской Европе, и вновь окажутся в том подчиненном и рабском состоянии, в котором были всегда и повсюду, где не слышали слова Христа .

Поскольку, как справедливо отмечает Робисон:

¹ *Копин Альбанчелли*, в 1910 г. описал кампанию, проводимую “Оккультной силой” по деморализации французских женщин и детей: “Все способы разложения... предлагаются матерям семейств — семейств, которые ими, если говорить прямо, должны быть разрушены... поощряется проституция... в храмах (Великого Востока) проводятся беседы о свободном материнстве (la libre maternite)” (Le Pouvoir occulte contre la France, pp. 417, 418).

“Женщина обязана своим высоким положением в обществе исключительно христианству... Именно оно возвысило женщину на ее трон... .

Если не только христианство, но и религия в целом будут уничтожены, то положение женщин, действительно, не будет отличаться от того, которое Робисон назвал “магометанским раем” .

Но менее пугающим симптомом нынешней социальной болезни является систематическая деморализация детей, осуществляемая заговорщиками. Намерение Вейсгаупта установить контроль над школами реализовалось путем создания социалистических воскресных школ, которые посещают, по некоторым оценкам, не менее 10 тыс. детей Объединенного Королевства; здесь детям усердно прививают заразу классовой ненависти, жадности и материализма.

Одновременно, следуя заветам Вейсгаупта, наши иллюминаты завоевывают симпатии “тех, кто склонен к религии”, поручив ряду своих сторонников распространять идеи христианского социализма. Так, Лансбери, возвратившийся из страны, где правительство провозглашает, что “религия — это опиум народа”, где оскверняются церкви, а христиан преследуют за их веру, возносит одновременно Христа и Ленина. Немецкий социалист Бебель был куда более честен — он прямо заявлял: “Христианство и социализм совместимы так же, как огонь и вода”. Но и на фоне таких заявлений находится представитель англиканской церкви, который утверждает, что “если бы Христос пришел на землю сегодня, он был бы большевиком”. Не слышим ли мы опять торжествующий голос Вейсгаупта, который твердит: “Наиболее замечательным является то, что протестантские и прочие теологи (лютеране и кальвинисты), принадлежащие к нашему ордену, действительно верят, что обрели в иллюминизме истинное и подлинное христианство. О, человек, поистине нет ничего, чему бы ты не смог поверить!”.

Однако, данное заблуждение бытует не только среди протестантского духовенства; католики также не замечают подлинных сил, стоящих за волнениями в Ирландии. Неужели они забыли предостережения их красноречивого соотечественника — аббата Барруэля?

Неужели они забыли пророчество кардинала Маннинга, столь страшно сбывающееся ныне: “В тот день, когда все армии Европы будут вовлечены в чудовищную войну, революция, дотопе таившаяся в подполье, предстанет перед всеми в свете дня.”?

Кардинал Маннинг неоднократно предупреждал своих современников об опасности, исходящей от тайных обществ; монсиньор Диллон открыто говорил о чудовищной секте, преследующей указанную цель, как и о стоящих за ней тайных силах:

“Чтобы обезопасить себя, мы должны знать, где скрывается зло., все тайные общества, проповедующие вредные и антирелигиозные идеи — это не что иное, как *смертоносное иллюминизированное масонство*. Каким бы именем не прикрывались члены секты, они остаются частью революционной затеи, придуманной и сброшенной на землю Сатаной, которая нацелена на гибель людских душ и уничтожение власти Иисуса Христа. “Ее конечная цель — воссоздать некогда обширное царство Антихриста, чьи щупальца уже охватили всю землю”. Только осознав эту истину, можно понять подлинный смысл всемирной революции. Ни жажда золота или власти, ни политические или социальные идеи, как бы разрушительны они ни были, сами по себе не способны привести к тем невыразимым ужасам, моральной деградации и чудовищным зверствам, которыми отмечен ход этой революции. Описание злодеяний большевиков как “кровавого бабуинства” оскорбительно для обезьян. Животные могут ранить или убить, но они не пытаются, не наслаждаются страданиями своих жертв; правда, на это способны дикари — но даже они терзают только тело, не стремясь уничтожить душу. Зло, которое выражается в осквернении святынь, в систематическом уничтожении всего благородного и достойного в мыслях и поступках людей и, наконец, в растлении детских душ, нельзя объяснить никакими законами природы или человеческими страстями.

Не будем забывать, что культ Сатаны, процветавший в Баварии в период зарождения иллюминизма и, по-видимому, с ним связанный, известен ныне и в нашей стране. Силы, используемые современными иллюминатами — это темные силы в диапазоне от гипноза до черной магии, которые со времен Калиостро неизменно находятся в арсенале секты. Таким образом, утверждение, что нынешний мировой кризис — это конфликт между силами добра и зла, является не метафорой, а констатацией истины. Христианство напоминает цитадель, осаждаемую темными силами, которые готовятся к решительному штурму. Существует один-единственный способ, с помощью которого можно противостоять их натиску. Слова Жозефа де Местра, который, подобно Барруэлю, считал Французскую революцию лишь первым этапом масштабной кампании, должны стать ныне боевым кличем Бслой армии:

“Французская революция является сатанинской по своим принципам и может быть полностью уничтожена, истреблена и искоренена лишь с помощью противоположных принципов”. Христианские принципы — вот та сила, которую следует противопоставить сатанинской силе всемирной революции. Именно потому, что Англия при всех ее недостатках, вопреки недавней измене национальным традициям (как иначе оценить соглашение наших политиков с большевиками?),

вопреки попыткам подорвать силы ее народа чужеземной заразой, все еще остается оплотом христианской цивилизации. Заговорщики сделали ее основной своей целью. Если Англия рухнет, вместе с ней рухнет весь мир. Маркс знал это, когда говорил: “Любая революция, которая не коснется Англии — это буря в стакане воды”. И тот же Маркс в отчаянии воскликнул: “Англия — скала, о которую разбиваются революционные войны!” Уцелеет ли эта скала? Уцелеет, если мы будем придерживаться тех же принципов, которые спасли нас в прошлом. Известно, что граф Прованский, находясь в Англии в период Французской революции, сказал одному джентльмену из своего окружения: “Если эта страна избежит всеобщей трагической участи, то лишь благодаря ее приверженности религии”. После революции 1848 г. один француз в беседе с лордом Шефтсбери заметил: “Вас спасла религиозность нашего народа”. В наши дни Ленин заявляет, что величайшим препятствием на пути большевизма в Англии является то, что мировоззрение английских рабочих основывается на Библии.

Если наши сограждане постигнут дьявольскую сущность направленного против них заговора, силы ада не смогут нас одолеть. Наш главный враг — невежество и безразличие. Каждую вспышку всемирной революции, имевшую место в истории, в немалой степени определяла апатия народа. Пусть слова Барруэля, прозвучавшие 125 лет назад перед лицом такой же опасности, служат нам предостережением:

“Хватит тешить себя пустыми надеждами. Опасность вполне реальна, она рядом с вами, она страшна, она угрожает всем вам без исключения. Однако не впадайте в отчаяние, которое есть не что иное, как трусость и упадок духа; ведь, сознавая эту опасность, я, тем не менее, говорю вам: “Пожелайте спастись и вы спасетесь... *Никому не одолеть народ, который решил себя защитить*. Если вы, подобно вашим врагам, наберетесь решимости, вам нечего будет бояться .

В настоящее время иллюминизм собирает все свои силы для решительного удара по нашей стране. Но народ сплочен, как никогда, и готов защищаться. Случится ли так, что наш небольшой остров остановит тяжелую поступь всемирной революции и спасет не только себя, но и христианскую цивилизацию?

РЕВАНШ ИСТОРИИ: ЛОЖНЫЕ ЦЕННОСТИ ВЕЛИКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Книжная серия издательства "Серж" открывает читателю возможность по-новому взглянуть на историю развития цивилизации, дает редкий шанс понять как и в каких условиях возникали революции, какие "ценности" приобрело человечество, почему порой события в мире разворачиваются столь диким нецивилизованным образом, за которыми человеческие трагедии, задуматься над вопросом, в чем историческая справедливость.

*Серию открывает книга
Несты Х. Вебстер "Всемирная революция.
Заговор против цивилизации .*

Готовятся к печати в 2001 году:

- 1. А. Ральф Эпперсон. Невидимая рука. Взгляд на историю как на заговор.*
- 2. А. Ральф Эпперсон. Новый мировой порядок.*
- 3. А. Спиридович. Записки жандарма.*
- 4. Луи Броуэр. Фармацевтическая и продовольственная мафия.*

*По вопросам приобретения книг издательства "Серж"
обращайтесь по телефону: 552-65-73, факс: 554-71-15.
Адрес: 02094 Киев-94, просп.Ю. Гагарина, 27.*

Научно-популярное издание

ВЕБСТЕР Неста Х.

**ВСЕМИРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
ЗАГОВОР ПРОТИВ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Редактор *Алла Косюк*

Компьютерная верстка *Виктория Чьочь*

Подписано в печать 6.02.01 г. Формат 60x84/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,9. Уч.-изд. л. 19,5. Зак. № 16.

Фирма "Серж". 02094 Киев-94, просп. Ю. Гагарина, 27